Грибоедов
А. С.
и его сочинения
1858 г.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ

И

ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Рис. Борель. Печ. Мюнстеръ

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ГРИБОѢДОВЪ.

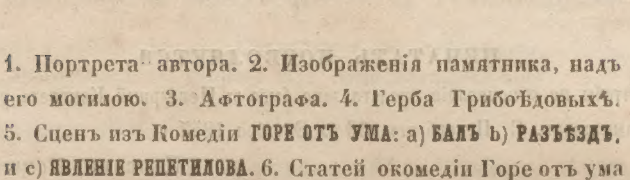
род. 4го Января 1793 г *убитъ 30го Января 1829 г.*

А. С. ГРИБОѢДОВЪ

и

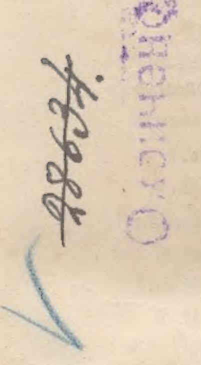
ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

1. Портрета автора. 2. Изображенія памятника, надъ его могилою. 3. Афтографа. 4. Герба Грибоѣдовыхъ. 5. Сценъ изъ Комедіи **ГОРЕ ОТЪ УМА**: a) **БАЛЪ** b) **РАЗЪѢЗДЪ**, и c) **ЯВЛЕНІЕ РЕПЕТИЛОВА**. 6. Статей окомедіи Горе отъ ума изъ журналовъ (1825 — 1857).

ИЗДАНІЕ

Евграфа Серѣевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 30-го Октября 1857 г.

Цензоръ *Мацкевичъ.*

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

СОЧИНЕНІЯ ВЪ ПРОЗѢ:

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ИЗДАТЕЛЯ ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

—

Нельзя не ощутить сожалѣнія и даже досады, что мы имѣемъ столь скудныя и ограниченныя данныя о такой замѣчательной личности нашей литературы, какъ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ! Здѣсь кстати сказать, что біографическія свѣдѣнія о писателяхъ Россіи вообще весьма бѣдны и неразработаны. Давно ли появились въ свѣтъ собранные матеріалы, для біографіи двухъ знаменитѣйшихъ писателей нашего вѣка—Пушкина и Гоголя; а сколько такихъ писателей, которые снискали себѣ громкую извѣстность и занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи нашей литературы, а о нихъ почти нѣтъ свѣдѣній, а если и есть, то весьма ограниченныя. Какъ мало знаемъ мы на пр. объ Д. Н. Давыдовѣ, Батюшковѣ, Веневитиновѣ, Лермонтовѣ, Козловѣ, Катенинѣ, Мерзляковѣ, Губерѣ и мн. мн. др., о которыхъ и нынѣ нѣтъ подробныхъ извѣстій, ни о ихъ служебномъ поприщѣ, ни о ихъ частной жизни и страницы объ этихъ представителяхъ мысли, объ этихъ органахъ чувствованій, объ этихъ художникахъ русскаго слова, остаются грустными пробѣлами въ

МАТЕРІАЛЫ

КЪ БІОГРАФІИ А. С. ГРИБОѢДОВА.

Родъ Грибоѣдовыхъ принадлежитъ къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій.

Изъ грамотъ, недавно найденныхъ въ старинномъ, родовомъ имѣніи Грибоѣдовыхъ, Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, въ селѣ Хмѣлитѣ (*) видно, что царь Михаилъ Ѳеодоровичь наградилъ Михаила Ефимовича Грибоѣдова, какъ сказано въ грамотѣ: (**) *«за ево многія службы»* Царю Василію Іоанновичу, совершенные, *«во нужное и во прискорбное время»*; а изъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ, что Цари Алексѣй Михаиловичь и Ѳеодоръ Алексѣевичь, отличали Ѳедора Ивановича Грибоѣдова, сына Яна-Гржибовскаго, вызванныхъ изъ Польши, какъ свѣдущихъ законниковъ, для составленія Уложенія, (***) которое напоминаетъ даже во многихъ мѣстахъ статутъ Литовскій, сочиненный Канцлеромъ Львомъ Сапегою въ XVI в.

(*) Нынѣ доставшемся наслѣдникамъ супруги фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго.

(**) Журналъ «Москвитянинъ» 1856 г. № 11, Октябрь книг. 2, письмо М. И. Семеневскаго о фамиліи Грибоѣдовыхъ.

(***) См. Родословную книгу (ч. 11 стр. 306) князей и дворянъ россійскихъ, составленную по Бархатной книгѣ, (хранящейся въ Департаментѣ Герольдіи Правительствующаго Сената) по самовѣрнѣйшимъ спискамъ въ 1787 г, Н. И. Новиковымъ.

Этотъ Өедоръ Ивановичъ уже сталъ писаться Грибоѣдовымъ, что доказывается подписью его въ числѣ пяти составителей Уложенія и самаго предисловія къ нему. Надо полагать, что этотъ Янъ Гржибовскій и Михаилъ Ефимовъ Грибоѣдовъ отъ одного родоначальника Гржибовскаго въ Польшѣ, но вызваны и стали служить въ Россіи, въ разное время, первый, какъ мы уже сказали выше, а послѣдній еще въ царствованіе В. К. Василія Іоанновича. Гербъ и подпись на немъ (см. прил. къ этой стран.) объясняютъ происхожденіе и древность рода Грибоѣдовыхъ—одинаковость же его, какъ въ той, такъ и въ другой отрасли, также заставляетъ думать о происхожденіи ихъ отъ одного корня.

Правнукъ Михаила Ефимовича, Тимофей Ивановичъ, служилъ Государю Петру I, что видно изъ двухъ инструкцій, на имя его пожалованныхъ: первой — на воеводство въ Дорогобужѣ въ 1704 году, Марта 12 дня. Изъ нея видно: «что Государь, заботясь о защитѣ города, какъ отъ внутреннихъ, такъ и отъ внѣшнихъ безпорядковъ, ведя всему списки, Тимофей Ивановичъ долженъ былъ представлять отчеты Петру Самойловичу Салтыкову, Смоленскому губернатору; «дабы про то, про все— Великому Государю было вѣдомо» черезъ губернатора.

2-го Марта, 1713. г., какъ свидѣтельствуетъ вторая инструкція, Тимофей Ивановичъ, названный на этотъ разъ маіоромъ, пожалованъ по Указу Петра I, и по приказу Смоленскаго губернатора, Петра Самойловича Салтыкова въ Вязьму Комендантомъ.

Неизвѣстно, долго-ли онъ служилъ въ Вязьмѣ и служилъ ли гдѣ нибудь еще, но въ 1718 году, онъ былъ уже въ отставкѣ и въ этомъ же году; съ нимъ произошло событіе, имѣвшее вліяніе на самую его жизнь. Тогда же Тимофей Ивановичъ обязался поставить Адмиралтействъ—Коллегіи 15,000 пудовъ пеньки; деньги за все, какъ сказано въ Указѣ, онъ получилъ «напредъ сполна». Въ 1719 году, 5,000 пудовъ были имъ достав-

лены, остальные же 10,000 пудовъ были «забракованы» — въ Адмиралтействъ Коллегіи.

Государь Петръ I, Указомъ отъ 8-го Августа 1719 года, далъ ему отсрочку по 1-е Марта 1721 г.; но отсрочкой Грибоѣдовъ не съумѣлъ, или не успѣлъ воспользоваться; тогда разгнѣванный Монархъ, Указомъ отъ 24-го Апрѣля 1721 г., (за № 583) Смоленскому вице-губернатору Алексѣю Ивановичу Панину повелѣлъ, «сыскать» Тимофѣя Грибоѣдова, и «отдать ундеръ-офицеру немедленно, а ему (ундеръ-офицеру), какъ сказано въ Указѣ, «привесь съ собою самому (Грибоѣдова) к Петербурху, и объявить (представить) в Адмиралтейской Коллегіи немедлено; а деревни ево Тимофѣя, і пожитки описать на Великаго Государя, а людямъ ево і крестьянамъ слушать не велеть, а по тому Указу и проч.

«У подлиннаго тако: Полковникъ Норовъ, Адмиралъ Графъ Апраксинъ; Оберъ–Секретарь Тормасовъ; скрѣпилъ Иванъ Бунаковъ».

Въ Смоленскѣ помѣчено: «Записавъ в книгу посему Великаго Государя Указу, и для того посла ундеръ-офицера «съ двумя драгуны, о которыхъ посла и комендапту ордеръ. «Маия 19-го дня, 1721 г.»

Еще ниже, почеркомъ екатерининскихъ временъ, по всей вѣроятности, внукомъ Тимофея Ивановича, Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, сдѣлано слѣдующее замѣчаніе; «От того Указа Великого Государя съ печали (Тимофей) въ Смоленску померъ».

«Всѣ эти обстоятельства, какъ можно видѣть, не безинтересны, какъ въ отношеніи рода Грибоѣдовыхъ, такъ и по отношенію къ самому Петру I. Въ первомъ случаѣ, они какъ нельзя лучше характеризуютъ Боярина Тимофѣя, невынесшаго «безщадной опалы» своего Государя; въ послѣднемъ отношеніи, они даютъ понятіе о томъ, какъ неумолимо строгъ былъ Петръ, и какъ свято выполнялъ онъ законъ, не ослабляя его ни передъ кѣмъ, ни для кого.

Алексѣй Тимофеевичь, сынъ Тимофея Ивановича, былъ прапорщикъ Л. Гв. Преображенскаго полка въ отставкѣ; преданіе говоритъ, что онъ роскошно проживалъ въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ Селѣ своемъ Хмѣлитѣ, гдѣ и скончался въ 1747 году. Сынъ его, Өедоръ, былъ бригадиромъ; внукъ Алексѣй Өедоровичь — надворнымъ совѣтникомъ, и какъ тотъ, такъ и другой получали чины не служа, но приписывая за себя служить бѣдныхъ людей, кои получали за нихъ жалованье. Өедоръ скончался въ 1780 годахъ и прахъ его покоится въ Хмѣлитской церкви, имъ самимъ построенной; Алексѣй же Өедоровичь умеръ въ 1830 году, не оставя по себѣ дѣтей мужескаго пола; отъ первой жены своей, рожд: Княжны Александры Сергѣевны Одоевской, онъ имѣлъ дочь, Елизавету Алексѣевну, бывшую за княземъ Варшавскимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, а отъ второй, Настасьи Семеновны Нарышкиной, Софью Александровну, въ супружествѣ съ Сергѣемъ Александровичемъ Римскимъ-Корсаковымъ.

Алексѣй Өедоровичь имѣлъ четырыхъ сестеръ: Анну Өедоровну за графомъ Разумовскимъ, Александру Өедоровну за Тиньковымъ; Елизавету Өедоровну за Акинфьевымъ; и наконецъ Настасью Өедоровну за Сергѣй Ивановичемъ Грибоѣдовымъ, бракосочетаніе которыхъ совершилось въ Москвѣ въ 1793 году.

Сергѣй Ивановичь, родитель Александра Сергѣевича, былъ сынъ Ивана Өедоровича и, можетъ быть внукъ разряднаго Дьяка Өедора Ивановича или Яновича, сына Яна, вызваннаго вмѣстѣ съ отцомъ, какъ мы уже говорили выше, для составленія Уложенія. Но неизвѣстно кто онъ былъ, т. е. гдѣ служилъ, въ какомъ чинѣ, гдѣ получилъ образованіе и въ какой именно годъ скончался, знаемъ только то, что онъ не дожилъ до критической кончины единственнаго сына своего. Что же касается до Настасьи Өедоровны то она скончалась въ 1834 г., неутѣшно оплакивая до самой смерти своей нѣжно-любимаго сына.

Послѣ смерти Сергѣя Ивановича, кромѣ автора *«Горе отъ ума»*, осталась дочь Марья Сергѣевна, въ замужествѣ съ Г. Дурново.

Александръ Сергѣевичь Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ 4-го Января 1794 года. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Москвѣ же, въ домѣ родительскомъ и порученъ былъ извѣстному энциклопедисту и ученому Петрозиліусу. Необыкновенныя способности, стремленіе и любовь къ наукамъ и любознательность молодаго Грибоѣдова много содѣйствовали урокамъ лучшихъ наставниковъ Московскаго Университета, куда поступилъ онъ, въ 1810 году, вольнослушающимъ студентомъ и слѣдилъ за публичными лекціями профессоровъ Гейма, Сохацкаго, Рейнхардта, Шлецера и Снегирева.

Это время всегда было любимымъ воспоминаніемъ Грибоѣдова, въ особенности любилъ онъ говорить о своемъ незабвенномъ профессорѣ И. Н. Булэ (*), который былъ его руководителемъ, по всѣмъ отраслямъ занятій, и исключительно занимался съ нимъ на дому философскими и политическими науками.

Искусство также небыло ему чуждо. Музыка входила тогда въ непремѣнную принадлежность полнаго образованія. Онъ страстно полюбилъ ее и, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, упражняясь на фортепіано, сдѣлался нетолько превосходнымъ практикомъ, но и строгимъ знатокомъ и теоретикомъ. Вотъ что говоритъ К. А. Полевой—въ воспоминаніяхъ своихъ—объ А. С. Грибоѣдовѣ, разсуждавшемъ однажды о Моцартѣ: «они такъ поютъ, что я ни-

---

(*) Булэ (Johann Gottlieb Bule) извѣстенъ сочиненіями своими о философіи, былъ издателемъ: «Журнала Изящныхъ Искусствъ». Булэ родился въ Брауншвейгѣ 29 Сентября 1763 г. былъ профессоромъ въ Гёттингенѣ въ 1790 г. а въ концѣ 1804 г. поступилъ профессоромъ естественнаго и народнаго права въ Московскій Университетъ, скончался въ Брауншвейгѣ въ 1821 году. Булэ написалъ болѣе 30 сочиненій по многимъ отраслямъ наукъ на французскомъ и латинскомъ языкахъ, которые и по нынѣ не утратили своего достоинства.

чего не понимаю — сказалъ однажды Грибоѣдовъ — недовольный исполненіемъ партиціи Моцартовой «Волшебный стрѣлокъ» Надо сказать, что Петербургская оперная труппа въ 1828 г. была не завидная; несчастнаго Моцарта терзали немилосердно. «И зачѣмъ браться за Моцарта? съ нихъ было бы довольно и «Боэльдьё: онъ достоинъ этихъ пѣвцовъ» (сказалъ Грибоѣдовъ); «онъ не геніальный, но умный композитеръ, не отличался боль-«шими мыслями, но каждую свою мысль обработывалъ съ не-«обыкновеннымъ искусствомъ. У насъ испортили его «Калифа «Багдадскаго» *а это настоящій бриллiантъ* (собственныя слова Грибоѣдова). «Музыка Моцарта требуетъ особенной публи-«ки и отличныхъ пѣвцовъ даже потому, что механическая часть «его богата средствами, но вы помните хорошо Боэльдьё, всѣ «поймутъ его, а теперь посмотрите, какъ восхищаются многіе, «хотя ничего не понимаютъ. Это больше портитъ, чѣмъ обра-«зуетъ вкусъ публики».

«Обращеніе Грибоѣдова всегда отличалось рѣдкимъ свойствомъ: какою-то искренностью, которая однакожъ не переходила свѣтскихъ формъ. Слушая Грибоѣдова можно было вѣрить каждому слову его, потому что онъ не терпѣлъ преувеличеній и будто мыслилъ вслухъ, не скрывая своихъ чуствъ. Образованность и свѣтскость придавали ему характеръ обворожительный.

«Еще болѣе увидѣлъ я справедливость моихъ замѣчаній, видавшись съ Грибоѣдовымъ у Князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго. Разговоръ и сужденія Грибоѣдова были чрезвычайно замѣчательны. Между прочимъ рѣчь зашла о власти человѣка надъ самимъ собой. Грибоѣдовъ утверждалъ, что власть его ограничена только физическою невозможностью, но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно, и даже сдѣлать изъ себя все. «Говорю такъ потому — (собственныя слова Грибоѣдова), — «что многое испытывалъ надъ самимъ «собою. На примѣръ, въ послѣднюю персидскую кампанію, во

«время одного сраженія, мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ княземъ «Суворовымъ. Ядро съ непріятельской батареи ударилось подлѣ «князя, осыпало его землей, и въ первый мигъ я подумалъ, «что онъ убитъ. Это разлило во мнѣ такое содроганіе, что я «задрожалъ. Князя только оконтузило, но я чувствовалъ неволь-«ный трепетъ и не могъ прогнать гадкаго чувства робости. Это «ужасно оскорбило меня самого. Стало быть я трусъ въ душѣ? «Мысль нестерпимая для порядочнаго человѣка, и я рѣшился, «чего бы то ни стоило, вылечить себя отъ робости. Я хотѣлъ «не дрожать передъ ядрами, въ виду смерти, и, при первомъ «случаѣ, сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ «непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначенное мной «самимъ число выстрѣловъ, и потомъ тихо поворотилъ лошадь «и спокойно отъѣхалъ прочь. Знаете ли, что это прогнало мою «робость? Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. «Не поддайся чувству страха—оно усилится и утвердиться.» Главными, отличительными его свойствами была большая сила воли и самостоятельность въ сужденіяхъ и образѣ жизни. Онъ не находилъ ничего невозможнаго для ума и воли: не хотѣлъ, чтобы человѣкъ робѣлъ передъ непріятельскою батареею, или, потворствуя лѣни, читалъ въ переводѣ то, что можетъ читать въ подлинникѣ. Блестящія обстоятельства не перемѣнили его образа жизни. Въ немъ также не было ни малѣйшаго признака несноснаго, приторнаго желанія играть роль свѣтскаго человѣка и поэта, которое прививается ко многимъ отличнымъ людямъ. А между тѣмъ, онъ былъ и поэтъ и свѣтскій человѣкъ въ самой высшей степени. Искренность, простота и благородство его характера привязывали къ нему неразрывною цѣпью уваженія; всякій, кто былъ къ нему близокъ, любилъ его искренно».

Наступленіе отечественной войны прекратило учебныя занятія Грибоѣдова. Удостоенный по экзамену степени кандидата тико-политическаго отдѣленія, съ правомъ на 12 классъ, онъ

въ 1812 году, іюля 26, вступилъ въ военную службу корнетомъ, во вновь формировавшійся тогда графомъ Салтыковымъ Московскій гусарскій полкъ, который, вскорѣ по смерти графа въ Казани, былъ распущенъ и Грибоѣдовъ поступилъ, въ Иркутскій гусарскій полкъ, съ назначеніемъ въ резервный кавалерійскій корпусъ, подъ начальствомъ извѣстнаго генерала отъ кавалеріи Андрея Семеновича Кологривова. Выписываемъ здѣсь послѣдовательный разсказъ изъ воспоминаній Ѳ. В. Булгарина: «Главная корпусная квартира была въ Брестѣ-Литовскомъ. Здѣсь для Грибоѣдова началась новая жизнь. Пламенная душа его требовала дѣятельности, умъ пищи; но ни мѣсто, ни обстоятельства не могли удовлетворить его желаніямъ. Надлежало чѣмъ-нибудь наполнить пустоту сердца, и юность представила ему въ радужныхъ цвѣтахъ мечты наслажденій, которыхъ истинная цѣна познается только съ лѣтами и опытностью. Дружба спасла Грибоѣдова отъ сѣтей, въ которыя часто попадаютъ пылкіе и благородные, но неопытные юноши въ началѣ свѣтскаго поприща. Въ это время Грибоѣдовъ познакомился и подружился съ С. Н. Бѣгичевымъ, бывшимъ тогда адъютантомъ при генералѣ Кологривовѣ, и нашелъ въ немъ истиннаго друга и ментора. Дружба эта продолжалась до смерти Грибоѣдова. Въ свѣтѣ не повѣрили бы и стали удивляться такой дружбѣ, какая существовала между Грибоѣдовымъ, Бѣгичевымъ и еще нѣкоторыми близкими къ сердцу покойнаго. Чувства, мысли, труды, имущество — все было общимъ въ дружбѣ съ Грибоѣдовымъ. Нѣтъ тѣхъ пожертвованій, на которыя бы не рѣшился Грибоѣдовъ для дружбы: всѣмъ жертвовали друзья для Грибоѣдова. Его нельзя было любить иначе, какъ страстно, съ энтузіасмомъ, потому что пламенная душа его согрѣвала и воспламеняла все вокругъ себя. Съ Грибоѣдовымъ благородный человѣкъ дѣлался лучше, благороднѣе; его привязанность къ другу, вниманіе, искренность, свѣтлыя мысли, высокія чувствованія переливались въ

душу и зараждали ощущеніе новой, сладостной жизни. Его голосъ, взглядъ, улыбка, пріемы имѣли какую-то необыкновенную прелесть; звукъ голоса его проникалъ въ душу, убѣжденіе лилось изъ устъ. Не могу написать ничего связнаго о Грибоѣдовѣ: ибо когда только долженъ вспомнить о душѣ его и его качествахъ, сердце мое разрывается на части.... Но я обѣщалъ сказать что-нибудь — исполняю!

«Грибоѣдова любили многіе, но, кромѣ родныхъ, ближе всѣхъ къ нему были: С. Н. Бѣгичевъ, Андрей Андреевичъ Жандръ и я. Познавъ Грибоѣдова, я прилѣпился къ нему душою, былъ совершенно счастливъ его дружбою, жилъ новою жизнью въ другомъ, лучшемъ мірѣ—и осиротѣлъ на вѣки!...

«Но первое право на дружбу Грибоѣдова имѣлъ Бѣгичевъ. Онъ узналъ его прежде другихъ, прежде постигнулъ его и въ юношескомъ пламени открылъ нетлѣнное сокровище, душу благородную. С. Н. Бѣгичевъ разбудилъ Грибоѣдова отъ очарованнаго сна и обратилъ къ дѣятельности. Грибоѣдовъ писалъ стихи, еще посѣщая университетъ, но не собиралъ ихъ и не печаталъ. Въ Польшѣ онъ снова обратился къ русской словесности и написалъ комедію *«Молодые супруги»*, которая была играна въ первый разъ въ С. Петербургѣ, сентября 29 1815 года, въ пользу актрисы Семеновой м. Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1815 году. Въ Польшѣ познакомился онъ съ княземъ А. А. Шаховскимъ, а въ Петербургѣ съ Н. И. Хмельницкимъ и А. А. Жандромъ. Связь съ сими литераторами заставила его снова приняться за перо и трудиться общими силами для театра, по примѣру французскихъ писателей. Грибоѣдовъ участвовалъ съ княземъ А. А. Шаховскимъ и Н. И. Хмельницкимъ въ сочиненіи комедіи *Своя семья*, представленной въ первый разъ на С. П. Б. театрѣ января 24, 1818 года, а съ А. А. Жандромъ перевелъ съ французскаго комедію *«Притворная невѣрность»*, соч. Барта, представ-

ленную въ первый разъ на С. Петербургскомъ театрѣ въ февралѣ 1817 года.

«Тотчасъ по пріѣздѣ въ С. Петербургъ, Грибоѣдовъ познакомился съ Н. И. Гречемъ, издававшемъ журналъ «Сынъ Отечества», въ которомъ Грибоѣдовъ помѣстилъ нѣсколько театральныхъ статей. Грибоѣдовъ душевно любилъ и уважалъ Греча, былъ съ нимъ искрененъ, какъ съ другомъ. Гречъ имѣлъ случай оказать на дѣлѣ свою дружбу; и если я не помѣстилъ Греча въ числѣ самыхъ ближнихъ, то это потому только, что онъ, по обстоятельствамъ, рѣже бывалъ съ Грибоѣдовымъ, нежели Жандръ и я.

«Въ 1816 году, въ мартѣ, Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку изъ военной службы. Проживая въ Петербургѣ, онъ не столько занимался литературою, сколько побуждала его къ тому врожденная склонность. Онъ жилъ болѣе въ свѣтѣ и для свѣта, и только малые урывки времени посвящалъ музамъ. Въ 1817 году онъ поступилъ на службу въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ чиномъ губернскаго секретаря; въ слѣдующемъ году опредѣленъ секретаремъ персидской миссіи, произведенъ въ титулярные совѣтники, и отправился въ Таврисъ. Россійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персіи былъ тогда статскій совѣтникъ Мазаровичъ.

Грибоѣдовъ зналъ совершенно нѣмецкій, французскій, итальянскій и англійскій языки, и понималъ латинскій. Въ Персіи онъ сталъ обучаться по-персидски, и въ скоромъ времени не только объяснялся свободно на семъ языкѣ, но и понималъ персидскихъ авторовъ. Поведеніемъ своимъ и характеромъ онъ снискалъ себѣ уваженіе цѣлой англійской миссіи въ Таврисѣ и пріобрѣлъ особенную благосклонность наслѣдника престола принца Аббаса-Мирзы, который истинно любилъ Грибоѣдова и находилъ удовольствіе въ его бесѣдѣ. Всѣ отличнѣйшіе сановники персидскіе также уважали Грибоѣдова; онъ много

способствовалъ къ поддержанію добраго согласія между Аббасъ-Мирзою и правленіемъ нашимъ въ Грузіи. Во время пребыванія своего въ Персіи, Грибоѣдовъ убѣдилъ множество русскихъ, поселившихся въ Персіи и вступившихъ въ военную службу, возвратиться на лоно отечества. Ему поручено было проводить этотъ отрядъ въ россійскіе предѣлы, и Грибоѣдовъ неоднократно подвергался опасности лишиться жизни въ семъ походѣ отъ озлобленныхъ Персіянъ, которымъ непріятно было возвращеніе сихъ переселенцевъ. Однакожь это дѣло ни мало не ослабило благосклонности Аббаса-Мирзы, который даже упросилъ шаха, родителя своего, пожаловать Грибоѣдову персидскій орденъ Льва и Солнца 2 степени. Въ 1822 году января 3, онъ произведенъ за отличіе въ коллежскіе ассесоры, и, въ томъ же году, въ мартѣ мѣсяцѣ, получилъ дозволеніе носить персидскій орденъ. Въ февралѣ 1822 Грибоѣдовъ выбылъ по собственному желанію изъ персидской миссіи и по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ по дипломатической части къ г. главноуправляющему въ Грузіи, А. П. Ермолову.

«Я до сихъ поръ не говорилъ о достоинствѣ литературныхъ опытовъ Грибоѣдова и вовсе умолчу о прежнихъ его произведеніяхъ, потому что—они меркнутъ предъ безсмертнымъ трудомъ его, комедіей «*Горе отъ ума*», извѣстной въ рукописи цѣлой Россіи, всѣмъ грамотнымъ людямъ. Вотъ какимъ образомъ родилась эта комедія. Будучи въ Персіи, въ 1821 году, Грибоѣдовъ мечталъ о Петербургѣ, о Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно, и объ артистахъ. Онъ легъ спать въ кіоскѣ, въ саду, и видѣлъ сонъ, представившій ему любезное отечество со всѣмъ, что осталось въ немъ милаго для сердца. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей разсказываетъ о планѣ комедіи, будто имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ оной. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ

садъ и въ ту же ночь начертываетъ планъ «*Горе отъ ума*» и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта. Комедія сія заняла всѣ его досуги и онъ окончилъ ее въ Тифлисѣ, въ 1822 году. Въ мартѣ 1823 года онъ получилъ отпускъ въ Москву и Петербургъ на 4 мѣсяца. Пріѣхавъ въ Москву, Грибоѣдовъ сталъ посѣщать общества и въ то же время почувствовалъ недостатки своей комедіи и началъ ее передѣлывать. Каждый выѣздъ въ свѣтъ представлялъ ему новые матеріалы къ усовершенствованію своего труда, и часто случалось, что онъ, возвратясь поздно домой, писалъ цѣлыя сцены по ночамъ, такъ сказать въ одинъ присѣстъ. Такимъ образомъ составилось сіе безсмертное твореніе, отпечатокъ чувствованій, впечатлѣніи и характера незабвеннаго автора. Любовь къ родинѣ и ко всему похвальному, глубокое презрѣніе къ нравственному ничтожеству, прикрывающемуся лакомъ иноземной образованности, презрѣніе къ закоренѣлымъ предразсудкамъ и низкому идолопоклонству— вотъ характеръ сей комедіи, написанной такимъ разговорнымъ языкомъ, какого понынѣ не было въ нашей литературѣ. Первый списанный экземпляръ сей комедіи быстро распространился по Россіи, и нынѣ нѣтъ ни однаго малого города, нѣтъ дома, гдѣ любятъ словесность, гдѣ бъ не было списка сей комедіи, по несчастію, искаженнаго переписчиками. Этотъ удивительный успѣхъ—первый примѣръ въ Россіи! Комедія «*Горе отъ ума*» была напечатана отрывками въ «Русской Таліи» и нашла противниковъ въ Москвѣ, гдѣ съ изумительнымъ постоянствомъ возстаютъ противу всего, что выходитъ изъ обыкновеннаго круга. Есть и въ Петербургѣ украшенные лаврами литераторы, которые не понимаютъ, какъ можетъ существовать комедія, въ которой по обыкновенію никто не женится, гдѣ нѣтъ проказовъ слугъ, шалуновъ-племянниковъ, стараго опекуна, хитраго любовника и нѣжной любовницы, которой свадьба предшествуетъ закрытію занавѣса. Наши письменные

люди, дамы и мужчины, обученные мудрости по курсу Лагарпа, точно такъ же разсуждаютъ. Есть добрые и умные люди, которые увлекаются чужими сужденіями. Жестокій приговоръ комедіи «*Горе отъ ума*», произносимый завистью, невѣжествомъ, оскорбленнымъ самолюбіемъ и легковѣрнымъ простодушіемъ, есть лучшее доказательство ея высокаго достоинства. Я не хочу распространяться въ разборѣ сего произведенія Грибоѣдова, потому что, хотя оно и всѣмъ извѣстно, но понынѣ не напечатано.

«Находясь при особѣ А. П. Ермолова, Грибоѣдовъ снискалъ его довѣренность и родительскую любовь. Грибоѣдовъ былъ также привязанъ и къ Алексѣю Петровичу, какъ къ отцу, а не начальнику, былъ съ нимъ безотлучно, и даже сопутствовалъ ему въ военныхъ экспедиціяхъ. Въ 1824 г, въ маѣ, Грибоѣдовъ получилъ позволеніе отправиться за границу до излеченія болѣзни, но, прибывъ въ Петербургъ, остался тамъ и прожилъ около года. (Въ это время я упросилъ его позволить списать съ себя портретъ, собственно для меня. Это единственный портретъ его. Зная, что это доставитъ удовольствіе многимъ, я и товарищъ мой, Н. И. Гречь, вознамѣрились издать оный. Знаменитый нашъ художникъ Н. И. Уткинъ, исполнилъ наше желаніе.) Уединенная жизнь въ Персіи и Грузіи совершенно преобразила характеръ Грибоѣдова. Онъ не хотѣлъ появляться болѣе въ свѣтѣ, посвятилъ себя наукамъ и, при необыкновенной памяти и прилежаніи, пріобрѣлъ глубокія познанія, продолжая изучать то, чему положены были хорошія начала профессоромъ Буле. Грибоѣдовъ, сверхъ занятій изящною словесностью и поэзіею, трудился безпрестанно надъ изученіемъ предметовъ важныхъ. Правовѣдѣніе, философія, исторія, политическія и финансовыя науки составляли его всегдашнее упражненіе. Онъ читалъ не для препровожденія времени, но для того, чтобъ научиться, и умѣлъ изъ всего

извлекать полезное для ума и сердца. Изъясняясь пріятно и правильно на всѣхъ языкахъ, онъ отлично хорошо говорилъ по-русски—достоинство весьма рѣдкое между образованными русскими. Краснорѣчіе его, всегда пламенное, было убѣдительно, потому что основывалось на здравомъ смыслѣ и глубокой учености. Трудно было не согласиться съ нимъ въ мнѣніи. Онъ имѣлъ особенный даръ, какъ всѣ необыкновенные люди, убѣждать и привлекать сердца. Знать его было то же, что любить. Болѣе всего привязывало къ нему его непритворное добродушіе, которое, при необыкновенномъ умѣ, дѣйствовало на сердце, какъ теплота на природу. Отъ того-то, во время пребыванія моего въ Петербургѣ, Грибоѣдовъ, почувствовавъ ничтожность свѣтскихъ связей, подружился съ литераторами и любителями наукъ и словесности, снискалъ ихъ привязанность и уваженіе, и жилъ только въ литературномъ кругу. Грибоѣдова не умѣли цѣнить въ свѣтѣ, не умѣли цѣнить его и нѣкоторые литераторы, которые думаютъ возвыситься тѣмъ, что выходятъ изъ природнаго своего круга и въ пріемныхъ и гостиныхъ ищутъ награды за свои труды въ благосклонности людей, непостигающихъ другаго достоинства въ человѣкѣ, кромѣ связей, богатства и почестей. Грибоѣдовъ былъ выше всѣхъ этихъ мелочей: онѣ казались ему смѣшными и жалкими столько же, какъ и люди, забывающіе для нихъ предопредѣленіе таланта. Онъ купилъ познанія свѣта опытностію, чтилъ и уважалъ званіе и почести въ людяхъ заслуженныхъ и достойныхъ, и никогда не склонялъ чела предъ временными любимцами фортуны или счастливыми пронырами. Разумѣется, что съ этими чувствами Грибоѣдовъ долженствовалъ имѣть враговъ. Онъ имѣлъ ихъ, не сдѣлавъ никому ни малѣйшаго зла, но единственно за то, что былъ выше другихъ умомъ и душою. За это самое Сократъ испилъ цикуту.

«Грибоѣдовъ написалъ въ это время прекрасное стихотвореніе

на балетъ «Русланъ и Людмила», напечатанное въ «Сынѣ Отечества», и перевелъ прологъ къ Гётеву Фаусту, напечатанный въ альманахѣ «*Полярная Звѣзда*». Онъ отказался отъ намѣренія ѣхать за границу и рѣшился возвратиться въ Грузію, побывавъ въ южной Россіи и Крыму. Онъ любилъ величественную природу Грузіи. Возвратясь туда, онъ былъ въ экспедиціи съ генераломъ Вельяминовымъ противъ горскихъ народовъ, въ 1825 году, и въ виду вершинъ Кавказа и непріятельскаго стана написалъ прелестное стихотвореніе «*Хищники на Чегемѣ*», напечатанное въ «Сѣверной Пчелѣ».

«Происшествія, опечалившія Россію въ концѣ 1825 года, потребовали присутствія его въ Петербургѣ. Не знали Грибоѣдова и узнали его. Благородный образъ мыслей, откровенность и чистота всѣхъ дѣлъ его и помысловъ снискали ему милостивое вниманіе превосходнаго и великодушнаго Монарха. Грибоѣдовъ имѣлъ счастіе представляться Государю Императору Николаю Павловичу и съ этой минуты душою полюбилъ Августѣйшаго Монарха, какъ Государя и какъ человѣка. При отправленіи на службу, по собственному его желанію, обратно въ Грузію, Грибоѣдовъ Всемилостивѣйше награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, 8 іюня 1826 года.

«Въ это время онъ жилъ со мною на дачѣ, въ уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ, видался только съ близкими людьми, проводилъ время въ чтеніи, въ дружеской бесѣдѣ, въ прогулкахъ, и занимался музыкою. Все изящное имѣло доступъ къ душѣ Грибоѣдова: онъ страстно любилъ музыку, будучи самъ искусенъ въ игрѣ на фортепьяно. Фантазіи его и импровизаціи отзывались глубокимъ чувствомъ меланхоліи.

«Часто онъ бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности. «Время летитъ, любезный другъ» говорилъ онъ: «въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ раждаются мысли, а между-тѣмъ я не могу приняться

за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работать. Но я долженъ что-нибудь сдѣлать.... сдѣлаю!»... Вотъ какъ думалъ Грибоѣдовъ. Онъ не могъ безъ сожалѣнія вспомнить о томъ, что нѣкоторые наши писатели, особенно поэты, думаютъ, что имъ должно слѣдовать одному вдохновенію и ничему не учиться. Грибоѣдовъ указывалъ на вопросы Гёте, Шиллера, которые отъ того именно вознеслись выше своихъ совмѣстниковъ, что геній равнялся ихъ учености. Грибоѣдовъ судилъ здраво, безпристрастно и съ особеннымъ жаромъ. У него навертывались слезы, когда онъ говорилъ о безплодной почвѣ нашей словесности. «Въ жизни народа, какъ въ жизни человѣка, есть дѣятельность умственная и физическая» говорилъ Грибоѣдовъ: «Словесность—мысль народа объ изящномъ. Греки, Римляне, Евреи не погибли отъ того, что оставили по себѣ словесность, а мы.... мы не пишемъ, а только переписываемъ! Какой результатъ нашихъ литературныхъ трудовъ по истеченіи года, столѣтія? Что̀ мы сдѣлали, и что̀ могли бы сдѣлать?»... Разсуждая о сихъ предметахъ, Грибоѣдовъ становился грустенъ, угрюмъ, бралъ шляпу и уходилъ одинъ гулять въ поле или въ рощу.

«Мнѣ не случилось въ жизни ни въ одномъ народѣ видѣть человѣка, который бы такъ пламенно, такъ страстно любилъ свое отечество, какъ Грибоѣдовъ любилъ Россію. Онъ въ полномъ значеніи обожалъ ее. Каждый благородный подвигъ, каждое высокое чувство, каждая мысль въ русскомъ приводили его въ восторгъ. Еслибъ знали враги его, раздиравшіе его литературную славу, какъ онъ радовался, находя въ нихъ хорошее! Грибоѣдовъ, зная столько иностранныхъ языковъ, любилъ читать русскія книги, особенно переводы (даже самые плохіе) великихъ писателей. Когда я изъявилъ ему мое удивленіе на этотъ счетъ, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ любопытно знать, какъ изъяснены высокія мысли и наставленія мудрецовъ, и

можетъ ли понимать ихъ классъ народа, незнающій иностранныхъ языковъ? Это археологическія и этнографическія изысканія, любезный другъ», прибавилъ онъ съ улыбкою. Грибоѣдовъ чрезвычайно любилъ простой русскій народъ и находилъ особенное удовольствіе въ обществѣ образованныхъ молодыхъ людей, неиспорченныхъ еще искательствомъ и свѣтскими приличіями. Онъ находилъ особенное наслажденіе въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ. Кромѣ христіанскаго долга, онъ привлекаемъ былъ туда особеннымъ чувствомъ патріотизма. «Любезный другъ!» говорилъ онъ мнѣ: «только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди, думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви, я въ отечествѣ, въ Россіи! Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Владимірѣ, Димитріи Донскомъ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новѣгородѣ, Москвѣ; что то же пѣніе трогало ихъ сердца, тѣ же чувства одушевляли набожныя души. Мы русскіе только въ церкви; а я хочу быть русскимъ!»...

Но эта любовь къ отечеству не заставляла его ненавидѣть чужеземцевъ, подобно тѣмъ грубымъ невѣждамъ, которые почитаютъ врагомъ каждаго, кто не родился на берегахъ Волги или Оки. Напротивъ того, Грибоѣдовъ радовался, когда чужеземецъ посвящалъ свои таланты на пользу Россіи и былъ признателенъ къ каждому, оказавшему услуги его отечеству. Разумѣется само по себѣ, что Грибоѣдовъ не почиталъ чужеземцами жителей областей, присоединенныхъ къ Россіи оружіемъ или трактатами. Такая мысль не можетъ родиться въ головѣ образованнаго человѣка. Но какъ всякій человѣкъ имѣетъ свой особенный образъ мыслей, то онъ любилъ болѣе славянскія поколѣнія, и желалъ, чтобъ изъ двухъ человѣкъ одинаковаго достоинства, соплеменникъ предпочитаемъ былъ иноплеменнику. Грибоѣдовъ вообще не любилъ раздѣленія между славянскими племенами и почиталъ ихъ одною семьею. Ему

нравилась мысль моя: что всѣ славянскія поколѣнія родныя сестры, изъ которыхъ одна за мужемъ за единоплеменникомъ, другая за Нѣмцемъ, третья за Туркомъ; но это не должно препятствовать родственной любви и согласію.

Пріѣхавъ въ Грузію при началѣ войны съ Персіею, Грибоѣдовъ находился при особѣ графа Паскевича-Эриванскаго, своего родственника, любившаго его какъ роднаго брата. Дѣятельность графа и пламенное желаніе быть полезнымъ тому краю, обрадовали Грибоѣдова и заставили его трудиться. Я намѣренъ сообщить здѣсь отрывки изъ нѣсколькихъ его писемъ, въ которыхъ изображается характеръ и душа Грибоѣдова лучше, нежели въ чужомъ описаніи. Вотъ что онъ писалъ ко мнѣ изъ Тифлиса, отъ 16 апрѣля 1827 года:

«Любезный другъ Ѳаддей Венедиктовичъ! Прежде всего просьба, чтобы не забыть, а потомъ уже благодарность за дружеское твое вниманіе къ скитальцу въ восточныхъ краяхъ. Пришли мнѣ пожалуйста статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей, новѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской Области, коли есть, какъ края, наиболѣе воздѣланнаго и благоустроеннаго), на какомъ хочешь языкѣ, и адресуй въ канцелярію главнокомандующаго, на мое имя. Очень меня обяжешь: я бы извлекъ изъ этого таблицу не столь многосложную, но по-крайней-мѣрѣ порядочную, которую бы разослалъ къ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые имъ надлежитъ наполнить... При Алексѣѣ Петровичѣ у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался. Авось теперь, съ Божіею помощію, употреблю это въ пользу. Стиховъ Жандра въ 1 № С. О. я нигдѣ не могъ отыскать; ты не прислалъ мнѣ; а другіе, въ *Музѣ*, я еще не знаю чьи они, читалъ здѣсь вслухъ у Ховена, и увѣренъ былъ, что это произведеніе человѣка съ большимъ дарованіемъ. Я надѣюсь, что, во-

ротясь изъ похода, какъ-нибудь его сюда выпишу. Не могу довольно я отблагодарить тебя за пріятное твое письмо и за присылку журналовъ. Желалъ бы имѣть цѣлаго *Годунова*. Въ первой сценѣ Бориса мнѣ нравится Пименъ, старецъ. Не ожидай отъ меня стиховъ: Горцы, Персіяне, Турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальства поглощаютъ все мое вниманіе. Не надолго, разумѣется: кончится кампанія и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь; и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается, и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему. Я рожденъ для другаго поприща. Первая глава твоей *Сиротки* (въ романѣ «Иванъ Выжигинъ»(такъ съ натуры списана, что (прости душа моя) невольно подумаешь, что ты самъ когда-нибудь валялся съ кудлашкой. Тьфу пропасть! Какъ это смѣшно, и жалко и справедливо! Многіе просятъ, чтобы ты непремѣнно продолжалъ и окончилъ эту повѣсть».

Наконецъ началась война. Грибоѣдовъ былъ безотлучно при графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ, охотно переносилъ труды военные и не прятался отъ опасностей. Онъ прослужилъ кампанію какъ отличный гражданскій чиновникъ и какъ храбрый воинъ. По представленію графа, онъ награжденъ былъ за отличіе чиномъ коллежскаго совѣтника, въ декабрѣ 1827 года. Онъ былъ посланъ въ лагерь Аббаса-Мирзы для переговоровъ о мирѣ и

имѣлъ съ нимъ весьма занимательныя сношенія. При заключеніи туркманчайскаго трактата, Грибоѣдовъ трудился безпрерывно и оказалъ важныя услуги. Въ награду за сіе, онъ избранъ былъ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ поднести мирный трактатъ Государю Императору.

Въ Петербургѣ получено было прежде извѣстіе, что Грибоѣдовъ отправился съ трактатомъ въ Петербургъ. Дурная дорога воспрепятствовала ему прибыть въ срочное время для курьерской ѣзды. Съ нетерпѣніемъ ожидали его. Не могу безъ умиленія вспомнить этой радостной минуты, въ которую я встрѣтилъ его. По какому-то инстинкту, я нѣсколько дней сряду ходилъ въ заѣздный домъ Демута и ожидалъ моего друга. Наконецъ 14 марта, около полудня подъѣхала кибитка и я принялъ его въ мои объятія... Мы плакали, какъ дѣти... отъ радости!

Государь Императоръ наградилъ по-царски Грибоѣдова: пожаловалъ ему чинъ статскаго совѣтника, орденъ Св. Анны 2 степ. съ алмазами, медаль за персидскую войну и 4,000 червонныхъ. Въ апрѣлѣ, сего же 1828 года, мудрый Монархъ нашъ благоволилъ назначить его Полномочнымъ министромъ при дворѣ Персидскомъ.

Все предвѣщало счастливый успѣхъ. Грибоѣдовъ зналъ персидскій языкъ, страну, нравы и обычаи, характеръ двора и главнѣйшихъ сановниковъ. Грибоѣдовъ вовсе не предугадывалъ о семъ блестящемъ назначеніи и намѣревался выйти въ отставку, посвятить себя совершенно наукамъ и словесности и поселиться со мною, по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, возлѣ ученаго Дерпта, въ моемъ тихомъ убѣжищѣ. Мы утѣшались этою мыслію, дѣлали планы, какъ будемъ провождать

время, какъ будемъ ѣздить въ гости въ Москву, въ Петербургъ, въ деревню къ С. Н. Бѣгичеву, и проч. Повинуясь волѣ обожаемаго Государя и желая служить ему усердно, Грибоѣдовъ отсрочилъ свое намѣреніе жить для наукъ и словесности, но не отказался отъ нихъ совершенно. Пламенѣя ревностью къ службѣ, онъ, однакожь, съ мрачнымъ предчувствіемъ вспоминалъ о Персіи и предсказывалъ, что не возвратится оттуда, что тамъ долженъ окончить жизнь, въ отдаленіи отъ милыхъ сердцу, и часто повторялъ: «тамъ моя могила! Чувствую, что не увижу болѣе Россіи...»

Изъ прощальнаго письма въ деревню къ женѣ моей, которую онъ любилъ какъ сестру, можно видѣть его предчувствія и надежды.

«Прощайте, милый другъ, прощайте! Разстаюсь съ вами на три года, а можетъ быть, навсегда! О Боже! неужели я долженъ навсегда остаться въ странѣ, чуждоій моимъ чувствованіямъ! Я еще не теряю надежды укрыться въ вашемъ Карловѣ отъ всего, что тяготитъ меня въ жизни! Но когда? Еще далеко до этого! Въ ожиданіи, прощайте и будьте счастливы. С. П. б. 5 іюня 1828».

Во время военныхъ и дипломатическихъ занятій Грибоѣдовъ, въ часы досуга, уносился душою въ міръ фантазіи. Въ послѣднее пребываніе свое въ Грузіи онъ сочинилъ планъ романтической трагедіи и нѣсколько сценъ вольными стихами съ риѳмами. Трагедію назвалъ онъ *Грузинская ночь*; почерпнулъ предметъ ея изъ народныхъ преданій и основалъ на характерѣ и нравахъ Грузинъ. Вотъ содержаніе: одинъ грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ и потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою,

и требуетъ или возврата сына или позволенія быть рабою одного господина, и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы и наконецъ, по княжескому обычаю, забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея отторжено отъ сердца дѣтище и, какъ азіятка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели, злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Дели вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы Св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера, но Дели несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не свершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружья, чтобъ поразить князя —и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ не былъ за презрѣніе чувствъ родительскихъ и познаетъ цѣну потери дѣтища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью. Они гибнутъ въ отчаяніи. Трагедія, основанная, какъ выше сказано, на народной грузинской сказкѣ, еслибъ была такъ кончена, какъ начата, составила бы украшеніе не только одной русской, но всей европейской литературы. Грибоѣдовъ читалъ намъ наизустъ отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедія сія погибла вмѣстѣ съ авторомъ!...

Н. И. Гречь, услышавъ отрывки изъ этой трагедіи и цѣня талантъ Грибоѣдова, сказалъ въ его отсутствіи: «Грибоѣдовъ только попробовалъ перо на комедіи *Горе отъ ума*. Онъ займетъ такую степень въ литературѣ, до которой еще никто не

приближался у насъ: у него, сверхъ ума и генія творческаго, есть душа, а безъ этого нѣтъ поэзіи!».

Наконецъ Грибоѣдовъ поѣхалъ къ своему назначенію, но, по обстоятельствамъ, не могъ отправиться прямо въ Персію и долженъ былъ свидѣться прежде съ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ. Отрывки изъ двухъ писемъ ко мнѣ покажутъ, какъ Грибоѣдовъ смотрѣлъ на дѣла и какими чувствами одушевлялось его русское сердце.

«Ставрополь, 27 іюня 1828».

«Любезнѣйшая Пчела! Вчера я сюда пріѣхалъ съ мухами, съ жаромъ, съ пылью. Пустилъ бы я на свое мѣсто какого-нибудь франта, охотника до почетныхъ назначеній, Данди петербургскаго Bonds-street, Невскаго Проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умѣренность въ желаніяхъ и неизвѣстность».

«Здѣсь меня задерживаетъ приготовленіе конвоя. Какъ добрый патріотъ, радуюсь взятію Анапы. Съ этимъ извѣстіемъ былъ я встрѣченъ тотчасъ при въѣздѣ. Нельзя довольно за это благодарить Бога тому, кто дорожитъ безопасностью здѣшняго края. Въ послѣднее время Закубанцы сдѣлались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладѣли нѣсколькими постами, сожгли Неудобную, обременили себя плѣнными и добычею. Наши пошли къ нимъ наперерѣзъ, съ 1000 конными и 4 орудіями, но не поспѣли. Пѣхота стала дѣйствовать отдѣльно, растянулась длинною цѣпью, тогда какъ донской полковникъ Родіоновъ предлагалъ, соединившись, тотчасъ напасть на непріятеля, утомленнаго быстрымъ походомъ. Горцы расположены были таборомъ въ виду, но, замѣтивъ несовокупность нашихъ движеній, тотчасъ бросились въ шашки, не дали ни разу выстрѣлить орудію, бывшему при пѣхотномъ отрядѣ, взяли его и перерубили всѣхъ, которые при немъ

были, опрокинули его вверхъ колесами и поспѣшили противъ коннаго нашего отряда. Родіоновъ удержалъ ихъ четырьмя орудіями; потомъ хотѣлъ напасть на нихъ со всѣми казаками линейными и донскими, но не былъ подкрѣпленъ, ударилъ на нихъ только съ горстью донцевъ своихъ и заплатилъ жизнью за великодушную смѣлость: ему шашкою отхватили ногу, потомъ пулею прострѣлили шею; онъ свалился съ лошади и былъ изрубленъ. Однако отпоръ этотъ заставилъ Закубанцевъ бѣжать отъ Горячихъ Водъ, которымъ они угрожали нападеніемъ. Я зналъ лично Родіонова; жаль его: отличный офицеръ, исполинскаго роста и храбрѣйшій. Тѣло его привезли на воды. Посѣтители сложились, чтобы сдѣлать ему приличныя похороны, и провожали его, какъ избавителя, до могилы. Теперь, послѣ паденія Анапы, все перемѣнилось: разбои и грабительства утихли, и *тепловодцы*, какъ ихъ здѣсь называютъ, могутъ спокойно пить воду и чай. Генералъ Эмануэль отправился въ Анапу, чтобы принять присягу отъ тамошнихъ князей. На дорогѣ съ той стороны Кубани толпами къ нему выходили на встрѣчу всѣ горскіе народы съ покорностью и подданствомъ. Опять повторяю, что выгоды отъ взятія Анапы неисчислимы»...

«Прощай. Лошади готовы. Коли къ моему пріѣзду графъ Эриванскій возьметъ Карсъ, то это не мало послужитъ въ пользу моего посольства. Здѣсь я уже въ его улусахъ; всѣ меня привѣтствуютъ съ новымъ начальникомъ. Говорятъ, что онъ со всѣми ласковъ, добръ, внимателенъ и бездну добра дѣлаетъ частнаго и общаго. А у насъ чиновники народъ добрый! Прощай, еще разъ, любезный другъ».

Сообщивъ извѣстіе для «Сѣв. Пчелы» о взятіи Карса, Грибоѣдовъ приписалъ слѣдующее: «ура! любезнѣйшій другъ! мои желанія и предчувствія сбылись: Карсъ взятъ штурмомъ. Читай реляцію и проповѣдуй ее всенародно... Это столько чести

приноситъ войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать отъ радости. У насъ здѣсь всѣ отъ славы съ ума сходятъ.»

«Вѣрный другъ твой
А. Г.»

Владикавказъ. 23 іюня 1828 г.

«Грибоѣдовъ, будучи въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, открылся вѣрнымъ друзьямъ своимъ, что онъ любитъ. Онъ былъ какъ родной въ домѣ той, которая занимала его сердце, видѣлъ ее ребенкомъ и привыкъ обходиться съ нею какъ съ меньшою сестрою. Въ Петербургѣ онъ не зналъ еще, что̀ сдѣлаетъ съ собою, но одна минута рѣшила судьбу его. Сообщаю любопытное письмо его ко мнѣ по сему предмету. Это самый вѣрный отпечатокъ сердца Грибоѣдова и его самобытнаго, необыкновеннаго характера. Читая это письмо, кажется, видишь его!

«Биваки при Казанчѣ, на турецкой границѣ.

24 іюля 1828 года.

«Любезный другъ! Пишу къ тебѣ подъ открытымъ небомъ и благодарность водитъ моимъ перомъ: иначе никакъ бы не принялся за эту работу послѣ труднаго дневнаго перехода. Очень, очень знаю, какъ дѣла мои должны тебѣ докучать: покупать, заказывать, отсылать!

«Я тебя изъ Владикавказа увѣдомилъ о взятіи Карса. Съ тѣхъ поръ прибылъ въ Тифлисъ. Чума, которая начала свирѣпствовать въ дѣйствующемъ отрядѣ, задержала меня на мѣстѣ. Отъ графа Паскевича Эриванскаго ни слова, и я пустился къ нему на удачу. Въ душной долинѣ, гдѣ протекаютъ Храмъ и Алгетъ, лошади мои стали; далѣе, подымаясь къ Шулаверамъ, никакъ нельзя было понудить ихъ идти въ гору. Я въ рѣкѣ ночевалъ; разсердился, побросалъ экипажи, воро-

тился въ Тифлисъ, накупилъ себѣ верховыхъ и вьючныхъ лошадей съ тѣмъ, чтобы тотчасъ пуститься снова въ путь, а съ поста казачьяго отправилъ депешу къ графу... Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы А...; за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевой, все на нее глядѣлъ, задумался; сердце забилось... не знаю, безпокойства ли другаго рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мнѣ рѣшительность необычайную, выходя изъ-за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire!» Она меня послушалась, какъ и всегда: вѣрно думала, что я ее усажу за фортепьяно; вышло не то. Домъ ея матери возлѣ; мы туда уклонились, вошли въ комнату; щеки у меня разгорѣлись, дыханье занялось; я не помню, что̀ я началъ ей говорить, и все живѣе и живѣе; она заплакала, засмѣялась, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери пр. Н. А.....; насъ благословили...; отправилъ курьера къ ея отцу, въ Эривань, съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ. Между-тѣмъ вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу; во вторую ночь я, безъ памяти отъ всего, что̀ со мною случилось, пустился опять въ отрядъ, не оглядываясь назадъ. На дорогѣ получилъ письмо летучее отъ графа Паскевича, которымъ онъ меня увѣдомляетъ, что намѣренъ сдѣлать движеніе подъ Ахалкалаки. На самой крутизнѣ Безобдала гроза сильнѣйшая продержала меня всю ночь; мы промокли до костей. Въ Гумрахъ я нашелъ, что уже собщеніе съ главнымъ отрядомъ прервано. Графъ оставилъ Карскій Пашалыкъ и въ тылу у него образовались толпы турецкихъ партизановъ; въ самый день моего прихода была жаркая стычка, у Басова Черноморскаго полка, въ горахъ за Арпачаемъ. Подъ Гумрами я наткнулся на отрядецъ изъ двухъ ротъ Козловскаго, двухъ 7-го Карабинернаго и 100 человѣкъ выздоровѣвшихъ; все это на-

значено на усиленіе главнаго корпуса; но не знаю куда идти; я ихъ тотчасъ взялъ всѣхъ подъ команду, 4-хъ проводниковъ изъ Татаръ, самъ съ ними и съ казаками впереди, и вотъ уже второй день веду ихъ подъ Ахалкалаки; всякую минуту ожидаемъ нападенія. Коли въ цѣлости доведу—дай Богъ. Мальцевъ въ восхищеніи: воображаетъ себѣ, что онъ воюетъ.

Въ Гумрахъ же нагналъ меня отвѣтъ отъ князя Чавчавадзева отца изъ Эривани; онъ благословляетъ меня и Нину и радуется нашей любви. Хорошо ли я сдѣлалъ? Спроси милую мою В. С. и Андрея. Но не говори Р.: онъ вообразитъ себѣ, что любовь заглушитъ во мнѣ чувство другихъ моихъ обязанностей. Вздоръ! Я буду вдвое старательнѣе служить, за себя и за нее».

По возвращеніи въ Тифлисъ, Грибоѣдовъ писалъ ко мнѣ:

«Строфы XIII, XIV, XV.

. . . . » » » » » » » » » » » » . .

(эти строфы и точки поставлены Грибоѣдовымъ въ шутку, въ подраженіе поэмамъ).

Промежутокъ $1^1/_2$ мѣсяца.

«Дорогой мой Ѳаддей! Я, по возвращеніи изъ дѣйствующаго отряда сюда, въ Тифлисъ, 6 августа, занемогъ жестокою лихорадкою. Къ 22 получилъ облегченіе. Нина не отходила отъ моей постели и я на ней женился. Но въ самый день свадьбы подъ вѣнцемъ уже, опять посѣтилъ меня пароксизмъ, и съ тѣхъ поръ нѣтъ отдыха: я такъ исхудалъ, пожелтѣлъ и ослабѣлъ, что, думаю, капли крови здоровой во мнѣ не осталось.»

«Наконецъ онъ отправился съ супругою въ Тегеранъ. Мрачныя предчувствія стѣсняли сердце его болѣе, нежели когда-нибудь, и онъ съ каждымъ днемъ становился грустнѣе, какъ-будто зналъ, что приближается къ гробу. Выписка изъ письма

его къ почтенной дамѣ, которую онъ любилъ какъ мать, къ В. С. М—вой, дадутъ полное понятіе о томъ, что происходи ло въ душѣ его.

«Эчміадзинъ, 17 сентября 1828».

«Другъ мой, Ѳ. В.! Не пѣняйте на долгое мое молчаніе, милый другъ! видите ли, въ какую для меня необыкновенную эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и муловъ; ночуемъ подъ шатрами, на высотѣ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нина моя не жалуется, всѣмъ довольна и весела. Для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи; конница во весь опоръ несется, пылитъ, спѣшивается и поздравляетъ насъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынѣ насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами и хоругвями, пѣніемъ и проч., и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое мое помышленіе о васъ и Андреѣ. Помиритесь съ моею лѣнью.

«Какъ это все случилось? гдѣ я, что и съ кѣмъ?... Простительно ли мнѣ, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій, вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей, и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка! А независимость, которой я также былъ страстный любитель? Исчезла, можетъ быть, навсегда, и какъ не мило и утѣшительно дѣлить все съ прекраснымъ воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно!! Всегда ли такъ будетъ? Бросьте вашего Проспера и Куперова Prairie! Мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ непохожій на себя, прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго

даже; съ каждою луною со мною сбывается что-нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ».

Табрисъ, 3 декабря.

«Какъ я себя виню, что не послалъ вамъ написанныхъ этихъ строчекъ три мѣсяца назадъ: вы бы не сердились на меня, а теперь вѣрно разлюбили — и правы. Не хочу оправдываться. Андрей! ты помоги мнѣ умилостивить нашего общаго друга. Хорошо, что вы меня насквозь знаете и немного надобно словъ, чтобы согрѣть въ васъ тѣ же чувства, ту же любовь, которыя отъ васъ, моихъ милыхъ, нѣжныхъ друзей, я испыталъ въ теченіе столькихъ лѣтъ — и какъ нѣжно и какъ безкорыстно! Вѣрно сами догадаетесь, неоцѣненная В. С., что я пишу къ вамъ не въ обыкновенномъ положеніи души. Слезы градомъ льются... Неуже-ли я для того рожденъ, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую, притомъ), за невниманіе, за эгоизмъ отъ тѣхъ, за которыхъ бы охотно жизнь отдалъ? Александръ нашъ что долженъ обо мнѣ думать? И это кроткое, тихое созданіе, которое теперь отдалось мнѣ на всю мою волю, безъ ропота раздѣляетъ мою участь и страдаетъ самою мучительною беременностью: кто знаетъ, можетъ-быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по такъ называемымъ дѣламъ, на короткое время, но послѣ время продлится, обстоятельства завлекутъ, забудусь, не стану писать! что проку, что чувства мои неизмѣнны, когда видимые поступки тому противорѣчать? Кто повѣритъ?...»

Сбылись предчувствія Грибоѣдова: онъ погибъ жертвою народнаго неистовства въ Тегеранѣ. Не имѣя оффиціальныхъ извѣстій о семъ ужасномъ происшествіи, я не могу писать объ этомъ. Знаю только, что вражда возникла за Армянъ, русскихъ подданныхъ, которые укрывались въ домѣ посланника. Не только Русскіе, но и добрые Персіяне, знавшіе Грибоѣдова, сожалѣютъ о немъ. Цѣлая Грузія оплакиваетъ Грибоѣдова.

Извѣстіе о смерти Грибоѣдова привезено въ С. Петербургъ 14 марта 1829 г., того же самаго числа, ровно черезъ годъ, когда онъ пріѣхалъ съ трактатомъ туркманчайскимъ!

Раны сердца моего растворились... я не могу писать болѣе... писалъ только для друзей, для знавшихъ Грибоѣдова, въ надеждѣ, что всѣ добрые, чувствительные люди извинятъ несвязность, сбивчивость этой статьи. Я былъ самъ не свой! Могъ ли я думать о холодныхъ людяхъ?

Ѳ. Б...

Прибавленія изъ «Сына Отечества» и «Сѣвернаго Архива.» 1830 т. т. IX № 1.

Грибоѣдовъ былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный; въ немъ никогда не было желанія блистать, напротивъ, онъ, какъ-будто скрывалъ себя отъ многолюдства и высказывался только въ искренной бесѣдѣ, или въ небольшомъ кругу знакомыхъ, когда видѣлъ, что его понимаютъ. Главными отличительными свойствами его были большая сила воли и независимость въ сужденіи и образѣ мыслей. Грибоѣдовъ, относительно власти человѣка надъ самимъ собой, утверждалъ, что она ограничена только физическою независимостью, но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно и даже сдѣлать изъ себя все. «Разумѣется (говорилъ онъ) еслибъ я захотѣлъ, чтобъ у меня былъ носъ короче или длиннѣе, это было бы глупо, потому-что невозможно; но въ нравственномъ отношеніи, которое бываетъ иногда обманчиво для чувствъ, можно сдѣлать изъ себя все. Говорю такъ потому, что многое испыталъ надъ самимъ собою. Напримѣръ, въ послѣднюю персидскую кампанію, во время одного сраженія, мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ. Ядро съ непріятельской батареи разразилось подлѣ князя, осыпало его землей, и въ первый мигъ я подумалъ, что онъ убитъ. Это разлило во мнѣ

такое содроганіе, что я вздрогнулъ. Князя только оконтузило, но я чувствовалъ невольный трепетъ и не могъ прогнать гадкаго чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть, я трусъ въ душѣ? — мысль нестерпимая для порядочнаго человѣка, и я рѣшился, чего бы ни стоило, вылечить себя отъ робости, которую, пожалуй, припишете физическому составу, организму, врожденному чувству. Но я хотѣлъ не дрожать передъ ядрами, въ виду смерти, и при первомъ случаѣ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ непріятельскихъ батарей. Тамъ сосчиталъ я назначенное мною самимъ число выстрѣловъ, и потомъ тихо поворотилъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. Знаете ли, что это прогнало мою робость? Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся я чувству страха, оно усилилось бы и утвердилось бы во мнѣ.»

Не было ничего невозможнаго для ума и воли Грибоѣдова. Въ немъ не было ни малѣйшаго признака несноснаго, приторнаго желанія играть роль свѣтскаго человѣка и поэта, а междутѣмъ онъ былъ и то и другое въ высшей степени.

Искренность, простота и благородство его характера привязывали къ нему непрерывною цѣпью уваженія, и всякій, кто былъ къ нему близокъ, любилъ его искренно.

Въ послѣдній отъѣздъ изъ С. Петербурга въ Персію, несмотря на важность занимаемаго имъ поста и столько блестящихъ надеждъ впереди, онъ неохотно и даже съ грустью разставался съ Россіею: какое-то предчувствіе, котораго не скрывалъ онъ, какъ извѣстно изъ писемъ друзей его, говорило ему, что онъ уже болѣе не воротится въ свое отечество, и вотъ, что сказалъ онъ однажды: «Я такъ хорошо знаю Персіянъ, «что они для меня уже потеряли свою поэтическую сторону; «вижу только важность и трудность моего положенія среди «нихъ, и главное, не знаю самъ отчего, мнѣ удивительно груст-

«но ѣхать туда. Не желалъ бы увидѣть этихъ старыхъ зна-«комыхъ».

Въ послѣднее пребываніе въ Петербургѣ Грибоѣдовъ открылъ друзьямъ своимъ, что онъ неравнодушенъ къ одной особѣ, семейство которой посѣщалъ весьма часто во время пребыванія своего въ Грузіи — эта особа была княжна Нина Александровна Чавчавадзе, дочь герал-майора князя Александра Герсевановича. Во время проѣзда своего черезъ Тифлисъ онъ женился и соединилъ судьбу свою съ существомъ, давно милымъ его сердцу. Чего, казалось бы, не доставало для его счастія? Слава, значительность положенія, радость семейной жизни — все это устроилось для него въ 1828 году. Но не долго продолжалось для него это счастье: едва прошло восемь мѣсяцевъ—и Грибоѣдова уже не стало!

Описаніе послѣдняго долга, отданнаго ему въ Тифлисѣ.

«Письмо изъ Тифлиса къ Ѳ. В. Булгарину.»

Кому неизвѣстна несчастная кончина незабвеннаго А. С. Грибоѣдова, Полномочнаго министра нашего въ Персіи! Бывъ въ тѣсной связи съ покойнымъ, вы лучше другихъ можете оцѣнить ету потерю. Отечество лишилось въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ граждан, словесность — первокласснаго поэта и безсмертнаго творца *Горе отъ ума*, и наконецъ всѣ, которые имѣли удовольствіе быть съ нимъ знакомымъ — человѣка съ умомъ высокимъ, творческимъ, пламенѣющаго любовью ко всему праведному, изящному и доброму, съ рѣдкимъ благородствомъ характера, соединеннымъ съ необыкновенною способностью оживлять все окружавшее его. Но только мы, жители Грузіи, въ состояніи вполнѣ чувствовать утрату сего человѣка. Грузія была настоящимъ поприщемъ его дѣятельности; здѣсь онъ провелъ лучшее время своей жизни въ трудахъ литературныхъ и по

службѣ. Онъ любилъ Грузію такъ пламенно, такъ чисто, какъ рѣдкіе любятъ даже родину свою. Хотя немного сдѣлалъ онъ для нея, но желалъ и успѣлъ бы сдѣлать много истинно-полезнаго, еслибъ преждевременная кончина не прекратила его дѣятельности при самомъ почти началѣ славнаго поприща. Можно утвердительно сказать, что, при благотворномъ попеченіи нашего правительства, съ приведеніемъ въ исполненіе нѣкоторыхъ предположеній Грибоѣдова (съ однимъ изъ друзей его), черезъ десять или пятнадцать лѣтъ Грузія цѣлымъ столѣтіемъ подвинулась бы впередъ на поприщѣ просвѣщенія.

Провидѣнію угодно было расположить иначе. Смиримся, роптать не осмѣлимся, но скорби умѣрить не можемъ. Увѣренъ, что вы совершенно раздѣляете со мною и со всѣми знавшими покойнаго Александра Сергѣевича глубочайшую скорбь о семъ неоцѣненномъ, незабвенномъ человѣкѣ. Судьба привела меня быть на двухъ встрѣчахъ, сдѣланныхъ бреннымъ его останкамъ на границѣ (*) и въ Тифлисѣ: и тамъ и здѣсь горячая признательность къ памяти любимаго всѣми человѣка яркими выражалась чертами.

1-го мая тѣло покойнаго министра привезено было къ джульской переправѣ, черезъ Араксъ, на катерахъ, въ трахтраванѣ, обитомъ бѣлымъ сукномъ; гробъ, въ видѣ ящика, самой простой работы, былъ покрытъ чернымъ плисомъ и внутри обитъ кожею; за трахтраваномъ вели двухъ парадныхъ лошадей и позади ѣхало около ста человѣкъ персидской конницы съ однимъ султаномъ. На русскомъ берегу Аракса тѣло пе-

---

(*) Замѣчательно, что одинъ изъ первыхъ Русскихъ, встрѣтившихъ тѣло Грибоѣдова въ россійскихъ предѣлахъ, былъ поэтъ нашъ, А. С. Пушкинъ, на пути своемъ въ отдѣльный Кавказскій Корпусъ. Это было въ крѣпости Гергеры, въ горахъ, на границѣ Персіи. Оба поэта умѣли цѣнить дарованія другъ друга.

реложено было въ другой гробъ и поставлено на дроги. Свиту персидскую смѣнилъ батальонъ нашихъ войскъ и два орудія. Такимъ образомъ, въ сопровожденіи духовенства, генеральнаго консула нашего въ Персіи и почетныхъ жителей въ Нахичеванѣ, тѣло довезено до рѣки Карабабы, отстоящей отъ города на четыре версты; отсюда предположена была на другой день парадная процессія.

Печальныя предчувствія томили душу нашего поэта при отъѣздѣ изъ Тавриса въ роковой Тегеранъ. Нѣсколько разъ вырывались у него слова: «Я не ворочусь оттуда; не оставляйте костей моихъ въ Персіи, похороните въ Грузіи». Предчувствія сбылись: рука азіатскаго фанатика не пощадила ни ума, ни возвышенныхъ чувствъ, уже озаренныхъ блистательными надеждами отечества. Мы встрѣтили прахъ его.

На другой день прекраснѣйшее весеннее утро во всемъ южномъ блескѣ озаряло печальную процессію. Впереди ѣхалъ взводъ черноморскихъ казаковъ съ офицеромъ, за ними шло духовенство, армянскій архіерей, многочисленный причетъ его съ образами и хоругвями, и русскій священникъ, далѣе, покрытыя траурными попонами, шесть лошадей везли колесницу съ бренными останками недавно счастливаго человѣка. Балдахинъ колесницы былъ изъ малиноваго бархата съ позолоченными русскими орлами и гербами покойнаго; за гробомъ вели двухъ лошадей: одну парадную, подъ великолѣпною синею попоною съ золотымъ шитьемъ, другую траурную. Шествіе замыкалось батальономъ Тифлисскаго Полка и двумя орудіями. По сторонамъ процессіи тѣснились безмолвныя толпы народа. Говорятъ, точно такъ же, за полгода назадъ, но только шумными, веселыми толпами и съ радостными чувствами жители встрѣчали А. С. Грибоѣдова, когда онъ, торжествовавшій, въ свѣжемъ брачномъ вѣнцѣ, проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ въ Персію. Азіатская застѣнчивость не позволила

Армянкамъ выйти на встрѣчу изъ города; закутанныя въ бѣлыя чадры, онѣ сидѣли на крышахъ домовъ, мимо которыхъ шла процессія, и при видѣ гроба на взрыдъ плакали. Я еще не видывалъ въ народѣ такой единодушной, всеобщей печали. Тѣло поставлено было въ армянской церкви и на другой день повезено далѣе, въ Тифлисъ, чрезъ Эриванскую Провинцію.

Если подобная встрѣча сдѣлана была въ Нахичеванѣ, гдѣ многіе изъ жителей знали о душевныхъ качествахъ Грибоѣдова только по слухамъ, то можете вообразить, съ какими чувствами завидѣли гробъ его жители Тифлиса, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы жизни, посвящая ихъ полезнымъ занятіямъ по службѣ и литературѣ, и умомъ своимъ оживляя общества. Устроенные на эриванской дорогѣ карантины замедлили привезеніе тѣла его до послѣднихъ чиселъ іюня мѣсяца; съ того времени по 18 іюля, день, назначенный для погребенія, оно находилось въ артачальскомъ карантинѣ, отстоящемъ отъ города въ трехъ верстахъ. Наканунѣ, поздно вечеромъ, тѣло перевезено было въ Тифлисъ и поставлено въ Сіонскомъ Соборѣ, на великолѣпномъ катафалкѣ. При этомъ печальномъ случаѣ принималъ дѣятельнѣйшее участіе грузинскій гражданскій губернаторъ, ст. сов. П. Д. Завилейскій. Во всемъ видна была общая забота воспользоваться горестнымъ утѣшеніемъ: воздать достойнымъ образомъ послѣднюю дань праху любимаго гражданина и поэта. Дорога изъ карантина къ городской заставѣ идетъ по правому берегу Куры; по обѣимъ сторонамъ тянутся виноградные сады, огороженные высокими каменными стѣнами. Въ печальномъ шествіи было что-то величественное и неизъяснимо трогало душу. Сумракъ вечера, озаренный факелами, стѣны, сплошь унизанныя плакавшими грузинками, окутанными въ бѣлыя чадры, протяжное пѣніе духовенства, за колесницею толпы народа, воспоминаніе объ ужасной кончинѣ Грибоѣдова — все это раздирало сердца знавшихъ и любившихъ его

Вдова, осужденная въ блестящей юности своей испытать ужасное несчастіе, въ горестномъ ожиданіи стояла съ семействомъ своимъ у городской заставы. Свѣтъ перваго факела возвѣстилъ ей о близости драгоцѣннаго праха; она упала въ обморокъ и долго не могли привести ее въ чувство.

На другой день происходило отпѣваніе тѣла въ присутствіи г. военнаго губернатора генералъ-адъютанта С. С. Стрѣкалова, всѣхъ бывшихъ въ городѣ гг. генераловъ и почетныхъ жителей Тифлиса. Послѣ священнаго служенія, совершеннаго экзархомъ Грузіи, митрополитомъ Іоною, который весьма трогательнымъ надгробнымъ словомъ заставилъ всѣхъ бывшихъ въ церкви проливать слезы, не могши самъ почти говорить отъ рыданій, тѣло отвезено было для погребенія въ Монастырь Св. Давида (*) съ торжественною церемоніею, по составленному на этотъ случай особенному церемоніалу. Все народонаселеніе города совокупилось въ одной улицѣ, по которой проходила процессія; на лицѣ каждаго видны были тѣ же горестныя чувства, какія обнаруживались наканунѣ, при встрѣчѣ тѣла. Надобно замѣтить, что на многихъ похоронныхъ церемоніяхъ большею частью не съ охотою принимаютъ на себя какую-нибудь должность, но тутъ первѣйшие изъ чиновниковъ сами вызвались участвовать въ этой печальной процессіи. Это дѣлаетъ честъ благородному сословію Тифлиса.

(*) Въ послѣдній проѣздъ свой чрезъ Эривань въ Персію Грибоѣдовъ какъ-будто имѣлъ предчувствіе, что не возвратится оттуда, и неоднократно, шутя, говорилъ юной подругѣ своей: «Не оставляй костей моихъ въ Персіи; если умру тамъ, то похорони меня въ Тифлисѣ, въ Монастырѣ Св. Давида.»

Изъ занимательныхъ писемъ Х. Ш., помѣщенныхъ нами прошлаго года въ «Сѣверномъ Архивѣ», вы уже нѣсколько знакомы съ Монастыремъ Св. Давида. Напомню вамъ, что онъ построенъ на крутизнѣ безплодной горы, замыкающей городъ съ западной стороны. Это мѣстоположеніе всегда чрезвычайно нравилось Александру Сергѣевичу. Однажды, въ разговорѣ со мной, онъ назвалъ монастырь этотъ *піитическою принадлежностью Тифлиса*. Объ этомъ монастырѣ онъ упоминаетъ въ трагедіи *Грузинскія ночи*.

«Сѣверная Пчела» 19 марта 1829 г. № 34.

Въ № 33 «Journal de S. Pétersbourg» напечатано слѣдующее: «По письмамъ изъ Тегерана узнали мы объ ужасномъ происшествіи, случившемся тамъ 31 января, вслѣдствіе сильной драки между людьми посланника нашего, г. Грибоѣдова, и нѣсколькими простыми Персіянами. Праздные люди, собравшіеся во время этой драки передъ домомъ посланника, вздумали вмѣшаться въ нее, и когда нѣкоторые изъ нихъ были притомъ убиты, несметная толпа черни, прибѣжавшая съ базара для отмщенія за своихъ земляковъ, выломила ворота и перелѣзла чрезъ стѣны, несмотря на сопротивленіе нашихъ казаковъ и персидскаго караула, который потерялъ при этомъ нападеніи четырехъ человѣкъ. Разъяренная чернь ворвалась во внутренніе покои и изрубила всѣхъ, кого только встрѣтила. Напрасно самъ шахъ, въ сопровожденіи старшаго сына своего, Селу-Султана, генералъ губернатора тегеранскаго, пришелъ съ значительною силою для удержанія и разсѣянія мятежниковъ; уже было слишкомъ поздно: г. Грибоѣдовъ и его свита уже сдѣлались жертвами убійцъ. Спаслись только первый секретарь посольства, г. Мальцевъ, и еще три человѣка. Шахъ Аббасъ-Мирза и весь дворъ приведены были въ величайшее

смущеніе. Аббасъ-Мирза приказалъ наложить трауръ на восемь дней. Поспѣшая дать всякое удовлетвореніе, какого мы въ правѣ требовать, онъ по этому случаю намѣревался отправить къ графу Паскевичу Эриванскому старшаго сына своего съ каймаканомъ, для сообщенія ему всѣхъ подробностей и объясненій, которыхъ главнокомандующій можетъ требовать по сему ужасному случаю.»

Прилагаемъ при семъ извѣстіе, помѣщенное въ «Сѣверной Пчелѣ» 1829 г. № 95 и № 97 о пріѣздѣ принца Хозрева Мирзы, сына Аббасъ-Мирзы, въ Петербургъ, аудіенцію его у Государя Императора, рѣчь, произнесенную Хозревомъ-Мирзой, въ которой онъ говоритъ о убіеніи россійскаго посланника въ Тегеранѣ, съ извѣщеніемъ персидскаго шаха и отвѣтъ Государя. Его высочество принцъ Хозревъ-Мирза прибылъ въ С. Петербургъ 4 августа, водою, и около 8 часовъ пополудни вышелъ на берегъ у Таврическаго Дворца, приготовленнаго для его принятія.

10-го августа, въ субботу, принцъ представлялся Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ въ публичной аудіенціи. При семъ онъ произнесъ рѣчь на персидскомъ языкѣ: на переводъ этой рѣчи на русскій языкъ, былъ прочитанъ отвѣтъ Государя Императора на персидскомъ языкѣ. Помѣщаемъ здѣсь эти оба любопытные документа, несомнѣнно принадлежащіе къ біографіи А. С. Грибоѣдова.

ПЕРЕВОДЪ РѢЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА ПЕРСИДСКОМЪ ЯЗЫКѢ ПРИНЦЕМЪ ХОЗРЕВОМЪ-МИРЗОЮ.

Могущественнѣйшій Государь Императоръ!

«Спокойствіе Персіи и священный союзъ между Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и великимъ обладателемъ Ирана, дражайшимъ моимъ повелителемъ и дѣдомъ существующіи, были противны духу зла. Сей воздвигъ въ Тегеранѣ толпу неистовую, совершившую въ началѣ текущаго года неслыханное злодѣяніе, коего содѣлалась жертвою россійская миссія. Таковое злополучное происшествіе покрыло глубокимъ мракомъ скорби весь нашъ домъ и всѣхъ вѣрныхъ его подданныхъ. Ужаснулось праведное сердце Фетъ-Али-Шаха мыслію, что горсть злодѣевъ можетъ привести къ разрыву мира и союза между Его Величествомъ и Великимъ Монархомъ Россіи.

«Онъ повелѣлъ мнѣ, внуку своему, поспѣшить въ столицу сей державы.

«Онъ увѣренъ, что гласъ мой, гласъ правды, обратитъ на себя милостивое вниманіе Вашего Императорскаго Величества и сдѣлаетъ незыблемою дружбу между двумя величайшими и могущественнѣйшими Государями міра.

«О чемъ мнѣ поручено именемъ могущественнаго моего повелителя просить Васъ, Великій Государь: предайте вѣчному забвенію происшествіе, оскорбившее равно Дворъ россійскій, какъ и Дворъ персидскій: пусть познаетъ вселенная, что и при самомъ ужасномъ случаѣ, два мудрые Монарха откровенно объяснились, и всѣ недоумѣнія, всѣ подозрѣнія исчезли, всему положенъ конецъ вожделеннѣйшій.

«Я же, избранный для ходатайства по сему важному обстоятельству, признаю себя достигшимъ высочайшаго счастія, удостоясь передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и исполнивъ волю прародителя моего: утвердить на вѣки доброе

согласіе между двумя народами, коихъ само Провидѣніе ведетъ ко взаимной, непоколебимой дружбѣ.»

ОТВѢТНАЯ РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРОМЪ ОТЪ ИМЕНИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НА ЭТОЙ ЖЕ АУДІЕНЦІИ.

«Его Императорское Величество повелѣваетъ мнѣ увѣрить Ваше Высочество въ томъ совершенномъ удовольствіи, съ какимъ онъ внималъ объясненіямъ Вашимъ и изъявленію праведнаго сѣтованія отъ лица Вашего Государя. — Движимый чувствами великодушными, Его Величество Шахъ, не могъ, конечно, безъ ужаса взирать на злодѣйство, имѣвшее цѣлію расторженіе дружескихъ связей между двумя державами, еще недавно примирившимися. Онъ ознаменовалъ сіе посольствомъ Вашимъ, долженствующимъ разсѣять всякую тѣнь, которая могла бы помрачить взаимныя сношенія Россіи съ Персіею, послѣ происшествія столь печальнаго. Да будетъ сіе увѣреніе принесено Вами Его Величеству Шаху: да будетъ Онъ убѣжденъ Вами въ непоколебимой волѣ Его Императорскаго Величества всегда сохранять миръ и утверждать узы дружбы и сосѣдственнаго согласія, благополучно возобновленные въ Туркманчаѣ.

«Избраніе Вашего Высочества для сихъ изъясненій, крайне пріятно Государю Императору. Вы благоволите въ семъ удостовѣриться тѣми чувствами, кои теперь изъявлены мною отъ имени Всемилостивѣйшаго моего Государя.»

МОГИЛА ГРИБОѢДОВА.

«Москвитянинъ» 1830 г. Ч. IV, № 7.

На западной сторонѣ города Тифлиса возвышается святая гора *Мтацминда*. У подошвы этой горы стоитъ красивое и величественное зданіе гимназіи, а за гимназіей, по отлогости горы, раскинулась слободка, состоящая изъ небольшихъ домиковъ, построенныхъ какъ-нибудь, пополамъ съ горемъ, изъ глины и булыжника, изъ кирпича и извести. Выше за слободкой, отодвинувшись отъ народонаселенія, стоитъ гимназическая обсерваторія, не красивое, но полезное зданіе, въ которомъ ежедневно дѣлаются наблюденія, сообщаемыя и ученому свѣту; за обсерваторіей начинается тяжелый подъемъ на гору, экипажная дорога прекращается и узкая тропинка для пѣшеходовъ, подобно лентѣ, вьется на гору въ прихотливыхъ зигзагахъ.

На одномъ изъ уступовъ святой горы, въ половинѣ ея высоты, виднѣется женскій Монастырь Св. Давида, какъ-будто гнѣздо ласточки, прикрѣпленной къ скалѣ. Видъ съ террасы монастыря очаровательный; весь Тифлисъ какъ на ладонѣ. На востокѣ сверкаетъ быстрая Кура и за нею, вдали, синѣются горы благословенной Кахетіи. Шумный Тифлисъ, съ его полуевропейскою и полуазіатскою физіономіею, далеко ниже васъ; вы стоите между небомъ и землею. Это мѣсто болѣе всѣхъ мѣстъ Тифлиса нравилось незабвенному Грибоѣдову; сюда часто приходилъ онъ любоваться прекрасными видами, здѣсь же завѣщалъ онъ и погребсти себя. Вотъ его могила: съ восточной стороны монастырской церкви, подъ террасою, стоитъ красивый, бронзовый памятникъ на возвышенномъ пьедесталѣ; у подножія креста колѣнопреклоненная жена, обхва-

тившая руками этотъ святой крестъ. У подножія креста лежитъ книга: «Горе отъ ума». Подъ этимъ памятникомъ почіетъ Грибоѣдовъ... Ахъ! сколько думъ, унылыхъ и умилительныхъ думъ пробуждается въ душѣ мыслящаго посѣтителя этой могилы каждый разъ, когда не развлекаютъ его докучные свидѣтели!

Грибоѣдовъ лучше всѣхъ своихъ современниковъ зналъ русское общество и русскую литературу. Блестящій результатъ этого знанія, пріобрѣтеннаго горькою опытностью, есть *Горе отъ ума* — безсмертная комедія, но скорѣе историческая картина современнаго общества. Напрасно нѣкоторые молодые литераторы (NB непроизведшіе ничего замѣчательнаго) силятся доказывать, что эта комедія устарѣла и что характеры, изображенные въ ней, неестественны, *утрированы*. «Горе отъ ума» устарѣло? а вы же сами каждый разъ съ новымъ наслажденіемъ смотрите и слушаете эту комедію! Характеры въ этомъ геніальномъ произведеніи неестественны? Помилуйте, все наше общество состояло и доселѣ состоитъ то изъ Фамусовыхъ, то изъ Скалозубовъ, то изъ Молчалиныхъ, то изъ Репетиловыхъ, то изъ Чацкихъ! Куда ни обернись — такъ и ожидай, что непремѣнно встрѣтишься съ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Грибоѣдова. Въ послѣднее время преимущественно размножились Чацкіе, такъ-что ежели Грибоѣдовъ шутя сказалъ, что «умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ», то нынѣ со всею серьёзностью можно сказать, что «умный человѣкъ не можетъ быть не-Чацкимъ», и это весьма естественно. Кто любитъ *правду* во всемъ — отъ нравственной правды до *правильнаго правописанія* — тотъ не можетъ хладнокровно смотрѣть на бездну противорѣчій, встрѣчающихся на каждомъ шагу, тотъ не можетъ быть равнодушенъ къ этой яркой пестротѣ «французскаго съ нижегородскимъ», которая бросается въ глаза и въ общежитіи и въ литературѣ.

Есть или должна быть, особенная, своя собственная литера-

тура, «русская литература». Изъ какихъ элементовъ она составится, въ какихъ формахъ обнаружится, съ какимъ отличительнымъ характеромъ,—это составляетъ современную задачу. Литераторы русскіе! разгадывайте эту задачу, рѣшайте ее. Уже нѣкоторые великіе люди (истинно великіе, ибо познали великое назначеніе Россіи) принялись за эту задачу. Карамзинъ написалъ Русскую Исторію, достойную русскаго народа. Уваровъ первый открылъ намъ глаза на высокую цѣль русскаго образованія. Крыловъ заговорилъ съ Россіею порусски въ своихъ басняхъ, изъ которыхъ каждая требуетъ для иностранцевъ цѣлаго тома коментаріевъ; Грибоѣдовъ началъ русскую комедію.

Миръ праху твоему, незабвенный творецъ комедіи «Горе отъ ума!» И могила твоя наставительна для насъ; при ней невольно задумаешься о судьбѣ нашей литературы.

Если въ таинственныхъ сѣняхъ вѣчности ты можешь молиться за твоихъ соотечественниковъ — помолись о насъ.

Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Слѣпаго, рабскаго, пустаго подражанья.

Кульжинскій,

«Московскій Телеграфъ» 1832 года № 23.

Вся Россія оплакивала потерю одного изъ избранныхъ сыновъ своихъ, столь же достойнаго воспоминанія по нравственнымъ его качествамъ, какъ и по дарованію поэтическому. Мы говоримъ о Грибоѣдовѣ, который сдѣлался жертвою фанатическаго неистовства черни въ Тегеранѣ, въ началѣ 1829 года. Это происшествіе повергло въ глубокую печаль всѣхъ Русскихъ, любящихъ славу своего отечества. Персидскій Дворъ торжественно изъявилъ свое сожалѣніе объ этомъ несчастномъ событіи, случившемся близь его пребыванія. Европа не могла участвовать въ нашей скорби потому только, что не знала до-

стоинствъ и заслугъ Грибоѣдова, но нѣтъ сомнѣнія, что и она изъявила бы печаль свою о смерти незабвеннаго, какъ о потерѣ великой, невозвратимой и горестной для всѣхъ, умѣющихъ цѣнить умъ, дарованія и благородство, Кто, однакожъ, можетъ измѣрить печаль той, которой Грибоѣдовъ принадлежалъ какъ супрутъ?... Безмолвствуя передъ всякимъ великимъ бѣдствіемъ — ибо человѣческій языкъ недостаточенъ выразить его — мы предоставляемъ каждому чувствительному сердцу постигнуть и оцѣнить скорбь супруги незабвеннаго Грибоѣдова.

Исполняя священную волю покойнаго, друзья и родные похоронили прахъ его въ монастырѣ Св. Давида, который построенъ на крутой, безплодной горѣ, замыкающей городъ Тифлисъ къ западу. Это мѣстоположеніе всегда чрезвычайно нравилось Грибоѣдову. Однажды, въ разговорѣ съ однимъ изъ друзей своихъ, назвалъ онъ монастырь Св. Давида *піитическою принадлежностью Тифлиса*, Объ этомъ монастырѣ онъ упоминалъ въ трагедіи своей: *Грузинскія ночи*. Какъ-будто предчувствуя, что ему уже не возвратиться изъ Персіи. Грибоѣдовъ, проѣзжая въ послѣдній разъ черезъ Эривань, неоднократно, шутя, говорилъ юной подругѣ своей: «Не оставляй костей моихъ въ Персіи: если умру тамъ, похорони меня въ Тифлисѣ, въ монастырѣ Св. Давида. Увы! желаніе поэта исполнилось!.... Осиротѣвшая супруга воздвигла надъ прахомъ его памятникъ. Изваяніе памятника и пьедесталъ сдѣланы въ Москвѣ извѣстнымъ художникомъ Кампіони.

На пьедесталѣ золотыми буквами написано, съ одной стороны, подъ портретомъ :

«Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1793 года января 4 дня: убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30 дня,» На другой сторонѣ:

«Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?. (*)

(*) 28 іюня 1857 года скончалась въ Тифлисѣ и Нина Александровна Грибоѣдова, урожденная княжна Чавчевадзева и положена въ одинъ склепъ, рядомъ съ супругомъ своимъ. (Кавказъ 1827 г.)

СОЧИНЕНІЯ А. С. ГРИБОѢДОВА.

ПРОЗА.

1. О кавалерійскихъ резервахъ.
2. Письмо изъ Брест-Литовска къ издателю «Вѣстника Европы».
3. О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады «Ленора».
4. Письмо къ издателю «Сына Отечества», изъ Тифлиса, отъ 21-го января 1819 года.

РЕЛЯЦІЯ ПРОИЗШЕСТВІЙ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХЪ И СОПРОВОЖДАВШИХЪ УБІЕНІЕ РОССІЙСКАГО ПОСОЛЬСТВА ВЪ ПЕРСІИ ВЪ 1829 ГОДУ (*).

РАЗСКАЗЪ ПЕРСІЯНИНА.

Еще до сихъ поръ памятно то ужасное произшествіе, когда Россійскій, при персидскомъ дворѣ, посланникъ со своею свитою, сдѣлались жертвою разъяренной черни въ Тегеранѣ, и мы увѣрены, что читатели наши съ участіемъ прочтутъ этотъ разсказъ персіянина, заключающій въ себѣ самыя любопытныя подробности о Русскомъ посольствѣ, со дня выѣзда его, 20-го декабря 1828 г.) изъ Табриза въ Тегеранъ, и во все время пребыванія его въ семъ послѣднемъ городѣ, до 11-го февраля 1829 года.

«Причисленный въ качествѣ секретаря къ *Михманъ-дарю*, избранному Е. В. Аббасомъ Мирзой, для сопровожденія посольства, я, и свита Хана, выѣхали 16 ч. мѣсяца *діуммади уль-цани* (22 декабря) изъ Табриза, чтобъ нагнать г. Грибоѣдова въ селеніи Тикмадашѣ, куда выѣхалъ онъ дня за два до насъ. Это важное порученіе было назначено Хану, въ слѣдствіе отказавшагося за слабостію здоровья Мирзы-Мусса Хана; говорятъ что онъ обидѣлся этимъ назначеніемъ — будучи зятемъ Шаха, а можетъ быть существовала и другая причина.

Все было устроено съ особою заботливостію такъ, чтобы не оказалось недостатка въ помѣщеніи на пути, путешественники вездѣ должны были встрѣтить изобильное продовольствіе и радушный пріемъ со стороны мѣстнаго начальства и сельскихъ старостъ. На прощальной аудіенціи Шахъ вручилъ Хану са-

(*) Nouvelles annales des voyages, XII annèe 1830. Tom 48 de la collèction et 18 de la 2 sèrie page 337—367.

мую подробную инструкцію какъ вести себя и, въ облегченіе труднаго и отмѣнно деликатнаго обращенія и во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться неудовольствій, Е. В. назначилъ подъ начальство его Могаммедъ-Али-Бея, товарища *Феррашъ-Баши*, съ шестью подчиненными ему *феррашъ*.

Еще до этого времени Ханъ имѣлъ нѣкоторыя сношенія съ посланникомъ, но, по прибытіи въ Тикмадашъ, былъ встрѣченъ имъ весьма сухо и снискалъ себѣ милостивое расположеніе и довѣріе русскато посланника только послѣ многихъ оказанныхъ имъ услугъ и частыхъ, во время пути, сношеній. Причина этой холодности былъ отказъ Мирзы-Мусса-Хана, который гораздо превосходилъ саномъ моего начальника и болѣе льстилъ русскому честолюбію.

Дурныя путевыя сообщенія и чрезмѣрная стужа много затрудняли насъ и располагали къ неудовольствію. Тяжелый снѣгъ покрывалъ землю, однако мы сдѣлали что могли, чтобы доставить посланнику всё нужное и пріятное, и старались, сколько возможно было, уменьшить неудобства пути въ такое непріятное время года.

Посольство состояло изъ довольно значительной свиты. За г. Грибоѣдовымъ слѣдовали: г. Мальцевъ, г. Аделунгъ (*), первый и второй секретари; медикъ, Мирза Нерриманъ, переводчикъ армянскаго языка, грузинскій князь Дадашъ-Бегъ и Рустемъ-Бегъ начальники прислуги, (Дадашъ-Бегъ былъ еще въ Рехтѣ); при всемъ этомъ находилась команда изъ 16 линейныхъ Закубанскихъ казаковъ и 30 слугъ изъ магометанъ, русскихъ, грузиновъ и армянъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что надъ этой прислугой не было довольно строгаго надзора, въ особенности много причиняли

(*) Здѣсь неупомянуто о г. Столыпинѣ, который также находился при посольствѣ и подвергнулся общей участи.

Прим. Издат.

неудовольствіи грузины и армяне, которые не разъ раздражали моихъ соотечественниковъ.

Обязанности Михманъ-даря были довольно тяжелы и непріятны; онъ ежедневно долженъ былъ запасаться всякаго рода провизіей и имѣлъ право брать все, что требовалось изъ годоваго сбора. Все нужное онъ приказывалъ сдавать Рустемъ-Бегу, на которомъ лежала обязанность раздачи. Посольству требовалось, на ежедневное продовольствіе слѣдующая провизія: 1 быкъ, 1 теленокъ, 5 барановъ, 30 куръ, 200 яицъ, 84 фунта рису, 36 фунт. масла, 36 фунт. сметаны, 12 фунт. сыру, 24 фунт. леденцу, 5 фунт. пряностей, 240 фунт. хлѣба, 6 фунт. виноградныхъ выжимокъ, 6 фунт. уксусу, 1 бутылку лимонной цедры, 6 фунт. винограду, 3 фунт. миндалю, 60 фунт. различныхъ фруктовъ, 18 фунт. чесноку, 3600 фунт, дровъ, 120 фунт. древеснаго угля, 1800 фунт. пшеницы, 3600 фунт. соломы, 18 фунт, сальныхъ свѣчъ, 6 фунт. молока, 300 фунт. вина и спиртовыхъ напитковъ. Цѣнность всѣхъ этихъ припасовъ превышала 60 тумановъ или 75 голландскихъ червонцевъ; они съ излишкомъ удовлетворяли требованія посольства, но были и такіе предметы, которыхъ нельзя было достать въ селеніи. Въ такихъ случаяхъ Рустемъ-Бегъ бралъ за все чего недоставало деньгами, и даже требовалъ лишнее противъ положеннаго, такъ что часто приходилось ему получать отъ 10 до 15 тумановъ. Мы не могли равнодушно смотрѣть на это злоупотребленіе, но полагая, что г. Грибоѣдову все уже извѣстно, — смотрѣли сквозь пальцы. Я составилъ счетъ всѣмъ суммамъ, которыя собралъ Рустемъ-Бегъ, во время нашего пути, они простирались до 160 тумановъ.

Подъѣзжая къ Миссанѣ, посольство было встрѣчено Мирзой-Фала, гражданскимъ правителемъ уѣзда, сыномъ Джигангиръ-Хана, (старшины колѣна Шаггани), вышедшаго къ намъ на встрѣчу изъ города.

*

Глубокія снѣга покрывавшіе Кафланъ-Кохъ крайнѣ затрудняли намъ переходъ черезъ эту гору. Въ Зеджанѣ посольство помѣстилось въ домѣ Неджедъ-Конли-Бега, сына Нессеръ-Уллахъ-Афчара, вице-губернатора, который, во главѣ большаго числа всадниковъ, выѣхалъ къ намъ изъ города и привѣтствовалъ посланника и Мирзу-Раффи, министра Шаха. Абдаллахъ-Мирза, посѣтилъ г. Грибоѣдова, который отдалъ ему визитъ. На другой день, г. Грибоѣдовъ былъ у этого правителя, который обошелся съ нимъ весьма ласково. Сверхъ обыкновенныхъ подарковъ, состоявшихъ изъ вареныхъ въ сахарѣ фруктовъ и различныхъ яствъ, приготовленныхъ на собственной его кухнѣ, онъ пожаловалъ ему прекрасную лошадь. И мы также получили отъ Абдаллаха-Мирзы до 15 лошадей для прислуги посольства въ замѣнъ тѣхъ, которыя даны были намъ Аббасъ-Мирзой и уже были утомлены, кромѣ того Зеджанское правительство заплатило за наемъ 45 лошадей, которыя перевезли наши вещи до Казвина.

До переѣзда нашего черезъ Кафланъ-Кохъ, къ начальнику моему явились, по приказанію Абдаллаха-Мирзы, чиновники для исполненія нуждъ посольства; они тогда только оставили насъ, когда мы выѣхали изъ владѣній сего государя. По прибытіи въ Сіахдахунъ, къ границѣ Казвина, мы были встрѣчены другими чиновниками, высланными Алли-Наггиръ-Мирзой; они оказывали намъ тѣже услуги до границъ Тегеранскихъ владѣній. Г. Грибоѣдовъ никого не наградилъ, надо полагать, что средства его были весьма ограничены, если онъ не могъ позволить себѣ ни малѣйшаго расхода. Онъ никогда не давалъ болѣе одного или двухъ червонцевъ хозяину того дома, гдѣ останавливался — и это единственные, извѣстные мнѣ примѣры его щедрости.

Я никогда не забуду, всё что мы вытерпѣли и тѣ опасности, которымъ подвергались при переѣздѣ нашемъ по всему

протяженію Султанейскихъ долинъ. Холодъ былъ необыкновенно рѣзкій, лошади наши съ трудомъ вытаскивали ноги изъ накопившагося снѣга, а сильные порывы вѣтра, сопровождаемые разстаявшимъ снѣгомъ, дѣлали положеніе наше невыносимымъ. Въ одинъ изъ такихъ дней мы вдругъ потеряли слѣдъ г. Грибоѣдова; мы видѣли, что онъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ отправился въ сторону; чрезъ нѣсколько времени онъ возвратился къ намъ уже при наступленіи ночи. Иногда онъ съ бо̀льшею частію свиты своей довершалъ денной переходъ самой быстрой скачкой, лошади едва выдерживали эту ѣзду и едва годились къ дальнѣйшему путешествію; мы принуждены были замѣнять ихъ другими, которыхъ отнимали у встрѣчавшихся на нашемъ пути проѣзжающихъ. Обращеніе посланника съ нами, мало по малу, сдѣлалось благосклоннѣе, онъ сталъ оказывать нѣкоторое довѣріе нашему Хану и часто разговаривалъ со мною. Онъ былъ человѣкъ съ большими дарованіями и одаренъ множествомъ добрыхъ качествъ, но казался новымъ, въ занимаемомъ имъ званіи, какъ будто не привыкшимъ начальствовать и обращаться съ этими людьми. Свита у него была незавидная и, какъ уже замѣтилъ я выше, не была подчинена никакому порядку.

Въ Сіахдахунѣ застали мы Могаммедъ-Хана-Афчара, которому Шахъ далъ весьма важное порученіе. Въ прошедшую осень онъ былъ отправленъ въ Адзархайджанъ, на встрѣчу г. Грибоѣдова, у переѣзда черезъ Арраксъ, и сопровождалъ его до Табриза, но какъ посланникъ пробылъ въ этомъ городѣ долѣе чѣмъ предполагалъ, то Могаммедъ-Ханъ счелъ обязанностію возвратиться ко Двору.

Изъ Казвина вышла къ намъ на встрѣчу значительная депутація, въ главѣ ея находился министръ Мирза-Набби-Ханъ, сопровожденный многими начальниками военныхъ отрядовъ при 300 всадникахъ. Здѣсь въ свиту посланника поступило 5 ша-

тій (*скороходовъ*) и 10 ферраши (*ставщиковъ палатокъ*). Принцъ прислалъ ему роскошно убранную дорогую лошадь изъ собственной конюшни. Квартира г. Грибоѣдова была приготовлена въ новомъ домѣ, близъ дома занимаемаго Мирзой Наббп; она предназначена была для помѣщенія дочери принца, которая готовилась вступить въ бракъ съ братомъ Мирзы. Празднества и угощенія уже начались и посланникъ участвовалъ на одномъ обѣдѣ, въ европейскомъ вкусѣ, данномъ въ честь его пріѣзда. Среди этихъ то удовольствій неожиданное происшествіе чуть было не повлекло за собою величайшія несчастія. Г. Грибоѣдовъ имѣлъ при себѣ опись подданныхъ обоего пола, похищенныхъ Персіянами въ русскихъ владѣніяхъ—по этому многіе грузины присоединились къ свитѣ, чтобы черезъ посредство его, выручить своихъ родственницъ или друзей. Рустемъ-Бегъ, одинъ изъ агентовъ употребленныхъ на розысканіе этихъ подданныхъ, узналъ, что одинъ изъ холопей Гассанъ-Хана, послѣдняго губернатора Эриванской провинціи, привезъ молоденькую нѣмку въ Казвинъ; онъ сталъ ее требовать. Слуга упорно показывалъ, что продалъ ее одному изъ купцовъ города, сей послѣдній, допрошенный о судьбѣ своей плѣнницы, показалъ—что онъ уступилъ ее одному сеиду (потомку пророка); по имени Шехъ-Абдулъ-Гайсанъ, двоюродному брату начальника духовныхъ коллегій. Отыскали сеида. Рустемъ-Бегъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ и двухъ ферраши, въ услуженіи у Мирзы-Наббп-Хана, привелъ его на площадь передъ самымъ домомъ этого министра и тутъ сталъ требовать, чтобъ онъ освободилъ нѣмку, уже сдѣлавшуюся давно его женою и отъ которой онъ имѣлъ двухъ дѣтей. Въ слѣдствіи отказа и тщетно сдѣланныхъ ему угрозъ, Рустемъ-Бегъ, чтобы привесть его къ покорности, отдалъ приказаніе дать ему нѣсколько палочныхъ ударовъ. Всѣ любопытные, бывшіе на брачномъ празднествѣ, сбѣжались къ сеиду, и по

всюду разнесся ропотъ о ихъ неудовольствіи. Мирза-Наббы, узнавши о смятеніи, немедленно вышелъ, чтобъ предупредить могущій быть безпорядокъ, и приказалъ Рустемъ-Бегу прекратить истязанія надъ сеидомъ, потому-что не въ силахъ будетъ удержать народнаго возмущенія. Начальникъ мой, съ своей стороны, поспѣшилъ обратиться къ г. Грибоѣдову съ извѣстіемъ обо всѣмъ что происходило, между тѣмъ какъ Мирза-Наббы уговаривалъ сеида сходить за своею женою, она приведена была съ своими дѣтьми и ее повели къ посланнику. Мужъ ея оставался на дворѣ, передъ окнами; въ рукѣ его былъ кинжалъ и онъ объявилъ, что заколетъ себя, если силою отнимутъ у него жену; но если она пожелаетъ оставить его, онъ отпуститъ ее безъ сожалѣнія. Г. Аделунгъ, второй секретарь посольства, родомъ изъ Германіи, какъ будто боялся, чтобъ эта женщина не изъявила желанія возвратиться въ Грузію, Ханъ имѣлъ довольно продолжительное совѣщаніе съ г. Грибоѣдовымъ, который войдя въ комнату, гдѣ находилась эта женщина, спросилъ желаетъ-ли она возвратиться на родину, или остаться въ Персіи. Она отвѣчала, что если предоставляютъ на ея выборъ, то она предпочитаетъ не разставаться съ своимъ мужемъ и съ дѣтьми; г. Грибоѣдовъ приказалъ передать сеиду отвѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отпустить съ нимъ жену его.

Этотъ правосудный поступокъ произвелъ сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, которымъ немедленно былъ онъ объявленъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали развязки дѣла. Въ тотъ же день, Мирза-Наббы пригласилъ г. Грибоѣдова къ обѣду и нѣсколько разъ выражалъ ему признательность жителей города за его правдивый поступокъ съ сеидомъ.

На другой день, русскимъ удалось вывѣдать, и, послѣ долгихъ упорствъ, заставить возвратить дѣвочку лѣтъ 7 или 8, о

которой посланнику дана была особенная записка. Онъ лелѣялъ ее какъ родную дочь.

Послѣ трехдневнаго отдыха въ Казвинѣ, мы выѣхали изъ этого города, въ сопровожденіи Мирзы-Наббы, и значительнаго числа всадниковъ, Принцъ отдалъ въ наше распоряженіе нѣскольких офицеровъ своихъ, съ тѣмъ, чтобъ они помогали намъ въ нашихъ розысканіяхъ.

Въ Рассіабадѣ, селеніи Казвинскаго округа, мой начальникъ имѣлъ случай выполнить одно весьма щекотливое порученіе, довѣренное ему Шахомъ Аббасъ-Мирзой, наканунѣ его отъѣзда. Рустемъ-Бегъ, по обыкновенію своему взыскивалъ деньги какъ за излишекъ провіанта, котораго не требовалось ему, такъ и за тѣ предметы, которыхъ нельзя было достать; это взысканіе дошло до 11 тумановъ; тѣ, которые подвергались подобному взысканію обыкновенно старались, хоть частію отдѣлаться отъ него, — въ состояніи-ли были или не въ состояніи удовлетворить требованіе. Одинъ старикъ, вмѣсто 11 тумановъ представилъ ему тольво 7. Раздраженный такимъ самовольнымъ уменьшеніемъ, Рустемъ — въ порывѣ гнѣва, сильно ударилъ его въ голову. Это самоуправство возбудило родъ возмущенія между поселянами, такъ что неистовые крики ихъ дошли до слуха посланника, который поспѣшно вышелъ изъ своей квартиры, чтобъ узнать о причинѣ шума, тогда Ханъ передалъ ему, что старикъ доставилъ Рустему меньшую сумму, требуемой въ замѣнъ излишка ежедневнаго продовольствія, за что и былъ жестоко битъ. Г. Грибоѣдовъ казался весьма удивленнымъ такимъ поступкомъ своего довѣреннаго, сказалъ что онъ въ первый разъ слышитъ о томъ и упрекалъ Хана, почему ранѣе не донесено ему объ этихъ продѣлкахъ. Ханъ возразилъ: что полагалъ это дѣло не безизвѣстнымъ Е. П., тѣмъ болѣе, что оно ведется такъ, съ самаго начала путешествія и что секретарь его имѣетъ вѣрный счетъ, простирающійся до 160 тумановъ.

Г. Грибоѣдовъ выразивъ на это свое негодованіе, объявилъ даже, что намѣренъ, на обратномъ пути въ Тегеранъ, возвращать на каждой станціи деньги, которыхъ отнюдь не слѣдовало требовать. Ханъ счелъ это обстоятельство благопріятнымъ для исполненія приказаній Аббаса-Мирзы, значавшихся въ слѣдующихъ выраженіяхъ:« «Передайте г. Грибоѣдову благо»дарность мою за то удовольствіе, которое онъ доставилъ «мнѣ своими поступками въ дѣлахъ и сношеніяхъ со мною; «дошедшія до меня свѣдѣнія о его способностяхъ и опытности «удостовѣряютъ меня, что самъ онъ ничего такого не сдѣлаетъ, «что можетъ возмутить доброе согласіе, существующее между «обоими правительствами; къ несчастію я не имѣю той же увѣ«ренности въ тѣхъ, которые сопровождаютъ его. Я усмотрѣлъ «въ ихъ личныхъ и религіозныхъ чувствованіяхъ непріязненныя «расположенія, которыя ужасаютъ меня. Попросите его дер«жать ихъ въ строгомъ повиновеніи; онъ припомнитъ что, не«много тому лѣтъ, я вынужденъ былъ просить объ отрѣшеніи «Делишъ-Бея отъ управленія Таврисомъ, гдѣ онъ безпрестан»ными поборами мучилъ жителей, Рустемъ-Бегъ также чело«вѣкъ весьма не благонамѣренный и я крайне опасаюсь, чтобы «онъ, и ему подобные не ввели г. Грибоѣдова въ какія-нибудь «распри и непріятную путанницу.»

Это предостереженіе принято было Е. П. весьма благосклонно; онъ обѣщалъ, по возвращеніи своемъ въ Тавризъ, уволить находящихся у него въ услуженіи армянъ и грузиновъ, прибавивъ, что до этого времени онъ въ необходимости оставить ихъ при себѣ.

Этимъ случаемъ я имѣлъ счастіе снискать себѣ полное довѣріе г. Грибоѣдова и когда мы ѣхали верхомъ, онъ часто разговаривалъ со мною. Однажды разговоръ навернулся на затрудненіе держать въ должномъ повиновеніи подчинен-

ныхъ; я далъ ему замѣтить, что прислуга въ Персіи неминуемо должна питать недовѣріе къ своимъ господамъ, что это обыкновеніе имѣетъ свои ощутительныя выгоды, что оно не дозволяетъ однимъ, выходить изъ собственнаго своего круга и внушаетъ болѣе уваженія и сознанія въ другихъ. «Англичане, прибавилъ я, съ которыми случилось мнѣ быть, въ разныя времена въ тѣсныхъ сношеніяхъ, отменно понимаютъ эту часть служебной администраціи—и я представилъ ему въ примѣръ, что прислуга англинскаго посольства, хотя весьма значительна, и состоитъ изъ людей различныхъ сословій и странъ, такъ хорошо устроена, что рѣдко случается, чтобъ кто нибудь изъ нихъ рѣшился на предосудительный поступокъ, столь обыкновенный въ прислугѣ знатныхъ сановниковъ.

Наконецъ мы достигли окрестностей столицы, но вмѣсто того, чтобъ направить путь прямо изъ Соллиманіи въ Тегеранъ, мы остановились въ разстояніи 8 миль отъ селенія Кендъ, чтобъ приготовиться къ въѣзду посланника. Каждый одѣлся въ свое лучшее платье, и выбрано четыре или пять красивѣйшихъ лошадей, чтобъ отправить ихъ къ Е. П. Торжественный въѣздъ назначенъ былъ въ воскресенье 5 ч. Реджеба. Солнце было въ созвѣздіи Скорпіона — что считалось злополучнымъ предрѣченіемъ. Я замѣтилъ Хану подъ какимъ грустнымъ знаменованіемъ совершаемъ мы нашъ въѣздъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ на это, что франки не вѣрятъ въ астрологію, по этому напрасно будетъ терять слова, выставляя имъ подобную причину, чтобы отложить въѣздъ.

Недоѣзжая двѣ, или три мили до города, мы встрѣтили нѣсколько придворныхъ конюховъ, которые вели богато осѣдланныхъ лошадей: при нихъ было нѣсколько скороходовъ и значительное число другой прислуги. Это умноженіе поѣзда придало посольству какую то особенную важность. Могаммедъ Велли-Ханъ, начальникъ Афчарской волости, ѣхавшій впереди

значительнаго кавалерійскаго отряда, имѣлъ отъ Хана порученіе принять посланника; при немъ было двое изъ его родственниковъ Эмминъ-Уллахъ и Хаббедъ-Уллахъ-Ханъ, отличные офицеры, за которыми слѣдовалъ другой отрядъ, подъ начальствомъ Мирзы-Могаммедъ-Али-Хана, министра принца-намѣстника Али-Шаха, а за ними тянулось множество почетнѣйшихъ жителей.

Посланникъ остановился у дома покойнаго Могаммедъ-Хана Замборъ-Экчи-Баши. Этотъ домъ былъ великолѣпно убранъ для пріема; въ немъ были роскошныя бани со всѣвозможными прихотями, Въ главныхъ комнатахъ разставлены были подносы, убранные плодами, сластями и вареньями. Въ оградѣ дома находилось нѣсколько большихъ и малыхъ дворовъ, нужно было время, чтобъ размѣстить каждаго изъ членовъ посольства по квартирамъ соразмѣрнымъ ихъ званію. Мирза-Абдулъ Гуссейнъ-Ханъ, племянникъ министра иностранныхъ дѣлъ, былъ назначенъ исправлять должность михманъ-даря; во весь этотъ день онъ былъ въ безпрерывномъ движеніи, чтобъ удостовѣриться точно ли исполняются приказанія начальства. Ко входу дома, занимаемаго посланникомъ, приставленъ былъ почетный караулъ, составленный изъ пѣхотной роты Фураганъ, въ 80 ч,, подъ начальствомъ Могаммедъ-Али-Хана; братъ его Кади-Бегъ, маіоръ того же отряда, ежедневно повѣрялъ этотъ караулъ, Сверхъ того отряжено было для услугъ Е. П. 15 Шахскихъ феррашей, которые находились въ переднихъ дворахъ, для того чтобы недопускать толпу. Ханъ имѣлъ помѣщеніе въ посольствѣ со всѣми вмѣстѣ, хотя обязанности его михманъ-даря прекратились со въѣздомъ нашимъ въ Тегеранъ.

На другой день своего пріѣзда, посланникъ отправился къ главнымъ лицамъ съ почетнымъ визитомъ; онъ началъ съ Мирзы Абдулъ-Гуссейнъ-Хана, министра иностранныхъ дѣлъ, одного изъ почетнѣйшихъ и важнѣйшихъ сановниковъ государства,

потомъ посѣтилъ нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ, почти равныхъ по должности съ этимъ министромъ, а именно: Мирзу Могаммедъ-Али-Хана, брата его Могаммедъ-Бокеръ-Хана и Махмудъ Хана, командующаго гвардіею и оберъ-церемонимейстера, все это исполнилось въ наилучшемъ порядкѣ; въ тотъ же день Е. П—ву доставлено было значительное количество плодовъ, вареній и сластей.

Весь церемоніалъ аудіенціи и представленія Шаху былъ расположенъ съ общаго согласія и исполненъ въ среду въ 8 д. мѣсяца Реджеба, За часъ до полудня оберъ-церемоніймейстеръ Махмудъ-Ханъ, прибылъ за посланникомъ, чтобы везти его во дворецъ, при немъ была свита изъ 8 ч. *пессектизъ*, 15 зархій и 11 феррашей, для оказанія почета посольству. Г. Грибоѣдову подвели верховую лошадь изъ конюшенъ Шаха. Между тѣмъ какъ поѣздъ медленно тянулся по безконечнымъ базарамъ; торговцы привѣтствовали посланника по европейски, то есть, снимая съ головы папахи, и когда Е. П. проѣзжалъ внутренніе дворы, приближаясь уже къ зеркальной залѣ, гдѣ Шахъ, во всемъ блескѣ своего царскаго величія, возсѣдалъ на тронѣ, сановники Е. В. хранили видъ благоговѣйнаго почтенія. Я могъ слѣдовать за г. Грибоѣдовымъ только до воротъ сада къ зеркальной залѣ, откуда вышелъ онъ, спустя 50 минутъ. Тутъ узналъ я, что онъ вручилъ свои ввѣрительныя грамоты Шаху и что церемонія совершилась къ общему удовольствію, однако нѣкоторыя лица непримянули замѣтить, что онъ слишкомъ долго сидѣлъ передъ Е. В. Шахомъ, у котораго была корона на головѣ, а одежда унизанна самыми драгоцѣннѣйшими каменьями; тяжесть ихъ до того утомила Е. В., что по оканчаніи аудіенціи, онъ поспѣшилъ освободиться отъ этихъ блестящихъ знаковъ своего царскаго величія.

По выходѣ изъ дворца г. Грибоѣдовъ изъявилъ желаніе посѣтить принца намѣстника; но это посѣщеніе принуждены

были отложить до другаго раза, потому что еще не было испрошено позволеніе Е. В. къ принятію посетителя. Тогда г. Грибоѣдовъ приказалъ проводить себя къ Эмминъ-ед-Даулаху, котораго полагалъ, какъ узналъ я впослѣдствіи, первымъ министромъ государства и который оказывалъ ему вниманіе, достойное его званія. Только спустя два или три дня—послѣ почетныхъ визитовъ, посланникъ имѣлъ свиданіе съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Нашли весьма страннымъ, что г. Грибоѣдовъ не старался войти въ сношенія съ Мирзой Абдулъ-Вагубомъ, (Монтемедъ-ед-Даулахъ) верховнымъ министромъ, всѣми уважаемымъ за глубокую ученость и превосходныя качества; онъ, по важности своего званія, мѣста и власти, ничѣмъ не уступалъ сопернику своему Эммину.

Намѣстникъ, думая уклониться отъ чести принять посланника, изъявилъ желаніе чтобы посѣщеніе его было въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда Шахъ выѣдетъ изъ столицы, но принужденъ былъ склониться на неотступныя просьбы Е. П.

До второй аудіенціи Шаха, бывшей 12 или 14 дней по нашемъ пріѣздѣ, весь дворъ былъ занятъ мыслею какъ бы доставить удовольствіе посланнику. Эмминъ-ед-Даулахъ, Мирза Абдулъ-Гуссейнъ-Ханъ, и Мирза Могаммедъ Али-Ханъ старались перещеголять одинъ другаго, давая блестящія празднества и угощенія посольству, тутъ было какое-то соревнованіе, одушевлявшее и особенно занимавшее этихъ знатныхъ особъ; всюду были пиры, иллюминаціи, фейерверки. Съ этого же времени я сталъ замѣчать, что дружеское расположеніе не чувствительно слабѣло. Во время этой аудіенціи посланникъ вручилъ копію съ заключеннаго мирнаго договора—причемъ снова замѣтили, что онъ опять слишкомъ долго сидѣлъ въ присутствіи Е. В. Употребленное Шахомъ слово *Мерраджанъ* (отпускъ! когда Е. В.-у показалось, что аудіенція слишкомъ продолжительна, было сочтено г. Грибоѣдовымъ явной обидой на-

несенной ему, какъ представителю Е, И. В. Государя Всероссійскаго, и по этому онъ въ нотѣ, предложенной на имя министра иностранныхъ дѣлъ—рѣзко намекнулъ на неумѣстность этого выраженія—и хотя министръ, въ отвѣтъ на его ноту, изложилъ свое мнѣніе, что слово: *мерраджанъ*, въ общемъ значеніи, не имѣетъ ничего оскорбительнаго и даже невѣжливаго — объясненіе показалось не совсѣмъ удовлетворительнымъ; но и Гуссейнъ-Ханъ также счелъ себя въ правѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія посланнику, въ томъ, что въ корреспонденціи введено въ обычаи не давать другаго титула персидскому повелителю кромѣ Шаха (*Кадемети шахъ*).

Я не могъ дознаться вполнѣ о сущности споровъ, возникшихъ по случаю трактата. Говорили будто бы Е. В. не соглашался на многія статьи, показавшіяся ему слишкомъ стѣснительными, и будто бы г. Грибоѣдовъ объявилъ, что онъ не можетъ ни уничтожить ихъ ни измѣнить. Впрочемъ, обязательства долженствовавшія возникнуть изъ этого договора въ ущербъ или въ пользу, были подвергнуты самому тщательному разсмотрѣнію, ратификованы съ той и съ другой стороны и сдѣлались неизмѣнными.

Въ двухъ или трехъ случаяхъ были довольно серьозные споры между людьми изъ черни и слугами свиты посланника: Холопы одного персидскаго дворянина избили посольскаго слугу, по имени Александра, любимца и молочнаго брата; г. Грибоѣдова, они спаслись отъ ожидавшаго ихъ заслуженнаго наказанія бѣгствомъ изъ города. Былъ и другой случай: на базарѣ разбили у одного казака бутылку съ водкой, — это могло случиться отъ неосторожности и могло быть и съ намѣреніемъ, вообще всѣ жаловались на посольскую прислугу. Виновный былъ схваченъ и строго наказанъ мѣстной полиціей.

Каждое утро Мирза Абдулъ-Гуссейнъ-Ханъ приказывалъ раздавать посольскимъ людямъ, всякаго рода продовольствіе, но

съ прибытіемъ нашимъ въ столицу, ежедневная дача производилась въ половину того, что отпускалось во время пути. Въ первые дни не видать было армянъ у русскаго посланника; надо и то сказать, что ферраши не допускали ихъ, но, мало по малу, данныя по этому предмету приказанія, стали слабѣй исполняться. Сперва дозволяли свиданье друзьямъ Мирзы Перримана, потомъ знакомымъ Рустемъ-Бега, наконецъ доступъ сдѣлался общимъ и распространился даже на грузинскихъ купцовъ проживавшихъ въ каравансераѣ.

Дадашъ-Бегъ былъ отправленъ въ Табризъ въ Эндальскую гавань, для наблюденія за транспортнымъ судномъ съ подарками, назначенными Его Императорскимъ Величествомъ Шаху. Имъ слѣдовало прибыть въ слѣдъ за посольствомъ, но они, незнаю по какой причинѣ, были нѣсколько дней задержаны въ Астраханѣ, и по обстоятельствамъ, также мнѣ неизвѣстнымъ, зашли въ небольшую гавань Сарри-Понглахъ. Замедленіе въ прибытіи этого богатаго груза, безъ сомнѣнія было весьма непріятно; подарки произвели бы самое благопріятное впечалѣтніе на Шаха и его министровъ, и привлекли бы вниманье ихъ какими нибудь лоскутьями, ибо ничто такъ не занимаетъ моихъ соотечественниковъ какъ подарки какой бы цѣнности они ни были.

Г. Грибоѣдовъ имѣлъ постоянное желаніе возвратиться къ своему семейству въ Тавризъ. Между нимъ и министрами Шаха положено было выѣхать ему изъ столицы въ самомъ скоромъ времени, Онъ оставлялъ по себѣ перваго секретаря посольства г. Мальцева и переводчика Мирзу Перримана, для сдачи Высочайше пожалованныхъ подарковъ. Однако мнѣ какъ-то невѣрилось, чтобъ г. Грибоѣдовъ не привезъ съ собою какихъ нибудь бездѣлушекъ, для подарковъ на всякій случай, — и точно, я вскорѣ узналъ, что онъ предложилъ Шаху 25 штукъ, вычеканенныхъ изъ платиннаго золота

монетъ—15 ш. Эммину, 10 Мирзѣ Могаммедъ-Али-Хану и 5 Мирзѣ Абдулъ-Гуссейнъ-Хану.

Прошло только три недѣли съ пріѣзда нашего въ Тегеранъ, а уже взаимныя расположенія благосклонности до того измѣнились, что Мирза Нерримапъ, однажды сказалъ мнѣ: «Какая перемѣна! какая холодность!.... надо намъ ѣхать.... пора!...»

Обязанности посланника были въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ весьма затруднительны; человѣкъ 9 или 10 армянъ, которыхъ родственницы были похищены персіянами, послѣдовали за нимъ въ Табризъ; эти люди неотступно приставали къ посланнику объ освобожденіи несчастныхъ плѣнницъ, такъ что онъ не могъ изъ дому вытти безъ того, чтобъ непреслѣдовали его докучными просьбами. И только что успѣвалъ выручить одну изъ похищенныхъ жертвъ, къ нему поступали новыя просьбы. Освобожденіе этихъ женщинъ сильно раздражало тѣхъ у кого ихъ отнимали; они пріобрѣли ихъ за деньги и не хотѣли выпустить даромъ. Многія изъ женщинъ похищенныхъ, персіянами, уже были возвращены посланнику въ Казвинѣ, въ Зеджанѣ и въ самой столицѣ.

Когда день отъѣзда г. Грибоѣдова былъ окончательно назначенъ, 27 ч. мѣсяца Реджеба, Зограбъ-Ханъ, казначей Е. В. привезъ назначенные Шахомъ подарки, какъ собственно лицу Е. П. такъ и всей его свитѣ.

Посланникъ получилъ орденъ Льва и Солнца 1-й степени, украшенный алмазами, золотое съ финифтьевою отдѣлкою ожерелье, для того же ордена, богато вышитую кашемировую шаль, для ношенія вмѣсто плаща, двѣ другаго рода, превосходнаго качества шали, жемчужное ожерелье, мѣшокъ съ тысячью голландскими червонцами, прекрасную лошадь съ золотой уздечкой, украшенной драгоцѣнными каменьями, золотую цѣпь и сѣдло съ золотой бляхой.

Первый и второй секретари посольства г. Мальцевъ и г. Аделунгъ получили тотъ же орденъ Льва и Солнца 2-й степени съ алмазными украшеніями и по двѣ шали.

Грузинскій князь получилъ тотъ же орденъ 2-й степени, съ алмазами и двѣ шали.

Мирза Нерриманъ двѣ шали.

Дадашъ-Бегъ орденъ и двѣ кашемировыя шали.

Наконецъ розданы были казацкимъ офицерамъ золотыя медали, а солдатамъ серебряныя.

Всѣ члены посольства были въ неописанномъ восторгѣ, получивъ эти безчисленныя доказательства щедроты персидскаго монарха, только одно лицо не раздѣляло общаго удовольствія,— а именно Грузинъ Рустемъ-Бегъ. Три раза отступившійся отъ своей вѣры, онъ считалъ себя равнымъ съ Дадашъ-Бегомъ, а ему недали ни ордена ни шалей, и я слышалъ какъ онъ, въ порывѣ неистоваго гнѣва, восклицалъ: «Неужели я менѣе до-«стоинъ награды этого глупца Дадаша, который ровно ничего «не смыслитъ? Я ему дамъ знать о себѣ, я такую заварю ему «сумятицу, что голова у него слетитъ съ плечь.»

Посланникъ приказалъ выдать 200 червонцевъ Зограбъ-Хану, доставившему награды и подарки Шаха. На другой день ему назначена прощальная аудіенція, всѣ новопожалованные кавалеры надѣли ордена. Эта аудіенція довольно сносно сошла съ рукъ, однако Шахъ опять употребилъ и даже весьма внятнымъ голосомъ слово *мерраджанъ*, которое такъ противно было Е. П. и казалось ему столько же оскорбительнымъ сколько непріятно было его упорство сидѣтъ передъ Шахомъ и быть слишкомъ развязнымъ въ обращеніи своемъ въ присутствіи Е. В.

Однимъ словомъ, всѣ дѣла были кончены, представитель Россійскаго правительства былъ принятъ со всѣмъ должнымъ отличіемъ и почестями; всѣ члены посольства казалось были

довольны и я съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ приближеніе нашего отъѣзда, ибо частныя сношенія мои съ соотечественниками дали мнѣ замѣтить, что тайные зародыши негодованія уже развивались въ ихъ сердцахъ. Вотъ еще одно особенное обстоятельство, по которому я также подозрѣвалъ, что существовало охлажденіе между дворомъ и г. Грибоѣдовымъ. Я имѣлъ намѣреніе купить для г. Мальцева лошадь, принадлежавшую офицеру, который состоялъ въ свитѣ Е. В. Мы сошлись въ цѣнѣ; я отправился къ продавцу, для врученія ему денегъ и ружья, которое г. Мальцевъ посылалъ ему въ подарокъ, но офицеръ, будто-бы опасаясь немилости Шаха, сказалъ мнѣ, вѣжливо извиняясь, что къ крайнему сожалѣнію не можетъ согласиться на продажу и, чтобъ не показаться неучтивымъ, возвратилъ черезъ нѣсколько дней присланное въ подарокъ ружье. Все было готово къ назначенному дню отъѣзда; наняты были волы, для перевозки нашего груза, Мирза Нерриманъ показалъ мнѣ распредѣленіе на 1700 тумановъ, предназначенныхъ г. Грибоѣдовымъ въ награду михманъ-дарамъ, офицерамъ, нижнимъ служителямъ и гвардіи. Е. П, былъ въ восторгѣ при мысли скоро увидѣть свою молодую и милую супругу, (изъ грузинскаго княжескаго дома и необыкновенной красоты); она была любимымъ и постояннымъ предметомъ его разговора, мы дѣлили съ нимъ эту радость, будущее представлялось намъ, какъ прекрасное лѣтнее солнце, но вскорѣ горизонтъ нашъ помрачился.

Въ вечеръ того дня, въ который Зографъ-Ханъ представилъ *калааци*, (подарки Шаха) евнухъ Мирза-Якубъ взошелъ, въ сопровожденіи слуги въ домъ посланника. Онъ прямо обратился къ Мирзѣ Нерриману, который въ ту же минуту доложилъ г. Грибоѣдову, что Мирза-Якубъ желаетъ возвратиться на свою родину въ Эривань и проситъ принять его подъ покровительство русскихъ законовъ. Г. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что

не можетъ принять къ себѣ человѣка, который воровски и въ ночное время входитъ въ его домъ, что приказываетъ ему немедленно удалиться, и ежели намѣреніе его неизмѣнно, то онъ можетъ вторично обратиться съ этою просьбою въ слѣдующій день утромъ. Мирза-Якубъ повиновался, но на другой день возвратился съ слугой, въ сопровожденіи Мирзы Перримана, вышедшаго изъ дому на разсвѣтѣ. Ему отвели помѣщеніе во дворѣ, сосѣдственномъ съ домомъ занимаемымъ г. Грибоѣдовымъ.

Этотъ человѣкъ,—появленіе котораго между нами было причиною столькихъ несчастій—родился въ Эриванѣ, отъ родителей низкаго происхожденія, проживающихъ и теперь въ этомъ городѣ. Отецъ его былъ армянинъ и садовникъ Могаммедъ-Хана, наслѣдственнаго правителя этой провинціи. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Тегеранъ въ 1226 г. (1808 г.) въ то время, когда генералъ князь Циціановъ осаждалъ этотъ городъ и тогда же опредѣленъ въ сераль знаменитаго Гольденъ-Исмаилъ-Хана. Послѣ того какъ этотъ садовникъ подвергся опалѣ — онъ, спустя нѣсколько лѣтъ, поступилъ въ службу Шаха и постепенно заслуживалъ себѣ довѣріе монарха, осыпавшаго его своими милостями; уже и въ то время, о которомъ я говорю, Якубъ занималъ важную должность казначея и главнаго хранителя всѣхъ сокровищь и богатствъ гарема.

Мы, знавшіе какія чувства питаютъ наши соотечественники къ этому роду людей и убѣжденные, что Шахъ, изъ одного чувства честолюбія скорѣй согласится развестись съ одной изъ своихъ женъ, нежели отпустить отъ себя Мирзу Якуба, мы ужаснулись неизбѣжнымъ послѣдствіямъ, которыя могли произойти въ слѣдствіе пріема, оказаннаго посланникомъ евнуху. Разсматривая это дѣло со всѣхъ сторонъ мы дознали, что въ силу послѣдняго мирнаго трактата, г. Грибоѣдовъ имѣлъ право принимать подъ покровительство свое тѣхъ лицъ, которыя

пожелаютъ возвратиться въ русскія владѣнія, но съ другой стороны, мы никакимъ сужденіемъ не могли дойти до предположенія, чтобъ гордость царя царей и строгія правила гарема допустили бы Е. В. показать въ этомъ случаѣ послабленіе, столь противуположное съ идеями о правѣ собственности и столь способное унизить его въ глазахъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Онъ уже много перенесъ униженій въ слѣдствіе послѣдней войны и совершенно упалъ въ общемъ мнѣніи; онъ собственноручно вручилъ, такъ сказать, значительную часть своихъ сокровищъ, столь долгое время собираемыхъ, а теперь предстояло ему отказаться отъ правъ надъ рабомъ, имѣющимъ во власти своей самое щекотливое управленіе, надъ рабомъ, которому были вполнѣ извѣстны всѣ тайны, и который могъ сообщить самыя подробныя свѣдѣнія о его богатствахъ, состоявшихъ въ золотѣ, серебрѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ.

Русское правительство, не имѣя въ виду никакого приращенія своему могуществу, покровительствуя такому человѣку какъ Мирза Якубъ, давало намъ предполагать, что въ дѣйствіяхъ министра скрываются намѣренія противныя благосостоянію Персіи. — Еслиже такого намѣренія небыло, то почему не уговорить этого несчастнаго о сохраненіи своего положенія—во сто кратъ выше того чего онъ стоилъ? Мы терялись въ соображеніяхъ.

Только что министры и Манукширъ-Ханъ, главный начальникъ евнуховъ, узнали о бѣгствѣ и укрывательствѣ Мирзы Якуба,—то письменно обратились къ посланнику, представляя ему о неприличіи давать пріютъ такому бѣглецу. Послѣдній, непоколебимый въ своемъ рѣшеніи, совѣтами ли г. Грибоѣдова, или убѣжденіями его въ томъ, что ему никакого не будетъ сдѣлано зла, согласился отправиться, въ сопровожденіи г. Мальцева и переводчика Мирзы Нерримана, къ Манукширъ-Хану, чтобъ объясниться съ этимъ послѣднимъ о намѣреніи воз-

вратиться въ Эривань — мѣсто своей родины. Свиданіе обошлось какъ нельзя лучше, казалось даже, что Манукширъ-Хану удалось побѣдить упорство своего подчиненнаго, и онъ, вмѣсто того, чтобъ возвратиться въ посольскій домъ, отправился на свою квартиру, но вечеромъ того же дня, опять явился въ домъ посланника съ самыми необходимыми пожитками, какъ то: постелью, коврами, посудой и пр. и окончательно расположился тутъ на житье.

Гроза начала бушевать. На другой день домъ Мирзы-Якуба былъ, по повелѣнію Шаха, описанъ и запечатанъ, а г. Грибоѣдову офиціально сообщено, что этотъ несчастный скрылся, не отдавъ отчета въ суммѣ отъ 30 до 40 тысячь тумановъ. Не могу въ точности припомнить въ эти смутныя минуты день и часъ, въ которые случились различныя обстоятельства этого злополучнаго происшествія. Вечеромъ, уже довольно поздно, Рустемъ-Бегъ напрасно пытался перевезти остальныя вещи, украшавшія квартиру Мирзы-Якуба. Онъ взялъ съ собою нѣсколько слугъ, съ запряженными муллами и, сорвавъ наложенныя на дверяхъ печати, уже сдвинулъ нѣкоторую часть мебели, чтобъ увезти ее,—какъ вдругъ явилась съ угрозами, пробудившаяся стража, и все это немедленно кончилось бы дракой, еслибъ Рустемъ не счелъ благоразумнымъ удалиться.

До сихъ поръ г. Грибоѣдовъ оказывалъ нѣкоторое расположеніе, чтобы удовлетворить министровъ, не выходя однако изъ границъ своихъ обязанностей. Опасеніе подвергнуться строгому наказанію и даже смертному приговору, удерживало Мирзу-Якуба покориться своему долгу, равнымъ образомъ, онъ сопротивлялся убѣжденіямъ посланника, уговаривавшаго его отправиться въ Табризъ и опять поступить на службу Аббаса-Мирзы. Товарищъ мой отправился къ Манукширъ-Хану въ то время какъ г. Мальцевъ и Мирза-Нерриманъ отводили къ нему Мирзу-Якуба, онъ нашелъ сего послѣдняго весьма раздраженнымъ,

нанесенными ему оскорбленіями, когда онъ переходилъ черезъ внутренніе темные дворы, которые вели къ покоямъ; нѣсколько изъ гаремскихъ слугъ, осыпали его ругательствами и плевали на него: также и одежда Мирзы-Перримана порядочно потерпѣла отъ ихъ наглыхъ дерзостей. Вотъ что отвѣчалъ Мирза-Якубъ на обвиненіе его въ покражѣ денегъ и драгоцѣнностей: «Надо быть безъ совѣсти и не имѣть вѣры, чтобъ на«клеветать на меня подобную подлость.»—Это значило подлить масло въ огонь; неумѣстное возраженіе это навлекло ему горькія замѣчанія и Ханъ, видя что затрудненія все болѣе и болѣе увеличиваются къ продолженію спора между людьми столько раздраженными, приказалъ Рамизанъ-Бегу, феррашу Шаха, отвести Мирзу-Якуба въ посольскій домъ и блюсти, чтобъ ему не было нанесено оскорбленія. Вскорѣ послѣ того и онъ послѣдовалъ за ними.

Г. Грибоѣдовъ показалъ крайнее негодованіе за обиды нанесенныя обоимъ мирзамъ. «Они плевали не на Мирзу-Яку-«ба!—вскричалъ онъ—они плевали на лицо мною представляе-«мое и собственно на меня; такое поведеніе не можетъ быть «стерпимо.» Ханъ всячески старался умѣрить справедливый гнѣвъ посланника, представляя ему, что оскорбленіе нанесено людьми слишкомъ низкаго званія и потому достойно презрѣнія, также какъ и оскорбленіе, нанесенное Мирзой-Якубомъ религіи тѣхъ людей, съ которыми онъ имѣлъ столкновеніе и которые положеніемъ своимъ въ свѣтѣ, заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія. На это г. Грибоѣдовъ еще не оправившійся отъ волненія, живо обратился къ Мирзѣ-Якубу и сказалъ: какъ могъ онъ имѣть столько дерзости, чтобъ коснуться такихъ важныхъ предметовъ и какъ священное слово религіи могло вырваться изъ его устъ. Якубъ, вторично отвергая отъ себя обвиненіе въ покражѣ, съ гордостію объявилъ, что онъ выразилъ

только свое мнѣніе, и что обвиненіе въ которомъ обличали его такъ злобно не имѣло ни совѣсти ни религіи.

Послѣ подобной сцены нельзя было и думать о примиреніи и дружескомъ объясненіи. — Около 29 ч. Реджеба г. Грибоѣдову назначена была частная аудіенція у Шаха, которая ничего не принесла удовлетворительнаго. Положено было однако подвергнуть обвиненіе противъ Мирзы-Якуба на разсмотрѣніе суда, подъ предсѣдательствомъ Мирзы-Мезиха, верховнаго муллы Тегерана. Мирза Якубъ выразилъ противъ такого рѣшенія нѣкоторое неудовольствіе, основываясь на томъ, что по магометанскимъ законамъ нѣтъ никакой пощады тому, кто отрекся отъ исламизма, ибо уже одинъ этотъ поступокъ есть преступленіе, заслуживавшее смертную казнь. Къ тому же Мирза-Якубъ осмѣлился отозваться въ самыхъ смѣлыхъ выраженіяхъ о домашней жизни Шаха и о его многочисленномъ семействѣ и вонзить жало своего осужденія даже въ святость духовнаго сана. Я помню какъ разсказывалъ онъ однажды приключенія случившіяся внутри гарема, которыя долженъ бы хранить въ тайнѣ, я даже прервалъ его, давъ ему замѣтить, что почести, которыми онъ столько времени пользуется отъ Шаха, должны внушать ему молчаніе о тѣхъ предметахъ, о которыхъ онъ говоритъ такъ необдуманно.

Г. Грибоѣдовъ поступилъ не совсѣмъ осторожно, оказывая излишнее снисхожденіе Мирзѣ Якубу, но и въ этомъ случаѣ его мало можно упрекнуть. Этотъ евнухъ обѣдывалъ съ нимъ за однимъ столомъ, или приказывалъ приносить въ свою комнату блюда, приготовленныя на посольской кухнѣ, но уже не хотѣлъ обѣдать съ нами, опасаясь чтобъ его не отравили.

Шахъ между тѣмъ, какъ видно было, отказывался отъ мысли возвратить этого бѣглеца, равно и двухъ или трехъ слугъ, которыхъ онъ увлекъ съ собою; съ другой стороны г. Грибоѣдовъ былъ увѣдомленъ, что Е. В. взялъ назадъ свое

согласіе на то, чтобъ г. Мальцевъ и Мирза Нерриманъ, по отъѣздѣ его, имѣли бы пребываніе въ столицѣ, опасаясь какихъ нибудь непріятныхъ столкновеній, могущихъ возникнуть отъ ихъ неопытности въ дѣлахъ.

1-го ч. Шаббана Мирза Якубъ, въ сопровожденіи г. Мальцева и Мирзы Нерримана, отправился, какъ уже было условлено, къ Мирзѣ Мессиху. Послѣ цѣлаго часа ожиданія, ему дали знать, что верховный мулла не совсѣмъ здоровъ и неможетъ выслушать его дѣла. И такъ этотъ визитъ былъ безполезенъ.

Около дома столпилось множество народу и Мирза-Мессихъ разсудилъ не принимать его къ себѣ, боясь не удержаться отъ справедливаго омерзенія, ибо увлеченный ревностію, онъ могъ бы назвать Мирзу Якуба богоотступникомъ, невѣрующимъ (Каффаромъ) и тѣмъ могъ бы дать поводъ народу забросать его каменьями и дойти до послѣдняго неистовства.

По указаніямъ, сообщеннымъ Мирзой Якубомъ, приступлено было съ новою бдительностію къ отысканію жертвъ, попавшихъ въ плѣнъ и въ особенности одной христіанки, по имени *Таллаань*, которая особенно славилась своею красотою. Стали также понуждать Мати-Кули-Хана, сына Гуссейнъ-Хана, послѣдняго правителя Эриванской провинціи, къ освобожденію нѣсколькихъ женщинъ, которыхъ, какъ дознано было, привезъ онъ съ собою, или которыхъ отецъ его прислалъ ему изъ этого города въ подарокъ. Двухъ изъ нихъ онъ уступилъ Али-Яръ-Хану, бывшему первому министру, и просилъ, чтобъ послѣдній дозволилъ г. Грибоѣдову убѣдиться въ согласіи ихъ и возвратиться на родину, что тогда онъ Матти-Кули-Ханъ, освободится отъ настоятельныхъ требованій русскихъ. Бывшій первый министръ, силясь доказать, что сохранилъ въ памяти, милости оказанныя ему г. Грибоѣдовымъ, въ бытность свою въ плѣну въ Табризѣ, охотно принялъ эго предложеніе. Въ слѣдствіе чего нѣсколько армянъ, вмѣшавшихся въ свиту посланника, чтобы исторгнуть

родственницъ своихъ изъ рабства, отправились въ сопровожденіи Рустема и Ага-Могаммеда-Али, помощника Феррашъ-баши Шаха Аббаса къ Али-Яръ-Хану. Въ присутствіи ихъ привели молодую женщину и дѣвочку лѣтъ 13 или 14, но никто ихъ не призналъ своими и онѣ не изъявили никакого желанія оставить своихъ настоящихъ покровителей. Али-Яръ-Ханъ, въ избѣжаніе дальнѣйшихъ поисковъ, запасся предосторожностію, пригласивъ нѣсколькихъ согражданъ своихъ, весьма уважительныхъ по наружности, присутствовать при свиданіи, дабы—въ случаѣ нужды—подтвердить о произшедшемъ. Вечеромъ того же дня Могаммедъ-Али просилъ моего ходатайства у Хана о предупрежденіи г. Грибоѣдова противъ вѣроятнаго доноса со стороны Рустемъ-Бега объ этихъ женщинахъ, потому что послѣдній во всеуслышаніе объявилъ, что похититъ младшую изъ нихъ, хотя бъ это стоило ему жизни. На другой день, рано утромъ: (немогу сказать было ли это извѣстно посланнику) Рустемъ явился къ Али-Яръ-Хану, съ письмомъ своего начальника, который просилъ прислать этихъ двухъ плѣнницъ въ посольскій домъ, чтобы Е. П. могъ лично убѣдиться о ихъ истинномъ расположеніи. Онѣ были приведены безъ особеннаго сопротивленія, въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ и Могамметъ-Тахисъ-Бека, нарѣченнаго, молодой дѣвицы. Послѣдняго не допустили войти въ посольскій домъ, а товарищамъ его не дали даже вступить во внутренній дворъ. Допрошенныя г- Грибоѣдовымъ обѣ женщины отвѣчали весьма внятно, что никакого желанія не имѣютъ оставлять Тегерана, но въ злополучную минуту уступили вкрадчивому предложенію Рустема остаться на день, или два въ посольскомъ домѣ.

Не имѣя аргусовыхъ глазъ своихъ повелителей надъ собою, не чувствуя никакой узды и никакого побужденія, привязанныя къ прежнимъ религіознымъ вѣрованіямъ, любовь къ отечеству пробудилась въ ихъ сердцахъ и преодолѣла всякое другое чув-

ство. Онѣ были поручены попеченію и бдительному надзору Мирзы-Якуба и помѣщены въ отдѣленіи, смѣжномъ съ его комнатами, куда приставлено было двое часовыхъ изъ ферраха-новъ, пѣхоты, дабы воспрепятствовать всякому съ ними сообщенію. Слуги Али-Яръ-Хана возставали противъ этого поступка и, сожалѣя о добродушномъ довѣріи своего господина, печально разошлись.

Искренняя привязанность питаемая нами къ г. Грибоѣдову еще болѣе заставляетъ насъ скорбѣть о жестокости этихъ поступковъ. Видя, какъ нельзя яснѣе, каково было общественное мнѣніе, мы очень хорошо знали, что не слѣдовало подавать причинъ къ раздраженію, которое въ настоящее время могло быть крайнѣ опаснымъ.

Нашъ народъ свирѣпъ, жестокъ, вспылчивъ, и не разсудителенъ, его нельзя лучше сравнить, какъ съ кремнемъ, который при малѣйшемъ ударѣ раждаетъ искру.

Товарищъ мой не могъ долѣе скрыть своего опасенія, онъ сталъ убѣдительно просить г. Грибоѣдова отпустить плѣнницъ къ Али-Яръ-Хану и доказывалъ о пользѣ этого примирительнаго поступка, но всѣ просьбы и убѣжденія его остались безполезными: г. Грибоѣдовъ далъ даже почувствовать моему товарищу какъ непріятно ему его вмѣшательстно. Ханъ справедливо обиженный, дня два или три не видѣлся съ посланникомъ, который наконецъ послалъ просить его къ себѣ и они помирились. Мирза-Матти, секретарь Шаха, не разъ старался объясниться съ г. Грибоѣдовымъ именемъ Али-Яръ-Хана; министръ иностранныхъ дѣлъ—употреблялъ всѣ возможныя средства, чтобъ уладить дѣло Мирзы-Якуба, но г. Грибоѣдовъ ни о чѣмъ не хотѣлъ слышать.

На третій день, послѣ возвращенія въ посольскій домъ, женщины изъявили желаніе отправиться на родину въ посадъ Кхара-Клиссіяшъ, расположенный на границѣ Эриванской про-

винціи. Чистосердечно-ли было это желаніе? незнаю — знаю только, что посредничествомъ персидскихъ агентовъ, онѣ имѣли безпрерывныя сношенія съ служителями Али-Яръ-Хана, который безпрестанно бродилъ около ихъ новаго помѣщенія. Могаммедъ Тахисъ-Бегъ, нарѣченный женихъ молодой дѣвушки, часто хаживалъ комнѣ съ однимъ довѣреннымъ лицомъ Али-Яръ-Хана, но Мирза-Якубъ сообщилъ мнѣ, что эти посѣщенія не нравятся посланнику и я вынужденъ былъ прекратить ихъ.

Отъѣздъ нашъ окончательно былъ назначенъ на 7 или 8 ч. Шаббана, а 5 ч. женщины были отправлены, по приказанію Рустема, въ баню, которая помѣщалась въ зданіи посольства, но составляла особое отдѣленіе. Это было верхъ безразсудства. Слуги Али-Яръ-Хана силою старались похитить этихъ женщинъ во время ихъ возвращенья. Если г. Грибоѣдову не было извѣстно, что онѣ отправлены были въ баню, то поднявшійся шумъ, по возвращеніи ихъ, долженъ былъ извѣстить его о томъ. Я послѣ узналъ, что онъ тщетно выговаривалъ и тщетно угрожалъ лицамъ своей свиты, которыя все болѣе и болѣе ставили его въ опасное положеніе. Самые неблаговидные отзывы о его репутаціи, какъ блуждающіе метеоры, быстро разнеслись по всѣмъ частямъ города, всѣ муллы созваны были на собраніе и въ тотъ же вечеръ Мирза-Мессихъ предсѣдательствовалъ надъ ними въ одной изъ главныхъ мечетей.

Они объявили, что всякому терпѣнію есть предѣлы, что религіи ихъ нанесено оскорбленіе, Е. В. Шахъ явно униженъ, самыя священныя права ихъ попраны и поэтому единогласно рѣшено немедленно отправить къ князю намѣстнику Али-Шаху депутацію Молакковъ съ предупрежденіемъ, что ежели посланникъ Русскаго двора не согласится выдать Мирзу-Якуба и двухъ женщинъ, то народъ силою возметъ ихъ изъ посольскаго дома. Е. С. убѣдительно просилъ, чтобы насиль-

ственныя мѣры были удержаны до послѣдняго рѣшенія посланника.

Узнавъ обо всемъ, что произошло въ мечети, я сообщилъ свои свѣдѣнія Мирзѣ Перриману въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли бы убѣдить его о предстоящей опасности. Онъ смѣялся надъ моимъ безпокойствомъ и сказалъ: «мы можемъ уподобиться Амберанскимъ (*) верблюдамъ, которые уже привыкли къ пороху,«

Припоминаю здѣсь, еще объ одномъ разговорѣ моемъ съ нимъ. Однажды онъ показалъ мнѣ офиціальную ноту, которая, по приказанію посланника, сообщена была имъ министрамъ Е. В—а, она ничего важнаго не заключала въ себѣ кромѣ того, что слово *Шахъ*, было поставлено безъ предшествовавшаго ему титула, что и удивило меня. Я замѣтилъ ему, что не мѣшало бы и даже благопристойность требовала бы написать. Е. В. Шахъ, или царь царей, или покровитель міра,—выраженія употребляемыя вѣжливостію съ незапамятныхъ временъ и принятыя нашими государями. Другія Европейскія націи — прибавилъ я, — въ особенности Англичане, иначе не поминаютъ имени Шаха, какъ съ отмѣнно изысканнымъ почтеніямъ; почему бы и Русскимъ агентамъ не ввести эти формулы вѣжливости? — «О! какая разница — возразилъ Мирза — Россія «находится въ такомъ положеніи, что ей повинуются, между «тѣмъ, какъ Англія ничего не можетъ добиться иначе, какъ «своимъ угожденіемъ и лестью».

Въ теченіе дня вторника 5 шаббана Мирза Абдулъ-Вахабъ изъявилъ желаніе видѣться съ г. Грибоѣдовымъ у Могаммедъ Велли-Хана-Афчара, для рѣшенія этого злополучнаго дѣла. «Надо спѣшить—говорилъ онъ, препятствовать разрыву двухъ могущественнѣйшихъ государствъ и спасти отъ смерти нѣ-

(*) Небольшое артиллерійское орудіе.

сколько честныхъ людей — и все это изъ ничтожнаго спора за двухъ женщинъ и гнуснаго существа какъ Мирза-Якубъ.

Горестныя происшествія въ середу 6 ч. шаббана никогда не изгладятся изъ моеіі памяти; они съ такою быстротою смѣнялись и увеличивались, что разсказъ мой невольно долженъ распространиться и отозваться безпорядкомъ въ описаніи буйствъ, которыхъ я былъ очевидцемъ.

По восходѣ солнца начальникъ мой и Мирза Нерриманъ получили отъ князя намѣстника Али-Шаха приглашеніе немедленно прибыть къ нему по одному весьма важному дѣлу. Г. Грибоѣдовъ еще спалъ и прошло два добрыхъ часа пока Мирза Нерриманъ получилъ инструкцію. Ханъ, имѣя въ виду устроить условленное наканунѣ свиданіе между Мирзой Абдулъ Вахабомъ и г. Грибоѣдовымъ, вышелъ изъ дому первый, предупредивъ Мирзу Нерримана, что свидится съ нимъ у князя намѣстника.

Утромъ рано узналъ я, что у главной мечети было значительное скопище народа и что въ самой мечети снова собрались муллы. Они отдали приказаніе, чтобъ всѣ лавки на базарѣ были заперты, повѣстили правовѣрныхъ отправиться въ Русскій кварталъ и требовать тамъ волей или неволей выдачи двухъ женщинъ и Мирзы-Якуба. Двое честныхъ грузинскихъ торговцевъ, увидѣвъ готовившееся возмущеніе, бросились къ посланнику, чтобъ предупредить его о приближеніи неистовой толпы и о злополучномъ ея намѣреніи. Съ другой стороны Манукширъ-Ханъ, по повелѣнію Шаха полученнаго имъ ночью, поспѣшилъ отправить своего племянника Мирзу Селлимана Маллейкафа къ посланнику, чтобы извѣстить его прямо о настоящемъ положеніи дѣлъ и просить немедленно отказаться отъ защиты и покровительства плѣнныхъ, требуемыхъ раздраженною чернью.

Четыреста или пятьсотъ человѣкъ, предшествуемыхъ тол-

пою мальчишекъ и нѣсколькихъ зачинщиковъ, съ палками и обнаженными шпагами бросились отъ мечети къ жилищу посланника. Мирза Селлиманъ съ трудомъ успѣлъ опередить ихъ и сообщилъ, но уже поздно, о предпринятыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ, а Мирза-Нерриманъ, пытавшійся выѣхать изъ дому, чтобъ отправиться къ князю намѣстнику, вскорѣ принужденъ былъ воротиться въ свою квартиру, куда я призванъ былъ, для нѣкоторыхъ окончательныхъ распоряженій, по случаю нашего отъѣзда. Уже каменья сыпались на дворъ и неистовые крики толпы по временамъ сливались въ одинъ общій гулъ. Эти крики обдавали насъ ужасомъ и мы спрашивали другъ друга, что изъ всего этого будетъ?

Желѣзная рука судьбы тяготѣла надъ иностранцами. Я не видѣлъ въ нихъ ни твердой воли храбро защищать свою жизнь, ни довольно присутствія духа къ отстраненію опасностей; нужно было покориться гласному требованію народа или обратиться къ какому нибудь рѣшительному средству. Въ комнатѣ съ г. Грибоѣдовымъ находились г. Аделунгъ, второй секретарь посольства, докторъ, грузинскій князь, родственникъ супруги г. Грибоѣдова, Мирза-Нерриманъ, двое грузинскихъ купцовъ, Рустемъ-Бегъ, Могаммедъ-Али, ферранъ-баши Аббаса Мирзы, и порядочное число прислуги; охранные казаки стояли частію на дворѣ, и въ сосѣднихъ комнатахъ, гдѣ и я также находился.

Домъ Могаммедъ-Хана очень пространенъ и раздѣленъ на многіе дворы съ строеніями по сторонамъ. Отдѣленіе занимаемое г. Грибоѣдовымъ состояло изъ обширной гостиной съ передними комнатами на концахъ и двумя небольшими, особыми отдѣленіями; оно сообщалось крышами и дворами съ помѣщеніемъ отведеннымъ Мирзѣ-Якубу, которое предшествовало квартирѣ посланника.

Мятежъ и волненіе народа увеличивались все болѣе и болѣе; раздалось нѣсколько выстрѣловъ и вскорѣ чернь ворвалась во

дворъ. Я слышалъ какъ раздался крикъ: «Схватите Мирзу-Якуба и назадъ!» Въ послѣдствіи узналъ я, что это былъ голосъ Хаджи-Бега, того мирзы, который старался усмирить осаждавшихъ, отдавъ имъ эту жертву. Несчастный Якубъ уцѣпился за платье Хаджи, какъ за единственное убѣжище къ спасенію въ эту злополучную минуту, но отторгнутый отъ него, палъ пораженный нѣсколькими ударами кинжала. Служители Али-Яръ-Хана овладѣли обѣими женщинами и повлекли ихъ за собою.

Въ тишину, послѣдовавшую за этимъ первымъ взрывомъ бури, узнали мы о несчастной судьбѣ постигшей Мирзу Якуба, о смерти Дадашъ-Бега, одного казака и двухъ служителей, которые защищаясь убили двухъ или трехъ персіянъ. Тѣла послѣднихъ отнесены были въ мечеть и это кровавое зрѣлище еще болѣе содѣйствовало къ разъяренію черни. Въ это самое время, сосѣдъ, по имени Али-Верди, торговецъ-кондитеръ, бывшій въ услуженіи у Манучиръ-Хана, вбѣжалъ въ залу, чтобы спасти Мирзу Селлимана, племянника своего бывшаго господина, умоляя его, пока еще есть время, слѣдовать за нимъ въ его квартиру—путемъ еще свободнымъ, и съ тѣмъ же усердіемъ предлагалъ безопасный пріютъ посланнику. Напрасны были его просьбы. Мирза Нерримапъ вскрикнулъ, что никто не осмѣлится коснуться до представителя Европы. «Шумъ вашихъ оружій неустрашаетъ насъ, или мы не слыхали его въ Ганджіи, въ Аббусабадѣ, въ Эриванѣ?» Г. Грибоѣдовъ отвергнулъ сдѣланное ему предложеніе, потому-ли чтобъ не измѣнить своимъ, или въ невѣденіи собственной опасности и добродушный кондитеръ принужденъ былъ удалиться, жалѣя разумѣется о безполезности своихъ усилій.

Казаки и посольскіе служители еще успѣли сдѣлать нѣкоторыя распоряженія къ защитѣ, на случай вторичнаго нападенія, на которое какъ показалось намъ, не имѣли намѣренія покуситься бунтовщики — но по прошествіи полутора часа,

надежды наши обманули насъ, и мы были осаждены, не въ примѣръ значительнѣйшей толпой. Мятежники состояли не изъ мелочныхъ торговцевъ и не изъ черни; между ними были и вооруженные огнестрѣльными оружiями, и также солдаты разныхъ военныхъ отрядовъ. Неистовые и ужасные крики предвѣщали ихъ приближенiе и вскорѣ градъ камней до того усилился, что мы принуждены были укрыться въ сосѣднеи комнатѣ, выходившей на дворъ и служившей г. Грибоѣдову спальной; напрасно старался онъ обращаться къ народу, никакой голосъ немогъ бы быть внятнымъ въ такую страшную суматоху; отданное казакамъ приказанiе стрѣлять только холостнымъ зарядомъ, также не подѣйствовало. Смерть уже стояла передъ нами, жертвы были соединены въ одно мѣсто и поражены страхомъ и ужасомъ, и какъ невинныя овцы, преслѣдуемыя кровожадными волками, напрасно старались избѣжать своей участи.

Казаки презирая опасность, оказывали непоколебимую твердость и отважность къ защитѣ своего начальника и дорогою цѣною отдавали свою жизнь. Нѣсколько служителей явили необыкновенное присутствiе духа, безпримѣрное самоотверженiе и въ особенности одинъ посольскiй курьеръ, по имени Гошатуръ. Этотъ храбрецъ бросился со шпагою въ рукѣ на осаждающихъ, сбилъ двоихъ изъ нихъ съ ногъ, заставилъ отступить прочихъ, потомъ поднялся по лѣстницѣ, чтобъ прогнать тѣхъ, которые помѣстились на стѣнахъ; его закидали каменьями и уже онъ два раза готовъ былъ пасть, — но снова бросался впередъ, пока непереломилось лѣзвiе шпаги его и когда ему уже нечѣмъ было защититься, онъ былъ растерзанъ на части.

Въ продолженiи нѣкотораго времени, успѣхъ осады былъ сомнителенъ, сдѣлали попытку очистить дворъ, и хотя—двинувшiеся съ отвагою впередъ—были опрокинуты, товарищи ихъ,

размѣстившіеся по стѣнамъ, продолжали стрѣльбу и не переставали бросать каменья и кирпичи въ окно комнаты занимаемой посланникомъ. Пѣхотная стража (ферраши) разсѣялась при первомъ натискѣ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго усилія, чтобъ защитить насъ, но продолжительность дѣла давала надежду, что Шахъ вышлетъ намъ въ помощь свое войско. Наконецъ раздались оглушительные удары въ домовую крышу, вскорѣ она была проломана насквозь, и первыя пули поразили смертельнымъ ударомъ молочнаго брата посланника, который съ сердечнымъ сокрушеніемъ вскрикнулъ: «посмотрите, посмотрите, злодѣи, они убили Александра!» Еще двое лишились жизни прежде чѣмъ мы успѣли пробѣжать въ большую гостиную, занимавшую середину посольскаго отдѣленія; но въ ней мы были совершенно на виду, изъ той комнаты, которую оставили, также какъ изъ пространнаго окна, такъ что небыло никакой возможности въ ней оставаться. Здѣсь могъ бы я, переходя изъ одной комнаты въ другую, замѣшаться въ толпу, какъ сдѣлалъ это Ага-Могаммедъ-Али, довѣренное лицо Шаха Аббаса-Мирзы, потому что небыло другаго пути къ спасенію.

Какъ теперь вижу весь ужасъ нашего положенія напечатленный на чертахъ всѣхъ присутствующихъ лицъ. У иныхъ казалось всѣ чувственныя способности онѣмели, другіе были снѣдаемы страшнымъ отчаяніемъ, многіе пытались, вмѣстѣ съ казаками, отчаянно защищать жизнь свою. Посланникъ, сложа руки на грудь, медленными шагами прохаживался взадъ и впередъ и отъ времени до времени пропускалъ руку въ волосы; чело его было обагрено кровью отъ удара камнемъ, нанесеннаго въ правую сторону головы. Онъ подошелъ ко мнѣ и произнесъ такимъ голосомъ, который обхватилъ меня дрожью; «видно они хотятъ насъ убить, Мирза!» Я могъ отвѣчать ему только утвердительнымъ знакомъ. Послѣднія слова его, внятно

дошедшіе до моего слуха, были: «Фетъ-Али-Шахъ! Фетъ-Али-Шахъ!...,. (*).

Сомной умрутъ воспоминаніе и благоговѣйное удивленіе къ безстрашнымъ подвигамъ и геройской смерти медика. Съ самаго начала дѣла, онъ всячески старался ободрять товарищей своихъ и умолялъ не уступать до послѣдняго вздоха. Наконецъ онъ убѣдился, что небыло никакихъ надеждъ къ спасенію:—не имѣя при себѣ другаго оружія кромѣ коротенькой европейской шпаги, онъ имѣлъ отважносгь пробѣжать всѣ дворы, угрожая ворвавшейся въ нихъ и на время убѣжавшей назадъ толпѣ, за исключеніемъ одного молодаго человѣка, съ которымъ онъ помѣнялся нѣсколькими сабельными ударами. Между тѣмъ, какъ онъ махалъ оружіемъ, чтобъ защитить свою голову, противникъ его отрубилъ ему лѣвую руку, которая упала къ ногамъ. Движимый тою же отчаянною храбростію, не взирая на жестокую рану, онъ вбѣжалъ въ ближайшую комнату, оторвалъ отъ одной изъ дверей занавѣсъ, обвернулъ ею отсѣченный членъ, потомъ, не внимая нашимъ увѣщеваніямъ выпрыгнулъ въ окно и погибъ, сраженный непреоборимою силою и градомъ пущенныхъ въ него съ высоты стѣны камней.

Еще до выхода нашего изъ гостинной и прежде чѣмъ мы подумали пробраться въ дальнія комнаты—около насъ пало еще четыре, или пять человѣкъ. Эта часть была раздѣлена плотной перегородкой, за нею могли найти себѣ убѣжище тѣ, которые еще были въ силахъ дотащиться, Мирза Соллиманъ и Мирза Нерриманъ были убиты, не успѣвъ добраться до этого послѣдняго пріюта, гдѣ уже осаждали насъ изъ окна и изъ дверей. Почти всѣ казаки были истреблены. Двое изъ передовыхъ осаждавшихъ, вооруженные шпагами и кинжалами, пытались

(*) За тѣмъ слѣдуютъ два французскихъ слова, слишкомъ энергическихъ, чтобъ быть переведенными на русскій языкъ,

было проникнуть въ нашу засаду, но показали нерѣшимость и какъ будто были поражены нашимъ отчаяніемъ; я стремглавъ бросился изъ комнаты и, смѣло отмахиваясь саблей, послѣдовалъ за ними такъ близко, когда они стали отступать, что въ одно мгновеніе я замѣшался въ толпу передовыхъ бойцевъ, которые приняли меня за своего. Тщетно старался я пробраться на дворъ; небыло возможности пролезть сквозь толпу и меня отбросили назадъ въ комнату, гдѣ я насчиталъ 17 мертвыхъ тѣлъ моихъ товарищей, распростертыхъ на полу. Посланникъ былъ пораженъ нѣсколькими сабельными ударами въ лѣвую грудь и мнѣ показывали бойца, человѣка атлетическаго сложенія и огромной силы, въ услуженіи у одного изъ жителей Тегерана, который нанесъ ему эти удары. У ногъ г. Грибоѣдова еще испускалъ послѣдніе вздохи казацкій урядникъ, который съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, до послѣдней минуты заслонялъ его своимъ тѣломъ.

Тѣлесно изнуренный, объятый страхомъ и ужасомъ зрѣлища, котораго я былъ свидѣтелемъ, избитый каменьями, я принужденъ былъ употребить сверхъ - естественное усиліе, чтобъ неупасть. Казалось всѣ фуріи ада сорвались съ цѣпи, чтобы увлѣчь за собою всю чернь Тегерана на неистовый бой—къ изумленію всей вселенной. Изверги эти, недовольные тѣмъ, что погубили столько беззащитныхъ жертвъ, что обагрили руки въ крови невинныхъ, предались еще самому неистовому грабежу. Они раздѣли мертвыхъ до гола, и поволекли ихъ на середину дворовъ — гдѣ, выставивъ тѣла на поруганіе и посмѣшище, громоздили изъ нихъ отвратительныя пирамиды, обагренныя потоками крови. Перо мое отказывается описывать эти ужасы!.. Боже мой! да не разразится гнѣвъ Твой надъ нами за эти чудовищныя дѣла?

Уже было за полдень, когда удалось мнѣ добраться до моего жилища. Слуга мой, увѣривъ меня, что домъ былъ за-

нятъ одними только магометанами и потому не подвергшись никакому насилію—служитъ теперь убѣжищемъ г. Мальцеву, первому секретарю посольства. Занимаемыя имъ комнаты были довольно далеко отъ отдѣленія г. Грибоѣдова, и когда домъ былъ осажденъ, ему небыло возможности присоединиться къ своимъ соотечественникамъ. Большими деньгами и обѣщаніями удалось ему подкупить нѣсколько феррашей — незначительный отрядъ пѣхоты — укрывшійся въ нашемъ кварталѣ, они и взяли его подъ свое покровительство. Когда мятежъ нѣсколько утихнулъ, мы велѣли увѣдомить Али-Шаха, что одинъ только г. Мальцевъ спасся отъ этой страшной бойни. Е. В. выслалъ къ намъ пѣхотную роту, какъ бы въ охраненіе отъ могущихъ случиться новыхъ безпорядковъ, а по наступленіи ночи, г. Мальцевъ, переодѣвшись въ персидскій мундиръ, и помѣщенный въ задніе ряды солдатъ, прибылъ во дворецъ Е. В. Шаха.

Планъ истребленія былъ выполненъ до такой точности, что народъ ворвался даже въ передніе дворы Британскаго посольскаго дома, гдѣ перерѣзавъ семь или восемь человѣкъ русскихъ, жившихъ въ конюшнѣ, овладѣлъ всѣми лошадьми, принадлежавшими посланнику.

При началѣ возмущенія сдѣланы были, по приказанію Шаха, тщетныя покушенія, къ укрощенію безпорядка. Мирза Могаммедъ-Али-Ханъ, съ служителями своими, поспѣшилъ лично прибыть къ мѣсту дѣйствія, въ ту самую минуту, когда овладѣли Мирзой-Якубомъ. При всемъ своемъ благонамѣреніи, усилія его ограничились нѣсколькими мѣрами предосторожности — къ несчастію, далеко неудовлетворительными, и всѣ представленія и убѣжденія обращенныя къ людамъ, остались напрасны—мятежники не въ состояніи были понять голоса разсудка. Мессахчи-Баши и многіе придворные офицеры— тщетно старались ему содѣйствовать—даже Принцъ Али-Шахъ

и Имамъ Верди-Мирза лично, сопровожденные всѣми, которыхъ могли собрать, прибыли на мѣсто кроваваго побоища, но безчисленное множество осаждающихъ не дозволило имъ приблизиться къ окруженному со всѣхъ сторонъ дому. Вмѣсто того, чтобъ принести какую нибудь пользу посольству, они должны были заботиться о собственной безопасности и даже сами подверглись оскорбленіямъ и угрозамъ; «Подите — кричали Шаху-Али—уступайте вашихъ женъ русскимъ, подобный поступокъ вполнѣ достоинъ этой длинной бороды, которую вы полощете въ розовой водѣ. Или братъ вашъ Аббасъ-Мирза не закабалилъ себя душой и тѣломъ Европейскому Государю. Убирайтесь вонъ пока цѣлы! «*говрамъ-сангъ*» «не то мы васъ изрубимъ на мелкія части.« Первые принуждены были направить путь къ своимъ дворцамъ, которые къ счастію защищены были значительными отрядами пѣхоты, между тѣмъ, какъ входы въ нихъ тщательно были замкнуты, дабы никакая сила немогла въ нихъ проникнуть.

Въ послѣдствіи я узналъ черезъ прислугу мою, что искаженный трупъ Мирзы-Якуба таскали по всему городу и наконецъ бросили въ глубокій ровъ.

Слѣдующая ночь прошла спокойно, а на другой день, Феррахъ-Баши Керимъ-Ханъ назначенъ былъ для преданія мертвыхъ тѣлъ землѣ; изъ русскаго посольства погибло 42 человѣка. Послѣ долгихъ розысканій, передъ окнами квартиры занимаемой г. Грибоѣдовымъ, въ грудѣ труповъ отыскали и его тѣло, я замѣтилъ, къ душевному спокойствію моему, что ему небыло нанесено оскорбительныхъ знаковъ. Послѣдній долгъ печальнымъ останкамъ его отданъ былъ духовенствомъ въ армянской церкви, гдѣ было выставлено тѣло его, а прочихъ убіенныхъ съ нимъ, лучшихъ сотоварищей, похоронили въ общей могилѣ за стѣнами города.

Сказываютъ, что со стороны осаждавшихъ потеря убитыми

и ранеными простирались до 26 или 27 человѣкъ, она была бы не въ примѣръ значительнѣе, если бы посольство предприняло мѣры къ защитѣ своей и еслибъ вся свита г. Грибоѣдова была въ сборѣ — быть можетъ даже, что осажденные были бы опрокинуты. Но кто можетъ избѣжать назначеніе судьбы?

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ АРЗРУМЪ.

ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА (*).

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущеліе, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; надо мною растилались злачныя, зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой со вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе 6 часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе, и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ

(*) Сочиненія А. С. Пушкина изд. П. В. Анненкова. Томъ пятый стр. 75—77.

противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько Грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы?» спросилъ я ихъ.—Изъ Тегерана.—«Что вы везете?»—*Грибоѣда.*—Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: «Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux.» Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть Шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый Шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами Персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ Тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 г. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ непризнанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только

славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ.» Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться одиножды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностію — и уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занатіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 г., было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія «Горе отъ ума» произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ, совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыла ему новое поприще; онъ назначенъ былъ Посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ.... Незнаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, неимѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны.

А. Пушкинъ.

Мнѣніе **А. С. Пушкина** о комедіи Горе отъ ума.

Извлеч. изъ Матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина. Часть 1. стр. 128 и 129.—Изд. П. В. Анненкова.

При появленіи Онѣгина вниманіе публики было раздѣлено между нимъ и комедіей: *Горе отъ ума*, съ которой она тогда ознакомилась. Это произведеніе, одно во всей нашей литературѣ, соперничало, по успѣху своему, съ романомъ Пушкина и имѣло одинаковую съ нимъ участь. Оба разошлись по лицу Россіи въ безчисленныхъ примѣненіяхъ къ ежедневнымъ случаямъ, сдѣлались родникомъ пословицъ, нравственныхъ сентенцій, и проч. Сужденіе Пушкина о комедіи Грибоѣдова чрезвычайно замѣчательно. Оно опередило нѣсколькими годами всю послѣдующую, весьма основательную критику, какой подвергнута была комедія, и рѣдко случается, какъ сейчасъ увидимъ, встрѣтить въ немногихъ простыхъ словахъ такъ много существеннаго и вызывающаго на размышленіе:

«Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ — слѣдственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана неясно. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ: не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина, но штатской трусъ, въ большомъ свѣтѣ, между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. «Les propos du bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и

вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго генія. Теперь вопросъ: въ комедіи «Горе отъ ума» кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малой, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все это говоритъ онъ очень умно, но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ Московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка, съ перваго раза знать съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и т. п. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10 характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Его смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ; хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся.... Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна. И какъ натурально! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія, но Грибоѣдовъ вѣрно не захотѣлъ: его воля! О стихахъ я не говорю—половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову: можетъ быть я въ иномъ ошибся. Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. По крайней мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.»

О КОМЕДІИ ГРИБОѢДОВА «ГОРЕ ОТЪ УМА».

Князя Петра Андреевича Вяземскаго.

Заимств. изъ Полной Русской Хрестоматіи А. Галахова, изданія 7-го, 1857 года. Стат. 147 стр. 180—183.

Я знаю у насъ только одну комедію, которая напоминаетъ комическія соображенія и производство Фонъ-Визина: это «Горе отъ ума». Сіе твореніе, имѣвшее въ рукописи болѣе расхода, нежели многія печатныя книги (что впрочемъ почти неминуемо), при появленіи своемъ судимо было не только изустно, но и печатно, двоякимъ предупрежденіемъ, равно незнавшимъ мѣры ни въ похвалахъ, ни въ порицаніяхъ своихъ. Истина равно чужда Сеидамъ и Зоиламъ. Буду говорить о сей комедіи безпристрастно. Моя откровенность тѣмъ свободнѣе будетъ, что она не связана прежними обязательствами. Я любилъ автора, уважалъ умъ и дарованіе его; вѣроятно, я одинъ изъ тѣхъ, которые живѣе и глубже были поражены преждевременнымъ и бѣдственнымъ концомъ его; но самъ авторъ зналъ, что я не безусловный поклонникъ комедіи его; вѣроятно, даже въ глазахъ его умѣренность моя сбивалась на недоброжелательство, по щекотливости, свойственной авторскому самолюбію, и по сплетнямъ охотниковъ, всегда ищущихъ случая разводить честныхъ людей. Комедія Грибоѣдова не комедія нравовъ, а развѣ обычаевъ, и въ этомъ отношеніи многія части картины превосходны. Если искать вывѣски современныхъ нравовъ въ Софіи, единственномъ характерѣ въ комедіи, коей всѣ прочія лица портреты въ профиль, въ бюстъ, или во весь ростъ, то должно сказать, что эта вывѣска поклепъ на нравы или исклю-

ченіе, неумѣстное на сценѣ. Дѣйствія въ драмѣ, какъ и въ твореніяхъ Фонъ-Визина, нѣтъ, или еще и менѣе. Здѣсь почти всѣ лица эпизодическія, всѣ явленія выдвижныя; ихъ можно выдвинуть, перемѣстить, пополнить, и нигдѣ не замѣтишь ни трещины, ни придѣлки. Самъ герой комедіи, молодой Чацкій, похожъ на Стародума. Благородство правилъ его почтенно; но способность, съ которою онъ exabrupto проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, не рѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: горе отъ ума. Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцовъ разнаго свойства, нашелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго. Мольеровъ Альцестъ, въ сравненіи съ Чацкимъ, настоящій Филинтъ, образецъ терпимости. Пушкинъ прекрасно характеризовалъ сіе твореніе, сказавъ: «Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ». Сатирическій пылъ, согрѣвающій многія явленія, никогда не выдохнется; комическая веселость, къ которою изображены многія частности, будетъ смѣшить и тѣхъ, которые не станутъ искать въ сей комедіи зеркала современному. Если она не сатира наша, лучше написанная, потому что небрежность языка и стихосложенія доведены въ ней иногда до непростительнаго своеволія, то она сатира, лучше и жарче всѣхъ обдуманная. Замѣчательно, что сатирическое искуство автора отзывается не столько въ колкихъ и рѣзкихъ эпиграммахъ Чацкаго, сколько въ добродушныхъ рѣчахъ Фамусова. Продолжительная иронія утомительна: порицаніе подъ видомъ похвалы скоро становится приторно; но здѣсь авторъ такъ искусно, такъ глубоко вошелъ въ характеръ Фамусова, что никакъ не различишь насмѣшливости комика отъ замоскворѣцкаго патріотизма комическаго лица. Таковъ, но не въ равной степени превосходста, и Скалозубъ, По двумъ этимъ изобра-

женіямъ можно заключить несомнѣнно, что въ Грибоѣдовѣ таился будущій комикъ. Онъ и творецъ Недоросля имѣютъ то свойственное имъ преимущество, что они прямо, такъ сказать, живьемъ перенесли на сцену черты, схваченныя ими въ мірѣ дѣйствительномъ. Они не переработывали своихъ пріобрѣтенія въ алхимическомъ горнилѣ общей комедіи, изъ коего все должно выходить въ какомъ то изготовленномъ и заранѣе указанномъ видѣ. Самыя странности комедіи Грибоѣдова достойны вниманія: расширя сцену, населяя ее народомъ дѣйствующихъ лицъ, онъ безъ сомнѣнія, расширилъ и границы своего искусства. Явленіе разъѣзда въ сѣняхъ, сіе послѣднее дѣйствіе свѣтскаго дня, издержаннаго на пустяки, хорошо и смѣшно новизною своею. На театрѣ оно живописно и производитъ сильное дѣйствіе. У насъ вообще мало думаютъ объ оживотвореніи сцены, о сценическихъ впечатлѣніяхъ, забывая, что не даромъ драма называется зрѣлищемъ и происходитъ предъ зрителями. Многія наши комедіи суть родъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Предъ вами не міръ дѣйствительный, не люди, а тѣни безплотныя, безличныя. Все въ нихъ не осязательно, неопредѣлительно; все скользитъ по чувствамъ и по вниманію. Скажемъ окончательно, что если «Горе отъ ума» твореніе и не совершенно зрѣлое, во многихъ частяхъ не избѣгающее строжайшей критики, но не менѣе оно явленіе весьма замѣчательное, въ драматической словесности нашей. По немъ должны мы жалѣть о ранней утратѣ писателя, который подавалъ большія надежды, имѣлъ многія весьма разнообразныя познанія, былъ одаренъ умомъ пылкимъ и острымъ, и тою гордою независимостію, которая, пренебрегая тропами избитыми, порывается сама проложить слѣды свои по неиспытанной дорогѣ. Въ подобныхъ покушеніяхъ успѣхъ не всегда вѣренъ или полонъ, но и самыя покушенія сіи остаются въ памяти народной; признаки движенія, они прорѣзываются не изгладимыми

чертами на поприщѣ умственной дѣятельности, тогда какъ и самые успѣхи посредственности протоптанные по указнымъ слѣдамъ и затоптанные въ свою очередь другими, не отдѣляются отъ грунта и другъ друга поглащаютъ. Вотъ почему комедія Грибоѣдова, въ цѣломъ худо обдумана, въ частяхъ и особенно въ слогѣ часто худо исполнена останется всегда на виду; а многія другія комедіи театра нашего, осмотрительнѣе соображенныя и правильнѣе написанныя, пропадаютъ безъ вѣсти, не возбудивъ къ себѣ никакого сочувствія общества. Живой живое и думаетъ: живой живое и любитъ. Въ твореніи Грибоѣдова нѣтъ правильности, но есть жизнь: она дышитъ, движется. Въ другихъ комедіяхъ правильности болѣе, но онѣ автоматы. Можетъ быть, у насъ есть еще одна комедія, которую можно не сравнивать, а издалека уподобить комедіямъ Фонъ-Визина; это «Вѣсти или убитый живой» сочиненіе графа Ростопчина. Въ ней нѣтъ изящнаго искусства, но есть русская веселость и довольно вѣрная съемка съ природы. Не понимаю почему не имѣла она успѣха на сценѣ и совершенно упала въ первое представленіе. Вѣроятно немногіе и читали ее, хотя, она и напечатана, Авторъ «Мыслей въ слухъ па красномъ крыльцѣ» и такъ называемыхъ «Афишекъ 1812 года» заслуживалъ бы оригинальностью своею болѣе любопытства и вниманія.

ПРОЗАИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

О КАВАЛЕРІЙСКИХЪ РЕЗЕРВАХЪ (*).

Блистательныя событія прошедшей войны обращали на себя всеобщее вниманіе и не давали публикѣ времени для наблюденій побочныхъ, но между тѣмъ важныхъ причинъ, которыя способствовали къ успѣхамъ нашего оружія. Къ онымъ, конечно, принадлежатъ резервы — сіе мудрое учрежденіе вѣнценоснаго нашего героя. Сей разсадникъ юныхъ воиновъ, который единственно дѣлалъ, что войско наше, послѣ кровопролитныхъ кампаній 1812 и 1813 годовъ, послѣ дорого-купленныхъ побѣдъ, какъ фениксъ, возставало изъ пепла своего, дабы пожать новые, неувядаемые лавры на зарейнскихъ поляхъ и явить грозное лицо свое въ столицѣ непріятеля.

(*) Мы получили эту статью изъ Брест-Литовска при слѣдующемъ письмѣ:

«Прошу васъ покорно, милостивый государь, помѣстить слѣдующую статью «О кавалерійскихъ резервахъ» въ вашемъ журналѣ. Чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ болѣе обяжете меня и всѣхъ моихъ здѣшнихъ сослуживцевъ. Кажется, что это не противъ плана вашего изданія, не думаю также, чтобы читатели меня упрекали въ сухости. Они находили въ «Вѣстникѣ» извѣстія о доходахъ, расходахъ и долгахъ Франціи и другихъ націй: неужели государственная экономія ихъ отечества менѣе стоитъ вниманія? Честь имѣю пребыть и проч... *Грибоѣдовъ*.»

Буду говорить только о формированіи кавалеріи, ибо самъ былъ очевидцемъ, дивился быстротѣ ходу его, трудностямъ, съ коими оно сопряжено, и неусыпнымъ стараніямъ командующаго сею частію, который въ точности оправдалъ слова Великаго нашего Государя, изъявившаго ему во Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ (*), *что не нашелъ инаго, коему бы можно было ввѣрить столь важную часть.* Все сіе усмотритъ читатель изъ обозрѣнія кавалерійскихъ резервовъ, которое я постараюсь сдѣлать какъ можно внятнѣе и короче, не входя въ излишнія подробности.

18 октября 1812 года получилъ генералъ отъ кавалеріи Кологривовъ рескриптъ о принятіи его въ службу и повелѣніе приготовить въ Муромѣ 9,000 кавалеріи и по два эскадрона для каждаго гвардейскаго полка. Формированіе, возложенное прежде на генерала графа Толстова, не было еще начато по многимъ важнымъ причинамъ: ни людей, ни лошадей, ни матеріаловъ для обмундировки, ниже какихъ необходимыхъ пособій не было. Едва начали собираться толпы рекрутъ, какъ былъ сказанъ походъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, а не доходя до мѣста получено было повелѣніе идти на Могилевъ Бѣлорусской. Между тѣмъ, планъ формированія перемѣненъ и сдѣланъ гораздо обширнѣе. Повелѣно было сформировать для каждаго армейскаго полка по два эскадрона изъ 200 нижнихъ чиновъ. Въ Могилевѣ, однако, все болѣе и болѣе приходило въ устройство; зачали поступать рекруты и лошади, начали съѣзжаться офицеры, которые всѣ, подстрекаемые духомъ достойнаго ихъ начальника, пылали благороднымъ соревнованіемъ, чтобы споспѣшествовать къ славѣ дѣйствующей арміи, и доказательство сему не двусмысленно. Въ началѣ марта 813 года зачали поступать рекруты и лошади, въ исходѣ того же мѣсяца сѣдла

(*) 14 іюня 1813 года изъ деревни Петервальде, въ Силезіи.

и ружья, а въ началѣ апрѣля выступили въ армію 14 и въ слѣдъ за сими 32 эскадрона, готовые въ строгомъ смыслѣ. Потомъ вся резервная кавалерія двинулась къ Слониму, и едва успѣла туда вступить, какъ уже выслано 10 гвардейскихъ эскадроновъ, являющихъ видъ всадниковъ испытанныхъ, закоснѣлыхъ въ военномъ ремеслѣ, и кои вскорѣ сдѣлались ужасными непріятелю. Такъ! въ толь скорое время, когда самый взыскательный военноискусникъ не былъ бы вправѣ ничего требовать, кромѣ нѣкотораго навыка въ обращеніи съ лошадьми, возникли сіи съ блестящей наружностью искусные въ построеніяхъ и всѣмъ отличные, достойные тѣлохранители Великаго! Но что? Одобреніе Его Величества, по прибытіи ихъ во Франкфуртъ, есть несомнѣнный знакъ ихъ достоинства.

Изъ Слонима перешли всѣ кавалерійскіе резервы въ Брестъ-Литовскій, и оттолѣ отправлялись ежемѣсячно въ дѣйствующую армію по десяти, двѣнадцати, двадцати, а въ разныя времена отъ августа до января пошло въ армію 113, нынѣ же въ готовности 150 эскадроновъ. И такъ въ пятнадцать, а съ настоящаго формированія въ двѣнадцать мѣсяцовъ образовалось 65,000 кавалеріи.

Кто когда-либо служилъ въ кавалеріи; кто хоть малѣйшее имѣетъ понятіе о трудностяхъ сей службы; кто приведетъ себѣ на память, что прежде сего одинъ конный полкъ формировался цѣлыми годами; кто вспомнитъ, въ какое смутное время кавалерійскіе резервы воспріяли свое начало; кто расчислитъ, какія запутанности встрѣчаются при началѣ всякаго важнаго и огромнаго государственнаго дѣла; кто взвѣситъ обстоятельства, коихъ не въ силахъ отвратить никакая предусмотрительность, напримѣръ: отдаленность губерній, изъ коихъ приводятся лошади, порча ихъ на дорогѣ, неопытность иныхъ гражданскихъ чиновниковъ, коимъ поручено было въ губерніяхъ принимать, разбирать, отводить ремонты и такъ далѣе; кто,

притомъ, знаетъ, чего стоитъ въ кроткаго земледѣльца внушить духъ бранной, чего стоитъ заставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы пріучить къ непреклоннымъ воинскимъ уставамъ: тотъ, конечно, подивится многочисленной и отборной конницѣ, образованной въ столь короткое время, въ безпрестанныхъ перемѣнахъ мѣста, на походѣ отъ Оки до Буга (2,000 верстъ), по краямъ, опустошеннымъ непріятелемъ; подивится войску, ополченному въ случайностяхъ войны, какъ бы въ тишинѣ мира, подъ сѣнію котораго рѣдко что требуется къ спѣху и дается времени столько, сколько потребно для совершенія нужнаго дѣла.

Къ вящщему доказательству, какъ успѣшно формировалась кавалерія, служитъ конница польской арміи, стоявшая подъ Гамбургомъ, равно какъ и большая часть бывшей во Франціи, которая вся составлена генераломъ Кологривовымъ; притомъ эскадроны изъ новообразованныхъ, которые принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, почти всѣ отличились. Для примѣра упомянемъ о Павлоградскомъ гусарскомъ, который, составленный весь изъ рекрутъ и не доходя еще до своего назначенія, въ одной сшибкѣ съ непріятелемъ, разбилъ его на-голову и взялъ 200 нижнихъ чиновъ въ плѣнъ; также и Сумской ударилъ одинъ на два эскадрона и обратилъ ихъ въ бѣгство, имѣя въ виду сильное непріятельское подкрѣпленіе. Теперь, обозрѣвъ быстрое и успѣшное формированіе, займемся другимъ, не менѣе важнымъ предметомъ.

Утихла буря на политическомъ горизонтѣ; уже не отзываются громы ея, и миръ, какъ благотворный лучъ солнца, озаряетъ гражданскую дѣятельность; истинный патріотъ, непомышлявшій о своемъ стяжаніи тогда, когда отечество, удрученное бѣдствіями, взывало къ нему, нынѣ въ мирномъ досугѣ разсчитываетъ убытки, претерпѣнные государствомъ. Убытки сіи неизбѣжны въ военное время. Но скажемъ, къ успокое-

нію людей, пекущихся о народномъ благосостояніи, что кавалерійскіе резервы, относительно къ огромности сего учрежденія, весьма мало стоили казнѣ не по одному только безкорыстію командующею этою частію: (я не хочу вѣрить чтобы какой нибудь русскій чиновникъ помыслилъ о личныхъ своихъ выгодахъ; особенно въ то время, какъ дымилась еще кровь его собратій на отеческихъ поляхъ,) нѣтъ! Но немудрено было бы ему, единственно занятому важнымъ порученіемъ, и простительно даже не имѣть вниманія къ экономическимъ расчетамъ, повидимому несовмѣстнымъ съ пылкимъ духомъ ревностнаго военачальника. Отдадимъ справедливость генералу Кологривову, что онъ во всякое время умѣлъ сливать воинскую дѣятельность съ соблюденіемъ государственной экономіи, и покажемъ это на опытѣ.

Въ Муромѣ дѣлались заготовленія провіанта и фуража на 12,000. человѣкъ и 90,812. лошадей. Генералъ Кологривовъ, по прибытіи своемъ туда, прекратилъ это, соображаясь, что таковое число людей и лошадей не могло придти въ одно время и содержаться въ одномъ мѣстѣ. Послѣдствія оправдали принятыя имъ мѣры; ибо резервы перемѣнили квартиры, а безполезныя заготовленія продались бы съ публичнаго торгу гораздо дешевле, чѣмъ стоили казнѣ: такимъ образомъ сбережено болѣе полумиліона казенной суммы.

Военнымъ министерствомъ назначено было употребить вольныхъ ремесленниковъ для скорѣйшаго обмундированія нижнихъ чиновъ, и для дѣланія конскаго прибора. Это оказалось ненужнымъ: хозяйственными распоряженіями, употребленіемъ своихъ мастеровъ и пріученіемъ наиболѣе къ ремеслу рекрутъ, все сдѣлано равно поспѣшно, а казенныя издержки уменьшены болѣе, чѣмъ на 200,000 рублей.

Съ самаго начала формированія приводились лошади не только въ изнуреніи, но и въ болѣзняхъ; должно было продаватъ

ихъ съ публичнаго торгу. Но генералъ Кологривовъ, почитая всегда священнѣйшею обязанностью пещись о сохраненіи государственной пользы, завелъ на свой счетъ конскій лазаретъ, въ коемъ лошади по большой части вылечиваются и обращаются на службу. Основаніе и содержаніе этого заведенія не стоитъ казнѣ ничего, кромѣ корма лошадямъ.

Скажу еще одно слово о продовольствіи войска, объ этой необозримой части государственныхъ расходовъ. Вездѣ, гдѣ только стояла резервная кавалерія, не только не допускали возвышаться справочнымъ цѣнамъ, но и значительно понижали ихъ, даже въ мѣстахъ, гдѣ послѣ непріятеля сами жители во всемъ нуждались. Польза, проистекавшая отъ того для казны, можно сказать, неисчислима; ибо только во время пребыванія кавалерійскихъ резервовъ въ Брестскомъ и сосѣдственныхъ повѣтахъ уменьшеніе казенныхъ издержекъ простирается до нѣсколькихъ милліоновъ.

Впрочемъ, нельзя упомнить всѣхъ случаевъ, въ коихъ генералъ Кологривовъ отвращалъ по возможности ущербъ, который могла претерпѣть казна. Конечно, должно бы болѣе сказать о ревности его къ службѣ, объ извѣстной опытности, о невѣроятныхъ его стараніяхъ и о чудесной дѣятельности, но онъ, сколько я знаю, не любитъ небереженныя, хотя правдивыя, хвалы; касательно же до читателей, вѣрно всякой благоразумной человѣкъ, который приложилъ вниманіе къ этой статьѣ, со мною вмѣстѣ скажетъ: хвала чиновнику, точному исполнителю своихъ должностей, радѣющему о благѣ общемъ, заслуживающему признательность соотечественниковъ и милость государя! Хвала мудрому Государю, умѣющему избирать и цѣнить достойныхъ чиновниковъ!

ПИСЬМО ИЗЪ БРЕСТА-ЛИТОВСКА КЪ ИЗДАТЕЛЮ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ.»

Іюня 26-го дня 1814 г.
Брестъ.

—

Позвольте доставить вамъ нѣкоторое свѣдѣніе о праздникѣ, который давали командующему кавалерійскими резервами, генералу Кологривову, его офицеры. Издатель Вѣстника Европы долженъ въ немъ принять участіе; ибо ручаюсь, что въ Европѣ немного начальниковъ, которыхъ столько любятъ, сколько здѣшніе кавалеристы своего.

Поводомъ къ празднеству было награжденіе, полученное генераломъ Кологривовымъ; ему пожалованъ орденъ святаго Владиміра 1-ой степени. Неподражаемый государь нашъ на высочайшей степени славы, среди торжества своего въ Парижѣ, среди восторговъ удивленнаго свѣта, среди безчисленныхъ и безпримѣрныхъ трофеевъ, помнитъ о ревностныхъ, достойныхъ чиновникахъ и щедро ихъ награждаетъ. При первомъ объявленіи о монаршей милости любимому начальнику, приближенные генерала условились торжествовать радостное про-

исшествіе, и назначили на то день 22 іюня. День былъ прекрасный, утро, смѣю сказать, піитическое.

Такъ, день желанный возсіялъ,
И къ генералу строй предсталъ
Піитовъ всякаго сословья:
Одинъ стихи ему кладетъ
Въ карманъ, другой подъ изголовье;
А онъ — о доброта! какой примѣровъ нѣтъ,
Всѣ оды принимаетъ,
Читаетъ ихъ—и не зѣваетъ.

Нѣтъ; онъ былъ тронутъ до глубины сердца и, подобно всѣмъ, дивился, сколько стихотворцевъ образовала искренняя радость. Вотъ приглашеніе, которое онъ получилъ отъ всего дежурства:

Вождь, избранный Царемъ
Къ трудамъ, Отечеству полезнымъ!
Се новымъ грудь твою лучемъ
Монархъ нашъ озаряетъ звѣзднымъ.
Державный сей герой,
Смиривъ крамолу
И мечъ склоняя долу,
Являетъ благость надъ тобой,
Воспомянувъ твои заслуги неизсчетны:
Тогда какъ разрушалъ онъ замыслы навѣтны,
И ты перуны закалялъ,
Отъ коихъ міръ весь трепеталъ;
Тобою внушены кентавры,
Что нынѣ пожинали лавры,
И въ вихрѣ смерть несли врагамъ.
Царь помнитъ то — и радость намъ!
Скорѣе осушимъ, друзья, заздравны чаши!
А ты приди, узри, вкуси веселья наши

Межь окружающихъ сподвижниковъ твоихъ,
Не подчиненныхъ зри — друзей, сыновъ родныхъ.
Въ кругу приверженцовъ, въ кругу необозримомъ,
Ты радость обретешь въ сердцахъ,
Во взорахъ, на устахъ.
Блаженно славнымъ быть, блаженнѣй быть любимымъ!

Все это происходило въ верстѣ отъ Бреста, на дачѣ, гдѣ генералъ имѣетъ обыкновенное пребываніе; множество офицерства явилось съ поздравленіями; потомъ поѣхали на мѣсто, гдѣ давали праздникъ—одни, чтобы посмотрѣть, другіе, чтобъ докончить нужныя приготовленія.

Есть въ Бугѣ островъ одинокой;
Его восточный мысъ
Горою надъ рѣкой нависъ,
Заглохъ въ травѣ высокой.
(Преданья гласъ такой,
Что взрыты нашими отцами
Окопы, видные тамъ нынѣшней порой;
Преданье кажется мнѣ сказкой между нами,
Хоть вѣрю набожно я древности сѣдой;
Нѣтъ, для окоповъ сихъ отцы не знали мѣста,
Сражались, били, шли впередъ.
А впрочемъ, лѣтописи Бреста
Пусть . . . . разберетъ.)
Усальбы, города и селы,
И возвышенности и долы
Съ горы рисуются округъ,
И стелится внизу межь водъ прекрасной лугъ
На семъ избранномъ мѣстѣ,
При первой ликованья вѣсти,
Подъялись сотни рукъ;
Сѣкиръ и заступовъ вездѣ былъ слышенъ стукъ.
Едва-ль румянила два раза сводъ небесный

Аврора утренней порой —
Все воспріяло видъ иной,
Видъ новый, видъ прелестный,
Творенье Феиной руки!
Гдѣ были насыпи — пестрѣлись цвѣтники,
А гдѣ темнѣли кущи —
Явились просѣки, къ веселію ведущи,
Къ красивымъ, убраннымъ шатрамъ,
Раскинутымъ небрежно по холмамъ.
Въ срединѣ ихъ, на возвышеньѣ,
Стояли свѣтлые чертоги угощенья;
Изъ оконъ видѣнъ ихъ
Въ лугу разбитый станъ для воиновъ простыхъ.
На темѣ острова былъ къ небу флагъ возвышенъ,
Чтобъ знакъ веселія узрѣть совсѣхъ сторонъ,
И жерловъ рядъ поставленъ,
Чтобъ радости отзывъ вездѣ былъ слышенъ.
На скатѣ жь, гдѣ приступенъ валъ,
Одинъ лишь входъ удобный,
И городъ гдѣ являлъ
Картинѣ видъ подобный,
Воздвигнули врата искусною рукой
Изъ копій, связанныхъ цвѣтами.
И укрѣпили ихъ въ полкругѣ надъ столпами,
Унизанными осокой.
Любовь врата соорудила;
Сама природа убрала;
Подзорами оружіе снабдила;
Потомъ веселось въ нихъ вошла.

Въ три часа пополудни всѣ приглашенные на праздникъ офицеры съѣхались; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія генерала. Наконецъ вздернутый кверху флагъ и пушечные залпы возвѣстили приближеніе его. Онъ ѣхалъ верхомъ, сопровождаемый болѣе 50 офицеровъ. Мнѣ бы весьма хотѣлось описать вамъ въ стихахъ блескъ этого шествія, блескъ воин-

скихъ нарядовъ; къ несчастью, никакъ не могъ прибрать риѳмы для лядунокъ и киверовъ, итакъ, пусть будетъ это въ прозѣ. Но то, чего не въ силахъ выразить никакая поэзія, была встрѣча генерала на мосту, нарочно для этого дня наведенному, гдѣ онъ, при громѣ пушекъ и нѣсколькихъ оркестровъ, при радостныхъ восклицаніяхъ, съ восторгомъ былъ принятъ военными хозяевами и гостями. Слезы душевнаго удовольствія полились изъ глазъ его и всѣхъ предстоящихъ. Онъ нѣсколько времени стоялъ безмолвенъ, удивленъ, обрадованъ, растроганъ, потомъ взошелъ, или, лучше сказать, внесенъ былъ окружающею толпою въ тріумфальныя врата.

Сей входъ отличіямъ условнымъ былъ рубежъ;
Но случай подшутилъ, и что жь?
Кто чиномъ высшимъ украшался,
И доблестями тотъ отличнѣй всѣхъ являлся.

Взошедъ въ галерею, онъ былъ еще привѣтствуемъ стихами; но я ихъ здѣсь не помѣщу оттого, что не спросился у кавалериста-сочинителя. Потомъ генералъ пошелъ на возвышеніе и нѣсколько времени восхищался рѣдкими живописными видами. На валу шатры, кои бѣлѣлись между березками; у подошвы горы лугъ, гдѣ разбитъ былъ лагерь; рѣка Бугъ, обтекающая все мѣсто празднества; мѣстечко Тересполь и другія селенія въ отдаленности; толпа народа на мостахъ и на берегу, взирающаго съ удивленіемъ на пышный, невиданный имъ праздникъ—все плѣняло взоръ наблюдателя, все приводило въ изумленіе. Вдругъ запѣли на сей случай сочиненную солдатскую пѣснь, и разгласилось на лугу троекратное ура! Послѣ чего всѣ были созваны къ обѣду. Столы въ галереѣ и въ палаткахъ были накрыты на 300 кувертовъ.

Ужь запахомъ къ себѣ манили яствы,
Литавры грянули — и новыя пріятства.
Обѣдъ сближаетъ всѣхъ,
Съ нимъ водворяется въ собранье сто утѣхъ,
Веселость, откровенность,
Любезность, острота, пріязнь, непринужденность
И, словомъ вамъ сказать,
Всѣ радости сошлись насъ угощать.
Когда жь, при трубахъ, барабанахъ,
Заискрилось шампанское въ стаканахъ,
Венгерское густое полилось,
Бургонское зардѣлось,
У всякаго лицо отъ нектара краснѣлось;
Но стихотворецъ тутъ перо свое хоть брось.

Признаться, моя логика велитъ лучше пить вино, чѣмъ описывать какъ пьютъ, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вамъ говорить о различныхъ сластяхъ и пышностяхъ стола, который, само собой разумѣется, былъ весьма великолепенъ; 300 человѣкъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ были угощены какъ нельзя лучше, нельзя роскошнѣе, нельзя веселѣе.

И гости всѣ едва-ли
Изъ-за обѣда встали.
Взялись за пѣсни, остроты;
Тутъ изліянія сердечны
Рѣкою полились: всѣ въ радости безпечны!
Болтливость пьянаго есть признакъ доброты;
Піиты же, какъ искони, доселѣ
Всѣхъ болѣе шумѣли,
Не отъ вина — нѣтъ; на бѣду
Всегда они въ чаду;
Имъ голову кружитъ другое упоенье —
Сестеръ парнасскихъ вдохновенье.

Не думайте, однакожъ, чтобъ забвеніе всего овладѣло шумнымъ обществомъ—нѣтъ; забывали важныя дѣла, скуку, горести, непріятности, но не забывали добродѣтель;—она сопутница чистой радости, и въ эти часы, когда сердце всякаго было на языкѣ и душа отверзта для добрыхъ впечатлѣній, открылась подписка въ пользу госпиталя и бѣдныхъ всякаго званія. На этотъ предметъ собрано 6,500 рублей.

Такъ посвящали мы — честь нашему собранью!
Забавамъ часъ, другой же состраданью.

Время было тихое, благопріятное для прогулки. Сѣрая мгла, нависшая на небѣ, предохранила отъ лѣтняго жара; всѣ разсыпались по валу, между тѣмъ пушечная пальба, хоры музыкантовъ и пѣсенниковъ не умолкали ни на пять минутъ. Мало-по-малу стало смеркаться, и подъ-вечеръ пригласили всѣхъ на противоположную сторону острова. Зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое разстояніе, все въ глазахъ ихъ перемѣнилось; исчезли за кустами и пригорками шатры, галерея и все мѣсто празднества; явилась природа въ дикости: грозные утесы, глубокіе рвы, по ту сторону рѣки сельская картина, луга и рощи возбуждали пріятное удивленіе, прежнія сцены казались призракомъ. Къ общей радости нашли тамъ множество дамъ, которыхъ присутствіе, конечно, есть первое украшеніе всякаго праздника.

Ихъ взоры нѣжные шумливость укрощаютъ
И грустныя сердца къ веселью возбуждаютъ.

Нѣсколько ракетъ возвѣстили начало фейерверка. Онъ былъ прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразностями искусственнаго огня горѣло вензеловое имя генерала и

владимірская звѣзда. Амфитеатръ, гдѣ сидѣли зрители, сдѣланъ былъ изъ уступовъ горы при выходѣ оттуда, а весь островъ былъ уже иллюминованъ. Дамы и офицеры смѣшались вмѣстѣ; въ галереѣ начались танцы; въ полночь былъ ужинъ. Генералъ до разсвѣта принималъ участіе въ праздникѣ, потомъ возвратился домой, сопровождаемой такими же чувствами, тѣми же отголосками любви и приверженности, съ какими былъ встрѣченъ. Онъ въ сей день являлъ любезнаго начальника, пріятнаго гостя и чувствительнаго человѣка. Есть праздники, которые на другой же день забываютъ, оттого, что даются безъ цѣли или цѣль ихъ пустая. Въ столицахъ видѣнъ блескъ, въ городахъ полубоярскія затѣи; но праздникъ, въ коемъ участвуетъ сердце, который украшали пріязнь, благотворительность и другія душевныя насажденія, такой праздникъ оставляетъ по себѣ надолго неизгладимыя воспоминанія.

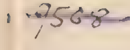
Философы въ ученомъ заточеньи!
Защитники уединенья!
Нашъ посѣтите станъ, когда вамъ есть досугъ.
Здѣсь узрите вы дружный, братскій кругъ
Начальника, отца обширнаго семейства.
Коль надобно — на смерть идутъ;
Не нужно — праздники даютъ.
У васъ какъ-будто чародѣйство:
Отъ книгъ нейдите вы на часъ,
Минута дорога для васъ;
А мы на дней не ропщемъ скоротечность:
Они не истекутъ, доколѣ мы живемъ;
А тамъ настанетъ вѣчность,
Такъ дней не перечтемъ.

Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Нашъ стоитъ 10,000 рублей, кромѣ фейерверка. Кончая мою реляцію,

желаю вамъ также веселиться, какъ я веселился 22-го іюня, съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю и проч.

Александръ Грибоѣдовъ.

P.. S. Посылаю вамъ 1000 рублей для бѣдныхъ, которыхъ такъ много послѣ пожара Москвы. Въ отдаленности отъ любезнаго отечественнаго края, намъ не извѣстно, какія частныя лица наиболѣе терпятъ отъ бѣдности. Полагаемся на васъ. Конечно заступникъ неимущихъ лучше всѣхъ знаетъ, кому нужна помощь.

О РАЗБОРѢ ВОЛЬНАГО ПЕРЕВОДА БЮРГЕРОВОЙ БАЛЛАДЫ: ЛЕНОРА.

Iniquitas partis adversae justum bellum ingerit.

Я читалъ въ Сынѣ Отечества балладу: «*Ольга*» и на нее критику, на которую сдѣлалъ свои замѣчанія.

Г-ну рецензенту непонравилась *Ольга*: это еще не бѣда, но онъ находитъ въ ней безпрестанныя ошибки противъ грамматики и логики, — это очень важно, если только справедливо; сомнѣваюсь, подлинно-ли оно такъ; дерзостъ меня увлекаетъ еще далѣе: посмотрю, каковъ логикъ, и граматей, самъ сочинитель рецензіи!

Г. Жуковскій, говоритъ онъ, пишетъ баллады, другіе тоже, слѣдовательно эти другіе или подражатели его или завистники. Вотъ образчикъ логики Г. рецензента. Можетъ быть, иные не одобрятъ оскорбительной личности его заключенія; но въ литературномъ быту то-ли дѣлается? - Г. рецензентъ читаетъ новое стихотвореніе; оно не такъ написано, какъ бы ему хотѣлось; за то онъ бранитъ автора, какъ ему хочется, называетъ его завистникомъ, и это печатаетъ въ журналѣ и не подписываетъ своего имени. — Все это очень обыкновенно и уже никого не удивляетъ.

Грамматика у г. рецензента своя, новая и съ родни его логики; она, на прим. никакъ не допускаетъ, чтоб

Рать подъ звонъ колоколовъ
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

Вступать въ городъ *подъ* звонъ колоколовъ, плясать *подъ* музыку — такъ говорится и пишется и утверждено постояннымъ употребленіемъ; но г. рецензенту это не нравится, стало-быть, грамматически неправильно.

Между-тѣмъ уважимъ прихоти рецензента, разсмотримъ по порядку все, чтó ему не нравится.

Во-первыхъ, онъ не жалуетъ балладъ и повторяетъ сказанное въ одной комедіи, что «однѣ только красоты поэзіи могли до-«сихъ-поръ извинить въ семъ родѣ сочиненій странной выборъ «предметовъ». Странный выборъ предметовъ, т. е. чудесное, которымъ наполнены баллады — признаюсь въ моемъ невѣжествѣ: — я не зналъ до-сихъ-поръ, что чудесное въ поэзіи требуетъ извиненія.

Въ «*Ольгѣ*» г. рецензенту не нравится, между-прочимъ, выраженіе *рано поутру*; онъ его ссылаетъ въ прозу; для стиховъ есть слова гораздо кудрявѣе (*).

(*) Онъ вообще непримиримый врагъ простоты. Не знаю, какъ ускользнули отъ его критики дышущіе піитическою простотою стихи:

Такъ весь день она рыдала,
Божій промыселъ кляла,
Руки бѣлыя ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнѣло небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Всѣ къ покою улеглись,
Звѣзды яркія зажглись.

Также ему не по-сердцу восклицаніе *ахъ!* когда оно вырывается отъ души въ стихахъ:

Измѣнилъ ли другъ любезный!
Умеръ ли, ахъ! я умру.

Въ строфѣ, въ которой такъ живо описано возвращеніе воиновъ-побѣдителей въ отеческую страну:

На сраженьи пали шведы,
Туркъ безъ брани побѣжденъ,
И желанный плодъ побѣды—
Миръ Россіи возвращенъ,
И на родину съ вѣнками,
Съ пѣсньми, съ бубнами, съ трубами,
Рать подъ звонъ колоколовъ
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

Слово: *Туркъ*, которое часто встрѣчается и въ образцовыхъ одахъ Ломоносова и въ простонародныхъ пѣсняхъ, несносно для вѣрнаго слуха г. рецензента, также и сокращенное: *съ пѣсньми*. Этому горю можно бы помочь: стоитъ только растянуть слова; но тогда должно будетъ растянуть и цѣлое; тогда исчезнетъ краткость, чрезъ которую описаніе дѣлается живѣе; и вотъ что нужно г. рецензенту: его длинная рецензія доказываетъ, что онъ не изъ краткости бьется.

Далѣе онъ изволитъ забавляться надъ выраженіемъ: *слушай, дочь*; «подумаешь (замѣчаетъ онъ), что мать хочетъ бить дочь». Я такъ полагаю, и вѣрно не одинъ, что мать просто хочетъ говорить съ дочерью.

Еще не нравятся г. рецензенту стихи:

. . . . . Въ Украйнѣ дальной,
Если клятвъ не чтя своихъ,
Обошелъ налой вѣнчальной,
Ужь съ другою твой женихъ.

Онъ находитъ, что проза его гораздо лучше:

Можетъ быть, быть невѣрной
Въ чужой землѣ, Венгерской,
Открекся отъ своей вѣры
Для новаго брака.

Такъ переводитъ онъ изъ Бюргера; не видно, между-тѣмъ, почему это хорошо, а русскіе стихи дурны. При томъ г. рецензенту никакъ не хочется, чтобъ налой, при которомъ вѣнчаются, назывался налоемъ вѣнчальнымъ. Но онъ часъ-отъ-часу прихотливѣе: въ иномъ мѣстѣ эпитетъ *слезный* ему кажется слишкомъ *сухимъ*, въ другомъ тонъ мертвеца слишкомъ грубымъ. Въ этомъ, однако, и я съ нимъ согласенъ: поэтъ не правъ; въ нашъ слезливый вѣкъ и мертвецы должны говорить языкомъ романическимъ. Nous avons tout changé, nous fairons maintenant la médécine d'une méthode toute nouvelle.

Вотъ какъ въ балладѣ любовникъ-мертвецъ говоритъ съ Ольгой:

«Мы лишь ночью скачемъ въ полѣ;
«Я съ Украйны за тобой:
«Поздно выѣхалъ оттолѣ,
«Чтобы взять тебя съ собой.
— «Ахъ, войди, мой ненаглядной!
«Въ полѣ свищетъ вѣтеръ хладной;
«Здѣсь, въ объятіяхъ моихъ,
«Обогрѣйся, мой женихъ»!

* * *

Пусть онъ свищетъ, пусть колышетъ,
Что довѣтру мнѣ? Пора!
Воронъ конь мой къ бѣгу пышетъ
Мнѣ нельзя здѣсь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Воронъ конь домчитъ стрѣлою,

Намъ сто верстъ еще: пора
Въ путь до брачнаго одра.

* * *

— Гдѣ живешь? скажи нелестно:
Что твой домъ? великъ? высокъ?
«Домъ—землянка. «Какъ въ ней?»—«Тѣсно».
— А кровать намъ? «Шесть досокъ»
— Въ ней уляжется ль невѣста? —
«Намъ двоимъ довольно мѣста.»

Стихъ: *въ ней уляжется-ль невѣста?* заставилъ рецензента стыдливо потупить взоры. Въ ночномъ мракѣ, когда робость любви обыкновенно исчезаетъ, Ольга не должна дѣлать такого вопроса любовнику, съ которымъ готовится раздѣлить брачное ложе. Что жь ей? предаться тощимъ мечтаніямъ любви идеальной? Богъ съ ними, съ мечтаніями, нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, чтó ни прочтешь, пѣснь, и посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ, и

Ольга встала, вышла, сѣла
На коня за женихомъ,
Обвила ему вкругъ тѣла
Руки бѣлыя кольцомъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица,
Конь бѣжитъ—земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ—подъ копытъ.

Эта прекрасная строфа, сверхъ чаянія, понравилось и г. рецензенту; онъ только замѣчаетъ, что поэтъ далъ слову: *пращъ* значеніе ему несвойственное. Наконецъ, исписавъ 17 страницъ, г. рецензентъ дописался до замѣчанія справедливаго. Скажу только, что слово: *пращъ* въ такомъ смыслѣ, какъ оно принято въ *»Ольгѣ»*, находится также въ одномъ мѣстѣ у *Жуковскаго*:

От стука палицъ, свиста пращей,
Далече слышанъ гулъ дрожащій.
Стихот. Жуковск. т. 1 стр. 107.

Потомъ г. рецензентъ, отъ нечего дѣлать, предлагаетъ нѣсколько вопросовъ для рѣшенія, отъ нечего дѣлать, говорю я: потому что онъ могъ легко бы самъ себѣ на нихъ отвѣчать, напр. въ стихахъ:

Наскакалъ въ стремленьи яромъ
Конь на каменный заборъ
Съ двери вдругъ хлыста ударомъ,
Спали петли и запоръ.

Онъ спрашиваетъ: что такое *наскакалъ на заборъ?* Всякій грамотный и неграмотный русскій человѣкъ знаетъ, что наскакалъ на заборъ значитъ, примчался во всю прыть къ забору. «Съ какой двери (продолжаетъ онъ) спали петли,» и пр.—съ той же, на которую въ переводѣ у г. рецензента *сѣдокъ поскакалъ опустивъ узду*. Далѣе въ стихахъ:

На дыбы конь воронъ взвился,
Дикимъ голосомъ заржалъ,
Стукнулъ въ землю — провалился
И на вѣки съ глазъ пропалъ.

Рецензентъ спрашиваетъ: съ чьихъ глазъ? Такіе вопросы заставляютъ сомнѣватъся, точно ли русскій человѣкъ ихъ дѣлаетъ. Онъ свою рецензію прислалъ изъ Тентелевой деревни С. Петербургской Губерніи; нѣтъ ли тамъ колонистовъ? не колонистъ ли онъ самъ? Въ такомъ случаѣ прошу сто разъ извиненія. Для переселенца изъ Нѣмечины онъ еще очень много знаетъ нашъ языкъ. Но къ концу рецензентъ дѣлается чрезвычайно веселъ. Ему не нравится, что

Ольга, въ страхѣ, безъ ума,
Неподвижна и нѣма.

и онъ хочетъ ее уронить.—Да, да! *вѣдь у Бюргера* говоритъ онъ: *могла же она упасть и лежать*. Надобно ее непремѣнно уронить. Куда дѣвалась ваша стыдливость, г. рецензентъ?

Но за этимъ слѣдуетъ замѣчаніе, которое похоже на дѣло. Въ балладѣ адскіе духи припѣваютъ погибшей Ольгѣ:

Съ Богомъ въ судъ нейди крамольно
Скорбь терпи, хоть сердцу больно,
Казнена ты во плоти.
Грѣшну душу Богъ прости.

Точно, не шло бы адскимъ духамъ просить Бога о помилованіи грѣшной души, хотя это у Бюргера такъ; однако три первые стиха, по-моему, болѣе походятъ на злобныя укоризны, чѣмъ на проповѣдь, вопреки г. рецензенту; но видно, участь моя ни въ чемъ съ нимъ не соглашаться. Его сужденія мнѣ не кажутся довольно основательными, а у меня есть маленькій предразсудокъ, надъ которымъ онъ вѣрно будетъ смѣяться; напримѣръ: я думаю, что тотъ, кто взялъ на себя трудъ свѣрять русскій переводъ съ нѣмецкимъ подлинникомъ, долженъ, между-прочимъ, хорошо знать и тотъ и другой языкъ. Конечно, г. рецензентъ признаетъ это излишнимъ, ибо кто же свѣдущій въ русскомъ языкѣ, переведетъ съ нѣмецкаго:

Rasch auf ein eisern Gitterthor
Gings mit ferhängtem Zügel.

т. е. «пустился во весь опоръ на желѣзныя рѣшетчатыя ворота».

Кто переведетъ это такимъ образомъ, какъ г. рецензентъ: *быстро на желѣзную рѣшетчатую дверь поскакалъ (сѣдокъ), опустивъ узду*. Такъ точно французское: ventre à terre можно перевести *брюхомъ по землѣ*.

У Бюргера Ленора говоритъ:

Ferloren ist ferloren.

А Ольга въ русской балладѣ:

Нѣтъ надежды, нѣтъ, какъ нѣтъ!

Рецензентъ кричитъ: *нѣтъ! не то! не то! не то!* Надлежало сказать; то, то, именно то, не можетъ быть проще и вѣрнѣе, не можетъ быть иначе. Но если вѣрить г. рецензенту, онъ самъ-по-себѣ не вооружался бы противъ Ольги. Взыскательные неотвязчивые читатели его окружаютъ; они заставили его написать длинную критику. Жалѣю я его читателей; но не клеплетъ ли онъ на нихъ? Въ противномъ случаѣ, зачѣмъ было говорить съ ними такъ темно? «Что касается до меня, то я право ничего бы не нашелъ сказать противъ этихъ стиховъ, кромѣ того, что они, такъ сказать, нейдутъ въ душу». Такой нескладный отвѣтъ, натурально, никого не удовлетворитъ: съ неугомонными читателями надобно было поступить простѣе; надобно было сказать имъ однажды навсегда: «Государи мои! не будемъ толковать о поэзіи: она для насъ мудреная грамота, а примитесь за газеты». Читатели бы отстали, а безполезная и оскорбительная критика въ журналѣ не наполнила бы 22-хъ страницъ.

Но нѣтъ, г. рецензентъ не могъ отговориться: судить криво, бранить—какое невинное удовольствіе! Какъ отказать себѣ въ этомъ? Притомъ же писать для того, чтобъ находить одно дурное въ какомъ-либо твореніи — подвигъ немноготрудный: стоитъ только запастись бумагой, присѣсть и писать до тѣхъ поръ, доколѣ не наскучитъ; надоѣло — кончить, и выйдетъ рецензія въ родѣ той, которая сдѣлана на Ольгу. Можетъ-быть иные мнѣ не вдругъ повѣрятъ: для такихъ опытъ—лучшее доказательство.

Переношусь въ Тентелеву деревню и на минуту принимаю на себя видъ рецензента, на минуту, и то, конечно, за свои

грѣхи. Около меня лежатъ разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ, но мнѣ, будто невзначай, попалась въ руки *Людмила*. Читаю и на первомъ стихѣ втораго куплета останавливаюсь:

Пыль туманитъ отдаленье.

Можно сказать: пыль туманитъ даль, отдаленность, но и то слишкомъ фигурно, а отдаленіе просто значитъ, что предметъ удаляется. Если принять, что пыль туманитъ отдаленье, можно будетъ сказать, что она туманитъ *удаленье* и *приближенье*. Но за симъ слѣдуетъ:

Свѣтитъ ратныхъ ополченье.

Теперь я догадываюсь: *отдаленье* поставлено для риѳмы. О риѳма!.. (*) Далѣе:

Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?

Слишкомъ напыщенно.

Гдѣ твоя, Людмила, радость
Ахъ! прости надежда-сладость.

Надежда-сладость. Опять-таки для риѳмы! Одно существительное сливаютъ съ другимъ для того, чтобъ придать ему понятіе, которое не заключается въ немъ необходимо. Наприм. дѣвица-краса, любовникъ-воинъ; но надежда—всегда сладость. Далѣе мать говоритъ дочери:

Мертвыхъ стонъ не воскреситъ.

(*) Читатели не должны быть въ заблужденіи на счетъ этихъ рѣзкихъ замѣчаній: они сдѣланы только въ подражаніе рецензенту Ольги.

А дочь отвѣчаетъ:

. . . .
Не призвать минувшихъ дней
. . . .
Что прошло—невозвратимо.
. . . .
Возвращу ль невозвратимыхъ?

Мнѣ кажется, что онѣ говорятъ одно и то же, а намѣреніе поэта заставить одну говорить дѣло, а другую то, что̀ ей внушаетъ отчаяніе. Вообще, какъ хорошенько разобрать слова Людмилы, они почти всѣ дышатъ кротостью и смиреніемъ; за что жь бы, кажется, ее такъ жестоко наказывать? Должно думать, что за безразсудныя слова, ибо подъ концемъ усопшихъ хоръ ей завываетъ:

Смертныхъ ропотъ безразсуденъ
Часъ твой билъ, и пр.

Но гдѣ жь этотъ ужасный ропотъ, который навлекъ на нее гнѣвъ Всевышняго? Самая богобоязненная дѣвушка скажетъ то же, когда узнаетъ о смерти своего любезнаго. *Царь небесный насъ забылъ*—вотъ самое сильное, что у ней вырывается въ горести; но при первомъ призракѣ счастія, когда она мертвеца принимаетъ за своего жениха, ея первое движеніе благодарить за то Бога. И вотъ ея слова:

Знать, тронулся Царь небесный
Бѣдной дѣвицы тоской!

Неужели это такъ у Бюргера? Раскрываю Ленору. Вотъ какъ она говоритъ съ матерью:

O Mutter, Mutter! was mich brennt,
Das lindert mir kein Sakrament,

Kein Sakrament mag Leben
Den Todten wieder geben.

Извините г. Бюргеръ, вы не виноваты! Но возвратимся къ нашей Людмилѣ. она Одовольно погорѣвала, довольно поплакала. Наступаетъ вечеръ.

И зеркало зыбкихъ водъ
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны.

Облеченны вмѣсто *облечены* нельзя сказать. Это маленькая ошибка противъ грамматики. О грамматика, и ты тиранка поэтовъ! Но чу! бьетъ полночь... Къ Людмиллѣ крадется *мертвецъ* на цыпочкахъ, конечно, чтобъ никого не испугать:

Тихо брякнуло кольцо.
Тихимъ шопотомъ сказали—
Всѣ въ ней жилки задрожали:
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:
«Спитъ иль нѣтъ моя Людмила,
«Помнитъ друга, иль забыла?.» и т. д.

Этотъ мертвецъ слишкомъ милъ; живому человѣку нельзя быть любезнѣе.

Послѣ онъ спохватился и перестаетъ говорить человѣческимъ языкомъ, но все-таки говоритъ много лишняго, особливо, когда подумаешь, что ему данъ *краткій*, *краткій срокъ* и *мигъ страшенъ замедленья.*

Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.

Такіе стихи:

Хотя и не Варяго-Росски,
Но истинно немно плоски.

И не прощаются въ хорошомъ стихотвореніи.

Поздно я пустился въ путь,
Ты моя — моею будь!

Къ чему приплетенъ послѣдній стихъ?

Способъ, который употребляетъ мертвецъ, чтобъ уговорить Людмилу за собою слѣдовать, очень оригиналенъ:

Чу! совы пустынной крики!
. . . .
Ѣдемъ, ѣдемъ. . . . .

Кажется, что крикъ совъ вовсе не заманчивъ и онъ долженъ бы удержать Людмилу отъ ночной поѣздки. И это *чу*! слишкомъ часто повторяется:

Чу! совы пустынной крики!
. . . .
Чу! полночный часъ звучитъ
. . . .
Чу! въ лѣсу потрясся листъ!
Чу! въ глуши раздался свистъ!

Такія восклицанія надобно употреблять гораздо бережнѣе, иначе они теряютъ всю силу. Но въ Людмилѣ есть слова, которыя преимущественно передъ другими повторяются. Мертвецъ говоритъ:

Слышишь! пѣнье, брачны лики!
Слышишь? борзой конь заржалъ.
. . . .
Слышишь? конь грызетъ бразды!

А Людмила отвѣчаетъ:

Слышишь? колоколъ гудитъ!

Наконецъ, когда они всего уже наслушались, мнимый женихъ Людмилы признается ей, что домъ его—гробъ и путь къ нему

далекъ. Я бы, напримѣръ, послѣ этого ни минуты съ нимъ не остался; но не всѣ видятъ вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нѣжною рукою и помчалась съ нимъ:

Скокомъ, летомъ по долинамъ.

Доро́гой спутникъ ея ворчитъ сквозь зубы, что онъ мертвый и что:

Путь ихъ къ кельѣ гробовой.

Эта несообразность замѣчена уже рецензентомъ «Ольги». Но что жъ? Людмила вѣрно вскрикнула, обмерла со страху. Она спокойно отвѣчаетъ:

Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ — земли утроба.

Впрочемъ, доро́гой Людмилѣ довольно весело: ей встрѣчаются пріятныя тѣни, которыя

Легкимъ свѣтлымъ хороводомъ,
Въ цѣпь воздушную свились.

И вкругъ нея

Поютъ воздушны лики,
Будто въ листьяхъ павилики
Бьется легкій вѣтерокъ,
Будто течетъ ручеекъ.

Потомъ мертвецъ опять сбивается на тонъ аркадскаго пастушка и говоритъ своему коню:

Чую раннiй вѣтерокъ.

Но пусть Людмила мчится на погибель; не будемъ далѣе за нею слѣдовать.

Чтобы не нагнать скуки на себя, ни на читателя, сбрасываю съ себя маску привязчиваго рецензента и, въ заключеніе, скажу два слова о критикѣ вообще. Если разбирать твореніе для того, чтобъ опредѣлить хорошо ли оно, посредственно, или дурно, надобно прежде всего искать въ немъ красотъ. Если ихъ нѣтъ, не стоитъ того, чтобъ писать критику; если жь есть, то разсмотрѣть какого онѣ рода? много ли, или мало? Соображаясь съ этимъ только, можно опредѣлить достоинство творенія. Вотъ чего рецензентъ «Ольги» не знаетъ, или знать не хочетъ.

Грибоѣдовъ.

ПИСЬМО ГРИБОѢДОВА КЪ ИЗДАТЕЛЮ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА.»

Изъ Тифлиса, отъ 21 января 1819 года.

Вотъ уже полгода, какъ я разстался съ Петербургомъ; въ нѣсколько дней отъ Сѣвера перенесся къ полуденнымъ краямъ, прилежащимъ къ Кавказу (не мысленно, а по почтѣ: одно другаго побезпокойнѣе!), вдоль по гремучему Тереку вступилъ въ скопище громадъ, на которыя, по словамъ Ломоносова, Россія локтемъ возлегла, но которыя теперь подвинула уже гораздо далѣе. Вокругъ меня неплодныя скалы, надъ головою царь-птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя; впереди свѣтлѣлись снѣжные верхи горъ, куда я вскорѣ потомъ взобрался, и нашелъ сугробы, стужу, всѣ признаки глубокой зимы, но на разстояніи нѣсколькихъ верстъ суровость ся миновалась: крутой спускъ съ Катаура ведетъ прямо къ весеннимъ берегамъ Арагвы, оттуда одинъ шагъ до Тифлиса, и я уже четвертый мѣсяцъ какъ бы засѣлъ въ немъ, и никто изъ моихъ короткихъ знакомыхъ обо мнѣ не хватится, всѣми забытъ, ни отъ кого ни строчки! Стало быть, стоитъ только заѣхать за три тысячи верстъ, чтобъ быть какъ бы мертвымъ для прежнихъ друзей! Я не плачу́ имъ такимъ же равнодушіемъ, тѣмъ, которыхъ любилъ, бывши съ ними въ одномъ городѣ; люблю и теперь вспоминать проведенное съ ними пріятное время, всегда о нихъ думаю, навѣдываюсь у пріѣзжихъ обо всемъ, что̀ происходитъ подъ вашимъ 60 градусомъ сѣверной широты; все, что оттуда здѣсь узнать можно; самыя незначущія мелочи сильно дѣйствуютъ на меня, и даже газетныя ваши вѣсти я читаю съ жадностію.

Теперь представьте мое удивленіе: между тѣмъ, какъ я воображалъ себя на краю свѣта, въ уголкѣ, пренебреженномъ просвѣщенными жителями столицы, на дняхъ, перебиравши листки «Русскаго Инвалида», въ № 284 прошедшаго декабря

между важными извѣстіями объ американскомъ жалкомъ воскресеньѣ, о безконечномъ процессѣ Фуальдеса, о докторѣ Верлингѣ, Бонапартовомъ лейбъ-медикѣ, вдругъ попадаю на статью о Грузіи: стало быть, эта сторона не совсѣмъ еще забыта, думалъ я; иногда и ею занимаются, а слѣдовательно и тѣми, которые въ ней живутъ.... И было порадовался, но что̀ жь прочелъ? Пишутъ изъ Константинополя отъ 26-го октября, будто бы въ Грузіи произошло возмущеніе, коего главнымъ виновникомъ почитаютъ одного богатаго татарскаго князя. Это меня и опечалило и разсмѣшило.

Скажите, не печально ли видѣть, какъ у насъ о томъ, что̀ полагаютъ происшедшимъ въ народѣ, намъ подвластномъ, и о происшествіи столь значущемъ, не затрудняются заимствовать извѣстія изъ иностранныхъ вѣдомостей и, не обинуясь, выдаютъ ихъ по крайней мѣрѣ за правдоподобныя, потому-что ни въ малѣйшей отмѣткѣ не изъявляютъ сомнѣнія, а можно было бы кажется, усомниться, тѣмъ болѣе, что слухъ вздорный, не имѣетъ ни какого основанія: вѣроятно, что объ истинномъ бунтѣ узнали бы въ Петербургѣ официально, не чрезъ Константинополь. Возмущеніе народа не то, что возмущеніе въ театрѣ противъ дирекціи, когда она даетъ худой спектакль: оно отзывается во всѣхъ концахъ имперіи, сколько, впрочемъ, ни обширна наша Россія. И какіе есть татарскіе князья въ Грузіи? Ихъ нѣтъ, вопервыхъ; да еслибъ и были, то здѣсь, что татарскій князь, что нѣмецкій графъ—одно и то же: ни тотъ, ни другой не имѣютъ никакого голоса. Я, какъ очевидецъ и пребывая въ Тифлисѣ уже съ нѣкотораго времени, могу васъ смѣло увѣрить, что здѣсь не только давно уже не было и нѣтъ ничего похожаго на бунтъ, но, при твердыхъ и мудрыхъ мѣрахъ, принятыхъ нынѣ правительствомъ, все такъ спокойно и смирно, какъ бы въ землѣ, издавна уже подчиненной гражданскому устройству. Вмѣсто прежняго самоуправства, нынѣ каждый по

своей тяжбѣ идетъ покорно въ домъ суда и расправы и русскіе гражданскіе чиновники, оберегатели частныхъ правъ, каждаго удовлетворятъ сообразно съ правосудіемъ. На крытыхъ улицахъ базара промышленность скопляетъ множество людей, однихъ для продажи, другихъ для покупокъ; иные брадатые политики, окутанные бурками, въ мѣховыхъ шапкахъ, подъ вечеръ сообщаютъ другъ другу рамбавіи (новости) о томъ, напримѣръ, какъ недавно здѣшнія войска въ горахъ туда проложили путь, куда, конечно, никто изъ нашихъ прежде не заходилъ. На плоскихъ здѣшнихъ кровляхъ красавицы выставляютъ передъ прохожими свои нарумяненыя лица, которыя безъ того были бы гораздо красивѣе, и лѣниво грѣются на солнышкѣ, нисколько не подозрѣвая, что отцы ихъ и мужья бунтуютъ въ Инвалидѣ. Въ Караванъ-серай привозятся предметы трудолюбія, плоды роскоши, получаемые чрезъ Черное море, съ которымъ нынѣ новое ближайшее открыто сообщеніе сквозь Имеретію. Въ окрестностяхъ города Виртембергскіе переселенцы безтревожно обстроиваются; зажиточные исчисляютъ, сколько вѣковъ, годовъ и мѣсяцовъ составятъ время, времена и полвремени, проповѣдуютъ Ш*** золотой Іерусалимъ съ жемчужными вратами; недостаточные работаютъ; дѣти ихъ каждое утро являются на улицахъ и въ домахъ съ духовными виршами механика К***, которыхъ никто не слушаетъ, и съ коврижками, которыя всѣ раскупаютъ, и щедро платятъ, себѣ за лакомство, имъ на пропитаніе. Вечеромъ въ порядочныхъ домахъ танцуютъ на сакляхъ (террасахъ), звучатъ въ бубны и завываютъ пѣсни очень пріятныя для поющихъ. Между тѣмъ городъ примѣтно украшается новыми зданіями. Все это, согласитесь, не могло быть въ смутное время, когда богатымъ татарскимъ князьямъ пришло бы въ голову возмущать всеобщее спокойствіе.

Не думаю, чтобы поводъ къ распространенію такихъ слуховъ подала прошлогодняя экспедиція командующаго Грузин-

скимъ отдѣльнымъ корпусомъ генерала отъ инфантеріи Ермолова. Вотъ что было: заложена крѣпость на Сунжѣ съ намѣреніемъ пресѣчь шатанія чеченцевъ, которые часто слѣзаютъ съ лѣсистыхъ вершинъ своихъ, чтобы хищничать въ низменной Кабардѣ. Крѣпостныя работы окончены успѣшно и безпрепятственно. Имѣя притомъ въ виду во всѣхъ направленіяхъ расчистить пути среди горъ, въ которыхъ многія мѣста по сіе время для насъ были непроходимымъ блуждалищемъ, и разрыть во множествѣ сокровенныя богатства природы, дано имъ было предписаніе генералъ-маіору Пестелю занять Басилы въ Дагестанѣ. Акутинцы и другіе народы, не уразумѣвъ истинныхъ его намѣреній, испуганные, обсѣли сосѣдственныя высоты; когда туда же приступилъ отъ крѣпости Грозной самъ генералъ Ермоловъ, они мгновенно разсѣялись; возбудителямъ этого скопленія дарована пощада, и, однимъ словомъ, никогда въ тамошнихъ странахъ державная властъ нашего государя не опиралась столь надежно на покорство народовъ, какъ нынѣ. Еще нужны труды и подвиги, подобные тѣмъ, которые подъяты здѣшнимъ главноначальствующимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ управленіе земель и народовъ, ему ввѣренныхъ, и необузданность горцевъ останется только въ разсказахъ о прошедшемъ. Впрочемъ, если и принять въ уваженіе, что экспедиція, о которой я сейчасъ упомянулъ, причиною толковъ о мнимомъ грузинскомъ бунтѣ: на что же намъ даны ландкарты, коли въ нихъ никогда не заглядывать? Онѣ ясно показываютъ, что событія съ Кавказской линіи также не годится переносить въ Грузію, какъ въ Литву то, что случается въ Финляндіи.

Я бы, впрочемъ, не взялъ на себя неблагодарнаго труда исправлять газетныя ошибки, еслибъ обстоятельство, о которомъ дѣло идетъ, не было чрезвычайно важно для меня собственно по мѣсту, которое мнѣ повелѣно занимать при одномъ

азіятскомъ дворѣ. Россійская Имперія обхватила пространство земли въ трехъ частяхъ Свѣта. Что не сдѣлаетъ никакого впечатлѣнія на германскихъ ея сосѣдей, легко можетъ взволновать сопредѣльную съ нею восточную державу. Англичанинъ въ Персіи прочтетъ ту же новость, уже выписанную изъ русскихъ оффиціальныхъ (*) вѣдомостей, и очень невинно разскажетъ ее кому угодно въ Табрисѣ или въ Тегеранѣ. Всякому предоставляю обсудить послѣдствія, которыя это за собою повлечь можетъ.

А гдѣ настоящій источникъ такихъ вымысловъ? кто первый ихъ выпускаетъ въ свѣтъ? Какой-нибудь Армянинъ, недовольный своимъ торгомъ въ Грузіи, пріѣзжаетъ въ Царьградъ и съ пасмурнымъ лицемъ говоритъ товарищу, что тамъ плохо дѣла идутъ. Пріятельское извѣстіе передается другому, который частный ропотъ толкуетъ общимъ цѣлому народу. Третьему не трудно мечтательный ропотъ превратить въ возмущеніе! Такая догадка скоро пріобрѣтаетъ газетную достовѣрность и доходитъ до Гамбургскаго Корреспондента, отъ котораго ничто не укроется, а у насъ привыкли его отъ доски до доски переводить: такъ какъ же не выписать оттуда статьи изъ Константинополя?

Потрудитесь замѣтить почтенному радактору «Инвалида», что не всякимъ турецкимъ слухамъ надлежитъ вѣрить; что если здѣшній край, въ отношеніи къ вамъ, господамъ петербургцамъ, по справедливости можетъ назваться краемъ забвенія, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о немъ нелѣпости не должно.

(*) «Русскій Инвалидъ» въ статьяхъ иностранныхъ не есть оффиціальная газета.

Прим. Изд.

[illegible]
26 [illegible]

Любезный Павелъ Александровичъ.

Благодарю тебя за письмо изъ [illegible] [illegible] [illegible]. Ты меня очень [illegible] [illegible]. Продолжай, мой милой, писать, а я читать буду.

[illegible] меня и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Весь твой.

[illegible]

[illegible] [illegible].

Три письма А. С. Грибоѣдова къ Павлу Александровичу Катенину.

I.

Табрисъ февраля 1820 года.

Любезный Павелъ Александровичъ.

Я очень давно не писалъ къ тебѣ. Неизвиняюсь: потому что знаю какъ это неизвинительно.—Прости, непеняй въ уваженіе прежней и дастъ Богъ всегдашней нашей дружбы. Мнѣ дали извѣстіе о смерти Дарьи Андревны. Кому не жаль матери! Но можетъ статься ты уже утѣшенъ. До меня извѣстія изъ Россіи доходятъ какъ лучи отъ Сиріуса, черезъ шесть лѣтъ; а потому не сообщу тебѣ своихъ размышленій, какъ бы я на твоемъ мѣстѣ расположился въ качествѣ помѣщика: Ты вѣроятно давно уже зажилъ по своему. Скажу объ моемъ быту: Вотъ годъ съ нѣсколькими днями, какъ я сѣлъ на лошадь, изъ Тифлиса пустился въ Иранъ, Секретарь бродящей Миссіи. Съ тѣхъ поръ не нахожу самого себя. Какъ это дѣлается? Человѣкъ по 70-ти верстъ верьхомъ скачетъ каждый день, весь день разумѣется, и скачетъ по два мѣсяца съ ряду, подъ знойнымъ Персидскимъ небомъ, по снѣгамъ въ Кавказѣ и промежутки отдохновенія, недѣли двѣ, много три, на одномъ мѣстѣ!—И этотъ человѣкъ будто я? Положимъ однако, что еще я несовсѣмъ съ ума сошелъ, различаю людей и предметы, между которыми движусь: прошедшимъ годомъ, какъ я дѣйствовалъ, и что со мною судьба спутила опишу коротко.

Весною мы прибыли въ Тейранъ. Я не успѣлъ обозрѣться, только, что разъ поскитался въ развалинахъ Раговъ Мидійскихъ,

*

раза три въ Касрѣ-Каджарѣ, въ Негаристанѣ, и въ другихъ окрестностяхъ Фетали-Шаховой столицы.... жаръ выгналъ насъ въ поле, на лѣтнее кочевье въ Султанейскую равнину, съ Шаенъ-Шаа, Царемъ Царей и его Дворомъ. Ахъ! Царь-Государь! Не по длинной бородѣ, а впрочемъ во всемъ точь въ точь Ломоносова Государыня Елисавѣтъ, Дщерь Петрова. Да вообще, что за люди вкругъ его! что за нравы! Когда нибудь отъ меня услышишь, коли не прочтешь. Теперь слишкомъ запущено. Начать ихъ обрисовывать, хоть слегка, завлекло бы слишкомъ далеко: въ годъ чего не насмотришься! Изъ Султанеи мы въ концѣ августа попали въ Табрисъ. Не все еще. Передъ Султанеей въ Абгарѣ Ферсеховъ въ двадцати по сю сторону отъ Козбина пожили нѣсколько во время Рамазана, смотрѣли Восточную Трилогію: Страсти Господнева угодника Алія, слышали удары дланьми въ перси, вопли: Ва Гуссейнъ! О! Фатмѐ! и пр. Я на это глядѣлъ, объ тебѣ думалъ. Въ Ахендѣ (за переходъ отъ Римскаго мосту на Кизиль-Озанѣ, въ горахъ Кафланку) тоже на недолго остановились, съ тѣмъ, что дальше ѣхать или на мѣстѣ остановиться казалось одинаково скучнымъ, но послѣднее менѣе тягостнымъ.

Изъ Табриса, въ началѣ Сентября, я отправился въ Чечню къ Алексѣю Петровичу за новыми наставленіями. Нашелъ его какъ прежде необыкновенно умнымъ, хотя недружелюбнымъ. Онъ воюетъ, мы миръ блюдемъ; естли однако вездѣ такъ мудро учреждены Посольства отъ Императора, какъ наше здѣсь: полки Его опаснѣе, чѣмъ умы его дипломатовъ. Я наконецъ опять въ Табризѣ. Владѣтельный Ша-Задѣ-Наибъ-Султанъ-Абасъ-Мирза, при которомъ мы честь имѣемъ находиться, и, въ скобкахъ сказать, великій мнѣ недоброжелатель, вызвалъ изъ Лондона оружейныхъ мастеровъ, шорниковъ и всякихъ рабочихъ; сбирается заводить университеты. И у него есть Министръ Духовныхъ силъ Дервишь Каймаканъ Мирза Бюзюркъ. Дайте намъ Уварова.

Ты видишь, что и здѣсь въ умахъ потрясеніе. Землетрясеніе всего чаще. Хоть то хорошо, коли о здѣшнемъ городѣ сказать: провались онъ совсѣмъ; такъ точно иной разъ провалится.

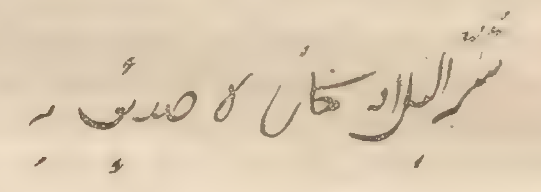
Не воображай меня однако слишкомъ жалкимъ. Къ моей скукѣ я умѣлъ примѣшать разнообразіе, распредѣлилъ часы; скучаю попремѣнно то съ Лугатомъ Персидскимъ, за который не принимался съ Сентября, то съ дѣловыми бездѣльями, то въ разговорахъ съ *товарищами*. Веселость утрачена, непишу стиховъ, можетъ и творились бы, да читать некому, сотруженики не Русскіе. О любезномъ моемъ фортепіано, гдѣ оно я совершенно неизвѣстенъ. Книги, посланныя мною изъ Петербурга тѣмъ же путемъ, теряются. Довольно о себѣ. Вы какъ? Что происходитъ въ Вашемъ ученомъ или неученомъ мірѣ? Въ мое время, еслибы возможность была массу свѣдѣній нашихъ Литтераторовъ, Академиковъ, Студіозовъ и Профессоровъ раздѣлить поровну нашимъ людямъ съ *талантомъ*, врядъ ли бы на каждаго пришлось постольку, чему Ланкастеръ учитъ: читать и писать и то плохо. Ты не въ щету. Играютъ ли твою Андромаху? Напечатана-ли? Какъ ее достать? Коли не ex dona Auctoris намекни по крайнѣй мѣрѣ, куда отнестись? Да во всякомъ случаѣ пиши ко мнѣ. Сколько я удовольствія лишаюсь отъ лѣни! Еслибы любезные мнѣ люди отъ меня имѣли письмы, вѣрно бы отвѣчали. По крайнѣй мѣрѣ я люблю нѣжиться этимъ воображеніемъ.

Князю почтенному низко поклонись за отсутствующаго. Не могу довольно порадоваться, что и онъ въ числѣ тѣхъ, которые хотятъ, не хотятъ, а должны меня помнить. Часто бывали вмѣстѣ. Славный человѣкъ! Кроткій, ласковый нравъ, пріятный умъ, статура его, чтенье, сочиненія, горячность въ спорахъ объ стопахъ и риѳмѣ, нашъ Ценсоръ всегдашній,

и самъ подъ цензурою у Катерины Ивановны.... Неповѣришь, какъ память обо всемъ этомъ мнѣ весела въ одиночествѣ! Жандрикъ мой какъ живетъ? въ 1820-мъ году прежнимъ ли святымъ молится? Объ Чепяговѣ ты мнѣ писалъ. Скажи кто-бы думалъ, что его въ чемъ ни есть *Іону* достанется замѣнить? Однако охота была нашему прозорливому другу пѣть свою Ѳеогонію такому человѣку, который боговъ знать не хочетъ? Чепяговъ и Чебышевъ! Незнаю почему при этихъ схожихъ имянахъ мнѣ пришли въ голову два другіе: Гейнзіусъ и Гревіусъ!

Прощай, дружески тебя обнимаю, крѣпко. Мой Шерасминъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе......

Изъ всего надо пользу получать, и ты изъ моего письма научись чему нибудь. Вотъ тебѣ Арабскій стихъ:

Шаруль-бело изъ кана ла садыкъ (*).

NB C'est un peu de l'instruction de la veille, car je ne sais pas encor un mot d' Arabe, Aussi vous n'aurez pas le vers traduit.

(*) Величайшее несчастіе, когда нѣтъ истиннаго друга!

Изд.

II.

14 Февраля.

Тѣ двѣ страницы посылаю тебѣ недописанныя. Онѣ уже мѣсяцъ какъ начаты, и что я хотѣлъ прибавить непомню, но вѣроятно о себѣ: и такъ благодарю мою память, что она мнѣ на сей разъ измѣнила. Ты говоришь, что замѣчанія твои останутся между нами. Нѣтъ, мой другъ, я уже давно отъ всякихъ тайнъ отказался, и письмо твое на другой же день сообщилъ съ кѣмъ только встрѣтился: Дельвигу, между прочимъ, котораго два раза въ жизни видѣлъ, Булгарину, Муханову, Наумову, Одоевскому, Каратыгину, и тогда же вечеромъ, Варв. Семен. Жандру и всѣмъ, кто у нихъ на ту пору случился. Вѣроятно еще многимъ, но кто-же теперь всѣхъ ихъ упомнить?

Братъ твой былъ у меня и очень обрадовалъ разсказами о тебѣ, какъ ты веселишься и танцуешь въ Костромѣ . . .

. . . .

Отвѣтъ твой Р. В. Д. напечатанъ. Доволенъ ли ты? Всѣ благомыслящіе люди на твоей сторонѣ, но издателямъ много труда стоило добиться позволенія отъ Министра къ напечатанію твоего картеля. Ты требуешь моего мнѣнія о твоихъ *Сплетняхъ* и *Сидѣ*. Сплетни, сколько я помню, не произвели на меня пріятнаго впечатлѣнія, онѣ не веселы, и слогъ недовольно натураленъ, хоть и есть иные стихи превосходные. Въ Сидѣ есть одна сцена (особенная), которая мастерски переведена, и читана мною и прочитана сто разъ публично и про себя.

Это встрѣча Дига съ Родригомъ, въ домѣ Хилоны, не помню въ концѣ ли 3-го или 4-го акта, ее безъ слезъ читать нельзя, вообще весь переводъ приноситъ тебѣ много чести, но также попадаются небрежности въ слогѣ, жесткости, и ошибки противъ языка (для тѣхъ, кто ихъ замѣчать хочетъ); точно такія же погрѣшности повредили твоему напечатанному отрывку изъ Андромахи, не въ мнѣніи безпристрастныхъ цѣнителей изящнаго, но тѣхъ, которые давно уже каждый шагъ твой оспариваютъ на поприщѣ трудовъ и славы.— Зачѣмъ ты не даешь съиграть Андромахи? Семенова душою этого желаетъ, соединеніе такихъ двухъ талантовъ какъ она съ Каратыгинымъ, не всегда случается, можетъ быть онъ въ чужіе краи отправится, и тогда Трагедіи твоей опять лежать въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Прощай, мой милый, пиши ко мнѣ скорѣе на имя Жандра, по скорѣе: потому что я здѣсь еше недолго промедлю. А живу я точно, какъ ты въ Кологривѣ, очень уединенно, рѣдко съ кѣмъ вижусь изъ старыхъ моихъ знакомыхъ, съ большимъ числомъ изъ нихъ невозобновилъ прежнихъ короткихъ связей, вновь ни съ кѣмъ недружусь, лѣта не тѣ, сердце холерика. Прощай, обнимаю тебя отъ души

вѣрный твой
А. Г.

III.

17 Октября.

Любезный другъ, Положимъ что я уже извинился, какъ слѣдуетъ, и ты мнѣ простилъ 5-ти лѣтнее молчаніе, А. А. доскажетъ тебѣ остальное. Жаль, что немогу попасть къ тебѣ въ Кострому, а такъ давно собираюсь! Но мнѣ есть утѣшеніе, коли не съ тобою, такъ о тебѣ бесѣдую часто и съ тѣми даже, съ кѣмъ ты незнакомъ, и кто тебя нестоитъ. На дняхъ все какъ будто судьбою устроено, чтобы мнѣ сердцемъ и мыслями перенестись къ тебѣ, почтенный другъ. Люди менѣе несправедливы на твой щетъ; стало и объ нихъ можно передать тебѣ вѣсти. Чаще прежняго произносятъ твое имя Андромаха, которая должна явиться въ альманахѣ; въ Парижѣ вышли о тебѣ отзывы, исполненныя уваженія; въ театрѣ превозносятъ Каратыгина, и тебѣ приписываютъ развитіе его дарованія. Жоминьи и пр. его чрезвычайно хвалитъ, находитъ только, что недолжно-бы ноги ставить паралельно; car c'est donner dans le Drame. Было бы о чемъ расписаться, но мелочи, главныя черты Петербурга и его глупцевъ тебѣ болѣе, чѣмъ мнѣ, извѣстны. Я по крайнѣй мѣрѣ все нашелъ по старому; у Шаховскаго прежнія погремушки, только имя новое, онъ вообразилъ себѣ, что перешелъ въ романтики и съ тѣхъ поръ ни одна сказка, ни басня не минуетъ его рукъ, все перекраиваетъ въ пользу Дюръ, Брянскаго и пр: на дняхъ, кажется соорудилъ трилогію изъ Медвѣдя и Пустынника Крылова. Я у него бываю, отъ того, что всѣ другіе его ругаютъ, это въ моихъ глазахъ придаетъ ему нѣкоторое достоинство. Жандръ

пробудился изъ усыпленія, переводитъ Венцеслава необыкновенно хорошо, безъ риѳмъ и тѣмъ лучше выходитъ. Самъ не отстаю отъ толпы пишущихъ собратій. А. А. везетъ къ тебѣ мои риѳмы, прочти, разсмѣйся, замѣть, что не по тебѣ, орѳографію отъ себя дополни, переписывалъ кто-то въ Преображенскомъ полку.

Мы помѣнялись ролями. Бывало получу отъ тебя нѣсколько строкъ, и куда Востокъ дѣнется, непомню гдѣ, съ кѣмъ, въ Табризѣ воображу себя вдругъ между прежними друзьями, опомнюсь, вздохну глубоко, и предаю себя въ волю Божію, но я былъ добровольнымъ изгнанникомъ, а ты!... Милый, любезнѣйшій другъ, не тужи, право не о чемъ и не объ комъ. Тебѣ грустить не должно, всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь. Боже мой! когда вырвусь изъ этого мертваго города! — Знай однако, что я здѣсь на перепутьи въ чужіе краи, попаду-ли туда, неручаюсь, но вотъ какъ располагаю собою: Отсюдова въ Парижъ, потомъ въ южную Францію, коли денегъ и времени достанетъ, захвачу нѣсколько приморскихъ городовъ Италію и Ѳракійскимъ Воспоромъ въ Черное море и къ берегамъ Колхиды. Кстати о ней, вчера храпѣлъ я у нѣмцевъ при шумѣ, трескѣ и грохотѣ дикихъ ямбъ Грильпарцера. Давали его Золотое руно. Главный планъ соображенъ счастливо. Въ первой части Медеи представлены въ отечествѣ, куда прибываютъ Аргонавты, Царь Кольховъ желалъ-бы освободиться отъ воинственныхъ иноземцевъ, прибѣгаетъ къ чародѣйству дочери, она въ первый разъ познала, что сверхъ-естественныя силы даны ей на пагубу, въ борьбѣ между долгомъ и любовью, которою наконецъ совершенно побѣждается, и для пришельца забываетъ отца и боговъ своихъ. Чудно, что нѣмецъ, и слѣдовательно ученый человѣкъ, невоспользовался лучше преданіями о звѣрскихъ правахъ древней Колхіи, ни на минуту не перено-

сится туда воображеніемъ, притомъ если-бы повелъ отъ Арна по всѣмъ мытарствамъ, Медея, мужественная его сопутница, гораздо-бы болѣе возбудила къ себѣ соучастіе, Французу это невозможно, но Грильпарцеръ какими стѣсненъ былъ условіями! Вторая часть начинается прекрасно, (такъ-ли я только помню?). Медея передъ тѣмъ, такъ вступить ей въ Коринѳы, отрекается отъ всѣхъ волшебствъ, хочетъ пожить безпорочно съ мужемъ и дѣтьми, зарываетъ въ землю фіалъ съ зеліемъ, руно, жезлъ и покровъ чародѣйный; жаль только, что поэтъ заставляетъ не всю свою утварь укладывать въ *чемоданъ*, и не прямо въ землю! Во второмъ актѣ превосходное мѣсто, когда посланный отъ Амфиктіоновъ требуетъ ее изгнанія изъ Коринѳа, все прочее глупо до крайности. Авторъ тонетъ въ мелочныхъ семейственныхъ подробностяхъ и трагическія его лица спускаютоя ниже самыхъ обыкновенныхъ людей.

Актриса м-ль Ордерюнь не безъ дарованій, но подрядилась каждому стиху давать отдѣльное выраженіе, и утомляетъ, притомъ не имѣетъ пламенной души какъ наша Семенова. Сказать ли тебѣ два слова о Колосовой? въ Трагедіи обезьяна старшей своей соперницы, которой средства ей однако не дались, въ комедіи могла бы быть превосходна, она и теперь разумѣется лучше Валберховой и тому подобныхъ...... только кривляетъ свое лицо непомѣрно, передразниваетъ кого-то, думаю что Мариво; потому что плѣнилась ея игрою, какъ сама мнѣ сказывала, собственную природу выпустила изъ виду, и рѣдко на нее попадаетъ, и какъ однообразна! Шаховской не признаетъ въ ней ни искры таланта; я не согласенъ съ нимъ, конечно она еще недошла и въ половину до той степени совершенства, до которой могла-бы достигнуть. Въ заключеніе скажу тебѣ, что для одного Каратыгина порядочные люди собираются въ Русскій театръ, не смотря на скудность трагическаго репертуара. Пиши, ради Бога, долго-ли намъ слушать что:

Едва лучь утренній намъ въ мракѣ свѣтитъ ночи,
Въ Авлидѣ лишь одни отверзты наши очи.

Прощай, мое сокровище, комнатный товарищъ Одоевскій, сей часъ воротился съ бала и шумитъ въ передней, два часа ночи; кабы АА незавтра отправлялся, я бы не такъ торопился, и многое бы придумалъ, чтобы разбить твои мысли. Еще разъ прощай, и полюби меня по старому. Обнимаю тебя отъ души. Ей Богу! готовъ бы сей часъ въ ссылку, лишь бы этимъ тебѣ купить облегченіе жестокой и незаслуженной судьбы.

Вѣрный твой

17 Октября.

А. Грибоѣдовъ,

Два письма, помѣщенныя въ Журналѣ «Москвитянинъ» 1856 г., № 12, октябрь, книга вторая.

Письмо А. С. Грибоѣдова, неизвѣстно къ кому назначенное (*).

Табрисъ, 17 ноября, 1820 г., часъ по полуночи.

Вхожу въ домъ, въ немъ праздничный вечеръ; я въ этомъ домѣ не бывалъ прежде. Хозяинъ и хозяйка, Поль съ женою, меня принимаютъ въ двери. Пробѣгаю первый залъ и еще нѣсколько другихъ. Вездѣ освѣщеніе; то тѣсно между людьми, то просторно. Попадаются многія лица, одно какъ будто моего дяди, другія тоже знакомыя; дохожу до послѣдней комнаты,— толпа народу, кто за ужиномъ, кто за разговоромъ; вы тамъ же сидѣли, въ углу, наклонившись къ кому то, шептали и ваша возлѣ васъ. Необыкновенно пріятное чувство, и не новое, а по воспоминанію мелькнуло во мнѣ, я повернулся и еще

(*) На спискѣ, рукою М. П. Погодина написано доставлено А. М. Гусевымъ.

куда-то пошелъ, гдѣ то былъ, воротился; вы изъ той же комнаты выходите ко мнѣ навстрѣчу. Первое ваше слово: вы-ли это А. С.? Какъ перемѣнились? Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко отъ постороннихъ въ уединенную, длинную, боковую комнату, къ широкому окошку, головой приклонились къ моей щекѣ, щека у меня розгорѣлась и подивитесь! вамъ труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда былъ выше васъ гораздо. Но во снѣ величины искажаются, а все-это сонъ не забудьте.

Тутъ, вы долго ко мнѣ приставали съ вопросами, написалъ ли я что нибудь для васъ? — Вынудили у меня признаніе, что я давно отшатнулся, отложился отъ всякаго письма, охоты нѣтъ, ума нѣтъ — вы досадовали. — Дайте мнѣ обѣщаніе, что напишите. —Что же вамъ угодно? Сами знаете. —Когда же должно быть готово?—Черезъ годъ непремѣнно. —Обязываюсь. — Черезъ годъ, клятву дайте..... И я далъ ее съ трепетомъ. Въ эту минуту малорослый человѣкъ, въ близкомъ отъ насъ разстояніи, но котораго я, давно слѣпой, не довидѣлъ, внятно произнесъ эти слова: Лѣнь губитъ всякій талантъ..... А вы обернясь къ человѣку: посмотрите кто здѣсь?.... Онъ поднялъ голову, ахнулъ, съ визгомъ бросился мнѣ на шею... дружески меня *душитъ*..... Катенинъ!.... Я пробудился.

Хотѣлось опять позабыться тѣмъ же пріятнымъ сномъ. Не могъ. Вставъ, вышелъ освѣжиться. Чудное небо! Нигдѣ звѣзды не свѣтятъ такъ ярко, какъ въ этой скучной Персіи! Муэдзинъ съ высоты минара, звонкимъ голосомъ возвѣщалъ ранній часъ молитвы (—ч. по полуночи) ему вторили со всѣхъ мечетей, наконецъ вѣтеръ подулъ сильнѣе, ночная стужа развѣяла мое безпамятство, затеплилъ свѣчку въ моей храминѣ, сажусь писать, и живо помню мое обѣщаніе; *во снѣ дано, на яву исполнится-*

На оборотѣ черноваго письма А. С. Грибоѣдова, отъ 17 ноября, 1820 г, изъ Табриса, написано имъ собственноручно слѣдующее:

«Les connaissances que je posséde se réduisent à celles des langues: Slavone et Russe; Latine, Française, Anglaise, Allemande. Durant ma station en Perse je me suis appliqué au Persan et à l'Arabe. Mais c'est encore peu de chose pour quiconque veut être utile à la société, que d'avoir plusieurs mots pour une idée, comme dit Rivarol, plus on a de lumiéres, mieux on sert son pays. C'est pour avoir le moyen de les acquérir, que je demande mon congé ou mon rappel d'un triste royaume, oû loin d'apprendre quelque chose, on perd même le souvenir de ce qu'on savait. J'ai préféré vous dire la vérité aulieu d'alléguer une santé ou une fortune dérangée, lieux communs, auxquels personne ne croit.

Познанія мои заключаются въ изученіи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ. Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще не достаточно имѣть нѣсколько рѣченій для выраженія одной мысли, какъ говоритъ Ривароль, чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему Отечеству. И я именно для того, чтобъ пріобрѣсть свѣдѣнія прошу о увольненіи отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, гдѣ не только ничему не научишься а еще забудешь то что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину, вмѣсто того, чтобъ выставлять причиной нездоровье или разстройство домашнихъ дѣлъ — обыкновенныя уловки, которымъ никто не вѣритъ.

Письмо А. С. Грибоѣдова къ Князю А. И. Одоевскому

С. Петербургъ.

Братъ Александръ! подкрѣпи тебя Богъ! Я сюда прибылъ на самое короткое время. Государь наградилъ меня щедро за мою службу. Бѣдный другъ и братъ! зачѣмъ ты такъ несчастливъ? Теперь ты бы порадовался, если бы видѣлъ меня гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели прежде; но я тебя знаю, ты не останешься равнодушенъ, при полученіи этихъ строкъ, и тамъ, въ дали, въ горѣ и въ разлукѣ съ ближними.

Осмѣлюсь ли предложить тебѣ утѣшеніе, въ нынѣшней судьбѣ твоей! Но есть оно для людей съ умомъ и чувствомъ. И въ страданіи заслуженномъ, можно сдѣлаться страдальцемъ почтеннымъ. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая отъ внѣшней. Утвердиться размышленіемъ въ правилахъ неизмѣнныхъ, сдѣлаться въ узахъ и въ заточеніи лучшимъ, нежели въ самой свободѣ, вотъ подвигъ, который тебѣ предлагаю. Но кому я это говорю? Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи, въ 1825 году. Она была мгновенна, и ты вѣрно теперь тотъ же мой кроткій, умный и прекрасный Александръ, какимъ былъ въ Стрѣльнѣ и въ Коломнѣ, въ домѣ Погодина. Помнишь, мой другъ, во время наводненія, какъ ты плылъ и тонулъ, чтобы до меня добраться и меня спасти.

Кто тебя завлекъ въ эту гибель! Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя уму и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе опредѣлила, довольно объ этомъ.

Слышу, что снисхожденіемъ Высшаго начальства тебѣ и товарищамъ твоимъ дозволится читать книги. Сейчасъ ѣду покупать тебѣ всякой всячины, реэстръ приложу послѣ.

ЗАГОРОДНАЯ ПОѢЗДКА.

(Отрывокъ изъ письма южнаго жителя).

(Сѣверная Пчела Іюля 26 — 1826 года № 76).

На высоты! на высоты! Подалѣе отъ шуму, пыли, отъ душнаго однообразія нашихъ площадей и улицъ. Куда нибудь, гдѣ воздухъ рѣже, откуда груды зданій въ неясной дали слились бы въ одну точку, весь бы городъ представилъ изъ себя центръ отмѣнно мелкой, ничтожной дѣятельности, кипящей муравейникъ.

— Но куда же вознестись такъ высоко, такъ свободно изъ Петербурга? — въ Парголово.

Въ полдень 21-го Іюня, мы пустились по извѣстной дорогѣ изъ Выборгской заставы. Не роскошныя окрестности! Природа съ великимъ усиліемъ въ болотѣ насадила печальныя ели; жители ихъ выжигаютъ. Дымный запахъ, блѣдное нѣбо, скрыпучій песокъ, все это не располагаетъ странниковъ къ пріятнымъ впечатлѣніямъ. Подымаемся на пригорокъ, и на другой (кажется на шестой верстѣ); лошадямъ тяжело, но душѣ легче, просторнѣе. Отсюда взоръ блуждаетъ по безконечной поверхности лѣсной чащи. Тѣ-же ели, но подъ скудною тѣнію ихъ рѣдкихъ вѣтвей, въ ихъ тощей зелени, въ бездушныхъ иглахъ нѣтъ отрады, теперь же съ крутизны холма, пирамидальные верхи ихъ глажены, особенности исчезли; подъ нашими ногами засинѣлся лѣсъ одною полосою, далеко протяженною, и видъ неизмѣримости сообщаетъ душѣ гордыя помышленія. — Въ сообществѣ равныхъ намъ, высшихъ насъ, такъ точно мы, ни имп, ни собою недовольные, возносимся иногда пареніемъ ума надъ цѣлымъ человѣчествомъ, и какъ величественна эта

зыбь вѣковыхъ истинъ и заблужденій, которая отвсюду простирается далеко за горизонтъ нашего зрѣнія!

Другаго рода мысли и чувства возбуждаетъ, нѣсколько верстъ далѣе, влѣво отъ большой дороги, простота деревенскаго храма. Одинокъ, и построенъ на разложистомъ мысѣ, котораго подножіе омываетъ тихое озеро; справа рядъ хижинъ, но въ нихъ не поселяне. Нѣжная бѣлизна красавицъ и торопливость ихъ услужниковъ напоминаютъ..., не знаю именно, о чемъ, но здѣсь онѣ менѣе озабочены чинами всякаго рода.

Вотъ и край нашихъ желаній. Всё выше и выше, мѣста картинныя; мирныя рощи, дубы, липы, красивыя сосны, то по нѣскольку вмѣстѣ стоятъ среди спѣющей нивы, то надъ прудомъ, то опоясываютъ собою рядъ холмовъ; подъ ихъ густою сѣнію, дорога завивается до самой вершины, — доѣхали.

Тутъ всякій спѣшитъ на дерновую площадку, на которую взбѣгаютъ уступами со стороны сада. Сквозь расчищенный просѣкъ видиѣются вдали верхи башень Петербургскихъ. Такъ разсказываютъ, но мы ничего не видали. Наше зрѣлище ограничивалось тѣмъ живописнымъ озеромъ, мимо котораго сюда ѣхали: далѣе все было подернуто сизыми парами; и вотъ одно ожиданіе рушилось, какъ идея поэта часто тускнетъ при неудачномъ исполненіи. Въ замѣну изящной отдаленности, мы любовались тѣмъ, что было ближе. Подъ нами, на берегахъ тихихъ водъ, въ перелѣскахъ, въ прямизнахъ аллей, мелькали группы дѣвушекъ, мы пустились за ними, бродили часъ, два; вдругъ послышались намъ звучные, плясовые напѣвы, голоса женскіе и мужскіе, съ того же возвышенія, гдѣ мы прежде были. Родныя пѣсни! Куда занесены вы съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги? — Приходимъ назадъ: то мѣсто было уже наполнено бѣлокурыми крестьяночками въ лентахъ и бусахъ; другой хоръ изъ мальчиковъ; мнѣ болѣе всего понравились двухъ изъ нихъ смѣлыя черты и вольныя движенія. Прислонясь къ дереву, я

съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самыхъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полу-Европейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими! Финны и Тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами; и навѣки! Если бы какимъ нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы незналъ Русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ конечно бы заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами.

Пѣсни не умолкали; затянули: *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*; молодые пѣвцы присѣли на дернъ, и дружно грянули въ ладони, подражая мѣрнымъ ударамъ веселъ; двое на ногахъ оставались; Атаманъ и Есаулъ. Былыя времена! Какъ живо воскрешаетъ васъ въ моей памяти эта народная игра; тотъ вѣкъ необузданной вольности, въ который нѣсколько удальцевъ бросались въ легкіе струги; спускались внизъ по протоку Ахтубѣ, по Бузанъ-рѣкѣ, дерзали въ открытое море, брали дань съ прибрежныхъ городовъ и селеній, не щадили ни красоты дѣвичей, ни сѣдины старческой, а, по словамъ Шардена, въ роскошномъ Фирузъ-Абатѣ, угрожали блестящему Двору Шаха-Аббаса. Потомъ, обоготясь корыстями, несмѣтнымъ числомъ тканей узорчатыхъ, серебра и золота, и жемчуга окатнаго, возвращались домой, гдѣ ожидали ихъ любовь и дружба; ихъ встрѣчали съ шумною радостію и славили въ пѣсняхъ.

Время длилось. Сѣверное, лѣтнее солнце, какъ всегда передъ закатомъ, казалось неподвижно; мой товарищъ предложилъ мнѣ пуститься верхомъ, еще подалѣе, къ другой цѣпи возвышеній.

Сѣли на лошадей, которыя здѣсь сродни горнымъ мулламъ, но изъ нашей поѣздки ничего не вышло, кромѣ благотворнаго утомленія для здоровья. Дымъ отъ выжженныхъ и курившихся корней носился по дорогѣ. Солнце въ этомъ мракѣ походило на ночное свѣтило. Возвратились опять въ Парголово; оттуда въ городъ прежнею дорогою, прежнее уныніе. Къ тому же суровость климата! При спускѣ съ одного пригорка, мы разомъ погрузились въ погребной, влажный воздухъ; сырость проникала насъ до костей, и чѣмъ ближе къ Петербургу, тѣмъ хуже: по сторонамъ предательская трава; если своротить туда, тинистыя хляди, вмѣсто суши. На пути не было ни какой встрѣчи, кромѣ туземцевъ Финновъ; бѣлые волосы, мертвые взгляды, сонныя лица!

МЕЛКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОЛОГЪ ФАУСТА.

(Die lustige Person.)

Изъ Гёте.

Напечатанъ въ альманахѣ: «Полярная Звѣзда» на 1825 годъ.

По дружбѣ, мнѣ, вы господа,
При случаѣ посильно, иногда
И дѣятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображенію дать смѣлый вамъ полётъ?
Парите вверхъ, и внизъ спускайтесь произвольно,
Чтобъ большинство людей осталось мной довольно,
Которое живетъ, и жить даетъ.
Домъ зрѣлища устроенъ пребогатый,
И бревяной накатъ, и полъ дощатый,
И всё по зву: — одинъ свистокъ:
Храмъ взыдетъ до небесъ, раскинется лѣсокъ.
Лишь то бѣда, ума намъ гдѣ добиться?
Смотрите вы на брови знатоковъ,
Они, и всякой кто каковъ,
Чему-нибудь хотѣли бъ удивиться;
А я испуганъ, сталъ въ тупикъ;
Не то, чтобы у насъ къ хорошему привыкли,
Да начитались столько книгъ!
Всю подноготную проникли!
Увы!
И слушаютъ, и ловятъ всё такъ жадно!

Чтобъ были вещи имъ новы,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящійся народъ
Я, при раздачѣ ложъ и креселъ;
Кому терпѣнье — труденъ входъ,
Тотъ получилъ себѣ — и веселъ,
Но вотъ ему возврата нѣтъ!
Стѣной густѣютъ непроломной,
Толпа ростетъ, и рокотъ громной,
А голоса: билетъ! билетъ!
Какъ будто ихъ раждаетъ преисподня;
И это чудо кто творитъ? — Поэтъ;
Нельзя ли, милый другъ, сегодня?

Поэтъ.

О, не тревожь, не мучь суетъ картиной!
Задержи, скрой отъ глазъ народъ,
Толпу, которая пестрѣющей пучиной
Съ собой противовольно насъ влечётъ.
Туда веди, гдѣ подъ небесъ равниной
Поэту радость чистая цвѣтётъ;
Гдѣ дружба и любовь, его къ покою
Обвѣятъ, освѣжатъ божественной рукою.
Ахъ! часто, чтò отраду въ душу льетъ,
Чтò робко намъ уста пролепетали,
Мечты неспѣлыя . .. и вотъ
Ихъ крылья бурнаго мгновенія умчали.
Едва искупленныхъ трудами многихъ лѣтъ,
Ихъ въ полнотѣ красы увидитъ свѣтъ.
Обманчивъ блескъ: — онъ не продлится;
Но истинный потомству сохранится.

Весельчакъ.

Потомству? да; и слышно только то,
Что духомъ всѣ парятъ къ потомкамъ отдаленнымъ;
Неужто, наконецъ, никто
Непорадѣетъ современнымъ?
Неужто холодомъ мертвитъ какъ чародѣй
Присутствіе порядочныхъ людей?
Кто бредитъ лаврами на сценѣ и въ печати,
Кому ниспосланы кисть, лира и рѣзецъ
Изгибы обнажать сердецъ:
Тотъ поробѣетъ ли? — Толпа ему и кстати;
Желаетъ онъ побольше кругъ,
Чтобъ дѣйствовать на многихъ вдругъ.
Скорѣй фантазію, гласъ скорби безотрадной,
Движенье, пылъ страстей, весь хоръ ея нарядной
Къ себѣ зовите на чердакъ.
Дурачеству оставьте дверцу,
Не настежъ, вполовину, такъ,
Чтобъ всякому пришло по сердцу.

Директоръ.

Побольше дѣйствія! — Что̀ зрителей манитъ?
Имъ видѣть хочется — ну живо
Представить имъ дѣла на видъ!
Какъ хочешь, жаръ души излей краснорѣчиво;
Иной уловкою успѣхъ себѣ упрочь;
Побольше дѣйствія, сплетеній и развѣтій!
Лишь силой можно силу превозмочь,
Число людей числомъ событій.
Гдѣ приключеній тьма — никто и перечтетъ,
На каждаго по нѣскольку придется
Народъ доволенъ разойдется,

И всякой что-нибудь съ собою понесетъ,
Сліяніе частей измучитъ васъ смертельно;
Давайте намъ подробности отдѣльно.
Что цѣлое? какая прибыль вамъ?
И ваше цѣлое вниманье въ комъ пробудитъ?
Его расхитятъ по долямъ,
И публика по мелочи осудитъ.

Весельчакъ.

Ахъ! это-ли имѣть художнику въ виду!
Обречь себя въ вѣкахъ укорамъ и стыду! —
Не чувствуетъ какъ душу мнѣ терзаетъ.

Директоръ.

Размыслите вы сами напередъ:
Кто сильно потрясти людей желаетъ,
Способнѣе оружье изберетъ;
Но время ваши призраки развѣять,
И гордые искатели молвы!
Опомнитесь! — кому творите вы?
Влечется къ намъ иной, чтобъ скуку поразсѣять,
И скука вмѣстѣ съ нимъ ввалилась — дремлетъ онъ;
Другой явился отягчонъ
Парами пѣнистыхъ бокаловъ;
Иной небрежный ловитъ стихъ, —
Сотрудникъ глупыхъ онъ журналовъ.
На святочныя игры ихъ
Чистѣйшее желанье окрыляетъ,
Невѣжество имъ зрѣнье затемняетъ,
И на устахъ бездушія печать;
Красавицы подъ бременемъ уборовъ
Тишкомъ желаютъ расточать

Обманъ улыбки, нѣгу взоровъ.
Чтò возмечтали вы на вашей высотѣ?
Смотрите имъ въ лицо! — вотъ тѣ
Окременѣвшія толпы живымъ утёсомъ;
Здѣсь озираются во мракѣ подлецы,
Чтобъ слово подстеречь и погубить доносомъ;
Тамъ мыслятъ дань обрѣсть картежные ловцы;
Тотъ буйно ночь провесть въ объятіяхъ безчестныхъ;
И для кого хотите вы, слѣпцы,
Вымучивать внушенье музъ прелестныхъ!
Побольше пестроты, побольше новизны,
Вотъ правило, и непреложно.
Легко мы всѣмъ изумлены,
Но угодить на насъ не можно.
Что? гордости порывъ утихъ?
Разсудокъ превозмогъ . . . .

Поэтъ.

Нѣтъ! нѣтъ! — негодованье.
Поди, ищи услужниковъ другихъ.
Тебѣ-ль отдамъ святѣйшее стяжанье,
Свободу въ жертву прихотей твоихъ?
Чѣмъ равны небожителямъ поэты?
Чтò силой неудержною влечетъ
Къ ихъ жребію сердца, и всѣхъ обѣты,
Стихіи всѣ во власть имъ предаетъ?
Не сладкозвучіе ль? — которое тѣснится
Изъ ихъ груди, вливаетъ ту любовь,
И къ нимъ она отзывная стремится,
И въ нихъ восторгъ раждаетъ вновь, и вновь.
Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся прядь;
Кому она такъ дѣлится послушно?

Когда созданья всѣ, слаба ихъ мысль обнять,
Однѣ другимъ звучатъ противугласно;
Кто съединяетъ ихъ въ пріятный слуху громъ,
Такъ величаво! такъ прекрасно!
И кто виновникъ ихъ потомъ
Спокойнаго и пышнаго теченья?
Кто стройно размѣряетъ ихъ движенья,
И бури, вопли, крикъ страстей
Мѣняетъ вдругъ на дивные аккорды?
Кѣмъ славны имена и памятники тверды?
Превыше всѣхъ земныхъ и суетныхъ честей,
Изъ бренныхъ листвіевъ кто чудно сплетаетъ
Съ вѣками болѣе нетлѣнно и свѣжѣй
То знаменье величія мужей,
Которымъ онъ ихъ чёла украшаетъ?
Предъ чьей возлюбленной весна не увядаетъ?
Цвѣты роскошные родитъ предъ нею перстъ
Того, кто спутникъ ей отрадъ, любви стезёю;
По смерти имъ Олимпъ отверзтъ;
И невечернею вѣнчается зарёю,
Кто не коснѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ,
Но въ гимнъ единый слилъ красу небесъ съ землёю.
Ты постигаешь-ли умомъ
Создавшаго міры и лѣта?
Его престолъ — душа поэта.

—

ТЕЛЕШЕВОЙ.

Въ балетѣ: «Русланъ и Людмила», гдѣ она является обольщать витязя.

(Напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1825 г.).

О, кто она? Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдемъ (*) покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита?
И вдругъ — какъ вѣтръ ея полетъ!
Звѣздой разсыплется, мгновенно
Блеснетъ, исчезнетъ, воздухъ вьетъ
Стопою, свыше окриленной.....
Не такъ ли нашъ лелѣетъ духъ
Отрадное во снѣ видѣнье,
Когда задремлетъ взоръ и слухъ?
Но бодро въ насъ воображенье,
Улыбка внятная безъ словъ,
Небрежно спущенный покровъ,
Какъ — будто влаги обліянье,
Прерывно — персей волнованье,
И томной думы полонъ взоръ:
Созданье выспренняго міра
Скользитъ какъ по зыбямъ эѳира,
Несется легкій метеоръ.
Зачѣмъ манишь рукою нѣжной?
Зачѣмъ влечешь изъ дальнихъ странъ

(*) Эдемъ Зороастровъ, жилище Пери, воображаемыхъ восточными народами существъ, которыхъ Персы и даже мусульмане представляютъ себѣ въ цвѣтахъ радуги и въ бальзамическихъ испареніяхъ розъ и ясминовъ

Пришельца въ плѣнъ твой неизбѣжной,
Къ страданью неисцѣльныхъ ранъ?
Уже не тверды заклинаньемъ
Броня, и щитъ его, и шлемъ;
Не истомляй его желаньемъ,
Не сожигай его огнемъ
Въ лицѣ, въ груди горящей страсти,
И нѣгой распаленныхъ чувствъ!
Ахъ! этихъ игръ, утѣхъ, искусствъ
Одинъ ли не признаешь власти?
Изнеможенный онъ въ борьбѣ,
До капли въ душу влилъ отраву,
Себя и честь, и долгъ, и славу —
Все въ жертву онъ отдалъ тебѣ.
Но, сердце! кто твой восхищенный
Внушаетъ отзывъ? для кого
Порывъ восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южныхъ странъ,
Чье царство — розъ и пальмъ обитель,
Которымъ Эльфъ обворожитель
Въ спутники природой данъ?
О нимфы, дѣвы легкокрылы!
Здѣсь жаждутъ прелестей иныхъ:
Рабы корыстныхъ пользъ унылы,
И безразсвѣтны души ихъ.
Пѣвцу красавицъ что́ въ награду?
Пожнетъ онъ скуку и досаду,
Роптаньемъ струнъ не пробудивъ
Любви въ пустынѣ сей печальной,
Гдѣ снѣгомъ покрыто лоно нивъ
И небо ризой погребальной.

—

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМѢ (*)

Стихотвореніе «Хищники на Чегемѣ» напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ» 1826 г., № 143.

Окопайтесь рвами, рвами,
Отразите смерть и плѣнъ —
Блескомъ ружей, твердей стѣнъ!
Какъ ни крѣпки вы стѣнами,
Мы надъ вами, мы надъ вами!
Будто быстрые орлы,
Надъ челомъ крутой скалы.
Мракъ за насъ ночей безлунныхъ,
Шумъ потока, выси горъ,
Дождь и мгла, и вихрей споръ:
На угонъ коней табунныхъ
И овецъ золоторунныхъ,
Гдѣ витаютъ вепрь и волкъ,
Нашъ залегъ отважный полкъ.

(*) Чегемъ — горная рѣка при сѣверномъ склоненіи Кавказа. Прекрасное стихотвореніе это, изображающее въ краткихъ словахъ дикую природу Кавказа и нравы необузданныхъ его обитателей, написано во время похода противъ горцевъ, въ октябрѣ 1825 года, въ становищѣ близь Каменнаго моста, на рѣкѣ Малкѣ. Видъ надоблачныхъ горъ, гнѣздъ хищническихъ, полудикихъ племенъ, возбудили въ воображеніи поэта мысль представить хищниковъ въ природномъ ихъ характерѣ, пирующихъ послѣ битвы и грозными пѣснями прославляющихъ свои набѣги и свои неприступныя убѣжища. Русскій мечъ вскорѣ наказалъ хищниковъ за ихъ буйство, и русскіе орлы воспарили надъ вершинами Кавказа, торжествуя блистательныя побѣды. По нашему мнѣнію, нынѣ нѣтъ стихотворенія, которое бы съ такою силою (говоритъ «Сѣверная Пчела», № 143, 1826 года) и съ такою сжатостью слога, съ такими мѣстностями и съ такою живостью воображенія изображало, такъ сказать, характеръ Кавказа съ нравами его жителей, какъ это безцѣнное произведеніе.

Живы въ насъ отцовъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива.
Та же въ небѣ синева!
Тѣ же льдяныя громады,
Тѣ же съ ревомъ водопады,
Та же дикость, красота,
По ущельямъ разлита!

Наши камни! наши кручи!
Русь! зачѣмъ воюешь ты
Вѣковыя высоты?
Досягнешь ли?—Вотъ надъ тучей
Двувершинный и могучій (*)
Рѣжется изъ облаковъ,
Надъ главой твоихъ полковъ.

Паръ изъ бездны отдаленной
Вьется по его плечамъ;
Вотъ невидимъ онъ очамъ!
Той же тканію свіенной,
Такъ же скрыты мы мгновенно.
Въ мигъ явились, мигомъ нѣтъ,
Выстрѣлъ, два — и сгинулъ слѣдъ.

Двиньтесь узкою тропою!
Не въ краю вы селъ и нивъ,
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
Тутъ утесъ: берите съ бою!
Камень, сорванный стопою,
Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ,
Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ!

(*) Гора Эльборусъ.

Ждемъ. — Готовы къ новой сѣчѣ.
Но и слухъ о нихъ исчезъ!
Загарайся, древній лѣсъ!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ,
И по ряду, дѣлежомъ,
Дѣлимъ взятое ножомъ.
Доли лучшія отложимъ
Нашимъ панцырнымъ князьямъ,
И джигитамъ (*) узденямъ.
Юныхъ плѣнницъ пріумножимъ,
И кадіямъ, людямъ Божьимъ,
Плѣнныхъ отроковъ дадимъ;
(Вѣрой станъ нашъ невредимъ). (**)
Дѣлимъ женамъ ожерелье.
Вотъ обломки хрусталя!
Пьемъ бузу! Стони земля!
Кликомъ огласись ущелье!
Падшимъ миръ, живымъ веселье!
Разъ еще увидѣлъ взоръ
Вольный край родимыхъ горъ! . .

(*) Джигитъ значитъ удалецъ.

(**) Вообще мухаммедане стараются обращать въ свою вѣру плѣнныхъ, особенно юношей. Ложная мысль о невредимости стана истреблена побѣдами Русскихъ.

ДУША.

Помѣщено въ журн. «Библіотека для Чтенія» 1835, № 11.

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что̀ за чудное видѣнье!
Надзвѣдный домъ,
Заря кругомъ,
Раждало міръ мое велѣнье!
И вотъ отъ сна
Привлечена
Къ землѣ вѣтшающей и тѣсной.
Гдѣ рой подругъ,
Тьма рѣзвыхъ слугъ?
О хоръ воздушный и прелестный!
Нѣтъ, поживу
И на яву
Я лучшей жизнію безпечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Гдѣ надышусь свободой вѣчной.

—

ВОСТОКЪ.

Напечатано въ журн. «Библіотека для Чтенія» 1836 г., № 1, стр. 6.

Изъ Заволжья, изъ роднаго края,
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки переметны,
Долги гривы заплетая;
На коняхъ ретивыхъ посадились,
На отъѣздъ перекрестились,
Выѣзжали на широкій путь.
Что замолкли? въ тишинѣ,
Что̀ волнуетъ молодецку грудь?
Мысль о дальней сторонѣ?
Ахъ! не тамъ ли воздухъ чудотворный,
Тотъ Востокъ и тѣ сады,
Гдѣ не тихнетъ вѣтерокъ проворный,
Бьютъ ключи живой воды;
Рай — весна цвѣтетъ, не увядаетъ,
Нѣга, роскошь, пиръ въ лѣсахъ,
Солнышко горитъ, не догораетъ.
На высокихъ небесахъ!
Теремъ златъ, а въ немъ душа-дѣвица,
Красота, княжая дочь:
Блещетъ взоръ, какъ яркая зарница,
Раздираетъ черну ночь.
Если жь кровь ея зажжется,
Если вспыхнетъ на лицѣ,
То забудь о матери, отцѣ;

Съ кѣмъ душой она сольется,
Станомъ гибкимъ, гибкими руками
Друга мила обвиваетъ,
Крѣпко жметъ, румяными устами
Жизнь до капли испиваетъ!
Путники! отъ дочери княжой
Отбѣгите неоглядкой!
Молодые! къ сторонѣ чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте чародѣйныхъ сновъ!
Тѣхъ земель неправославныхъ
Дивна прелесть и краса луговъ,
Сладки капли росъ медяныхъ,
Эдакъ шелковый, жемчуги въ зернѣ.
Что̀ же видно въ сторонѣ?
Столбъ бѣлѣетъ на степи широкой,
Будто сторожъ одинокой,
Камень! онъ безъ надписи стоитъ:
Темная подъ нимъ могила,
Сирый имъ пришельца прахъ покрытъ.
И его любовь манила.
Чаялъ: «Тутъ весельемъ разольюсь,
Дни на вѣки удолжатся!»
Грѣшный позабылъ святую Русь.....
Дни темнѣютъ, вновь зарятся;
Но ему лучемъ не позлатятся
Изъ-за утреннихъ паровъ
Божьи церкви, градъ родимый, отчій домъ!
Буйно пожилъ вѣкъ, а нынѣ—
Миръ ему! одинъ лежитъ въ пустынѣ,
И никто не поискалъ,
Не нарѣзалъ имени, прозванья
На отломкѣ дикихъ скалъ;

Не творятъ молитвы, поминанья;
    Персть забвенью предана;
У одра больнаго пожилая
    Не корпѣла мать родная,
Не рыдала молода жена......

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ
«КАЛЬЯНЧИ».

Напечатанъ въ журналѣ «Сынъ Отечества» за 1838 г., № 1, стр. 19.

—

Путешественникъ въ Персіи встрѣчаетъ прекраснаго отрока, который подаетъ ему кальянъ. Странникъ спрашиваетъ: кто онъ? откуда? Отрокъ разсказываетъ ему свои похожденія, объясняетъ, что онъ Грузинъ, нѣкогда житель Кахетіи.

—

Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
Какую влагу пилъ? Какой весной обвѣянъ?
Эйзедомъ ли ты свѣтлымъ порожденъ,
Питомецъ Пери, или Джиніемъ взлелѣянъ?
Когда, заботамъ ввѣренный твоимъ,
Приносишь ты сосудъ водовмѣщальный
И сквозь него проводишь легкій дымъ:
Воздушной пѣною темнѣетъ токъ кристальный
И ропотомъ манитъ къ забвенью, какъ ручья
Гремучаго потокъ въ зеленой чащѣ!
Чинара трость творитъ жасминной длань твоя
И сахарныя трости слаще,
Когда палимаго ширазскаго листа
Глотаютъ чрезъ нее мглу алыя уста,
Густѣетъ воздухъ, напоенной
Алоэ запахомъ и амброй драгоцѣнной!
Когда жь чарующей наружностью своей
Собраніе ты освѣтишь людей —
Во всѣхъ любовь!.... Дервишъ отбросилъ четки,
Примрачный видъ на радость обмѣнилъ:
Не ты ли въ немъ возжегъ огонь потухшихъ силъ?

Не отъ твоей ли то походки
Его распрямлены морщины на лицѣ,
И заиграла жизнь на бывшемъ мертвецѣ?
Властитель твой — онъ сталъ лишь самозванцемъ,
Онъ уловленъ стыдливости румянцемъ,
И кудрей пальцами, по высотѣ раменъ
Влекущихся, связавшихъ душу въ плѣнъ,
И груди нѣжной бѣлизною,
И жилокъ, шелкомъ свитыхъ, бирюзою,
Твоими взглядами, подъ свѣсомъ томныхъ вѣждъ,
Движеньемъ устъ твоихъ, невиннымъ, миловиднымъ,
Твоей, нескрытою покровами одеждъ,
Джейрана легкостью, и станомъ пальмовиднымъ.
Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
Эдема-ль влагу пилъ, дыханьемъ розъ обвѣянъ?
Скажи: или отъ Пери ты рожденъ,
Иль благодатнымъ Джиніемъ взлелѣянъ?
На Ріона берегахъ,
Въ дальнихъ я рожденъ предѣлахъ,
Гдѣ горитъ огонь въ сердцахъ
Тверже скалъ окаменѣлыхъ;
Росъ — едва не изъ пеленъ,
Матерью, отцомъ, безвинный,
Въ чужу проданъ, обмѣненъ
За сосудъ цѣнный!

«Чуждый человѣкъ! скажи, ты отецъ?
Имѣлъ ли ты чадо отъ милой подруги?
Корысть ли дороже намъ съ сыномъ разлуки?
Отверженъ ли врановъ невинный птенецъ?

Караванъ съ шелками шелъ,
Съ нимъ ага мой. Я рабочій,

Глазъ я долго не отвелъ
Съ мѣстъ, виднѣлся гдѣ кровъ отчій;
Съ кровомъ онъ слился небесъ;
Вечерѣло. Сномъ боримы,
Стали станомъ. Теменъ лѣсъ.
Вкругъ огня легли мы.
«Курись огонёкъ! свѣтись огонёкъ!
Такъ свѣтитъ надежда огнемъ намъ горящимъ!
Пылай ты весельемъ окрестъ присѣдящимъ,
Покуда спалишь ты послѣдній пенёкъ!

Спалъ я. Вдругъ взываютъ: «Бой!»
Въ ста мѣстахъ сверкаетъ зелье,
Сѣчей, свистомъ пуль, пальбой
Огласилось всё ущелье.
Притаился въ глубь межи
Я, и всѣ туда жь влекутся;
Слышно — кинулись въ ножи —
Безотвязно бьются!

Затихло смятенье — сѣчѣ конецъ.
Вблизи огня брошенъ былъ трупъ обезглавленъ,
На взоръ его мертвый былъ взоръ мой уставленъ,
И чья-же глава та?.. О горе!.. Отецъ!...
Но могучею рукою
Былъ оторванъ я отъ тѣла.
«Будь онъ проклятъ, кровный твой!»
Въ слухъ мнѣ клятва загремѣла —
«Твой отецъ разбойникъ былъ»...
И въ бодцѣ, ремнемъ увитомъ,
Казнь сулятъ, чтобъ слезъ не лилъ
По отцѣ убитомъ!
Заря занялась. Я въ путь увлеченъ.

Родитель, ударомъ погибшій безславнымъ,
Лежать остается онъ вепрямъ дубравнымъ,
Орламъ плотояднымъ на снѣдь обреченъ!

«Вышли мы на широту
Изъ тѣснинъ, гдѣ шли доселѣ,
Всю творенья красоту
Въ пышной обрѣли Картвелѣ.
Вкругъ излучистой Куры
Яснымъ днемъ страна согрѣта,
Всѣ разсыпаны цвѣты
Щедростію лѣта........
. . . .
. . . .

РОМАНСЪ

изъ водевиля «*Братъ и-Сестра*», князя Петра Андреевича Вяземскаго, въ которомъ участвовалъ Грибоѣдовъ.

Ахъ! точно ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ,
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не свѣдала тоски, томленій нѣжныхъ?
Еще не знаетъ про любовь?

Ахъ! точно ль никогда счастливецъ не сыскался.
Ей другъ, по сердцу ей, который бы сгоралъ
Въ объятіяхъ ея, въ нихъ нѣгой упивался,
Роскошествовалъ и умиралъ?

Нѣтъ, нѣтъ! куда влекусь неробкими мечтами?
Тотъ другъ, тотъ избранный — онъ гдѣ-нибудь, онъ есть,
Любви волшебство, рай, восторги, прелесть — вами,
Нѣтъ! не моей душѣ процвѣсть!

—

ЭПИГРАММА.

(Неоконченная.)

И сочиняютъ — врутъ, и переводятъ — врутъ!
Почто же врете вы, о дѣти! Дѣтямъ прутъ!
Шалите риѳмами, нанизывайте стопы,
Ужъ такъ и быть, но вы ругаться удальцы.....
. . . .

—

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

ГОРЕ ОТЪ УМА.

КОМЕДІЯ,

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ.

По рукописи, употребляемой при представленіи этой комедіи на Императорскихъ Театрахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Павелъ Афанасьевичъ Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ.

Софья Павловна, дочь его.

Александръ Андреевичъ Чацкій.

Платонъ Михайловичъ }
Наталья Дмитріевна } **Горичевы.**

Репетиловъ.

Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.

Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.

Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ.

Лиза, служанка.

Хлестова.

Графиня Хрюмина.

Графиня, ея внучка.

Князь Тугоуховскій.

Княгиня, его жена.

1
2
3
4 } ихъ дочери.
5
6

1
2 } слуги Фамусова.

Г. N.

Г. Д.

Лакей Чацкаго.

Лакей Горичевыхъ.

Лакей Хрюминой.

Лакей Скалозуба.

—

ДѢЙСТВІЕ I.

Гостиная; въ ней большіе часы; справа дверь въ спальню Софьи, откуда слышно фортепіано съ флейтою, которыя потомъ умолкають. Лиза середи комнаты спитъ, свѣсившись съ креселъ.

(Утро; чуть-чуть день брезжется.)

ЯВЛЕНІЕ 1.

ЛИЗА *(вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается).*

Свѣтаетъ!... Ахъ, какъ скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказъ!
Ждемъ друга, нуженъ глазъ да глазъ! —
Не спи, покудова нескатишься со стула.
Теперь вотъ только что вздремнула —
Ужъ день!.. сказать имъ.. *(стучится къ Софьѣ).* Господа!
Эй, Софья Павловна! Бѣда!
Зашла бесѣда ваша за́-ночь;
Вы глухи? Алексѣй Степанычъ!
Сударыня!... и страхъ ихъ не беретъ!
(Отходитъ отъ дверей).
Ну, гость неприглашенный!...
Быть можетъ батюшка войдетъ.....
Прошу служить у барышни влюбленной!
(Опять подходитъ къ дверямъ).
Да расходитесь, утро.... Что-съ?
(Голосъ Софьи). Который часъ?

ЛИЗА.

Все въ домѣ поднялось.

СОФЬЯ (*изъ комнаты*).

Который часъ?

ЛИЗА.

Седьмой, восьмой, девятый.

СОФЬЯ (*изъ комнаты*).

Неправда.

ЛИЗА.

Ахъ, амуръ проклятый!
И слышатъ, не хотятъ понять;
Ну, чтобы ставни имъ отнять?
Переведу часы; хоть знаю, будетъ гонка;
Заставлю ихъ играть.

(*Лѣзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку, часы бьютъ и играютъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

ЛИЗА и ФАМУСОВЪ.

ЛИЗА.

Ахъ, баринъ!

ФАМУСОВЪ.

Баринъ, да. (*Останавливаетъ часовую стрѣлку*).
Вѣдь экая шалунья ты дѣвчонка!
Немогъ придумать я: что̀ это за бѣда?
То флейта слышится, то фортепіано;
Для Софьи слишкомъ было-бъ рано.

ЛИЗА.

Нѣтъ, сударь, я.. лишь невзначай...

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то невзначай; за вами примѣчай,
Такъ вѣрно съ умысломъ... (*жмется къ ней и играетъ*).
Охъ, зелье! баловница!

ЛИЗА.

Вы баловникъ; къ лицу-ль вамъ эти лица!

ФАМУСОВЪ.

Скромна, а ничего кромѣ
Проказъ и вѣтра на умѣ.

ЛИЗА.

Пустите.... вѣтреники сами!...
Опомнитесь, вы старики...

ФАМУСОВЪ.

Почти.

ЛИЗА.

Ну кто придетъ, куда мы съ вами?

ФАМУСОВЪ.

Кому сюда придти! Вѣдь Софья спитъ?

ЛИЗА.

Сей часъ започивала.

ФАМУСОВЪ.

Сей-часъ? А ночь?

ЛИЗА.

Ночь цѣлую читала.

ФАМУСОВЪ.

Вишь прихоти какія завелись!

ЛИЗА.

Все по французски вслухъ читаетъ, запершись.

ФАМУСОВЪ.

Скажи-ка, что глаза ей портить негодится,
И въ чтеньѣ прокъ-отъ невеликъ.
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится.

ЛИЗА.

Что встанетъ доложу-съ.
Извольте-же идти.... разбудите боюсь....

ФАМУСОВЪ.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь.

ЛИЗА (*какъ можно громче*).

Да полноте-съ!

ФАМУСОВЪ (*зажимаетъ ей ротъ*).

Помилуй, какъ кричишь!
Съ ума ты сходишь!

ЛИЗА.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

ФАМУСОВЪ.

Чего?

ЛИЗА.

Пора, сударь, вамъ знать — вы не ребенокъ,
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ,
Чуть дверью скрыпнешь, чуть шепнешь,
Все слышатъ.

ФАМУСОВЪ.

Все ты лжешь.
(*Голосъ Софьи*). Эй, Лиза!

ФАМУСОВЪ.

Тсъ! (*Крадется вонъ на цыпочкахъ*).

ЛИЗА (*идетъ*).

Ушолъ! Ахъ! отъ господъ подалѣй!
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь.
Минуй насъ, пуще всѣхъ печалей,
И барскій гнѣвъ, и барская любовь!

ЯВЛЕНІЕ 3.

ЛИЗА, СОФЬЯ, *со свѣчей, за ней* МОЛЧАЛИНЪ.

СОФЬЯ.

Что̀, Лиза, на тебя напало?
Шумишь....

ЛИЗА.

Конечно, вамъ разстаться тяжело!
До свѣта запершись, а кажется все мало.

СОФЬЯ.

Ахъ! Въ самомъ дѣлѣ разсвѣло! (*Тушитъ свѣчу*).
И свѣтъ и грусть!... какъ быстры ночи!

ЛИЗА.

Тужите знай — со стороны нѣтъ мочи;
Сюда вашъ батюшка пришёлъ, я обмерла,
Вертѣлась передъ нимъ, не помню, что̀ врала.
Ну, чтоже стали вы? поклонъ, сударь, отвѣсьте,
Подите.... сердце не на мѣстѣ!
Смотрите на часы, взгляните-ка въ окно,
Валитъ народъ по улицамъ давно,
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ.

СОФЬЯ.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ!

ЛИЗА.

Не наблюдайте, ваша власть,
А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ попасть.

СОФЬЯ (*Молчалину*).

Идите! цѣлый день еще потерпимъ скуку.

ЛИЗА.

Богъ съ вами! — прочь возьмите руку.

(*Разводитъ ихъ; Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ.

Что за оказія! Молчалинъ, ты братъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Я-съ.

ФАМУСОВЪ.

Зачѣмъ же здѣсь? И въ этотъ часъ?
И Софья?... Здравствуй, Софья, — что ты,
Такъ рано поднялась? . . . А? Для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ?

СОФЬЯ.

Онъ только-что теперь вошелъ . . . .

МОЛЧАЛИНЪ.

Сейчасъ съ прогулки . . .

ФАМУСОВЪ.

Другъ! Нельзя-ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ,
Съ мужчиной, съ молодымъ! Занятье для дѣвицы!
Всю ночь читаешь небылицы,
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ, и вѣчные Французы!
Оттуда моды къ намъ и авторы и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ и булавокъ,
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ?

СОФЬЯ.

Позвольте, батюшка . . . кружится голова,
Я отъ испуга духъ перевожу едва . . . .
Изволили вбѣжать вы такъ проворно —
Смѣшалась я . . . .

ФАМУСОВЪ.

Благодарю покорно!
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ, я испугалъ!

Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ: день цѣлый
Нѣтъ отдыха, мечусь, какъ словно угорѣлый;
По должности, по службѣ хлопотня,
Тотъ пристаетъ, другой, всѣмъ дѣло до меня;
Но ждалъ-ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ обманутъ? .

СОФЬЯ (сквозь слезъ).

Кѣмъ, батюшка?

ФАМУСОВЪ.

Вотъ, попрекать мнѣ станутъ,
Что безъ толку всегда журю!
Не плачь, я дѣло говорю.
Ужъ объ твоемъ ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели?
Мать умерла — умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать;
Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ:
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ;
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не въ мадамѣ сила! . . .
Не надобно другаго образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
. . . .

ЛИЗА.

Осмѣлюсь я, сударь....

ФАМУСОВЪ.

Молчать!
Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что̀ начать!
Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери, — да сами добряки!
Дались намъ эти языки....

Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему:—
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!
Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,
Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари;
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,
И будь не я, коптѣлъ бы ты въ Твери!

СОФЬЯ.

Я гнѣва вашего ни какъ не растолкую.
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ — великая напасть:
Шелъ въ комнату, попалъ въ другую....

ФАМУСОВЪ.

Попалъ, или хотѣлъ попасть,
Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно.

СОФЬЯ.

Вотъ въ чемъ однако случай весь:
Какъ давича вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ....

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй, на меня всю суматоху сложитъ.
Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!

СОФЬЯ.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ!
Сказать вамъ сонъ? поймете вы тогда....

ФАМУСОВЪ.

Что за исторія?

СОФЬЯ.

Вамъ разсказать?

ФАМУСОВЪ.

Ну, да. (*Садится*).

СОФЬЯ.

Позвольте.... видите-ль.... сначала
Цвѣтистый лугъ, и я искала
Траву,
Какую-то, не вспомню на яву....
Вдругъ, милый человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ, будто вѣкъ знакомы,
Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ, и умёнъ,
Но робокъ.... знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, матушка! не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

СОФЬЯ.

Потомъ пропало всё, луга и небеса;
Мы въ темной комнатѣ.... Для довершенья чуда,
Раскрылся полъ — и вы оттуда,
Блѣдны, какъ смерть, и дыбомъ волоса!...
Тутъ съ громомъ распахнулись двери....
Какіе-то не люди и не звѣри,
Насъ врозь!... и мучили сидѣвшаго со мной!...
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ!
Хочу къ нему, — вы тащите съ собой!
Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ,
Онъ въ слѣдъ кричитъ....
Проснулась.... Кто-то говоритъ....
Вашъ голосъ былъ, — что, думаю, такъ рано?
Бѣгу сюда и васъ обоихъ нахожу.

ФАМУСОВЪ.

Да, дуренъ сонъ, какъ погляжу, —
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цвѣты....
Ну, сударь мой, а ты?

МОЛЧАЛИНЪ.

Я слышалъ голосъ вашъ....

ФАМУСОВЪ.

Забавно!
Дался имъ голосъ мой, и какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ? за чѣмъ же? говори.

МОЛЧАЛИНЪ.

Съ бумагами-съ.

ФАМУСОВЪ.

Да! ихъ недоставало.
Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ?
(*Встаетъ*) Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ:
Бываютъ странны сны, а на яву страннѣе;
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе.
Повыкинь вздоръ изъ головы,
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.
Поди-ко лягъ, усни опять.
(*Молчалину*). Идемъ бумаги разбирать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я только несъ ихъ для докладу,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ иныхъ
Противорѣчье есть, и многое не дѣльно.

ФАМУСОВЪ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилось ихъ;
Дай волю вамъ, оно бы и засѣло;
А у меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой.
(*Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

СОФЬЯ и ЛИЗА.

ЛИЗА.

Ну, вотъ у праздника! Ну, вотъ вамъ и потѣха!
Однако, нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха,
Въ глазахъ темно, и замерла душа;
Грѣхъ не бѣда,—молва нехороша!

СОФЬЯ.

Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и судитъ.
Да, батюшка задуматься принудитъ:
Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ;
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ....
Ты можешь посудить....

ЛИЗА.

Сужу-съ не по разсказамъ;
Запретъ онъ васъ,—добро еще со мной,
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ,
Меня, Молчалина и всѣхъ—съ двора долой!

СОФЬЯ.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже,—съ рукъ сойдетъ;
Когда жъ печальное ни что на умъ нейдетъ,
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла,
Ни безпокойства, ни сомнѣнья....
А горе ждетъ изъ-за угла!

ЛИЗА.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуете никогда:
Анъ вотъ бѣда!
На что вамъ лучшаго пророка?

Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
Ни вовѣки вѣковъ.
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами, да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами;
Ну, разумѣется, къ тому-бъ
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы;
Такъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ:
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

СОФЬЯ.

Куда какъ милъ! И весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фрунтѣ, о рядахъ!
Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду.
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду.

ЛИЗА.

Да-съ, такъ сказать, рѣчистъ, а больно не хитеръ;
Но будь военный, будь онъ статскій,
Кто такъ чувствителенъ, и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій?
Не для того, чтобъ васъ смутить —
Давно прошло, не воротить;
А помнится....

СОФЬЯ.

Что̀ помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ;
Болтаетъ, шутитъ; мнѣ забавно, —
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

ЛИЗА.

И только будто-бы? Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался.
«Что сударь, плачете? Живите-ка смѣясь!»
А онъ въ отвѣтъ: «Не даромъ, Лиза, плачу;

«Кому извѣстно, что̀ найду я, воротясь,
«И сколько, можетъ быть, утрачу!»
Бѣдняжка! будто зналъ, что года черезъ три....

СОФЬЯ.

Послушай: вольности ты лишней не бери!
Я очень вѣтрено, быть можетъ, поступила,
И знаю, и винюсь, но гдѣ же измѣнила?
Кому, чтобъ укорять невѣрностью могли?
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно
Связала дѣтскою насъ дружбой; но потомъ
Онъ съѣхалъ, ужь у насъ ему казалось скучно,
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ;
Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
Взыскательнымъ и огорченнымъ....
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счастливъ,
Вотъ объ себѣ задумалъ онъ высоко....
Охота странствовать напала на него....
Ахъ! Если любитъ кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

ЛИЗА.

Гдѣ носится? Въ какихъ краяхъ?
Лечился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ
Не отъ болѣзни, чай, отъ скуки повѣрнѣе.

СОФЬЯ.

И вѣрно, счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе.
Кого люблю я, не таковъ:
Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ.
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, не смѣло,
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть?
Сидишь, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло.
Какъ думаешь? Чѣмъ заняты?

ЛИЗА.

Богъ вѣсть,
Сударыня, мое-ли это дѣло!

СОФЬЯ.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ;
Ни слова вольнаго, и такъ вся ночь проходитъ,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ.
Смѣешься? Можно ли! чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

ЛИЗА.

Мнѣ-съ?... Ваша тетушка теперь на умъ пришла,
Какъ молодой Французъ сбѣжалъ у ней изъ дому.
Голубушка! Хотѣла схоронить
Свою досаду, — не сумѣла,
Забыла волосы чернить —
И черезъ три дни посѣдѣла.

(Продолжаетъ хохотать).

СОФЬЯ *(огорченная).*

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ!

ЛИЗА.

Простите, право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же и СЛУГА.

СЛУГА.

Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ же ЧАЦКІЙ.

ЧАЦКІЙ.

Чуть свѣтъ, ужь на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.

(Съ жаромъ цалуетъ руку).

Ну, поцалуйте-же! Не ждали? Говорите;
Чтожь рады? Нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите;
Удивлены? И только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ
Мы, мочи нѣтъ, другъ другу надоѣли!
Ни на волосъ любви! Куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся; вѣтеръ, буря,
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ —
И вотъ за подвиги награда!

СОФЬЯ.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада!

ЧАЦКІЙ.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однакожь, искренно: кто радуется этакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя!

ЛИЗА.

Вотъ, сударь, еслибы вы были за дверями,
Ей Богу! нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ.
Сударыня, скажите сами.

СОФЬЯ.

Всегда, не только что теперь.
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека.
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ-чужа, издалека;
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ,
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

ЧАЦКІЙ.

Положимъ-те, что такъ.
Блаженъ, кто вѣруетъ, — тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь опять,
Въ Москвѣ! у васъ! Да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ;
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ . . . .
Или вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ,
Мы, въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ, —
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрыпнетъ столикъ,
дверь . . .

СОФЬЯ.

Ребячество!

ЧАЦКІЙ.

Да-съ; а теперь —
Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно,
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены-ли вы? Прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы, полноте смущаться . . . .

СОФЬЯ.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ . . . .

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте, не вамъ, чему же удивляться?
Что̀ новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался — успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ, и тѣжь стихи въ альбомахъ.

СОФЬЯ.

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ жь лучше?

ЧАЦКІЙ.

Гдѣ насъ нѣтъ!
Ну, что вашъ батюшка? Все Англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ-ли свой вѣкъ?
А этотъ — какъ его — онъ Турокъ или Грекъ?
Тотъ черномазенькой, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ,
Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и гостиныхъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которыя съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся?
А наше солнышко? нашъ кладъ?
На лбу написано: *театръ* и *маскарадъ*,
Домъ зеленью раскрашенъ, въ видѣ рощи;
Самъ толстъ, его артисты тощи.
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ —
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней?
А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ ни кто не зналъ и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ несыщешь пятенъ?
Когда жъ постранствуешь, воротишься домой —
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

СОФЬЯ.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

ЧАЦКІЙ.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ! Къ воспитанью перейдемъ.
Что нынче, такъ-же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.
Нашъ Менторъ, помните: колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы! . . . .
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме, Французъ, подбитый вѣтеркомъ,
Онъ не женатъ еще?

СОФЬЯ.

На комъ?

ЧАЦКІЙ.

Хоть на какой нибудь княгинѣ,
Пулхеріи Андревнѣ, напримѣръ.

СОФЬЯ.

Танцмейстеръ? Можно-ли!

ЧАЦКІЙ.

Чтожь? Онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме . . . . Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ на большихъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ Нижегородскимъ?

СОФЬЯ.

Смѣсь языковъ?

ЧАЦКІЙ.

Да, двухъ, безъ этого нельзя-жъ.

ЛИЗА.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ!

ЧАЦКІЙ.

Покрайней мѣрѣ, не надутый.
Вотъ новости! Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? — Гдѣ онъ, кстати?
Еще-ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, пристаетъ: «пожалуйте списать!»
А впрочемъ онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ:
Вѣдь онъ одинъ изъ безсловесныхъ.

СОФЬЯ (*всторону*).

Не человѣкъ — змѣя! (*громко и принужденно*).
Хочу у васъ спросить:
Случалось-ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ нибудь сказали,
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть . . . .

ЧАЦКІЙ.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю, —
Лицо святѣйшей богомолки! . . . .
И все таки я васъ безъ памяти люблю.

(*Минутное молчаніе*).

Послушайте, уже-ль слова мои всѣ колки,
И клонятся къ чьему нибудь вреду?
Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу.
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду:
Велите жъ мнѣ въ огонь — пойду какъ на обѣдъ.

СОФЬЯ.

Да, хорошо сгорите, если-жь нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣже и ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ и другой!

СОФЬЯ.

Ахъ, батюшка! сонъ въ руку! (*Уходитъ*).

ФАМУСОВЪ (*ей въ слѣдъ въ полголоса*).

Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

ФАМУСОВЪ и ЧАЦКІЙ (*смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла*).

ФАМУСОВЪ.

Ну! выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ,
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ! (*обнимаются*).
Здорово, другъ, здорово, братъ, здорово;
Разсказывай, — чай у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй (*садятся*).

ЧАЦКІЙ.

Какъ Софья Павловна у вас похорошѣла!

ФАМУСОВЪ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другаго нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ!

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, нѣтъ! Надеждами я мало избалованъ.

ФАМУСОВЪ.

«Сонъ въ руку» — мнѣ она изволила шепнуть,
Вотъ ты задумалъ . . . .

ЧАЦКІЙ.

Я? Ни чуть.

ФАМУСОВЪ.

О комъ ей снилось? Что такое?

ЧАЦКІЙ.

Я не отгадчикъ сновъ.

ФАМУСОВЪ.

Не вѣрь ей, все пустое.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ,
Вѣкъ не встрѣчалъ, подписку дамъ,
Чтобъ было ей хоть нѣсколько подобно.

ФАМУСОВЪ.

Онъ все свое. Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ? Скитался столько лѣтъ!
Откудова теперь?

ЧАЦКІЙ.

Теперь мнѣ дотого-ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли. (*Встаетъ поспѣшно*).
Простите, я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте, черезъ часъ
Явлюсь; подробности малѣйшей не забуду,
Вамъ первымъ, вы потомъ разсказывайте всюду.
(*Въ дверяхъ.*) Какъ хороша! (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10.

ФАМУСОВЪ (*одинъ*).

Который же изъ двухъ?
«Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!»
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ. Какого-жь далъ я крюку!
Молчалинъ давича въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь.... да въ полымя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ—пріятель
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ!
Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ! (*уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ФАМУСОВЪ и СЛУГА.

ФАМУСОВЪ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достанька календарь,
Читай, не такъ какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой-же. На листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Федоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй, умъ вскружится,
То бережешься, то обѣдъ.
Ѣшь три часа, а въ три дни несварится!
Отмѣть-ка въ тотъ же день.... нѣтъ, нѣтъ:
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье
Что всякой долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьёмъ похвальнымъ, — вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный Камергеръ
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ, и на богатой былъ женатъ,
Переженилъ дѣтей, внучатъ;

Скончался; всѣ о немъ съ прискорбьемъ поминаютъ:
Кузьма Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши въ четвергъ, одно ужь къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
Я долженъ у вдовы, у докторши крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ФАМУСОВЪ, СЛУГА и ЧАЦКІЙ.

ФАМУСОВЪ.

А! Александръ Андреичъ, просимъ,
Садитесь-ка.

ЧАЦКІЙ.

Вы заняты?

ФАМУСОВЪ (*слугѣ*).

Поди (*слуга уходитъ*).
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ;
Забудутся, того гляди.

ЧАЦКІЙ.

Вы что-то невеселы стали.
Скажите, отъ чего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ, какой
Не приключилось-ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ батюшка! Нашелъ загадку!
Не веселъ я!... въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.

ЧАЦКІЙ.

Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
О Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?

ФАМУСОВЪ.

Тьфу, Господи прости! Пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна;
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь-ли жениться?

ЧАЦКІЙ.

А вамъ на что?

ФАМУСОВЪ.

Меня не худо бы спроситься,
Вѣдь я ей нѣсколько сродни;
По крайней мѣрѣ, искони
Отцомъ не даромъ называли.

ЧАЦКІЙ.

Пусть я посватаюсь, вы чтобы мнѣ сказали?

ФАМУСОВЪ.

Сказалъ бы я, во первыхъ, не блажи,
Имѣньемъ, братъ, неуправляй оплошно,
А главное—поди-ка послужи.

ЧАЦКІЙ.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы на старшихъ глядя;

Мы, напримѣръ.... или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ! Онъ не то — на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ, сто человѣкъ къ услугамъ.
Весь въ орденахъ, ѣзжалъ то вѣчно цугомъ....
Бывало, что твой князь, что графъ!
Серьёзный взглядъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться,
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ.
Старикъ заохалъ, голосъ хрипкой, —
Былъ одобрительной пожалованъ улыбкой —
Изволили смѣяться.... какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ —
Упалъ въ другорядь — ужь нарочно —
А хохотъ пуще — онъ и въ третій также точно.
А? Какъ по вашему? По нашему — смышленъ:
Упалъ онъ больно, всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ, кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при Дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка?
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ!... — да, вы, нынѣшніе, — нутка!

ЧАЦКІЙ.

И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, —
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,
Стучали объ полъ, не жалѣя!

Кому нужда, тѣмъ спесь, лежи они въ пыли, —
А тѣмъ, кто выше, — лесть, какъ кружево плели.
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю,
Его не возмутимъ мы праха;
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ!
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ,
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: — Ахъ, еслибъ и мнѣ тоже!
Нѣтъ! Нынче свѣтъ ужь не таковъ.

ФАМУСОВЪ.

Опасный человѣкъ!

ЧАЦКІЙ.

Вольнѣе всякій дышитъ
И не торопится вписаться въ цехъ шутовъ.

ФАМУСОВЪ.

Что говоритъ! И говоритъ — какъ пишетъ.

ЧАЦКІЙ.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ....

ФАМУСОВЪ.

Вотъ что онъ вздумалъ проповѣдать!

ЧАЦКІЙ.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ....

ФАМУСОВЪ.

Онъ ничего не признаетъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ....

ФАМУСОВЪ.

Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

ЧАЦКІЙ.

Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ....

ФАМУСОВЪ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

ЧАЦКІЙ.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно;
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу;
Ужь такъ и быть, я не поплачу.

ФАМУСОВЪ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю!

ЧАЦКІЙ.

Я досказалъ.

ФАМУСОВЪ.

Добро, заткнулъ я уши.

ЧАЦКІЙ.

На что жь? Я ихъ не оскорблю.

ФАМУСОВЪ (*скороговоркой*).

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши,
Воротятся — отъ нихъ порядка жди!

ЧАЦКІЙ.

Я пересталъ....

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй пощади!

ЧАЦКІЙ.

Длить споры не мое желанье....

ФАМУСОВЪ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже и СЛУГА.

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ.

ФАМУСОВЪ (*ничего не видитъ и не слышитъ*).

Тебя ужь упекутъ
Подъ судъ! Какъ пить дадутъ.

ЧАЦКІЙ.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю, подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

ФАМУСОВЪ.

Неслушаю, подъ судъ, подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Да обернитесь, васъ зовутъ.

ФАМУСОВЪ (*оборачивается*).

А? что? Ну, такъ и жду содома! . . .

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ, — прикажете принять?

ФАМУСОВЪ (*встаетъ*).

Ослы! Сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ-же, торопись! (*слуги уходитъ*).
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ;
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
Не нынче, завтра — генералъ.

Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько . . . .
Эхъ! Александръ Андреичъ, дурно, братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;
Я, всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое!
Онъ можетъ быть и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ — власть Господня!
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.
Однако, нѣтъ его! Какую бы причину . . . .
А! знать ко мнѣ пошелъ въ другую половину.

(*Поспѣшно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

ЧАЦКІЙ (*одинъ*).

Какъ суетится! Что за прыть!
А Софья! . . . нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какова?
Съ которыхъ поръ меня дичатся, какъ чужова?
Какъ здѣсь бы ей не быть?! . . .
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ,
А можетъ быть, не только что отецъ . . .
Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

ЯВЛЕНІЕ 5.

ЧАЦКІЙ, ФАМУСОВЪ, СКАЛОЗУБЪ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда-съ,
Прошу покорно, здѣсь теплѣе;

Прозябли вы? согрѣемъ васъ,
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе . . . .

СКАЛОЗУБЪ (*басомъ*).

За чѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ . . . . мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.

ФАМУСОВЪ.

Неужто для друзей не дѣлать мнѣ и шагу!
Сергѣй Сергѣичъ дорогой,
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу,
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

СКАЛОЗУБЪ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.

(*Всѣ трое садятся; Чацкій поодаль*).

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть;
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними — наслѣдства не дѣлить;
Не знали вы, а я подавно,
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

СКАЛОЗУБЪ.

Незнаю-съ, виноватъ,
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы-ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки,
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что деловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку-ли, къ мѣстечку,—
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку?

Однако братецъ вашъ мнѣ другъ, и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

ФАМУСОВЪ.

Да, счастье у кого есть этакой сынокъ;
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

СКАЛОЗУБЪ.

За третье августа; засѣли мы въ траншею;
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

ФАМУСОВЪ.

Любезный человѣкъ! И посмотрѣть, такъ хватъ;
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Но крѣпко набрался какихъ то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему — онъ службу вдругъ оставилъ;
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ молодость! . . . читать . . . . а послѣ хвать!
Вы повели себя исправно:
Давно Полковники, а служите недавно.

СКАЛОЗУБЪ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ.
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

ФАМУСОВЪ.

Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!

СКАЛОЗУБЪ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ! . . .
Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полкомъ два года поводили.

ФАМУСОВЪ.

Въ погонь-ли за полкомъ?
За то, конечно, въ чемъ другомъ —
За вами далеко тянуться.

СКАЛОЗУБЪ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся.
Я съ восемьсотъ девятаго служу.

ФАМУСОВЪ.

И славно служите, дай Богъ здоровья вамъ,
И генеральскій чинъ, — а тамъ —
За чѣмъ откладывать бы дальше —
Рѣчь завести объ генеральшѣ . . . .

СКАЛОЗУБЪ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

ФАМУСОВЪ.

Чтожь? У кого сестра, племянница есть, дочь;
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода;
Чего? плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва.

СКАЛОЗУБЪ.

Дистанція огромнаго размѣра.

ФАМУСОВЪ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера!
На все свои законы есть:
Вотъ напримѣръ у насъ, ужъ изстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь;
Будь плохонькой, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ — разумникомъ слыви!
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви;

Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянстомъ.
Да это-ли одно! . . . возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь:
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ, внучатъ;
Журимъ мы ихъ, а если разберешь —
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ, что слово: приговоръ.
Вѣдь столбовые все: въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ . . . . бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили, — никогда,
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и . . . . разойдутся . . . .
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ, надъ ними нѣтъ судей;
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣніе, — вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ Сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пулхерія Андревна!
А дочки? Можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;

Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой.
Французскіе романсы вамъ поютъ,
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва.

СКАЛОЗУБЪ.

По моему сужденью
Пожаръ способствалъ ей много къ украшенью.

ФАМУСОВЪ.

Да, батюшка, съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ.

ЧАЦКІЙ.

Дома новы, но предразсудки стары;
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

ФАМУСОВЪ (*Чацкому*).

Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать—не велика услуга.

(*Скалозубу*).

Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то есть, въ томъ онъ пользы не находитъ.
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой,
Жаль, очень жаль; онъ малый съ головой;
И славно пишетъ, переводитъ,
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ....

ЧАЦКІЙ.

Нельзя-ли пожалѣть о комъ нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

ФАМУСОВЪ.

Не я одинъ — всѣ также осуждаютъ.

ЧАЦКІЙ.

А судьи кто? . . . За древностію лѣтъ,
Вражда ихъ къ намъ непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту-же,
Не замѣчая о себѣ,
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти-ли, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ клиенты — иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?
(Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?)
Не тотъ-ли вы, къ кому меня, еще съ пелёнъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ;
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали . . . . вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или вонъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ, отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ!
Но кредиторовъ онъ несогласилъ къ отсрочкѣ:

Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по-одиночкѣ!!!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважатъ кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей найдется, врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ, —
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослыветъ у нихъ мечтателемъ опаснымъ.

ФАМУСОВЪ (*про себя*).

Ужь втянетъ онъ меня въ бѣду!
(*Громко*) Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

СКАЛОЗУБЪ и ЧАЦКІЙ.

СКАЛОЗУБЪ.

Мнѣ нравится: при этой смѣтѣ
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы....

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ же СОФЬЯ и ЛИЗА.

СОФЬЯ (*бѣжитъ къ окну*).

Ахъ, Боже мой! упалъ, убился!

ЧАЦКІЙ.

Кто?
Кто это?

СКАЛОЗУБЪ.

Съ кѣмъ бѣда?

ЧАЦКІЙ.

Она мертва со страху!

СКАЛОЗУБЪ.

Да кто? Откудова?

ЧАЦКІЙ.

Ушибся обо что?

СКАЛОЗУБЪ.

Ужь не старикъ-ли нашъ далъ маху?

ЛИЗА (*хлопочетъ около барышни*).

Кому назначено-съ, не миновать судьбы:
Молчалинъ на лошадь садился, ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы,
Онъ объ землю и — прямо въ темя.

СКАЛОЗУБЪ.

Поводья затянулъ, ну, жалкой-же ѣздокъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ, грудью или въ бокъ.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ же, безъ СКАЛОЗУБА.

ЧАЦКІЙ.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе!

ЛИЗА.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ.
(*Чацкій бѣжитъ и приноситъ*).
(*Все слѣдующее въ полголоса, до того, какъ Софья очнется*).

ЛИЗА.

Стаканъ налейте.

ЧАЦКІЙ.

Ужь налитъ.
Шнуровку отпусти вольнѣе,

Виски ей уксусомъ потри,
Опрыскивай водой.... смотри,
Свободнѣе дыханье стало.
Повѣять чѣмъ?

ЛИЗА.

Вотъ опахало.

ЧАЦКІЙ.

Гляди въ окно:
Молчалинъ на ногахъ давно;
Бездѣлица ее тревожитъ.

ЛИЗА.

Да-съ, барышнинъ несчастливъ нравъ:
Со стороны смотрѣть не можетъ
Какъ люди падаютъ стремглавъ.

ЧАЦКІЙ.

Опрыскивай еще водою,
Вотъ такъ.... еще, еще.

СОФЬЯ (*съ глубокимъ вздохомъ*).

Кто здѣсь со мной?
Я точно, какъ во снѣ.

(*торопливо и громко*).

Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ....

ЧАЦКІЙ.

Пускай себѣ сломилъ бы шею,
Васъ чуть было неуморилъ.

СОФЬЯ.

Убійственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать — нѣту силъ

ЧАЦКІЙ.

Прикажите мнѣ за него терзаться?

СОФЬЯ.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться.

ЧАЦКІЙ.

Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?

СОФЬЯ.

На что вы мнѣ?
Да, правда, не свои бѣды для васъ забавны;
Отецъ родной убейся, все равно.
(*Лизѣ*) Пойдемъ туда, бѣжимъ!

ЛИЗА (*отводитъ ее въ сторону*).

Опомнитесь, куда вы?
Онъ живъ, здоровъ, смотрите здѣсь въ окно.

(*Софья высовывается въ окно*).

ЧАЦКІЙ.

Смятенье! обморокъ! поспѣшность, гнѣвъ, испуга!...
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга!

СОФЬЯ.

Сюда идутъ. Руки неможетъ онъ поднять....

ЧАЦКІЙ.

Желалъ бы съ нимъ убиться....

ЛИЗА.

Для компаньи?

СОФЬЯ.

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣже, СКАЛОЗУБЪ и МОЛЧАЛИНЪ, *съ подвязанною рукою.*

СКАЛОЗУБЪ.

Воскресъ и невредимъ; рука
Ушиблена слегка;
А впрочемъ все фальшивая тревога.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я васъ перепугалъ, простите, ради Бога.

СКАЛОЗУБЪ.

Ну! я незналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація. Опрометью вбѣжали,
Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали,
И чтожъ? Весь страхъ изъ ничего.

СОФЬЯ (*не глядя на него*).

Ахъ! очень вижу изъ пустова,
А вся еще теперь дрожу.

ЧАЦКІЙ (*про себя*).

Съ Молчалинымъ ни слова!

СОФЬЯ (*по прежнему*).

Однако о себѣ скажу,
Что нетруслива; такъ бываетъ,
Карета свалится — подымутъ: я опять
Готова съизнова скакать;
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ.
Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,
Хоть незнакомый мнѣ, до этого нѣтъ дѣла.

ЧАЦКІЙ (*про себя*).

Прощенья проситъ у него,
Что разъ о комъ-то пожалѣла!

СКАЛОЗУБЪ.

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть;
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница вдова; но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ;
На дняхъ расшиблась въ пухъ,
Жокей неподдержалъ; считалъ онъ видно мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа,

Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

СОФЬЯ.

Ахъ, Александръ Андреевичъ, вотъ—
Явитесь вы вполнѣ великодушны:
Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны.

ЧАЦКІЙ.

Да-съ, это я сей-часъ явилъ
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,
И прысканьемъ и оттираньемъ;
Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ

(*Беретъ шляпу и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣже, кромѣ ЧАЦКАГО.

СОФЬЯ.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

СКАЛОЗУБЪ.

Какъ рано?

СОФЬЯ.

Пораньше; съѣдутся домашніе друзья,
Потанцовать подъ фортоньяно,
Смотрите-жъ, опоздать нельзя.

СКАЛОЗУБЪ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался,
Откланяюсь.

СОФЬЯ.

Прощайте.

СКАЛОЗУБЪ (*жметъ руку Молчалину*).

Вашъ слуга. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

СОФЬЯ, ЛИЗА, МОЛЧАЛИНЪ.

СОФЬЯ.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога!
За чѣмъ же ей играть и такъ неосторожно?
Скажите, что у васъ съ рукой?
Не дать-ли капель вамъ? Не нуженъ-ли покой?
Пошлите къ доктору, пренебрегать недолжно.

МОЛЧАЛИНЪ.

Платкомъ перевязалъ, не больно мнѣ съ тѣхъ поръ.

ЛИЗА.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И еслибъ не къ лицу, не нужно перевязки;
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки.
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ,
И Скалозубъ какъ свой хохолъ закрутитъ,
Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ,—
Шутить и онъ гораздъ; вѣдь нынче кто не шутитъ?

СОФЬЯ.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу люблю, хочу скажу.
Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы — слова не сказала;
При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть.

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны.

СОФЬЯ.

Откуда скромность почерпнуть?
Готова я была въ окошко къ вамъ прыгнуть.

Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенны?
Смѣшно? Пусть шутятъ ихъ. Досадно? Пусть бранятъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Не повредила бы намъ откровенность эта.

СОФЬЯ.

Не ужъ-то на дуэль васъ вызвать захотятъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Ахъ, злые языки страшнѣе пистолета!

ЛИЗА.

Сидятъ они у батюшки теперь;
Вотъ ка-бы вы порхнули въ дверь
Съ лицомъ веселымъ, беззаботно,
Когда намъ скажутъ, что хотимъ —
Куда какъ вѣрится охотно!
И Александръ Андреичъ — съ нимъ;
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ,
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ;
Улыбочка и пара словъ....
А кто влюбленъ, на все готовъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю (*цалуетъ руку*).

СОФЬЯ.

Хотите вы? Пойду любезничать сквозь слезъ!
Боюсь, что выдержать притворства не сумѣю....
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12.

МОЛЧАЛИНЪ, ЛИЗА.

МОЛЧАЛИНЪ.

Веселое созданье ты, живое!

ЛИЗА.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какое личико твое!
Какъ я тебя люблю!

ЛИЗА.

А барышню?

МОЛЧАЛИНЪ.

Ее
По должности, тебя . . . (*хочетъ обнять*).

ЛИЗА.

Отъ скуки?
Прошу подальше руки.

МОЛЧАЛИНЪ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ, прехитрая работа;
Снаружи зеркальцо, и зеркальцо внутри,
Кругомъ все прорѣзь, позолота;
Подушечка, изъ бисера узоръ
И перламутровый приборъ:
Игольничекъ и ножники какъ милы!
Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы!
Помада есть для губъ, и для другихъ причинъ,
Съ духами скляночки: резеда и жасминъ.

ЛИЗА.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

МОЛЧАЛИНЪ.

Сегодня боленъ я, обвязки не сниму;
Приди въ обѣдъ, побудь со мною —
Я тайну всю тебѣ открою. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 13.

ЛИЗА и СОФЬЯ.

СОФЬЯ.

Была у батюшки, тамъ нѣту никого;
Сегодня я больна и не пойду обѣдать.
Скажи Молчалину, и позови его
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.

(Уходитъ къ себѣ).

ЯВЛЕНІЕ 14.

ЛИЗА *(одна).*

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ!
А я . . . . одна лишь я любви до смерти трушу . . . .
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу! —

—

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ЧАЦКІЙ, потомъ СОФЬЯ.

ЧАЦКІЙ.

Дождусь ее, и вынужу признанье:
Кто наконецъ ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?...
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!...
Жалчайшее созданье!
Ужъ развѣ поумнѣлъ?... А тотъ....
(Софья входитъ).
Вы здѣсь? я очень радъ,
Я этого желалъ.

СОФЬЯ *(про себя).*

И очень не впопадъ.

ЧАЦКІЙ.

Конечно, не меня искали?

СОФЬЯ.

Я не искала васъ.

ЧАЦКІЙ.

Дознаться мнѣ нельзя-ли,
Хоть и намеками, мнѣ нужды нѣтъ,
Кого вы любите?

СОФЬЯ.

Ахъ, Боже мой, весь свѣтъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто болѣе вамъ милъ?

СОФЬЯ.

Есть многіе, родные.

ЧАЦКІЙ.

Всѣ болѣе меня?

СОФЬЯ.

Иные.

ЧАЦКІЙ.

И я чего хочу когда все рѣшено:
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно!

СОФЬЯ.

Хотите-ль знать вы истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У васъ тотчасъ ужъ острота готова,
А сами вы....

ЧАЦКІЙ.

А самъ? не правда-ли смѣшонъ?

СОФЬЯ.

Да, грозный взглядъ и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна;
А надъ собой гроза куда не безполезна.

ЧАЦКІЙ.

Я страненъ; а нестраненъ кто-жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ:
Молчалинъ, напримѣръ?

СОФЬЯ.

Примѣры мнѣ не новы;
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы,
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда уклонюсь.

ЧАЦКІЙ (*держитъ ее*).

Постойте-же; (*въ сторону*). Разъ въ жизни притворюсь.
(*Громко*) Оставимте мы эти пренья;
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ;
Быть можетъ онъ не то, что три года назадъ:

Есть на землѣ такія превращенья,
Одеждъ и климатовъ, и нравовъ и умовъ.
Есть люди важные — слыли за дураковъ,
Иной по должности, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать, но признаны всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны, хоть куда.
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый,
Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ, и всѣмъ его дѣламъ
Душею вы, вамъ угожденье?...
Самъ это чувствую, сказать я не могу;
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Непожелалъ бы я и личному врагу....
А онъ?... смолчитъ и голову повѣситъ!
Конечно смиренъ, всѣ такіе не рѣзвы;
Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта!
Богъ знаетъ за него, что выдумали вы,
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита?
Быть можетъ, качествъ вашихъ тму,
Любуясь имъ, вы придали ему.
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ; вы во сто разъ грѣшнѣе...
Нѣтъ, нѣтъ! пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе,
Но васъ онъ стоитъ-ли? Вотъ вамъ одинъ вопросъ!
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ;
Потомъ —

От сумасшествія могу я остеречься:
Пущусь подалѣе — простыть, охолодѣть,
Не думать о любви; но буду я умѣть
Теряться по свѣту, забыться и развлечься.

СОФЬЯ (*про себя*).

Вотъ, нехотя съ ума свела!
(*въ слухъ*) Что притворяться?
Молчалинъ давича могъ безъ руки остаться;
Я живо въ немъ участье приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору.
Но можетъ истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту:
За чѣмъ же быть, — скажу вамъ напрямикъ —
Такъ невоздержну на языкъ?
Въ презрѣньи къ людямъ такъ нескрыту,
Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ! . . . чего!
Случись кому назвать его,
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить! и вѣкъ шутить! Какъ васъ на это станетъ?

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, Боже мой! Неужли я изъ тѣхъ,
Которыхъ цѣль всей жизни — смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

СОФЬЯ.

Напрасно это вы относите къ другимъ;
Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва-ли,
Когда бъ сошлись короче съ нимъ.

ЧАЦКІЙ (*съ жаромъ*).

Зачѣмъ же *вы* его такъ коротко узнали?

СОФЬЯ.

Я не старалась: Богъ насъ свелъ.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ.
При батюшкѣ три года служитъ:
Тотъ часто безъ толку сердитъ —
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ;
И между прочимъ,
Веселостей искать бы могъ, —
Ничуть: — отъ старичковъ не ступитъ за порогъ;
Мы рѣзвимся, хохочемъ,
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ,
Играетъ . . . .

ЧАЦКІЙ.

Цѣлый день играетъ,
Молчитъ, когда его бранятъ . . . .
(Въ сторону) Она его не уважаетъ.

СОФЬЯ.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ — чума;
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ;
Который свѣтъ ругаетъ на повалъ,
Чтобъ свѣтъ о немъ хоть что нибудь сказалъ;
Да этакой-ли умъ семейство осчастливитъ?

ЧАЦКІЙ.

Сатира и мораль — смыслъ этого всего?
(Въ сторону). Она не ставитъ въ грошъ его!

СОФЬЯ.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ;

Чужихъ и вкривъ и вкось не рубитъ:
Вотъ я за что его люблю.

ЧАЦКІЙ (*въ сторону*).

Шалитъ! она его не любитъ.
(*Въ слухъ*). Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье!
Онъ за своихъ стоитъ горой,
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ — герой....

СОФЬЯ.

Не моего романа.

ЧАЦКІЙ.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ!

ЯВЛЕНІЕ 2.

ЧАЦКІЙ, СОФЬЯ, ЛИЗА.

ЛИЗА (*шопотомъ*).

Сударыня! За мной сей часъ,
Къ намъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

СОФЬЯ.

Простите, надобно идти мнѣ поскорѣй.

ЧАЦКІЙ.

Куда?

СОФЬЯ.

Къ прикмахеру.

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ нимъ!

СОФЬЯ.

Щипцы простудитъ.

чацкій.

Пускай себѣ . . . .

софья.

Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.

чацкій.

Богъ съ вами! Остаюсь съ моей загадкой;
Однако дайте мнѣ зайти, хотя украдкой,
Къ вамъ въ комнату, на нѣсколько минутъ:
Тамъ стѣны, воздухъ, — все пріятно,
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ:
Воспоминаніе о томъ, что не возвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты двѣ;
Потомъ, подумайте: членъ англійскаго клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба.

(Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается; за нею и Лиза).

ЯВЛЕНІЕ 3.

ЧАЦКІЙ, потомъ МОЛЧАЛИНЪ.

чацкій.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей!
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало;
Но чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало?
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть, . . .

(Молчалинъ входитъ).

Вотъ онъ, на цыпочкахъ и не богатъ словами.
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть?

(обращается къ нему).

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.

Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче? Безъ печали?

МОЛЧАЛИНЪ.

По прежнему-съ.

ЧАЦКІЙ.

А прежде какъ живали?

МОЛЧАЛИНЪ.

День за день, нынче какъ вчера.

ЧАЦКІЙ.

Къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

ЧАЦКІЙ.

Взманили почести и знатность?

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ....

ЧАЦКІЙ.

У васъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Два-съ.
Умѣренность и аккуратность.

ЧАЦКІЙ.

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Вамъ не дались чины?

ЧАЦКІЙ.

Не всякому успѣхъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,

Изъ Петербурга воротясь,
Съ иными важными людьми про вашу связь,
Потомъ разрывъ . . . .

ЧАЦКІЙ.

Ей почему забота?

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

ЧАЦКІЙ.

Я съ нею не знакомъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Съ Татьяной Юрьевной?

ЧАЦКІЙ.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались;
Слыхалъ, что вздорная.

МОЛЧАЛИНЪ.

Да это, полно, та-ли-съ?
Татьяна Юрьевна! . . . извѣстная; притомъ,
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные!
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ, хоть разъ бы съѣздить вамъ . . . .

ЧАЦКІЙ.

На что же?

МОЛЧАЛИНЪ.

Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

ЧАЦКІЙ.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ, нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.

Ну право, что̀ бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить.

ЧАЦКІЙ.

Когда въ дѣлахъ,—я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тма искусниковъ; я не изъ нихъ числа.

МОЛЧАЛИНЪ.

Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья;
Вотъ самъ Фома Фомичъ,—знакомъ онъ вамъ?

ЧАЦКІЙ.

Ну что жъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Отличнаго ума и поведенья;
Изъ Петербурга къ намъ переведенъ.

ЧАЦКІЙ.

Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ можно! Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ.
Читали-вы?

ЧАЦКІЙ.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть.
Не сочинитель я...

ЧАЦКІЙ.

И по всему замѣтно.

МОЛЧАЛИНЪ.

Не смѣю моего сужденья произнесть.

ЧАЦКІЙ.

За чѣмъ же такъ секретно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты;
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

МОЛЧАЛИНЪ.

Вѣдь надобно-жъ другихъ имѣть въ виду.

ЧАЦКІЙ.

За чѣмъ же надобно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Чтобъ не попасть въ бѣду

ЧАЦКІЙ (*почти громко*).

Съ такими чувствами, съ такой душою,
Любимъ!... Обманщица! смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНІЕ 4.

Вечеръ. Всѣ двери настежъ, кромѣ въ спальню къ Софьѣ. Въ перспективѣ открывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ, слуги суетятся; одинъ изъ нихъ, главный, говоритъ:

Эй! Филька! Фомка! ну, ловчей!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей.

(*Стучится къ Софьѣ въ дверь*).

Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и съ мужемъ, и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета.

(*Расходятся; остается одинъ Чацкій*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

ЧАЦКІЙ, НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА, молодая дама.

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Не ошибаюсь-ли? . . . онъ точно по лицу!
Ахъ, Александръ Андреичъ, вы-ли?

ЧАЦКІЙ.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы;
Неужто такъ меня три года измѣнили?

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы
Давно-ли?

ЧАЦКІЙ.

Нынче лишь . . . .

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

На долго?

ЧАЦКІЙ.

Какъ случится.
Однако, кто смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ,
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Я за мужемъ.

ЧАЦКІЙ.

Давно бы вы сказали.

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Мой мужъ, прелестный мужъ, вотъ онъ сей часъ войдетъ.
Я познакомлю васъ: хотите?

ЧАЦКІЙ.

Прошу.

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю, онъ вамъ мужъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

О, нѣтъ-съ! Не потому,
Самъ по себѣ, по праву, по уму,
Платонъ Михайлычъ мой, единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный,
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ Московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ЧАЦКІЙ, НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА, ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

ЧАЦКІЙ.

Ба!
Другъ старый! Мы давно знакомы; вотъ судьба!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Здорово, Чацкій, братъ!

ЧАЦКІЙ.

Платонъ, любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ; ведешь себя исправно.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Какъ видишь, братъ, —
Московскій житель и женатъ.

ЧАЦКІЙ.

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Нѣтъ! Есть таки занятья.
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А — мольный . . . .

ЧАЦКІЙ.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Братъ! женишься, тогда меня вспомянь:
Отъ скуки будешь ты свистать одно и тоже.

ЧАЦКІЙ.

Отъ скуки? Какъ? ужъ ты ей платишь дань?

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь; къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу . . . . иногда скучаетъ по утрамъ.

ЧАЦКІЙ.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ — эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

ЧАЦКІЙ.

Здоровьемъ слабъ? Давно-ли?

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Все ревматизмъ и головныя боли.

ЧАЦКІЙ.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай!

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

ЧАЦКІЙ.

Москву и городъ! . . . . ты чудакъ!
А помнишъ прежнее?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Да, братъ; теперь не такъ! . . . .

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Ахъ, мой дружочекъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ;
Ты распахнулся весь, и разстегнулъ жилетъ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Теперь, братъ, я не тотъ! . . . .

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Послушайся разочекъ,
Мой милый, застегнись скорѣй.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (*равнодушно*).

Сей-часъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Теперь, братъ, я не тотъ! . . . .

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (*глаза къ небу*).

Ахъ, матушка! . . .

ЧАЦКІЙ.

Ну, Богъ тебя суди;
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!

Не въ прошломъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? Лишь утро — ногу въ стремя —
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй, хоть спереди, хоть съ тыла.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (*вздыхаетъ*).

Эхъ, братецъ! славное тогда житье-то было!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ же, КНЯЗЬ ТУГОУХОВСКІЙ и КНЯГИНЯ, съ шестью дочерьми.

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА (*тонинькимъ голоскомъ*).

Князь Петръ Ильичъ! Княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими! (*громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ*).

1-я КНЯЖНА.

Какой фасонъ прекрасный!

2-я КНЯЖНА.

Какія складочки!

1-я КНЯЖНА.

Обшито фалбарой.

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Нѣтъ, еслибъ видѣли мой тюрлюрлю атласный!

3-я КНЯЖНА.

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-я КНЯЖНА.

Ахъ, да, барежевый!

5-я КНЯЖНА.

Ахъ, прелесть!

6-я КНЯЖЪА.

Ахъ, какъ милъ!

КНЯГИНЯ.
[illegible]?
НАТ. ДМ. (громко)
О нѣтъ!
КНЯГИНЯ.
Князь! Князь! назадъ

ПЛАТ. МИХ.
Изъ картъ [illegible]
ЗАГОРЕЦКІЙ
Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей [illegible]

КНЯГИНЯ.

Тсъ! Кто это въ углу, вошли мы, поклонился?

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Пріѣзжій Чацкій

КНЯГИНЯ.

От-ста-вной?

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

КНЯГИНЯ.

И хо-ло-стой?

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Да, не женатъ.

КНЯГИНЯ.

Князь, князь, сюда, живѣе!

КНЯЗЬ (*обращаетъ къ ней слуховую трубу*)

О, хмъ!

КНЯГИНЯ.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ проси скорѣе.
Натальи Дмитревны знакомаго: вотъ онъ.

КНЯЗЬ.

И — хмъ! (*отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ*).

КНЯГИНЯ.

Вотъ то-то дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ!
Танцовщики ужасно стали рѣдки....
Онъ камеръ-юнкеръ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Нѣтъ.

КНЯГИНЯ.

Богатъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

О, нѣтъ!

КНЯГИНЯ (*громко, что есть мочи*).

Князь! Князь! Назадъ!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣже и ГРАФИНИ ХРЮМИНЫ, БАБУШКА и ВНУЧКА.

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Ахъ, Grand maman! Ну кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя! *(пропадаетъ въ боковую комнату).*

КНЯГИНЯ.

Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая, и насъ за никого считаетъ!
Зла: въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ, ужъ Богъ ее проститъ!

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА *(вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ).*

Мсьё Чацкій, вы въ Москвѣ! какъ были, все такіе?

ЧАЦКІЙ.

На что мѣняться мнѣ?

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Вернулись холостые?

ЧАЦКІЙ.

На комъ жениться мнѣ?

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Въ чужихъ-краяхъ на комъ!
О! нашихъ тма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

ЧАЦКІЙ.

Несчастные! должны-ль упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

ТѢЖЕ и множество другихъ. Между прочими ЗАГОРѢЦКІЙ; мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону; кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. СОФЬЯ отъ себя выходитъ. Всѣ къ ней на встрѣчу.

НАТАЛЬЯ ДМИТРЕВНА.

Eh! bon soir! vous voilà! jamais trop diligente!
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

СОФЬЯ.

Нѣтъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Позвольте вамъ вручить: напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить; за то
Куда я ни кидался!
Въ контору — все взято;
Къ директору, — онъ мнѣ пріятель, —
Съ зарей въ шестомъ часу, и кстати-ль?
Ужъ съ вечера никто достать не могъ;
Къ тому, къ сему, всѣхъ сбилъ я съ ногъ,
И этотъ наконецъ похитилъ уже силой
У одного; старикъ онъ хилой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ;
Пусть дома просидитъ въ покоѣ.

СОФЬЯ.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье — вдвое. *(Являются еще кое-какіе; Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ).*

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Платонъ Михайлычъ!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь;
Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ, братъ, (*Чацкому*) рекомендую:
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ,
Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Извѣстный плутъ, —
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись, переноситъ гораздъ,
И въ карты не садись: продастъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы.

ЧАЦКІЙ.

Но оскорбляться вамъ смѣшно-бы;
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Охъ нѣтъ, братецъ! у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ. (*Загорѣцкій мѣшается въ толпу*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

ТѢже и ХЛЕСТОВА.

ХЛЕСТОВА.

Легко-ли, въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница? мученье!
Часъ битый ѣхала съ Покровки, — силы нѣтъ!
Ночь, — свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой,
Арабку — дѣвку, да собачку;
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,

От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! (*сѣла*). Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арабка для услугъ!
Курчавая, горбомъ лопатки,
Сердитая! всѣ кошечьи ухватки!
Да какъ черна! Да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! Въ дѣвичьей она,
Позвать-ли?

СОФЬЯ.

Нѣтъ-съ; въ другое время.

ХЛЕСТОВА.

Представь: ихъ какъ звѣрей вывозятъ напоказъ,
Я слышала.... тамъ.... городъ есть турецкій...
А знаешь-ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій (*онъ выставляется впередъ*).
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ, (*Загорѣцкій изчезаетъ*).
Я отъ него, бывало, и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ-Прасковьѣ
Двоихъ арабченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ онъ, говоритъ, — чай, въ карты сплутовалъ, —
А мнѣ подарочекъ, — дай Богъ ему здоровье!

ЧАЦКІЙ (*съ хохотомъ, Платону Михайловичу*).

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ, пропалъ.

ХЛЕСТОВА.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

СОФЬЯ.

Вотъ этотъ? Чацкій.

ХЛЕСТОВА.

Ну? А что нашелъ смѣшнаго?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?

Надъ старостью смѣяться грѣхъ!
А! помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала;
Я за уши его дирала — только мало!

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣже и ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ (*громогласно*).

Ждемъ князь-Петръ-Ильича,
А Князь ужъ здѣсь! А я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ? кажется, что нѣтъ? Онъ человѣкъ замѣтной,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

ХЛЕСТОВА.

Творецъ мой! Оглушилъ, звончѣе всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНІЕ 12.

Тѣже и СКАЛОЗУБЪ, потомъ МОЛЧАЛИНЪ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали;
А мы васъ ждали, ждали, ждали!
(*Подводитъ къ Хлестовой*).
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

ХЛЕСТОВА (*сидя*).

Вы прежде были здѣсь . . . . въ полку . . . . въ томъ . . . .
гренадерскомъ?

СКАЛОЗУБЪ (*басомъ*).

То есть, хотите вы сказать,
Въ Ново-Землянскомъ мушкетерскомъ?

ХЛЕСТОВА.

Не мастерица я полки-то различать.

СКАЛОЗУБЪ.

А форменныя есть отлички
Въ мундирахъ, выпушки, погончики, петлички.

ФАМУСОВЪ.

Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я насмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь, прошу!

(Уводитъ съ собою Скалозуба и князя).

ХЛЕСТОВА *(Софьѣ).*

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!
Вѣдъ полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ сажень удалецъ!
Знакомитъ, не спросясь, пріятно-ли намъ, нѣтъ-ли!

МОЛЧАЛИНЪ *(подаетъ ей карту).*

Я вашу партію составилъ: мосьё Кокъ,
Ѳома Ѳомичъ и я.

ХЛЕСТОВА.

Спасибо, мой дружокъ. *(встаетъ).*

МОЛЧАЛИНЪ.

Вашъ шпицъ — прелестный шпицъ, не болѣе наперстка!
Я гладилъ все его: какъ шелковая шерстка!

ХЛЕСТОВА.

Спасибо, мой родной!

(Уходитъ, за нею Молчалинъ и многіе другіе).

ЯВЛЕНІЕ 13.

ЧАЦКІЙ, СОФЬЯ *и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіе сцѣны расходятся.*

ЧАЦКІЙ.

Ну! тучу разогналъ. . . .

СОФЬЯ.

Нельзя-ль не продолжать?

ЧАЦКІЙ.

Чѣмъ я васъ напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.

СОФЬЯ.

А кончили-бы злостью.

ЧАЦКІЙ.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ
Старушки всѣ народъ сердитый.
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ —
Молчалинъ! Кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во-время погладитъ,
Тутъ въ-пору карточку вотретъ. . . .
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давича его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли! да?

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

СОФЬЯ, потомъ Г. N.

СОФЬЯ (*про себя*).

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ!

Г. N. (*подходитъ*).

Вы въ размышленьи?

СОФЬЯ.

Объ Чацкомъ.

г. N.

Какъ его нашли по возвращеньи?

софья.

Онъ не въ своемъ умѣ.

г. N.

Ужель съ ума сошелъ?

софья (*помолчавъ*).

Не то, чтобы совсѣмъ....

г. N.

Однако есть примѣты?

софья (*смотритъ на него пристально*).

Мнѣ кажется.

г. N.

Какъ можно въ эти лѣты!

софья.

Какъ быть!

(*Въ сторону*).

Готовъ онъ вѣрить!
А, Чацкій! Любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Угодно-ль на себѣ примѣрить?

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

Г. N., потомъ Г. D.

г. N.

Съ ума сошелъ!... Ей кажется? Вотъ на!
Не даромъ стало быть.... Съ чего-бъ взяла она!
Ты слышалъ?

г. D.

Что?

г. N.

Объ Чацкомъ.

г. D.

Что такое?

г. N.

Съ ума сошелъ!

г. D.

Пустое!

г. N.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

г. D.

А ты разславить это радъ?

г. N.

Пойду освѣдомлюсь; чай кто-нибудь да знаетъ!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 16.

Г. D., потомъ ЗАГОРѢЦКІЙ.

г. D.

Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ну?

г. D.

Съ ума сошелъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А, знаю, помню, слышалъ!
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя — плутъ;
Схватили, въ жолтый домъ и на цѣпь посадили.

Г. D.

Помилуй! Онъ сей часъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ съ цѣпи стало быть спустили.

Г. D.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ!
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу; однако, чуръ, секретъ!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17.

ЗАГОРѢЦКІЙ, потомъ НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Который Чацкій тутъ? извѣстная фамилья:
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

О комъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Объ Чацкомъ, онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Знаю,
Я говорила съ нимъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій....

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Что?...

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да, онъ сошелъ съ ума.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Представьте: я замѣтила сама;
И хоть пари держать, со мной въ одно вы слово!

ЯВЛЕНІЕ 18.

Тѣ же и ГРАФИНЯ БАБУШКА.

НАТАЛЬЯ ДМИМРІЕВНА.

Ахъ, Боже мой! Вотъ чудеса! Вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! Вотъ прелести, вотъ мило!

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Мой другъ, мнѣ уши заложило!
Скажи погромче . . . .

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Время нѣтъ.
Il vous dira toute l'histoire!
Пойду спрошу.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19.

ЗАГОРѢЦКІЙ, ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Что? что? Ужь нѣтъ ли здѣсь пожара?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Нѣтъ! Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ, сошелъ съ ума отъ раны.

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Пошелъ онъ въ бусурманы?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ее не-вразумишь!

(*Уходитъ*).

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!
И онъ бѣжитъ; всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ!

ЯВЛЕНІЕ 20.

ГРАФИНЯ БАБУШКА и КНЯЗЬ ТУГОУХОВСКІЙ.

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Князь! Князь! Охъ этотъ князь! по баламъ, самъ чуть дышитъ!
Князь, слышали?

КНЯЗЬ.

А? Хмъ!

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Онъ ничего не слышитъ.
Хоть можетъ видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

КНЯЗЬ.

Э? Хмъ!

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?

КНЯЗЬ.

И, хмъ!

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Тесакъ ему да ранецъ,
Въ солдаты;—шутка-ли? перемѣнилъ законъ!

КНЯЗЬ.

У, хмъ!

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Да!... въ бусурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!
Что? а? Глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ:
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ 21.

Тѣже и ХЛЕСТОВА, СОФЬЯ, МОЛЧАЛИНЪ, ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ, НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА, ГРАФИНЯ ВНУЧКА, КНЯГИНЯ СЪ ДОЧЕРЬМИ, ЗАГОРѢЦКІЙ, СКАЛОЗУБЪ, потомъ ФАМУСОВЪ и многіе другіе.

ХЛЕСТОВА.

Съ ума сошелъ! Прошу покорно!
Да невзначай, да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Кто первый разгласилъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ,
А мнѣ сомнительно.

ФАМУСОВЪ (*входитъ*).

О комъ? О Чацкомъ, что-ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ.
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ?
Попробуй говорить, и невѣсть что̀ наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,

Хотъ предъ какимъ ни есть лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!.....

ХЛЕСТОВА.

Туда же изъ смѣшливыхъ!
Сказала что-то я, онъ началъ хохотать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ Архивахъ!

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Меня модисткою изволилъ величать!

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Безумный по всему!

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Я видѣла изъ глазъ.

ФАМУСОВЪ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

ХЛЕСТОВА.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ!

КНЯГИНЯ.

О, вѣрно!

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Безъ сомнѣнья!

ХЛЕСТОВА.

Шампанское стаканами тянулъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Бутылками-съ, и пребольшими!

ЗАГОРѢЦКІЙ (*съ жаромъ*).

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!

ФАМУСОВЪ.

Ну, вотъ, великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье — вотъ чума! ученость — вотъ причина . . . .

ХЛЕСТОВА.

Отцы мои! ужь кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ-ли, отъ питья-ль.
А Чацкаго мнѣ жаль!
По христіански, такъ, онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

ФАМУСОВЪ.

Четыре.

ХЛЕСТОВА.

Три, сударь!

ФАМУСОВЪ.

Четыреста!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ, триста!

ФАМУСОВЪ.

Въ моемъ календарѣ . . . .

ХЛЕСТОВА.

Всѣ врутъ календари!

ФАМУСОВЪ.

Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ, триста! Ужь чужихъ имѣній мнѣ не знать!

ФАМУСОВЪ.

Четыреста, прошу понять!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ, триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ 22.

Тѣже и ЧАЦКІЙ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Вотъ онъ!

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Штъ!

ВСѢ.

Штъ!

(Пятятся отъ него въ противную сторону).

ХЛЕСТОВА.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ,
Затѣетъ драться онъ — потребуютъ къ раздѣлкѣ!

ФАМУСОВЪ.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
(Опасливо).
Любезнѣйшій! Ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ; дай пульсъ, — ты нездоровъ.

ЧАЦКІЙ.

Да, мочи нѣтъ! мильонъ терзаній,
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ.
(Подходитъ къ Софьѣ).

Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ! не доволенъ я Москвой!

ХЛЕСТОВА.

Москва, вишь, виновата!

ФАМУСОВЪ.

Подальше отъ него. (*Дѣлаетъ знаки Софьи*).
Гмъ! Софья! Не глядитъ!

СОФЬЯ (*Чацкому*).

Скажите, что̀ васъ такъ гнѣвитъ?

ЧАЦКІЙ.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь,
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ, будто-бы въ отечествѣ съ друзьями:
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды.
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ. — И тутъ со всѣхъ сторонъ,
Тоска, и оханье, и стонъ:
«Ахъ, Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!»
Рѣшили двѣ княжны — сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья;
Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой,

Кто могъ-бы словомъ, иль примѣромъ,
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой!
Пускай меня отъявятъ староверомъ,
Но хуже для меня нашъ сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ —
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду — на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ;
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ —
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки . . . .
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у Китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку, насъ не считалъ за Нѣмцевъ?
«Какъ европейское поставить въ параллель
«Съ національнымъ, странно что-то!
«Ну, какъ перевести: мадамъ и мадмуазель?
«Ужель: сударыня?» — забормоталъ мнѣ кто-то . . . .
Вообразите: тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ!
«Сударыня! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ужасно! . . .»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною — онъ не новый,
Москва и Петербургъ, во всей Россіи то,

Что человѣкъ изъ города Бордо,
Лишь ротъ открылъ — имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и Москвѣ
Кто недругъ глупыхъ лицъ, всѣхъ вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ,
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять,
Глядь....

(Оглядывается; всѣ вальсируютъ; старики усѣлись за карты).

—

ДѢЙСТВІЕ IV.

РАЗЪѢЗДЪ ПОСЛѢ БАЛА.

У Фамусова въ домѣ парадныя сѣни, большая лѣстница изъ втораго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей; внизу справа выходитъ на крыльцо швейцарская ложа; слѣва, на одномъ же планѣ, комната Молчалина.

(Ночь. Слабое освѣщеніе. Лакеи иные суетятся, иные спятъ, въ ожиданіи господъ своихъ).

ЯВЛЕНІЕ 1.

ГРАФИНЯ-БАБУШКА и ВНУЧКА.

ЛАКЕЙ.

Графини Хрюминой карета!

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА *(пока ее укутываютъ).*

Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! Умѣлъ гостей назвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта!
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать!

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Поѣдемъ, матушка, мнѣ право не подъ силу!
Когда нибудь, я съ бала да въ могилу!

(Обѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 2.

ГОРИЧЕВЫ. *Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ.*

Карета Горича!

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Мой ангелъ? жизнь моя!
Безцѣнный, душечка! что смотришь такъ уныло?
Признайся, весело у Фамусовыхъ было?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Наташа, матушка, дремлю на балахъ я;
До нихъ смертельный неохотникъ,
А не противлюсь, — твой работникъ,
Дежурю за полночь; подъ часъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь, по командѣ, въ плясъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Ты притворяешься, и очень неискусно:
Охота смертная — прослыть за старика!
(Уходитъ съ лакеемъ).

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ *(хладнокровно)*.

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька!
И кто жениться насъ неволитъ?
Вѣдь сказано-жь иному на роду....

ЛАКЕЙ.

Въ каретѣ барыня и гнѣваться изволитъ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Иду, иду! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 3.

ЧАЦКІЙ *и его лакей впереди.*

ЧАЦКІЙ.

Кричи, чтобы скорѣе подавали!
(Лакей уходитъ).
Ну вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли!
Чего я ждалъ, что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? Участье въ комъ живое?
Крикъ, радость, обнялись! — пустое!
Въ повозкѣ такъ-то на пути

Необозримою равниной, сидя праздно,—
Всё что-то видно впереди,
Свѣтло, синё, разнообразно;
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый; вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху — ночлегъ. Куда ни взглянешь —
Все таже степь и гладь, и пусто и мертво . . . .
Досадно, мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь . . . .
Готово? . . . .

(*Лакей возвращается*).

ЛАКЕЙ.

Кучера нигдѣ, вишь, не найдутъ.

ЧАЦКІЙ.

Пошелъ, ищи — не ночевать же тутъ.

(*Лакей опять уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

ЧАЦКІЙ и РЕПЕТИЛОВЪ.

РЕПЕТИЛОВЪ (*сбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и оправляется*).

Тьфу! оплошалъ! Ахъ мой Создатель!
Дай протереть глаза! Откудова, пріятель?
Сердечный другъ! Любезный другъ! Mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ;
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сей часъ . . . . растолковать прошу —
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу,
Хвать объ порогъ — задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ!
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,

Любовь какая-то и страсть;
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей, ей!
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ
И разразитъ меня Господь....

ЧАЦКІЙ.

Да полно вздоръ молоть!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не любишь ты меня! Естественное дѣло!
Съ другими я и такъ и сякъ;
Съ тобою — говорю не смѣло,
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!...

ЧАЦКІЙ.

Вотъ странное уничиженье!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Брани меня, я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ!
Скажи, который часъ?

ЧАЦКІЙ.

Часъ ѣхать спать ложиться;
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь, до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты, есть книга....

ЧАЦКІЙ.

А ты читалъ? — Задача для меня!
Ты Репетиловъ ли?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Зови меня вандаломъ,
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ;
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ;
О дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ! Въ опеку взятъ указомъ;
Танцовщицу держалъ, да не одну —
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! Не спалъ ночей по девяти,
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру....

ЧАЦКІЙ.

Послушай, ври, — да знай же мѣру!
Есть отъ чего въ отчаянье придти!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу на пролетъ....

ЧАЦКІЙ.

Вотъ нынче, напримѣръ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что ночь одна, не въ счетъ!
За то спроси — гдѣ былъ?

ЧАЦКІЙ.

И самъ я догадаюсь:
Чай въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Въ Англійскомъ! Чтобъ исповѣдь начать —
Изъ шумнаго я засѣданья.
У насъ по четвергамъ собранья
О томъ, о семъ потолковать.
И тамъ какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ, — ну, объ матерьяхъ важныхъ, —

Частенько слушаю, не разжимая губъ:
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ! . . . .
Ахъ, Александръ! — у насъ тебя не доставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало,
Поѣдемъ-ка сейчасъ, мы благо на ходу, —
Съ какими я тебя людьми сведу!
Ужъ на меня ни сколько не похожи.
Что за люди, mon cher, сокъ умной молодежи!

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ ними, и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь? Домой! — я спать хочу.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Э! брось! Кто нынче спитъ? Ну полно, безъ прелюдій,
Рѣшись, а мы . . . у насъ . . . рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ — подумаешь, что сотни голосовъ.

ЧАЦКІЙ.

Да изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ! . . .

ЧАЦКІЙ.

Шумите вы, — и только?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ.
Литературное есть дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло —
Нельзя же вдругъ.
Что за люди, mon cher! безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во первыхъ — князь Григорій,
Чудакъ единственный! Насъ со смѣху моритъ;
Вѣкъ съ Англичанами, вся Англійская складка,
И также онъ сквозь зубы говоритъ,

И также коротко обстриженъ, для порядка.
Ты незнакомъ? О, познакомься съ нимъ!
Другой, Воркуловъ Евдокимъ;
Ты не слыхалъ, какъ онъ поётъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо
Есть у него любимое одно:
«*А понъ ла-шьяръ ми но-но-но!*»
Еще у насъ два брата,
Левонъ и Боринька, чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь что̀ сказать!
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что нибудъ! хоть мелочь!
Прочти, братецъ!—Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь то
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты, однако, отыскать
Его *Отрывокъ: Взглядъ* и *Нѣчто;*
Объ чемъ бишь *Нѣчто?* Обо всемъ,
Все знаетъ: мы его на чорный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ!
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ.
Когда жь о честности высокой говоритъ,
Какимъ то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!
Вотъ люди! Есть ли имъ подобные? Наврядъ!
Ну, между ними, я, конечно, за урядъ—

Немножко поотсталъ, лѣнивъ — подумать ужасъ!
Однакожь я, когда умишкомъ понатужась,
Засяду — часу не сижу,
И какъ то невзначай, вдругъ каламбуръ рожу;
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И въ шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ....
Братъ, смѣйся! а что любо — любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе, — вотъ чѣмъ я людямъ милъ!
Совру — простятъ....

ЛАКЕЙ (*у подъѣзда*).

Карета Скалозуба!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Чья?

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТѢ-ЖЕ и СКАЛОЗУБЪ (*спускается съ лѣстницы*).

РЕПЕТИЛОВЪ.

А! Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? Сдѣлай дружбу!....
(*Душитъ его въ объятіяхъ*).

ЧАЦКІЙ.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?
(*Входитъ въ швейцарскую*).

РЕПЕТИЛОВЪ.

Слухъ о тебѣ давно затихъ.
Сказали, что ты въ полкъ отправился, на службу.
Знакомы вы? (*ищетъ глазами Чацкаго*).
Упрямецъ, ускакалъ!
Нѣтъ нужды. — Я тебя нечаянно сыскалъ,

И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ!
У князь Григорія теперь народу тма!
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ;
Фу, сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ;
Во первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой,
А во вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой!

СКАЛОЗУБЪ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ; а если хочешь,
Я князь Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Волтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ.
А пикнете, — такъ мигомъ успокоитъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Всё служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ, можетъ быть, никто и никогда.
По статской я служилъ; тогда
Баронъ фонъ Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья.
Шелъ на прямикъ, безъ дальней думы;
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси;
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, — я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный — сколько стоилъ!
Женился, наконецъ, на дочери его;
Приданаго взялъ — шишъ, по службѣ — ничего!
Тесть знатный, — а что проку?

Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость, будто бы, къ роднѣ!
Боялся, — прахъ его возьми! да легчель мнѣ?

(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покуда уѣхалъ).

ЯВЛЕНІЕ 6.

РЕПЕТИЛОВЪ и ЗАГОРѢЦКІЙ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Извольте продолжать: вамъ искренно признаюсь,
Я неудачи самъ встрѣчалъ,
И отъ того, что прямъ, и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!

РЕПЕТИЛОВЪ *(съ досадой).*

Всѣ врозь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ, гляди, ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій — вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ....

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякія турусы
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль.....
Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣже вкусы.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьёзно поврежденъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Какая чепуха!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

О немъ всѣ этой вѣры.

Дѣйствіе IV Явленіе VI

ЗАГОРЕЦКІЙ.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Онъ не глупъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Вранье!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Спросите всѣхъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Химеры!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А, кстати! Вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Дичь!

ЯВЛЕНІЕ 7.

РЕПЕТИЛОВЪ, ЗАГОРѢЦКІЙ, КНЯЗЬ ТУГОУХОВСКІЙ, КНЯГИНЯ СЪ ШЕСТЬЮ ДОЧЕРЬМИ; немного погодя ХЛЕСТОВА, спускается съ парадной лѣстницы; МОЛЧАЛИНЪ ведетъ ее подъ руку; ЛАКЕЙ въ суетахъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Княжны! пожалуйте, скажите ваше мнѣнье:
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1 КНЯЖНА.

Какое-жь въ этомъ есть сомнѣнье?

2 КНЯЖНА.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ!

3 КНЯЖНА.

Дрянскіе, Хворовы, Ворленскіе, Скачковы! . . .

4 КНЯЖНА.

И! вѣсти старыя: кому онѣ ужъ новы?

5 КНЯЖНА.

Кто сомнѣвается?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да вотъ не вѣритъ!

6 КНЯЖНА.

Вы?

ВСѢ ВМѢСТѢ.

М-сьё Репетиловъ! Вы? М-сьё Репетиловъ! Что вы?
Да, какъ вы? Можноль противъ всѣхъ?
Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!

РЕПЕТИЛОВЪ (*затыкаетъ уши*).

Простите! Я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

КНЯГИНЯ.

Еще не гласно бы! Съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора!
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь Петра!
Я думаю, онъ просто Якобинецъ—
Вашъ Чацкій! Ѣдемте! Князь, ты вести бы могъ
Катишь или Зизи; мы ѣдемъ въ шестимѣстной.

ХЛЕСТОВА (*съ лѣстницы*).

Княгиня! карточный должокъ.

КНЯГИНЯ.

За мною, матушка!

ВСѢ ДРУГЪ ДРУГУ.

Прощайте!

(*Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

РЕПЕТИЛОВЪ, ХЛЕСТОВА и МОЛЧАЛИНЪ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Царь небесный!
Анфиса Ниловна! Ахъ! Чацкій бѣдный!... вотъ;
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?

ХЛЕСТОВА.

Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ,
Полечатъ, вылечатъ авось.
А ты, мой батюшка, неизцѣлимъ, хоть брось!
Изволилъ во время явиться!
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой;
Не нужны проводы, поди, Господь съ тобой.
(Молчалинъ уходитъ къ себѣ).
Прощайте, батюшка, пора перебѣситься!
(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ 9.

РЕПЕТИЛОВЪ, *съ своимъ лакеемъ.*

РЕПЕТИЛОВЪ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда нибудь. *(Уѣзжаетъ).*
(Послѣдняя лампа гаснетъ).

ЯВЛЕНІЕ 10.

ЧАЦКІЙ *(выходитъ изъ швейцарской).*

Что это? Слышалъ я моими ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство,
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ?
О, еслибъ кто въ людей проникъ!
Что̀ хуже въ нихъ: душа или языкъ?—

Чье это сочинене?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи вмигъ тревогу бьютъ —
И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ та родина!... Нѣтъ, въ нынѣшній пріѣздъ,
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ!
А Софья, знаетъ ли? Конечно разсказали.
Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ
Потѣшилась, и правда или нѣтъ —
Ей всё равно: другой ли, я ли:
Ни кѣмъ, по совѣсти, она не дорожитъ.
Но этотъ обморокъ, безпамятство — откуда?
Нервъ избалованность, причуда —
Возбудитъ малость ихъ и малость утишитъ....
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей!.... Ни крошки!
Она конечно бы лишилась также силъ,
Когда бы кто нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или кошки!

СОФЬЯ (*надъ лѣстницею во второмъ этажѣ со свѣчей*).

Молчалинъ! вы? (*Поспѣшно затворяетъ опять дверь*).

ЧАЦКІЙ.

Она, она! сама!
Ахъ! голова горитъ, вся кровь во мнѣ въ волненьи!
Явилась — нѣтъ ея! Неужели въ видѣньи?
Не вправду ли я сошелъ съ ума?....
Къ необычайности я точно приготовленъ?
Но не видѣнье тутъ — свиданья часъ условленъ!
Къ чему обманывать себя мнѣ самого!
Звала Молчалина — вотъ комната его!

ЛАКЕЙ (*съ крыльца*).

Каре....

ЧАЦКІЙ (*выталкиваетъ его*).

Ссъ! . . . Буду здѣсь, и не смыкая глазу,
Хоть до утра! Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше съ разу,
Чѣмъ медлить! А бѣды медленьемъ не избыть!
Дверь отворяется . . . . (*Прячется за колонну*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

ЧАЦКІЙ (*спрятанъ*), ЛИЗА (*со свѣчей*).

ЛИЗА.

Охъ! мочи нѣтъ, робѣю.
Въ пустыя сѣни! Въ ночь! . . . . Боишься домовыхъ,
Боишься и людей живыхъ!
Мучительница барышня, Богъ съ нею!
И Чацкій, какъ бѣльмо въ глазу . . .
Вишь показался ей онъ гдѣ то здѣсь внизу.
(*Осматривается*).
Да, какъ же! По сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ, чай, давно ужь за ворота;
Любовь на завтра поберегъ,
Домой — и спать залегъ.
Однако, велѣно къ сердечному толкнуться.
(*Стучится къ Молчалину*).
Послушайте-съ! Извольте-ка проснуться!
Васъ кличетъ барышня! . . . Васъ барышня зоветъ!
Да поскорѣй, чтобъ не застали . . . .

ЯВЛЕНІЕ 12.

ЧАЦКІЙ (*за колонной*), ЛИЗА, МОЛЧАЛИНЪ (*потягивается и зѣваетъ*), СОФЬЯ (*крадется сверху*).

ЛИЗА.

Вы, сударь, камень, сударь, лёдъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Ахъ, Лизанька, ты отъ себя ли?

ЛИЗА.

Отъ барышни-съ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Ктобъ отгадалъ,
Что въ этихъ щочкахъ, въ этихъ жилкахъ,
Любви еще румянецъ не игралъ?
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ!

ЛИЗА.

А вамъ, искателямъ невѣстъ,
Не нѣжиться и не зѣвать бы:
Пригожъ и милъ, кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какая свадьба, съ кѣмъ?

ЛИЗА.

А съ барышней?

МОЛЧАЛИНЪ.

Поди!
Надежды много впереди;
Безъ свадьбы время проволочимъ!

ЛИЗА.

Что вы, сударь, да мы когожъ
Себѣ въ мужья другаго прочимъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Не знаю. А меня такъ разбираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Афанасьичъ разъ
Когда нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!... Да что! Открыть ли душу?
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго; дай Богъ ей вѣкъ прожить богато;

Любила Чацкаго когда то,
Меня разлюбитъ, какъ его!
Мой ангельчикъ! желалъ бы въ половину
Къ ней тоже чувствовать, что чувствую къ тебѣ!
Да нѣтъ, какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь — и простыну.

софья (*въ сторону*).

Какія низости!

чацкій (*за колонною*).

Подлецъ!

лиза.

И вамъ не совѣстно?

молчалинъ.

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья:
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Слугѣ его, который чиститъ платье;
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

молчалинъ.

И вотъ, любовника я принимаю видъ,
Въ угодность дочери такого человѣка....

лиза.

Который кормитъ и поитъ,
А иногда и чиномъ наградитъ?
Пойдемте же, довольно толковали.

молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали!
Дай обниму тебя, отъ сердца полноты.

(*Лиза недается*).

Зачѣмъ она — не ты!

(*Хочетъ идти; Софья не пускаетъ его.*)

СОФЬЯ (*почти шепотомъ; вся сцена въ полголоса*).

Нейдите далѣе; наслушалась я много....
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнъ стыжусь!

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ, Софья Павловна!!....

СОФЬЯ.

Ни слова! Ради Бога!
Молчите! я на всё рѣшусь!...

МОЛЧАЛИНЪ (*бросается на колѣни; Софья его отталкиваетъ*).

Ахъ, вспомните! не гнѣвайтесь! взгляните!

СОФЬЯ.

Не помню ничего!.... Не докучайте мнѣ;
Воспоминанія!.. Какъ острый ножъ онѣ!

(*Молчалинъ ползаетъ у ногъ ея*).

Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу: я знаю вашъ отвѣтъ:
Солжете.....

МОЛЧАЛИНЪ.

Сдѣлайте мнѣ милость!....

СОФЬЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Шутилъ, и не сказалъ я ничего, окромѣ....

СОФЬЯ.

Отстаньте, говорю; сейчасъ
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ
И погублю себя и васъ.

(*Молчалинъ встаетъ*).

Я съ этихъ поръ васъ будто незнавала.
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать: не стоите вы ихъ!

Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда о васъ я больше не слыхала.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ вы прикажете.

СОФЬЯ.

Иначе я съ досады
Всё батюшкѣ перескажу;
Вы знаете, что я собой недорожу.
Подите! — Стойте! будьте рады,
Что при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во нравѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въ явѣ.
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.
Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала;
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давича, когда я въ обморокъ упала:
Здѣсь Чацкій былъ. . . .

ЧАЦКІЙ (*бросаясь между ими*).

Онъ здѣсь, притворщица!

ЛИЗА и СОФЬЯ.

Ахъ! Ахъ!

(*Лиза роняетъ свѣчу съ испуга; Молчалинъ убѣгаетъ къ себѣ въ комнату*).

ЯВЛЕНІЕ 13.

Тѣ же, кромѣ МОЛЧАЛИНА.

ЧАЦКІЙ.

Скорѣе въ обморокъ! Теперь оно въ порядкѣ:
Важнѣе давишней причина есть тому!
Вотъ наконецъ рѣшеніе загадки —
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ!

Глядѣлъ, и видѣлъ, и не вѣрилъ!
А милый, для кого забытъ
И прежній другъ, и женскій стыдъ,
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ!
Ахъ, какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой, гонительница, бичъ!
Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

СОФЬЯ (*вся въ слезахъ*).

Не продолжайте; я виню себя кругомъ;
Но ктобы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ?

ЛИЗА.

Стукъ! Шумъ! Ахъ, Боже мой! Сюда бѣжитъ весь домъ!
Вашъ батюшка! Вотъ будетъ благодаренъ!

ЯВЛЕНІЕ 14.

Тѣ же, ФАМУСОВЪ, *и толпа слугъ со свѣчами.*

ФАМУСОВЪ.

Сюда, за мной! Скорѣй! Скорѣй!
Свѣчей побольше! Фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! Знакомыя все лица!
Дочь! Софья Павловна! Срамница!
Безстыдница! Гдѣ? Съ кѣмъ? Ни дать, ни взять, она
Какъ мать ея, покойница жена!
Бывало я съ дражайшей половиной
Чуть врозь — ужъ гдѣ нибудь съ мущиной!
Побойся Бога! Какъ? Чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла!
Нѣтъ; глупость на меня и слѣпота напала!
Все это заговоръ, и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ, и гости всѣ! За что я такъ наказанъ!

ЧАЦКІЙ (*Софьѣ*).

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

ФАМУСОВЪ.

Братъ, не финти: не дамся я въ обманъ!
Хоть подеритесь — не повѣрю!
Ты, Филька, ты прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю!
Не знаетъ ни про что, не чуетъ никого....
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ, и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказъ!...
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды да обновы!
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю:
Изволька въ избу, — маршъ! — за птицами ходить.
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:
Еще дни два терпѣнія возьми,
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми:
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать!
А васъ, сударь, прошу я толкомъ,
Туда не жаловать, ни прямо, ни проселкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!
Я постараюся, въ набатъ я приударю
По городу всему надѣлаю хлопотъ,
И оглашу во весь народъ,
Въ Сенатъ подамъ, Министрамъ, Государю!

ЧАЦКІЙ.

Не образумлюсь — виноватъ!
И слушаю — не понимаю!
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ....
Растерянъ мыслями, чего-то ожидаю....
Слѣпецъ! Я въ комъ искалъ награды всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ; вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давича такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы, о Боже мой! *Кого* себѣ избрали!
Когда подумаю, *кого* вы предпочли,
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ;
Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ безпрерывно;
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки, — все противно;
Я съ вами бы тотчасъ сношеніе пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться
Кто этотъ — вамъ любезный человѣкъ....
Вы помиритесь съ нимъ по размышленьи зрѣломъ.
Себя крушить, и для чего?
Подумайте: всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ;
Мужъ — мальчикъ, мужъ — слуга, изъ жениныхъ пажей,
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!
Довольно, съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,

Желаю вамъ дремать въ невѣденьи счастливомъ.
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ;
Другой найдется, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! Отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!
Теперь не худо было бъ сряду
На дочь и на отца,
И на любовника — глупца
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду!
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ; мучителей толпа,
Въ любви — предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разскащиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ! . . . .
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ;
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ —
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ!
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ!
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ! . . .
Карету мнѣ, карету!

(Быстро уходитъ; Фамусовъ долгое время стоитъ въ остолбенѣніи).

ЯВЛЕНІЕ 15.

Тѣ же, кромѣ ЧАЦКАГО.

ФАМУСОВЪ.

Ну что? Не вѣришь ты, что онъ съ ума сошелъ?
Скажи серьозно?
Безумный! Что онъ тутъ за чепуху мололъ?
«Низкопоклонникъ! Тесть!» и про Москву такъ грозно....
А ты меня рѣшилась уморить?
Моя судьба еще-ли не плачевна!
Ахъ, Боже мой! Что̀ станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна?...

—

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ,

передѣланная съ французскаго (Le Secret du ménage).

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ Театрѣ россійскими придворными актерами, въ пользу актрисы г-жи Семеновой меньшой, сентября 29-го дня 1815 года.

Гостиная въ Аристовомъ домѣ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

АРИСТЪ (*входитъ*).

Сегодня завернулъ некстати я домой,
Придется утро все бесѣдовать съ женой.
Какія странности! люблю ее по чести:
Межъ тѣмъ пріятнѣе, когда мы съ ней не вмѣстѣ;
Однако впервые не мною найдено,
Что вскорѣ надоѣстъ одно и все одно.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

АРИСТЪ и ЭЛЬМИРА (*въ простомъ утреннемъ платьѣ*).

ЭЛЬМИРА.

А! здравствуй, милый мой, здоровъ ли?

АРИСТЪ.

Понемногу.

А ты здорова ли, мой другъ?

ЭЛЬМИРА.

Я, слава Богу!

АРИСТЪ (*всторону*).

Веселый разговоръ. (*Вслухъ*) Скажи, ужли опять
Ты не намѣрена сегодня выѣзжать?
Какъ взаперти пробыть весь день — не понимаю!

ЭЛЬМИРА.

Свой домъ всѣмъ прочимъ я домамъ предпочитаю.

АРИСТЪ.

Но прежде отчего ѣзжала всюду ты?
И нынѣ способы къ тому не отняты.

ЭЛЬМИРА.

Веселость свѣтская меня къ себѣ манила,
Когда я дней моихъ тебѣ не посвятила;
Большой же нынѣ свѣтъ мнѣ сталъ казаться малъ.

АРИСТЪ.

Но отчего же я отъ свѣта не отсталъ,
А дорожу тобой все болѣе и болѣ?

ЭЛЬМИРА.

Пожалуй, выѣзжать я буду поневолѣ.

АРИСТЪ.

Притомъ и не видать въ тебѣ талантовъ тѣхъ,
Которыми сперва обворожала всѣхъ.
Повѣрь, со стороны объ этомъ думать можно,
Что свѣтскихъ дѣвушекъ образованье ложно;
Невинный вымыселъ, уловка матерей,
Чтобы избавиться отъ зрѣлыхъ дочерей:
Безъ мыслей матушка проронитъ два, три слова,
Что дочка будто ей дaритъ рисунокъ новый,
Едва льзя выпросить на диво посмотрѣть;
Выносятъ наконецъ ландшафтъ или портретъ,
Съ восторгомъ всѣ кричатъ: возможно ль, какъ вы скромны!
А, чай, работали художники наемны.
Потомъ красавица захочетъ слухъ прельщать,
За фортепьяно; тутъ не смѣютъ и дышать,
Дивятся, ахаютъ рукѣ столь бѣглой, гибкой,
Межъ тѣмъ учитель ей подлаживаетъ скрипкой;
Потомъ влюбленнаго какъ въ сѣти завлекли —

Въ загонѣ живопись, а инструментъ въ пыли.
Все это сказано межъ нами, не для ссоры.

ЭЛЬМИРА.

Заслуживаю ль я подобные укоры?
Я думала, къ пѣнью прошла моя пора;
Въ угодность же тебѣ я буду пѣть съ утра;
На балѣ проведу всю ночь.

АРИСТЪ.

Забудемъ это.
Помыслимъ о другомъ. Уже подходитъ лѣто,
Какія мѣры брать располагаешь ты?

ЭЛЬМИРА.

Какія могутъ быть тобою приняты.

АРИСТЪ.

Оставимъ городской шумъ вѣчной, пыль и сплетни,
На дачѣ проведемъ мы ясные дни лѣтни.

ЭЛЬМИРА.

Пожалуй.

АРИСТЪ.

Но боюсь, не скроменъ сей пріютъ.
Непрошенные насъ близь города найдутъ,
Притомъ сосѣдство тамъ ужасно какъ наскучитъ.

ЭЛЬМИРА.

Куда жь поѣдемъ мы?

АРИСТЪ.

Меня страхъ это мучитъ.
Въ скитаньяхъ провести намъ лѣто какъ-нибудь.

ЭЛЬМИРА.

На все согласна я.

АРИСТЪ.

Куда жь направимъ путь?
Въ Крымъ или на Кавказъ?

ЭЛЬМИРА.

Куда тебѣ угодно.

АРИСТЪ.

Куда угодно мнѣ — вотъ это безподобно!
Я мнѣніе твое желаю знать давно,
Чего бъ хотѣла ты?

ЭЛЬМИРА.

Мнѣ право все равно.

АРИСТЪ.

Такъ видно далѣе не ѣхать намъ заставы.

ЭЛЬМИРА.

Вездѣ, гдѣ вмѣстѣ мы — мнѣ радость и забавы.
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Все то, что мысленно ты можешь пожелать.

АРИСТЪ.

И я признателенъ.

ЭЛЬМИРА.

Нѣтъ! я такъ замѣчала,
Что скучно все тебѣ.

АРИСТЪ.

Мнѣ скучно?

ЭЛЬМИРА.

Да.

АРИСТЪ.

Ни мало!

ЭЛЬМИРА.

По крайней мѣрѣ мнѣ казалось иногда,
Что, сидя ты со мной, не въ духѣ . . . .

АРИСТЪ.

Никогда!

ЭЛЬМИРА.

О, еслибъ ложныя мнѣ видѣлись примѣты!

АРИСТЪ.

Я радъ съ тобою быть; однако, гдѣ газеты?
(*Всторону*).
Надъ ними все-таки пристойнѣе зѣвать.

ЭЛЬМИРА.

Онъ занятъ чтеніемъ; мнѣ тоже книгу взять.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и САФИРЪ.

САФИРЪ.

За чтеньемъ мужъ съ женой, видъ важный и степенной,
Примѣрная чета! божусь, неоцѣненно!

АРИСТЪ.

Ахъ! какъ ты милъ, Сафиръ, что вспомнилъ обо мнѣ!
Мы утро цѣлое съ женой наединѣ.

САФИРЪ.

Непозволительно и утренней порою
Скучать, любезный мой, съ супругой молодою.

ЭЛЬМИРА.

Мой мужъ вѣдомостями былъ занятъ, а не мной.

АРИСТЪ.

Что рано съ бала такъ уѣхалъ ты домой?
Досадно, по тебѣ мы поздно спохватились.

САФИРЪ.

Я крѣпко задремалъ.

АРИСТЪ.

А мы такъ все рѣзвились.
Въ Аглаю, знаешь, какъ Сердоликовъ влюбленъ,
Я настоялъ на томъ, чтобы взбѣсился онъ,

Съ Аглаей все шепталъ и танцовалъ нарочно;
А онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, дрожалъ, ворчалъ, ну точно
Не разъ обманутый ревнивый на часахъ.

САФИРЪ.

Съ Аглаей всякому легко быть въ дуракахъ.

АРИСТЪ.

Вездѣ, гдѣ только балъ, она необходима.

ЭЛЬМИРА (*всторону*).

А я здѣсь лишняя.
(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

АРИСТЪ и САФИРЪ.

САФИРЪ.

Теперь объ этомъ мимо;
Въ присутствіи жены поосторожнѣй будь.
Ба! да она ушла.

АРИСТЪ.

Богъ съ ней, счастливый путь.

САФИРЪ.

Не совѣстно ль тебѣ съ женою, столько нѣжной,
Вести себя какъ ты, такъ сухо, такъ небрежно?

АРИСТЪ.

Да, очень совѣстно. Пожалуй побрани.

САФИРЪ.

Въ уединеніи она проводитъ дни,
До утра твоего ждетъ съ бала возвращенья.

АРИСТЪ.

А мнѣ что за нужда, какія утѣшенья?
Что съ ней я, что одинъ — не все ли мнѣ равно?
Хожу по комнатѣ, глазѣю съ часъ въ окно;
Скажу ей что-нибудь — она мнѣ потакаетъ,
И рѣчь въ устахъ моихъ, не кончась, замираетъ.
У насъ съ Эльмирою эмблемой приняты
Не розаны, мой другъ, а маковы цвѣты.

САФИРЪ.

И тягостно тебѣ согласіе домашне.

АРИСТЪ.

Да, сударь, тягостно согласіе всегдашне,
Зачѣмъ она молчитъ и убѣгаетъ свѣтъ?
Причиной спѣсь, иль лѣнь? Ума въ ней что ли нѣтъ?
О! пропасть въ ней ума; но кто про это знаетъ?
И дарованій тьма — она ихъ вcѣ скрываетъ,
Прекрасная собой — одѣта не къ лицу! . . .
Я впрямъ былъ внѣ себя, когда мы шли къ вѣнцу,
Какъ въ первый разъ меня Эльмира обнимала . . .
Нѣмыя ласки тѣ божественны сначала,
А въ продолженіи весьма надоѣдятъ.

САФИРЪ.

Иной подумаетъ, что ты давно женатъ.

АРИСТЪ.

По справедливости, три мѣсяца — три вѣка! . . .
Съ Эльмирой можно близь тѣнистаго просѣка
Подъ свѣсомъ липовымъ на бархатномъ лужку
Любиться, нѣжиться, какъ надо пастушку,
И таять весь свой вѣкъ въ безмолвьи, неразлучно;
Все это весело въ стихахъ, а впрочемъ скучно.

САФИРЪ.

Ты правъ: на что она скромна, тиха, мила?
Нѣтъ лучше, чтобъ она кокеткою была.

АРИСТЪ.

Кокетка!... Знаешь ли, ужасно только слово.

САФИРЪ.

Кромѣ значенія, нѣтъ ничего худаго.

АРИСТЪ.

Пусть ищетъ нравиться моя Эльмира всѣмъ,
Но любитъ лишь меня — и я доволенъ тѣмъ.

САФИРЪ.

Ахъ! убѣгая разъ она домашней сѣни,
Тобою занята гораздо будетъ менѣй;
Потомъ какъ врознь она привыкнетъ быть съ тобой,
Немудрено, что ей понравится другой.
Потомъ, какъ раза два она тебя обманетъ,
Глядь, въ очередь свою, виновный охать станетъ.

АРИСТЪ.

Мой будущій удѣлъ я знаю напередъ:
Въ нашъ вѣкъ степенница по свадьбѣ черезъ годъ
Беретъ любовника. Однообразье скучно;
И мужъ на то глядѣть обязанъ равнодушно;
Все это сбыточно, все это быть должно
Со мною какъ съ другимъ: такъ разъ заведено.
Однако до тѣхъ поръ хотѣлъ бы я въ Эльмирѣ
Всѣ видѣть способы искусства, средства въ мірѣ
Рядиться, нравиться, пріятной, ловкой быть,
А болѣе еще, чтобъ таковой прослыть,
Чтобъ рой любовниковъ при ней былъ ежечасно,
Но сю презрѣнный, рой жалкій и несчастной;
А я бы думать могъ, на этотъ балъ смотря:
Старайтесь вкругъ ея, а наслаждаюсь я.

САФИРЪ.

Ребячество, мой другъ! ребячество большое.
И спрашивать на что сужденіе пустое.
Скажи, что молодъ ты супругомъ путнымъ быть,
Не въ силахъ качества жены своей цѣнить.

АРИСТЪ.

Любовь моя къ женѣ родъ страсти, обожанье . . .
Постой, да нынѣ мнѣ назначено свиданье,
Прощай, любезный мой.

САФИРЪ.

Съ Аглаей?

АРИСТЪ.

Точно такъ.

САФИРЪ.

Ну можно ль предпочесть ее женѣ?

АРИСТЪ.

Никакъ.

Я знаю, что женѣ супруги должность свята,
А у вертушки той я, можетъ быть, десятой;
Но съ нею въ забытьи я время провожу;
Съ женою жь разговоръ едва-ли нахожу.
И наконецъ тебѣ довѣрить можно смѣло,
Что нынѣ, какъ въ судѣ мое рѣшаютъ дѣло,
И, можетъ, приберутъ имѣніе къ рукамъ,
Я вмѣсто, чтобъ скакать по стряпчимъ, по судамъ,
Платить и кланяться, къ прелестницѣ поѣду,
А ты покуда здѣсь останься, проповѣдуй!
(*Уходитъ*).

САФИРЪ.

Поди, сударь, къ женѣ. Вотъ сущій вѣтрогонъ!
Чему жь дивиться намъ, что мало вѣрныхъ жонъ?

ЯВЛЕНІЕ V.

Сафиръ и Эльмира (*одѣтая съ бо́льшимъ вкусомъ, чѣмъ прежде*).

ЭЛЬМИРА.

Мнѣ споры ваши всѣ изъ спальни были слышны,
Къ увѣщеванію слова, труды излишни,

И горести мои извѣстны вамъ однимъ;
Я опасалась въ нихъ довѣриться роднымъ,
Чтобъ не доставить тѣмъ худой Аристу славы.

САФИРЪ.

Онъ виноватъ кругомъ, но вовсе ли вы правы?

ЭЛЬМИРА.

Ужь вы все знаете, судите вы меня:
Съ-тѣхъ-поръ, какъ я за нимъ, доселѣ, несмотря
На частыя его отсутствія, холодность,
Я дѣлаю ли что Аристу въ неугодность?
Противорѣчу ли? мѣшаю ль въ чемъ-нибудь?
Иль жалуюсь когда, ропщу... ахъ! нѣтъ, отнюдь;
Я одобряю все, что̀ нужнымъ онъ находитъ,
Не спрашиваю, гдѣ онъ дни свои проводитъ,
Чтò бъ ни задумалъ онъ, я передъ нимъ молчу
И воли собственной имѣть я не хочу.
Вотъ всѣ вины мои.

САФИРЪ.

И что же? очень худо.
Гдѣ нѣтъ взаимности, раждается остуда;
Ее же претворитъ одинъ мертвящій взоръ,
Любовь въ раскаянье, согласіе въ раздоръ
И цѣпь цвѣточную въ желѣзныя оковы;
Примѣры этому и многи и не новы.

ЭЛЬМИРА.

И такъ не должно мнѣ покорной мужу быть?

САФИРЪ.

Нѣтъ; дайте мнѣ сполна вамъ это объяснить.
Тотъ мужъ, мы, напримѣръ, какимъ Ариста знаемъ,
Увѣренный, что онъ женою обожаемъ,
Что ясныхъ дней его ничто не помрачитъ,
Въ безпечности благой живетъ какъ Сибаритъ,

Вседневны ласки онъ съ холодностью пріемлетъ,
Взаимность райская утихнетъ и задремлетъ;
Ему ничто не въ прокъ, и чуждъ сердечный страхъ.
Нѣтъ! постарайтесь быть хотя въ его глазахъ
Вы легкомысленнѣй, и больше прихотливы;
Увидите, какой онъ будетъ боязливый,
Едва опомнится, что можетъ потерять
Блаженство, коимъ сталъ онъ такъ пренебрегать,
Съ супругой-ангеломъ въ любви минутахъ тайныхъ,
Онъ въ заблужденіяхъ раскается случайныхъ
И, образумясь, вамъ покоренъ будетъ вновь.

ЭЛЬМИРА.

Не послушаніе мнѣ нужно, а любовь.

САФИРЪ.

Но возвратить ее нѣтъ способа другова.

ЭЛЬМИРА.

Хоть нынѣ умереть я за него готова.

САФИРЪ.

Не надо умирать, приличнѣй средство есть,
Чтобъ чувства прежнія Ариста вамъ обрѣсть.

ЭЛЬМИРА.

И способъ случай мнѣ давно къ тому доставилъ:
Мой мужъ въ разсѣяньи, дѣла свои оставилъ,
Но я за нихъ взялась, радѣла какъ могла,
У должностныхъ людей по цѣлымъ днямъ была.
На малу опытность мою съ прискорбьемъ глядя,
Мнѣ руку помощи въ томъ подавалъ мой дядя.
У мужа тяжба есть по дѣлу одному,
И производится невѣдомо ему;
Хотя на сторонѣ его и справедливость,
Въ неправоту ему вмѣнили бъ нерадивость.
Я не щадила просьбъ, подарковъ и хлопотъ.

Сегодня жданный день рѣшенья настастъ.
Я ѣду, чтобъ узнать, успѣшно ль окончанье.
Увидитъ пусть Аристъ мое объ немъ старанье.

САФИРЪ.

Возможно ль, чтобъ онъ былъ неблагодаренъ вамъ,
Вы болѣе объ немъ печетесь, чѣмъ онъ самъ;
Но ахъ!...

ЭЛЬМИРА.

Докончите, я вамъ охотно вѣрю.

САФИРЪ.

Вы возвратите ль симъ любви его потерю?
Конечно скажетъ онъ, и скажетъ цѣлый свѣтъ:
Что дивныхъ качествъ вы, что вамъ подобной нѣтъ,
Что дѣлаете честь вы рѣдкихъ женъ сословью;
Почтенье не всегда сопряжено съ любовью.

ЭЛЬМИРА.

Или намѣрены меня вы убѣдить,
Что нѣтъ возможности мнѣ мужу угодить,
Что сердца я его лишаюсь невозвратно,
Такъ должно вѣрить мнѣ сему, хоть непріятно;
Онъ вовсе дѣйствуетъ тѣмъ чувствамъ вопреки,
Являлъ которыя, искавъ моей руки;
Въ тѣ дни, что для меня такъ памятны, такъ сладки,
Онъ все любилъ во мнѣ — и даже недостатки.

САФИРЪ.

О! въ этомъ нечего меня вамъ увѣрять;
Какъ васъ не полюбить! вамъ суждено плѣнять!
Но узниковъ своихъ чтобъ пріучить къ неволѣ,
На то потребно средствъ еще гораздо болѣ;
Они, сударыня, для васъ немудрены;
Зачѣмъ отбросили свои таланты вы?
Искуствомъ нравиться пренебрегать не надо;

Вы хороши собой — хотя и безъ наряда,
Но что вы, какъ теперь, одѣты не всегда?
Зачѣмъ не ѣздите въ собранья иногда,
Которыхъ можете быть первымъ украшеньемъ?
Тамъ, возбужденныя правдивымъ восхищеньемъ,
Хвалы, съ которыми къ вамъ всякой поспѣшитъ,
Ручаюсь, что Аристъ ихъ дорого цѣнитъ.

ЭЛМИРА.

Ужели кисея, надѣтая удачно,
Ему замѣнитъ взоръ мой ласковый, безмрачной?
Ужель неискренній восторгъ, похвальный бредъ,
Которой такъ легко всѣмъ удѣляетъ свѣтъ,
Захочетъ онъ сравнять съ горячностію тою,
Съ которой можетъ онъ быть мной любимъ одною?

САФИРЪ.

О нѣтъ! конечно нѣтъ; но видя каждый разъ
Вездѣ угодниковъ, вздыхателей вкругъ васъ,
Самъ будетъ угождать къ свому привыкнетъ дому,
Чтобъ сердца вашего не уступить другому.

ЭЛЬМИРА.

Довольно; вѣрьте мнѣ, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась отъ людей
Не для того, чтобъ быть мнѣ отъ другихъ отличной;
Любить веселье мнѣ, подобно всѣмъ, прилично.
Утѣхи, счастіе, всѣхъ радостей соборъ,
Въ Аристѣ мнѣ одномъ мечтались до сихъ поръ;
Онъ насмѣхается надъ чувствами моими;
Съ теперешней поры и я прощаюсь съ ними.
Родъ жизни я моей перемѣняю весь,
И съѣздовъ ежели у насъ не будетъ здѣсь,
То цѣлый день и ночь искать ихъ буду въ чужѣ.

САФИРЪ.

Вотъ удивите вы весь свѣтъ!

ЭЛЬМИРА.

Такъ удивлю же.

САФИРЪ.

И симъ поддержите честь пола своего;
Я знаю, женщинамъ нѣтъ легче ничего,
Какъ премѣнять свой видъ, и даже свойства, мнѣнья;
Но кстати вы теперь зачните превращенья:
Сънграйте что нибудь и спойте въ добрый часъ,
Пусть Музы, Аполлонъ и, словомъ, весь Парнасъ
Благопріятствуютъ успѣшному началу.

ЭЛЬМИРА.

Давно не пѣла я.

САФИРЪ.

Попробуйте.

ЭЛЬМИРА.

Пожалуй.

(*Садится за фортепьяно и поетъ*).

1.

«Боги! Лида, упывая,
Въ грусти вопіетъ своей:
Ахъ красавица какая
Въ мирной есть долинѣ сей,
Что отъ жалкой Лиды кроясь
Разлучаетъ съ милымъ насъ!
Иль она Венерипъ поясъ
Получила въ даръ отъ васъ?»

Пристойнѣе бы мнѣ совсѣмъ не зачинать.

САФИРЪ.

И таковой талантъ вы можете скрывать?
Какъ дурно скромничать не къ мѣсту! Продолжайте.

ЭЛЬМИРА.

Смотрите жь, за глаза меня не осуждайте.

2.

«Вдругъ, какъ вѣтерокъ привѣя,
Лель ей на ушко шепнулъ,
Ты пастушекъ всѣхъ милѣе;
Но Филонъ едва вздохнулъ,
Отъ тебя все получаетъ,
Для того не ищетъ вновь:
Гдѣ желанье умолкаетъ,
Умолкаетъ и любовь.»

Что ежели Аристъ пришелъ бы сей порой?

САФИРЪ.

Не знаю, что̀ бы онъ, а я ужь самъ не свой.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЭЛЬМИРА, САФИРЪ и АРИСТЪ *входитъ и останавливается въ дверяхъ.*

ЭЛЬМИРА.

3.

«И подшедъ Филонъ къ прекрасной,
Ей не встрѣченъ въ первый разъ;
Проситъ поцѣлуй напрасно,
За отказомъ вслѣдъ отказъ;
Въ просьбахъ и сопротивленьи
Длится нѣги сладкій часъ,
И любовникъ въ упоеньи
Счастливъ — будто въ первый разъ.»

Ей Богу, ваше мнѣ сужденіе опасно.

АРИСТЪ.

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

ЭЛЬМИРА.

Я не замѣтила тебя, давно ль ты здѣсь?

АРИСТЪ.

Что жь дѣлать! гдѣ талантъ, бываетъ такъ же спѣсь;
По чьимъ обязанъ я всесильнымъ убѣжденьямъ,
Кто приманилъ тебя къ забытымъ упражненьямъ?
Ты думала ль меня пріятно удивить?

ЭЛЬМИРА.

О! благодарностью ты можешь не спѣшить;
Вотъ упросилъ меня.

АРИСТЪ.

Сафиръ?

ЭЛЬМИРА.

Да, онъ.

АРИСТЪ.

Измѣна!
Я сколько приставалъ, и падалъ на колѣна,
И все не могъ тебя на это преклонить.

ЭЛЬМИРА.

Какъ будто бы мужья умѣютъ попросить;
Ихъ просьба на приказъ ужасно какъ походитъ,
А повелѣніе до сердца не доходитъ.

САФИРЪ.

Аристъ! тебѣ урокъ.

АРИСТЪ.

Старательный уборъ!
А принужденія не замѣчаетъ взоръ!
Платочекъ на груди какъ вѣтерокъ навѣялъ!

ЭЛЬМИРА.

Я ѣхать собралась.

АРИСТЪ.

Ты ѣдешь?

ЭЛЬМИРА.

Въ магазейнъ!

АРИСТЪ.

И въ магазейнъ?

ЭЛЬМИРА.

Да.

АРИСТЪ.

Не вѣрю я ушамъ.

ЭЛЬМИРА.

Тьму разныхъ мелочей я заказала тамъ,
И надо кое-что для нынѣшняго балу.

АРИСТЪ.

Для балу!

ЭЛЬМИРА.

Точно такъ.

АРИСТЪ.

Но объяснись, пожалуй:
Пустынническій духъ ужели впрямъ исчезъ?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небесъ
Уединеніе ты мнѣ превозносила?

ЭЛЬМИРА.

И это помнишь ты? Я, право, позабыла.

АРИСТЪ.

Забыла правила любимы черезъ часъ!
И вотъ, о женщины! не обижая васъ,
Вотъ та, которая изъ самыхъ постоянныхъ!

ЭЛЬМИРА.

Ты первый недругъ былъ всѣхъ этихъ правилъ странныхъ;
Сафиръ противу нихъ меня охолодилъ.

АРИСТЪ.

И все таки Сафиръ?

ЭЛЬМИРА.

Тебѣ онъ угодилъ;
Онъ сдѣлалъ, что твои уважила я мнѣнья;
Ты вѣрно очень радъ?

АРИСТЪ.

Я нѣмъ отъ восхищенья.
Да какъ послушалась Сафировыхъ ты словъ
Такъ скоро? невзначай?

ЭЛЬМИРА.

И безъ большихъ трудовъ.
Мнѣ перестали быть тѣ общества противны,
Гдѣ предвѣщаетъ онъ веселья непрерывны;
Гдѣ можно нравиться легко въ моихъ лѣтахъ.
Нѣтъ! больше не сижу я въ четырехъ стѣнахъ;
Пускай къ разсѣянью кто нову страсть осудитъ,
Сафиръ ее внушилъ и отвѣчать онъ будетъ.

САФИРЪ.

За что такая честь! я право ужъ боюсь,
Что краснорѣчіемъ невольно возгоржусь.

ЭЛЬМИРА.

Не даромъ — въ полчаса вы совершить умѣли
То, въ чемъ бы во сто лѣтъ другіе не успѣли.

АРИСТЪ.

Завиденъ тотъ, кому даръ слова данъ такой.
Такъ вмѣстѣ на вечеръ поѣдемъ мы съ тобой.

ЭЛЬМИРА.

И нѣтъ! тамъ многіе въ сужденьи торопливы,
Безвинно посвятятъ тебя въ мужья ревнивы,
Или найдутъ, что мы какъ пара голубковъ;
Я жъ отъ двусмысленныхъ шептаній, полусловъ
Старалась по сихъ поръ быть сколько можно далѣ.

АРИСТЪ.

Какъ! если вмѣстѣ мы покажемся на балѣ,
Двусмысленно о томъ свѣтъ будетъ говорить!
Мнѣ все двусмысленнымъ ужъ начинаетъ быть.

ЭЛЬМИРА.

Сафиръ! еще совѣтъ: какого лучше цвѣту
Купить бы шляпку мнѣ?

САФИРЪ.

Малиноваго.

АРИСТЪ.

Нѣту.
По мнѣ, небеснаго.

ЭЛЬМИРА.

Нѣтъ, нѣтъ.

АРИСТЪ.

А почему?

ЭЛЬМИРА.

Не вѣрю иногда я вкусу твоему.

АРИСТЪ.

Подписанъ приговоръ. Мой вкусъ уже порочень.

ЭЛЬМИРА.

Порочень не скажу, а перемѣнчивъ очень.
Но съ вами не хотя я время упущу,
Прощайте; ежели найду чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафиръ! желайте мнѣ успѣха.

Уходитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

АРИСТЪ и САФИРЪ.

АРИСТЪ.

Что за диво?

САФИРЪ.

Каковъ съ Аглаей ты? — Она тебя нашла,
Иль ты ее сыскалъ?

АРИСТЪ (*не внимая ему.*)

При всемъ томъ какъ мила!

САФИРЪ.

Надѣюсь, для тебя всего милѣе свѣта,
Увы! на долго ли?

АРИСТЪ.

Какъ хорошо одѣта!

САФИРЪ.

О! этимъ славится не безъ причинъ она,
Что болѣе въ ней есть?

АРИСТЪ.

Жива, ловка, умна!

САФИРЪ.

Пріятно сладостныхъ часовъ воспоминанье;
А гдѣ произошло съ любезною свиданье?
Что̀ сдѣлалось съ тобой? Какъ ты задумчивъ.

АРИСТЪ.

Да,
Я таковой ее не видѣлъ никогда.

САФИРЪ.

Вскружила голову тебѣ совсѣмъ Аглая,
Скажи по совѣсти?

АРИСТЪ.

Охъ, братецъ, нѣтъ, другая.

САФИРЪ.

Другая уже, я какъ вкопанный стою!

АРИСТЪ.

Да, я влюбился вновь.

САФИРЪ.

Въ кого?

АРИСТЪ.

Въ жену мою.

САФИРЪ.

Вотъ новости еще!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Прежніе и ЭЛЬМИРА.

ЭЛЬМИРА.

Какъ будто это надо,
Чтобъ именно со мной тутъ встрѣтилась досада?

АРИСТЪ.

А что случилось?

ЭЛЬМИРА.

Что? вы бъ это не снесли.

АРИСТЪ.

Быть можетъ; но скажи . . . .

ЭЛЬМИРА.

Вы бъ съ ума сошли.

АРИСТЪ.

Я вѣрю, но скажи, въ чемъ происходитъ дѣло?

ЭЛЬМИРА.

Ужели о пустомъ я такъ бы зашумѣла?

АРИСТЪ.

Печальное пришло извѣстье?

ЭЛЬМИРА.

Охъ, не то!
Мнѣ плакать хочется!

АРИСТЪ.

Не умеръ ли ужь кто?

ЭЛЬМИРА.

Не можетъ развѣ быть несчастія инова?

АРИСТЪ.

Да что же сдѣлалось?

ЭЛЬМИРА.

Карета не готова.

АРИСТЪ.

Загадки этой я не разрѣшилъ бы въ вѣкъ.

ЭЛЬМИРА.

Васъ это веселитъ; счастливый человѣкъ
Въ забаву для себя все обратить умѣетъ!
Но если новое мнѣ платье не поспѣетъ,
То я не знаю въ чемъ ужо на балѣ быть.

АРИСТЪ.

Ужо? такъ перестань, мой другъ, себя крушить;
Едва ты явишься и, позабывъ наряды,
На красоту твою всѣ обратятся взгляды.

ЭЛЬМИРА.

Удачно мадригалъ вы, сударь, мнѣ сплели;
Аглаѣ лучше бы его поберегли.

АРИСТЪ.

Какъ! что это?

ЭЛЬМИРА.

Сафиръ, пожалуй подойдите.

САФИРЪ.

Чего изволите?

ЭЛЬМИРА.

Рукавчикъ завяжите;
Послушайте меня. (*Тихо ему*). Аристъ не долженъ знать,
Что по его дѣламъ я ѣду хлопотать.

САФИРЪ.

Я умолчалъ о томъ.

ЭЛЬМИРА.

Я этого страшилась,
И только для того сюда къ вамъ воротилась.

АРИСТЪ (*въ сторону.*)

Они съ ней шепчутся.

ЭЛЬМИРА (*громко.*)

Благодарю.

САФИРЪ.

За что жь?

АРИСТЪ.

У васъ таинственность, а я на что похожъ?

ЭЛЬМИРА.

И тайну чтобъ узнать, догадки надо много.

АРИСТЪ.

Сафиръ, прошу сказать.

ЭЛЬМИРА.

Сафиръ, ахъ! ради Бога.

САФИРЪ.

Не бойтесь, не скажу.

АРИСТЪ.

Я угадаю самъ.

ЭЛЬМИРА.

Ломайте голову, я позволяю вамъ;
А вы надѣлайте, Сафиръ, ему разсказы.
Пора ужь отомстить мнѣ за его проказы.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

АРИСТЪ и САФИРЪ.

АРИСТЪ.

Конечно, ежели сего лишь захотятъ,
И Ангела съ пути прямова совратятъ;
Не правда ли, Сафиръ?

САФИРЪ.

Мнѣ это не понятно.

АРИСТЪ.

Не ждалъ отъ дружбы я услуги столь пріятной.

САФИРЪ.

Пожалуй объяснись.

АРИСТЪ.

Иль славно поступилъ
Ты, что женѣ мою съ Аглаей связь открылъ?

САФИРЪ.

Кто? я?

АРИСТЪ.

Да, ты.

САФИРЪ.

Аристъ!

АРИСТЪ.

Сознавайся, что не кстати
Увѣдомлять жену о мужниномъ развратѣ,
Коль внутренность мою такъ можно называть.

САФИРЪ.

Аристъ!

АРИСТЪ.

Когда же мнишь любовь ее снискать,
То лучше отложи всѣ ковы въ долгій ящикъ.
Такой ли женщинѣ пріятенъ перескащикъ?

САФИРЪ.

Ужъ это черезчуръ — вотъ на, рука моя,
Что ей не говорилъ о томъ ни слова я.

АРИСТЪ.

Да кто же ей сказалъ?

САФИРЪ.

Кто? — Мнѣ какое дѣло!
Но только что не я, могу увѣрить смѣло.

АРИСТЪ.

Ужели у меня есть скрытые враги,
Привыкшіе мои извѣдывать шаги? . . .

САФИРЪ.

Ты все колеблешься, я повторяю снова:
Не я о томъ сказалъ, даю честное слово.

АРИСТЪ.

Довольно. — Извини, прости меня, Сафиръ.

САФИРЪ.

Какъ могъ подумать ты?

АРИСТЪ.

Ну, миръ.

САФИРЪ.

Пожалуй, миръ.

АРИСТЪ.

Я очень чувствую, что это быть не можетъ.
Не знаю нынѣ что̀ весь день меня тревожитъ.

САФИРЪ.

А поводъ къ этому?

АРИСТЪ.

Эльмира — посуди.
Блаженство обрѣталъ я на ея груди,
Смиренный, тихій нравъ, испытанный во многомъ,
Любви достаточнымъ казался мнѣ залогомъ.

Я такъ увѣренъ былъ, безпеченъ, что ей, ей,
Въ объятіяхъ ея не помышлялъ объ ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору,
Эльмира внѣ себя отъ шляпки, отъ убору,
Она сбирается на балъ, а я, сказать стыжусь,
И въ провожатые ужь болѣ не гожусь.

САФИРЪ.

Ну, что жь, ей можетъ быть единобразье скучно,
И ты на то глядѣть обязанъ равнодушно.

АРИСТЪ.

Я это говорилъ, я точно не былъ правъ,
Еще не зналъ тогда я ревности отравъ.

САФИРЪ.

А нынѣ чувствуешь?

АРИСТЪ.

Не точно ревность . . . .

САФИРЪ.

Что же?

АРИСТЪ.

А что-то на нее ужасно какъ похоже.

САФИРЪ.

Мой другъ, не вовсе ль ты разсудокъ потерялъ;
Когда жена твоя, чего ты самъ желалъ,
Къ приманкамъ свѣтскости не столько хладнокровна,
Уже ты внѣ себя, уже она виновна.

АРИСТЪ.

Премѣнчивости тѣнь убійственна тому,
Кто ввѣрился, какъ я, блаженству своему.
Постой — что давича она тебѣ шептала?

САФИРЪ.

Вотъ видно на меня опять сомнѣнье пало,
Весь толкъ о шляпкѣ былъ, ты вѣрно слышалъ самъ.

АРИСТЪ.

Не правда, выдумка́, я вижу по глазамъ;
Скажи мнѣ истину сей часъ — или ни слова.

САФИРЪ.

По крайней мѣрѣ нѣтъ тутъ ничего такого,
Что непріятность бы могло тебѣ подать.

АРИСТЪ.

Къ чему жь таинственность?

САФИРЪ.

Я обѣщалъ молчать.

АРИСТЪ.

Довольно.

САФИРЪ.

Что съ тобой? въ лицѣ весь измѣнился.

АРИСТЪ.

Тебѣ, знать, чудится.

САФИРЪ.

Ну право разсердился.

АРИСТЪ.

Я — ничего.

САФИРЪ.

Постой, куда же ты пошелъ?

АРИСТЪ.

Я такъ . . . .

САФИРЪ.

Куда? скажи.

АРИСТЪ.

Здѣсь воздухъ мнѣ тяжелъ.

Уходитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

САФИРЪ *(одинъ).*

И это былъ Аристъ! онъ можетъ быть ревнивымъ!
Такъ вертопрахамъ онъ примѣръ велерѣчивымъ
Блаженства сущностью они не дорожатъ,
Его утративши, по немъ же загрустятъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

САФИРЪ и ЭЛЬМИРА.

САФИРЪ.

Вы скоро съѣздили.

ЭЛЬМИРА.

Не правда ль, торопливо?
Не менѣе того мой выѣздъ пресчастливой,
И въ сей записочкѣ еще подтверждено,
Что въ пользу дѣло все Ариста рѣшено.
Прочтите — съ симъ письмомъ слуга мнѣ повстрѣчался;
Успѣхомъ наконецъ мой поискъ увѣнчался.

САФИРЪ.

Я поздравляю васъ.

ЭЛЬМИРА.

А что Аристъ?

САФИРЪ.

Пропалъ.
Отчаянно брюзгливъ и недовѣрчивъ сталъ;
Любезныя черты ревнивца онъ являетъ!

ЭЛЬМИРА.

Что неожиданно его перемѣняеть?

САФИРЪ.

Что хочетъ женщина, то сбудется всегда.

ЭЛЬМИРА.

Какіе случаи бываютъ иногда;
Я радуюсь тому, о чемъ иная плачетъ;
Мой мужъ ревнивъ!

САФИРЪ.

И какъ!

ЭЛЬМИРА.

Сафиръ, что это значитъ?

САФИРЪ.

То значитъ, что ему досталось унывать.

ЭЛЬМИРА.

О! я берусь его достойно наказать.
Отъ дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.

САФИРЪ.

Ахъ! какъ жестоко!

ЭЛЬМИРА.

Мной чувства жалости совсѣмъ отдалены,
Съ ума его сведу.

САФИРЪ.

По милости жены,
Не первый попадетъ въ число онъ съумасшедшихъ.

ЭЛЬМИРА.

Нѣтъ, а раскается онъ въ шалостяхъ прошедшихъ,
Ручаюсь вамъ за то.

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Прежніе и АРИСТЪ (*въ дверяхъ.*)

САФИРЪ.

Признаться, что Аристъ
Предъ вами совѣстью своей не очень чистъ,
И наказанія примѣрнаго достоинъ.

ЭЛЬМИРА.

И накажу его, онъ можетъ быть покоенъ.

САФИРЪ.

А чѣмъ? не этимъ ли письмомъ?

ЭЛЬМИРА.

Чѣмъ Богъ послалъ;
Отдайте мнѣ его, чтобъ онъ не увидалъ.

АРИСТЪ.

И такъ сбылись мои правдивыя сомнѣнья!
Скажи, безсовѣстный: еще въ недоумѣньи
Не знаю, какъ судить мнѣ по твоимъ словамъ:
Помощникъ, что ли, ты, иль обольститель самъ?

САФИРЪ.

Къ кому такая рѣчь?

ЭЛЬМИРА.

Замѣшаны мы оба.

АРИСТЪ.

Ужъболѣ не къ лицу невинною особой
Прикидываться вамъ: сей день васъ обличилъ;
Довольно времени я легковѣренъ былъ.

САФИРЪ.

Обдумайся, Аристъ.

ЭЛЬМИРА.

Онъ въ полномъ ли разсудкѣ?

АРИСТЪ.

О! бросьте наконецъ безвременныя шутки.
Скажи, сударь! — Иль нѣтъ, оставь покуда насъ,
Мы лучше свидимся съ тобою черезъ часъ,
Тогда произойдетъ короче объясненье.

САФИРЪ.

Но что ввело тебя въ такое изступленье?
Скажи причину намъ.

АРИСТЪ.

Оно у ней въ рукахъ.

САФИРЪ и ЭЛЬМИРА.

Письмо?

АРИСТЪ.

Неужели вы ощутили страхъ?

САФИРЪ.

Дай мнѣ тебѣ сказать . . . .

АРИСТЪ.

Мнѣ слушать недосужно.

САФИРЪ.

Одно . . . .

АРИСТЪ.

Не надобно.

САФИРЪ.

Лишь слово дай.

АРИСТЪ.

Не нужно.

ЭЛЬМИРА.

Вы видите, Сафиръ, онъ, кажется, въ бреду:
Подите, пусть его упрямится.

САФИРЪ.

Иду.

Онъ право жалокъ мнѣ.

АРИСТЪ.

Ужимки бросьте эти;
Еще ль вамъ повторять, что намъ не нуженъ третій.
(Сафиръ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

АРИСТЪ и ЭЛЬМИРА.

ЭЛЬМИРА.

Чего хотите вы? вотъ мы наединѣ.

АРИСТЪ.

Не вамъ разспрашивать, сударыня, а мнѣ.

ЭЛЬМИРА.

Чего хотите вы?

АРИСТЪ.

Чего? вопросъ забавный.
Подайте мнѣ письмо, гдѣ я увижу явно,
Какъ женской честности вы презрѣли законъ,
Какъ вами я забытъ, поруганъ, оскорбленъ.

ЭЛЬМИРА.

Поруганъ! оскорбленъ! — Какія выраженья!
Но ваши не хочу я разрѣшать сомнѣнья,
И не отдамъ письма.

АРИСТЪ.

Должны его отдать,
Иль бѣшенство мое хотите испытать?

ЭЛЬМИРА.

Подумайте — читать письмо чужое низко,
И хлопотенъ надзоръ надъ женской перепиской.

АРИСТЪ.

Я кажется вамъ мужъ.

ЭЛЬМИРА.

Я, сударь, вамъ жена,
И любопытствомъ я большимъ одарена,
Но ваши тайны мнѣ всегда казались святы.

АРИСТЪ.

Вамъ свято что-нибудь; не я ль ужъ виноватый?
Подайте мнѣ письмо.

ЭЛЬМИРА.

Нѣтъ, право, не отдамъ,
Читаю ль я когда, что пишетъ часто вамъ
Любезная для васъ, прелестная Аглая,
И можетъ быть прелестница другая?

АРИСТЪ.

Какъ заблужденія дерзаете равнять
Мои вы съ вашими? Иль вамъ растолковать?
Мои суть шалости, а ваши преступленья.

ЭЛЬМИРА.

Гдѣ эти ветхія нашли вы наставленья?

АРИСТЪ.

Но и погрѣшности мои вамъ не покровъ:
Я вамъ невѣренъ былъ на нѣсколько часовъ;
А доказательство здѣсь для моей очистки.
Вотъ какъ я берегу любовныя записки.

(Вынимаетъ записки изъ бумажника и рветъ).

ЭЛЬМИРА.

Ахъ! доказательства не служатъ ни къ чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И безполезнѣе, когда я къ вамъ остыла.

АРИСТЪ.

Въ глаза мнѣ говоритъ, что точно измѣнила!
Простительно ль сему безстыдству мнѣ внимать?
Не думайте, чтобъ я васъ могъ подозрѣвать

По недостаточной какой-нибудь причинѣ;
Нѣтъ, поводъ вы къ сему мнѣ подали не нынѣ;
А перемѣну въ васъ замѣтилъ я давно.

ЭЛЬМИРА.

Что вы замѣтили?

АРИСТЪ.

То, что . . . . Но все равно.
Я тысячу могу вамъ случаевъ исчислить,
По коимъ долженъ былъ объ васъ я худо мыслить;
Довольно было бы смѣшно, не замѣчать
Мнѣ на лицѣ у васъ унынія печать,
Когда наединѣ мы оставались съ вами,
И часто думалъ я, что кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной.
Когда случается вамъ выѣзжать со мной!
Сегодня поутру, на что искать мнѣ далѣ,
Въ смятеньи были вы, погружены въ печали,
Когда напомянулъ я объ деревнѣ вамъ.
Конечно скоро бы прибѣгнули къ слезамъ,
Къ упрекамъ, жалобамъ; на дѣло не похоже!
Является Сафиръ: я ухожу, и что же?
Откуда все взялось на бѣдствіе мое,
Веселость, острота, наряды и пѣнье,
Всѣ, словомъ, женскія чертовскія приманки.
Я въ дверь, вы со двора; и очень съ-позаранки;
Не вѣдаю, какой злой духъ въ меня вдохнулъ,
Чтобы Сафиру я объ этомъ намекнулъ.
Измѣнникъ! надъ моимъ ругался какъ несчастьемъ,
Какъ утѣшалъ меня притворнымъ соучастьемъ,
Непринужденно какъ смѣялся, ободрялъ,
Отъ горькой истины какъ хитро отвращалъ!
Какъ другомъ и женой жестоко я обманутъ!

Но болѣе меня обманывать не станутъ.
Что вы потупили глаза, вы смущены?
Подайте жь мнѣ письмо.

ЭЛЬМИРА.

Мой Богъ! какъ вы смѣшны!

АРИСТЪ.

Я очень чувствую; однако не пристойно
Вамъ это замѣчать.

ЭЛЬМИРА.

Правъ самый безпокойной.
Мнѣ, право, кажется, что вы больны, въ жару;
Не сами ль нынѣ вы твердили поутру,
Чтобъ одѣвалась я наряднѣй, выѣзжала,
Чтобъ дарованьями не столь пренебрегала?
По волѣ вашей я за это принялась,
И вышло не въ попадъ — какъ угодить на васъ?
Откуда прихотей вы набрались?

АРИСТЪ.

Откуда?
Я впрямь несправедливъ, и былъ, и есть, и буду.
Но дайте мнѣ письмо!

ЭЛЬМИРА.

Пора объ немъ забыть.

АРИСТЪ.

Какъ можете еще такой спокойной быть?

ЭЛЬМИРА.

Да, это отъ того, что нравъ имѣю ровный.

АРИСТЪ.

Пожалуй, говорить я стану хладнокровно:
Письма я требую, прошу его отъ васъ,
Не для того, чтобы съ сей вывѣской тотчасъ
Повсюду разглашать мой стыдъ, мое безчестье,

И вскорѣ безъ меня о томъ пройдетъ извѣстье;
Надъ этимъ случаемъ свѣтъ ѣдкость изострить,
Печальну истину раскраситъ, распестритъ,
Еще похвалитъ васъ, что мужа обманули.
Нѣтъ! лучше припасу двѣ роковыя пули,
Одну бездѣльнику, другую для себя.

ЭЛЬМИРА.

Какъ хладнокровно!

АРИСТЪ.

Нѣтъ! васъ сверхъ всего любя,
Скажите, я могу ль такъ вдругъ возненавидѣть?
Подайте мнѣ письмо, ахъ! дайте мнѣ увидѣть,
Вамъ точно ли всегда другой казался милъ,
Все притворялись вы, я все обманутъ былъ?
Вы усмѣхаетесь: кто смѣху здѣсь предметомъ?

ЭЛЬМИРА.

Я думала теперь, ей Богу, не объ этомъ.

АРИСТЪ.

Не будемъ долго комедіи играть;
Подайте мнѣ письмо — вѣдь надобно жъ отдать!
Подайте! право, я за васъ боюсь.

ЭЛЬМИРА.

Не бойтесь.

АРИСТЪ.

Подайте.

ЭЛЬМИРА.

Полноте.

АРИСТЪ.

Подайте.

ЭЛЬМИРА.

Успокойтесь.
Возьмите, вотъ оно.

АРИСТЪ.

Что буду я читать?

(*Читаетъ*).

«Не надлежало бъ такъ Ариста баловать,
«Эльмира, милый другъ, но такъ и быть — и дѣло
«Онъ нынѣ выигралъ, ты этого хотѣла!
«Прощай, я остаюсь усердный дядя твой.»

N.

Эльмира! я дуракъ! прости мнѣ, ангелъ мой.

ЭЛЬМИРА.

Насилу сдѣлались опять вы справедливы!

АРИСТЪ.

Я недовѣрчивый, неистовый, строптивый!
Какія клеветы произносилъ съ сердцовъ;
Для оправданія мнѣ не достанетъ словъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Прежніе и САФИРЪ.

САФИРЪ.

Вотъ неожиданность, хоть бы въ волшебныхъ тѣняхъ!
Супруга нѣжная въ слезахъ, мужъ на колѣняхъ;
Раскаянье, любовь, согласіе — что, братъ?

АРИСТЪ.

Предъ ней я, предъ тобой, предъ всѣми виноватъ;
Прости, Эльмира, мнѣ сомнѣнье безразсудно;
Конечно мнѣ къ тебѣ его питать бы трудно;
Но мой неправый гнѣвъ, но и проступокъ сей,
Не есть ли вѣрный знакъ къ тебѣ любви моей?

ЭЛЬМИРА.

Нѣтъ, безпорочной мнѣ, была холодность платой,
И ревность, я когда казалась виноватой.

АРИСТЪ.

Что требуешь, скажи: чтобъ удалился я
Въ лѣса дремучіе, въ безлюдные края?
Мой другъ, изволь, и тамъ забуду я съ тобою
Веселья бурныя, утраченныя мною.

ЭЛЬМИРА.

Такія жертвы я конечно откажу.
Пріятность въ городѣ сама я нахожу.

АРИСТЪ.

Какъ хочешь; но теперь въ столицѣ иль въ пустынѣ
Съ тобою дома я всегда спжу отнынѣ
Днемъ, утромъ, вечеромъ и въ полдень и въ полночь
Всѣ вертопрашества и суетности прочь.

ЭЛЬМИРА.

По дома не всегда меня ты видѣть будешь.

АРИСТЪ.

Иль долго ты мою вину не позабудешь?

САФИРЪ.

Или прикажете мнѣ къ вашимъ пасть ногамъ?

ЭЛЬМИРА.

Прощаю: пусть онъ всѣмъ обязанъ будетъ вамъ.
(Аристу)
Такъ, если нѣсколько тебя сей день исправилъ,
Его благодари — онъ и меня наставилъ,
За тѣмъ, чтобъ отъ другихъ приманокъ отвратить,
Чтобъ иногда твоей противилась я волѣ
За тѣмъ, чтобъ ты цѣнилъ мое смиренство болѣ.
Такъ! онъ любовь твою мнѣ возвратить хотѣлъ
Старался, сколько могъ, и можетъ быть успѣлъ.

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ 2-го АКТА КОМЕДІИ

СВОЯ СЕМЬЯ,

или

ЗАМУЖНЯЯ НЕВѢСТА.

(Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ).

К. Шаховскаго и Хмѣльницкаго, съ участіемъ Грибоѣдова.

Представлена въ первый разъ на С.-Петербургскомъ театрѣ
24 Января 1818 года.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ 2-го АКТА КОМЕДІИ

СВОЯ СЕМЬЯ,

ИЛИ

ЗАМУЖНЯЯ НЕВѢСТА.

(Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ).

К. Шаховскаго и Хмѣльницкаго, съ участіемъ Грибоѣдова.

Представлена въ первый разъ на С.-Петербургскомъ театрѣ
24 Января 1818 года.

Всѣ думаютъ, что онъ сговоренъ; никто не знаетъ, что онъ женатъ, кромѣ Варвары Савишны, которая всѣхъ добрѣе, и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тѣмъ Наташа, жена его, подъ чужимъ именемъ, знакомится со всею мужниною роднею, старается каждому изъ нихъ угодить и понравиться, и въ томъ успѣваетъ. — Это содержаніе одной Комедіи князя А. А. Шаховскаго, въ которой я взялся сдѣлать нѣсколько сценъ изъ втораго акта. Вотъ онѣ:

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ѲЕКЛА САВИШНА, ЛЮБИМЪ, НАТАША.

ЛЮБИМЪ.

Да! я обѣгалъ всю почтенную родню,
И счастья своего покамѣстъ не виню;
Гдѣ ни былъ, никого найти не удавалось;
Кромѣ одной. — За то ужъ отъ нея досталось!
Къ Раисѣ Савишнѣ, какъ слѣдуетъ, зашелъ;
Глядь, у себя. Слуга тотчасъ меня повелъ
Къ ней въ образную, — тамъ въ очкахъ она читала,
Вспрыгнула, ахнула и въ обморокъ упала.
Оттерли. Боже мой! тутъ только что держись:
Увѣщеванія рѣкою полились;
И все печатное, что только вышло вновѣ,
Все знаетъ наизусть, не ошибется въ словѣ,
Ну такъ и сыплетъ вздоръ. Рѣчь о тебѣ зашла:
Тутъ длинную она статью о томъ прочла,
Какъ вѣрно въ дѣвушкѣ, вертушкѣ новомодной,
Нѣтъ пламенной души, ни нѣжности природной,

Ни сердца простоты.... А я, безъ дальнихъ словъ,
Не выслушавъ всего, взялъ шляпу, былъ таковъ.
Наташа, какъ я глупъ! зачѣмъ, не понимаю,
Привезъ тебя сюда?

ВАРВАРА САВИШНА.

Вотъ такъ-то! поздравляю!
Всѣ виноваты мы....

ЛЮБИМЪ.

Ахъ, нѣтъ! всегда женѣ
Твердилъ я, что у насъ порядочныхъ въ роднѣ
Есть двое: вы, да я.

ВАРВАРА САВИШНА.

Повѣрь мнѣ: помаленьку
На свой поставишь ладъ ты всю свою роденьку.
Нашъ опытъ удался съ Секундъ-Маіоромъ. Ну,
Полюбятъ также всѣ они твою жену;
Дай срокъ.

НАТАША.

Ахъ дядюшкѣ понравиться не трудно:
Онъ веселъ, добръ и милъ, — и право даже чудно,
Какъ онъ напоминалъ Любима мнѣ.

ЛЮБИМЪ.

А чѣмъ?

НАТАША.

Да кромѣ лѣтъ, лица и воспитанья, всѣмъ.
Ты точный дядюшка, мой другъ, подъ старость будешь.

ЛЮБИМЪ.

Вотъ на!

НАТАША.

Ты никогда гусарить не забудешь;
Все станешь вспоминать съ восторгомъ старину,
И молодечество, и службу, и войну.

Я вижу ужъ тебя: ты, въ дядюшкины годы,
Какъ онъ въ сѣдыхъ усахъ, про славные походы,
Про Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ безъ памяти кричишь;
Безъ милосердія все новое бранишь.
Свой полкъ, своихъ друзей, свои проказы славишь;
Повѣсамъ будущимъ себя примѣромъ ставишь,
И сердишься за то, что рано устарѣлъ.

ЛЮБИМЪ.

А ты въ углу ворчишь: онъ все еще пострѣлъ;
Когда ты, батюшка, дурачиться уймешся?
И вслухъ меня бранишь, а внутренно смѣешся.
Не правда ли, мой другъ?

НАТАША.

Да, можетъ быть легко;
Но, къ счастью, до того еще намъ далеко.

ВЕЛЬДЮЗЕВА.

Сестра сюда идетъ.

НАТАША.

Ахъ, Боже мой! какая?

ВЕЛЬДЮЗЕВА.

Охъ! Ѳекла Савишна.

ЛЮБИМЪ.

Крикуша и скупая.

НАТАША.

Да гдѣ бы платьица найти мнѣ попростѣй?

ВЕЛЬДЮЗЕВА.

У Груньки ты возьми передникъ поскорѣй.
Уйдите же: она ужъ подошла къ порогу.

НАТАША, (*уходя*).

Любимъ!

ЛЮБИМЪ.

Я за тобой.

(*Уходятъ вмѣстѣ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ѲЕКЛА САВИШНА, ВАРВАРА САВИШНА.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Скажи-ка: слава Богу!
Вѣдь нашъ Любимъ сюда изволилъ прикатить!
Хоть, правда, поспѣшилъ меня онъ навѣстить,
Да вишь пожаловалъ въ тотъ самый часъ, въ который
Къ вечернѣ я хожу. Охъ! эти мнѣ проворы!
Я чай, развѣдывалъ, когда-де побывать?
Когда потрафить такъ, чтобъ дома не застать?

ВАРВАРА САВИШНА.

Ну можно ли. . . .

ѲЕКЛА САВИШНА.

Чего? Онъ развѣ малой путной?
Я одному дивлюсь, что карточкой визитной
Меня не наградилъ; а то у нихъ такой
Обычай водится въ столицахъ, объ святой
И въ Рождество. Да что? тамъ вѣчно наглость та же:
Знатнѣйшіе дома — и родственниковъ даже,
Вотъ посѣщаютъ какъ: самъ баринъ дома спитъ,
Карету и пошлетъ, а въ ней холопъ сидитъ,
Какъ будто господинъ; обрыскаетъ край свѣта,
Швыряетъ карточки! . . . Спасибо, мерзость эта
Что не дошла до насъ; — помиловалъ Господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть,
Что самъ онъ заходилъ, я отъ Потапки знаю,
А все таки спѣсивъ! увижу, разругаю.
Вѣдь нѣтъ, чтобъ подождать полчасика. . . . бѣда,
Никакъ нельзя, спѣшитъ. Спроси его: куда?
Небось не думаетъ угодность сдѣлать тёткѣ,
А въ Петербургѣ бы, къ какой-нибудь красоткѣ. . . .

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и НАТАША.

НАТАША.

Ахъ, вы здѣсь не однѣ! простите!

ВАРВАРА САВИШНА.

Ничего.

МАВРА САВИШНА.

Кто это? здѣшняя?

ВАРВАРА САВИШНА.

Нѣтъ; мужа моего
Покойнаго родня, пріѣхала недавно.
Знакома вамъ была Ѳедосья Николавна?

ѲЕКЛА САВИШНА.

Твоя заловка?

ВАРВАРА САВИШНА.

Да, ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Вотъ дочь ея.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Она? — Прошу! какихъ ужъ лѣтъ!
Невѣста хоть куда, — Мы вмѣстѣ выростали
Съ твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка въ Москвѣ къ намъ часто въ домъ ходилъ;
При мнѣ онъ сватался, при мнѣ помолвленъ былъ.
Ахъ! на семъ свѣтѣ я куды давно таскаюсь!
Ты съ нами долго ли пробудешь? а?

НАТАША.

Не знаю-съ;
Какъ будетъ тетушкѣ угодно. . . .

ВАРВАРА САВИШНА.

Мнѣ, другъ мой?
Весь вѣкъ радехонька я вмѣстѣ жить съ тобой.
(Обращаясь къ Ѳеклѣ Савишнѣ).
Въ глаза и за глаза скажу: не прихотлива,
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь имѣть.

НАТАША.

Угодно, тетушка, вамъ будетъ посмотрѣть,
Тамъ приготовила для васъ одно я блюдо?

ВАРВАРА САВИШНА.

А! знаю, хорошо.—Останься здѣсь покуда.
Сестрица, кажется, не гостьи вы у насъ,
Не взыщете, а я назадъ приду сей часъ.
(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ѲЕКЛА САВИШНА, НАТАША.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Что это, матушка? неслыханное дѣло!
Кто стряпаетъ теперь?

НАТАША.

Къ обѣду не поспѣло;
Хватились поздно мы. Такъ, какъ-то не пришлось.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Какое жъ кушанье?

НАТАША.

Пирожное одно-съ,
И выдумки моей.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Твоей? — оно-бъ не худо,
Да вѣдь пирожное затѣйливое блюдо.
Насущный хлѣбъ теперь одинъ составитъ счетъ,
Такъ лакомство, ей! ей! на умъ ужъ не пойдетъ.

НАТАША.

Да-съ, у меня за то все снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое;
Да соку положить лимоннаго чуть-чуть.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Ну, сахаръ входитъ же?
(Наташа качаетъ головой).
Хоть крошечка?

НАТАША.

Отнюдь!
Какъ, сахаръ? шутка-ли? что вы? побойтесь Бога!
Нѣтъ! и безъ сахару расходовъ очень много.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Да! согрѣшили мы! крутыя времена!

НАТАША.

Я какъ-то съ малыхъ лѣтъ къ тому пріучена,
Что дорогой кусокъ мнѣ видѣть даже грустно:
Я такъ люблю поѣсть, чтобъ дешево и вкусно.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Какъ судишь ты умно! не по лѣтамъ, мой свѣтъ;
Въ иной и въ пожилой такого смысла нѣтъ.

НАТАША.

Помилуйте....

ѲЕКЛА САВИШНА.

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная-ль улика,

Что прожила весь вѣкъ, не нажила ума?
Разсчету ни на грошъ, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней, — зачѣмъ? кому на диво?

НАТАША.

А будто трудно жить, какъ надо, бережливо?
Я вотъ и не въ нуждѣ воспитана была,
Хоть матушка моя покойная жила,
Куда не роскошно, я чай, и вамъ извѣстно?

ѲЕКЛА САВИШНА.

Умна была. — дай Богъ ей царствіе небесно!

НАТАША.

Однако странность вамъ одну я разскажу.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Какъ, другъ мой? что? — Садись.

НАТАША.

Вотъ что....

ѲЕКЛА САВИШНА.

Да сядь!

НАТАША, *сѣвши на краюшкѣ стула.*

Сижу.
Вотъ что.... спросить у васъ позвольте: вы давно-ли
Разстались съ матушкой?

ѲЕКЛА САВИШНА.

Лѣтъ двадцать пять, поболѣ;
Мы молоды тогда, невѣсты были съ ней.
(Со вздохомъ).
И схоронила я съ тѣхъ поръ ужъ трехъ мужей!

НАТАША.

Такъ, можетъ, никогда вамъ слышать не случалось
Объ томъ, что къ Ладовой, графинѣ, я попалась
На воспитаніе?

ѲЕКЛА САВИШНА.

Нѣтъ, не слыхала я.

НАТАША.

Ужъ страшность подлинно! — Она и мать моя
Вѣкъ были по всему противныхъ свойствъ и правилъ:
Не знаю, между ихъ какъ случай связь составилъ,
А только матушка съ ней такъ дружна была,
Что на руки меня къ ней вовсе отдала!
Представьте же себѣ: я въ домъ попала знатный,
У Ладовой расходъ на все невѣроятный!
И шляпкамъ, и шалямъ, и платьямъ счету нѣтъ;
И собирается у ней весь модный свѣтъ:
Вчера концертный день, а нынче танцовальной,
А завтра что-нибудь другое. — Натурально,
Вы можете судить, что въ эдакомъ дому
До бережливости нѣтъ дѣла никому.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортитъ жизнь такая.

НАТАША.

Позвольте досказать. Мнѣ скоро щегольство,
И весь графининъ бытъ: шумъ, пышность, мотовство
И давка вѣчная въ передней за долгами,
Такъ опротивѣли, что рада, между нами,
Была я убѣжать Богъ вѣдаетъ куда!
Такъ опротивѣли, что лучше бы всегда
Я ѣла черный хлѣбъ, въ сермягѣ бы ходила,
Да лишь бы суетно такъ время не губила!

ѲЕКЛА САВИШНА.

Ужъ ли, голубушка! да какъ же это ты?
Я, я свертѣлась бы отъ этой суеты!
Вотъ умъ не дѣвичій! — Къ чему ты наклонилась?
Что потеряла?

НАТАША.

Здѣсь булавочка свѣтилась,
Сей часъ я видѣла. Вотъ тутъ она была,
На этомъ мѣстѣ, здѣсь. — А! вотъ она! нашла.
(Поднявши, прикалываетъ къ косынкѣ).
Вѣдь и булавочка намъ можетъ пригодиться.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Какъ, изъ булавки ты изволила трудиться?
Чѣмъ больше думаю, и на тебя гляжу,
И слушаю тебя, ума не приложу.
Диковина, мой свѣтъ! Ужъ ты ли не водилась
Съ большими барами? а все съ пути не сбилась!

НАТАША.

Напротивъ, многимъ я обязана тому,
Что столько времени жила въ большомъ дому.
Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы бывало,
Графинѣ только бы купить что ни попало;
А я тихохонько высматриваю всё,
Какъ тамъ работаютъ, кроятъ и то и сё,
И выпрошу себѣ остатковъ, лоскуточковъ,
Отрѣзочковъ отъ лентъ, матерьицы кусочковъ,
И дома запершись, крою себѣ, крою.
Теперь же, вѣрите-ль? я что угодно шью;
Вы не увидите на мнѣ чужой работы
Вотъ ни на столько.
(Показываетъ на кончикъ шемизетки или фартука).

ѲЕКЛА САВИШНА.

Помилуй, другъ мой, что ты?
Кладъ сущій, — и тебѣ подобной не сыскать!

НАТАША.

Я шелкомъ, золотомъ умѣю вышивать.
Бывало, прочія лишь заняты весельемъ,
На балахъ день и ночь, а я за рукодѣльемъ:

Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконецъ, до тысячи рублей.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Теперь на свѣтѣ нѣтъ вещей невѣроятныхъ.
Скопила! — чѣмъ? — трудомъ! воспитана у знатныхъ!
Свершилась надъ тобой Господня благодать.
Дай, радость, дай скорѣй себя расцѣловать!
(*Обнимаются*).
Вотъ, если-бъ нашъ Любимъ былъ человѣкъ толковый,
Вотъ счастье! вотъ оно! вотъ! случай здѣсь готовый!
И услужилъ бы всѣмъ, роднымъ и самъ себѣ,
Когда женился бы онъ, другъ мой, на тебѣ.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то, слышь, въ Питерѣ, онъ сватанье завелъ!
Тамъ русскую мамзель какую-то нашелъ!
Преакуратная голубушка, я чаю.

НАТАША.

А почему же знать?

ѲЕКЛА САВИШНА.

Какъ почему? — Я знаю.

НАТАША.

Конечно это вамъ извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Вотъ то-то, видишь-ли, что всей его роднѣ
Она не по нутру. — Не можетъ, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные всѣ свалятся,
Чтобъ поскорѣй по нихъ наслѣдство получить.
Того не думаетъ, чтобы самой нажить.
Хоть объ себѣ скажу: не безъ труда скопила
Я кое-что. Нѣтъ! тремъ мужьямъ, тремъ угодила!
Легко ли вытерпѣть отъ нихъ мнѣ довелось:
При жизни что хлопотъ! по смерти сколько слезъ!
(*Останавливается отъ избытка чувствъ*).

Я, другъ мой, кажется, въ тебѣ не обманулась.
По волѣ Божіей, когда бъ ты приглянулась
Любиму нашему, и вышла бъ за него,
Не расточила бы наслѣдства моего.
Да и полюбишься ему ты вѣроятно:
Свѣжа какъ маковъ цвѣтъ, ведешь себя опрятно,
А франтовъ нынѣшнихъ не мудрено прельстить.
Ты по французскому умѣешь говорить?

НАТАША.

Умѣю нѣсколько.

ѲЕКЛА САВИШНА.

И! вѣрно мастерица.
Имъ только надобно. . . . .

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ВАРВАРА САВИШНА, ѲЕКЛА САВИШНА, НАТАША.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Послушай-ка, сестрица!
Вотъ толкъ объ чемъ у насъ: не правда-ли, она
Любиму нашему вѣдь по всему жена?

ВАРВАРА САВИШНА.

Я то же говорю.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Ты говоришь. . . . Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этомъ настою. Какъ хочетъ онъ, Любимъ,
Я вразумлю его, и, по словамъ моимъ,
Онъ Петербургскія всѣ шашни позабудетъ.
Пожалуй-ка, сестра, когда къ тебѣ онъ будетъ,

Пришли его ко мнѣ. А между тѣмъ, прощай!
Къ тебѣ, признаться, я попала невзначай;
Шла къ теткѣ Звонкиной, съ ней перемолвить нужно
Такъ кой-объ чемъ. Прости!

(Обращаясь къ Наташѣ).

Ахъ! жаль, что недосужно,
А то бы мы съ тобой. . . . прошу насъ навѣщать.
Ты говорила мнѣ, что любишь вышивать,
И что, мой свѣтъ, сидѣть не любишь склавши руки,
Такъ я тебѣ найду заняться чѣмъ отъ скуки;
На это мастерство у насъ есть заведенье.
Туда свожу тебя, увидишь: — заглядѣнье,

(Варварѣ Савишнѣ).

Скажи жъ Любимушкѣ, чтобъ на себя взялъ трудъ,
Заѣхалъ бы ко мнѣ. — Быть можетъ и безъ брани,
Авось! . . . загадывать я не хочу заранѣ.
Авось! . . . не вѣдаетъ никто, что впереди.
Сестра! безъ проводовъ! останься! не ходи!

(Уходитъ. Варвара Савишна ее провожаетъ.)

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ КОМЕДІИ

ГОРЕ ОТЪ УМА.

Первое изданіе напечатано въ Москвѣ, иждивеніемъ тамошняго книгопродавца И. Улитина. 1833 г. б.· 8-ку 167 стр. въ тип. Августа Семена. Цензоръ *Л. Цвѣтаевъ.*

Второе, съ 1-го изданія, безъ перемѣнъ. при немъ статья издателя Кс. Ал. Полеваго: о жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова съ приложеніемъ его портрета гравированнаго на стали. СПб. 1839 года. Въ Военной типографіи, въ 64-ю долю. — стр. С и 202. *Ц. А. Фрейгангъ.*

Третье, съ 1-го изданія, безъ перемѣнъ, съ портретомъ автора въ голубой рамкѣ, подъ нимъ факъ-симиле. Москва 1854 г. въ типогр. Александра Семена, въ 12 д. л. стр. 161. Ц. *М. Похвосневъ.*

Третье, съ измѣненіями противъ прежнихъ изданій, иждивеніемъ книгопродавца Терскаго, съ весьма безобразнымъ портретомъ. СПб. 1854 г. типограф. Трея, въ 32 д. л. стр. 277, цѣна 1 р. 50. Ц. *А. Фрейгангъ.*

Четвертое, перепечатано съ 3-го московскаго изд. 1854 г. въ Москѣ, 1854 г. типогр. Александра Семена, въ 32 д. л. стр. 224. *Ц. М. Похвосневъ.*

Пятое, перепечатано съ изд. 1854. безъ перемѣнъ, съ приложеніемъ весьма дурнаго портрета. Москва 1857. Типогр. Александра Семена. въ Софійской улицѣ, въ 32 д. л. стр. 224, изданіе плохое *Ц. Безсоновъ.*

Пятое, Москва, типогр. И. Эрнста 1857 г. въ 36 д. Стр 224 Ц. *Гилеровъ-Платоновъ.*

Въ 1854 г. комедія Горе отъ ума была издана г. Черноглазовымъ въ двухъ форматахъ, оба напечатаны въ СПб. въ типографіи Штаба военно Учеб. Зав. одинъ въ 12 д. л. Стр. XLVI—154; другой въ 16 д. Стр. XVI—205. при нихъ біографія А. С. Грибоѣдова написанная Ѳ. В. Булгаринымъ; приложены: гравированный портретъ и факъ-симиле автора. Ц. *А. Фрейгангъ.*

Изданіе Александра Смирдина. СПб. типографія Академіи наукъ 1834 г. въ 16 д. л. 162 стр. съ портретомъ. Ц. *А. Фрейгангъ.*

Въ этомъ же году въ полномъ собраніи Сочиненій русскихъ авторовъ, въ одной книгѣ съ сочиненіями Крюковскаго. Спб. типогр. Якова Трея, цѣна 1 руб., заключаются слѣдующія сочиненія Грибоѣдова: Комедія *Горе отъ ума* — 140 стр. *Молодые супруги* 140 — 210. *Притворная невѣрность* 210 — 268 — Отрывокъ изъ Гёте — *Прологъ къ Фаусту. Письмо къ изд, С. О.* изъ Тифлиса — Стихотворенія *Душа, Хищники на Чегемѣ — романсъ. Посланіе къ Телешевой* и *Эпиграма* — 268 — 298. Ц. *В. Бекетовъ.* —

Послѣднее изданіе комедіи Горе отъ ума. А Смирдина (сына) и К° напечатано въ 1857 году, Спб. въ типогр. Академіи Наукъ, въ 16 д. л. 156 стр. съ рукописи употребляемой при представленіи этой комедіи на Императорскихъ театрахъ. Цѣна 30 коп. Ц. *В. Бекетовъ.* —

—

Горе отъ ума, въ переводѣ на иностранныхъ языкахъ.

1. Въ Тифлисѣ напечатанъ, съ разрѣшенія намѣстника, Грузинскій переводъ Грибоѣдова «*Горе отъ ума*». Мысль познакомить на родномъ ихъ языкѣ съ однимъ изъ лучшихъ произведеній Русской литературы принадлежитъ Г-у Цинамзгварову, который въ предисловіи къ своему переводу, говоритъ о главной идеѣ комедіи, о характерѣ дѣйствующихъ лицъ и присоединяетъ краткую біографію автора. (См. Вѣдом. Московск. Городской полиціи № 218, — 1853 г.).

2. Russische Bibliotek für Deutsche von Karl. von Knorring 3-te Heft. Reval, 1831, (12) XI и 73 стр. переводъ въ стихахъ.

3. Verstand schafft Leiden («Горе отъ ума») Schauspiel in vier Akten und in Versen nach dem Russischen von Dr. Bertram Den Bühnen gegenüber als Manuscript zu betrachten. Лейпцигъ 1853 года, въ 8 д. л. 168 стр. съ примѣчаніями и критическимъ разборомъ, на каждый актъ.

4. Gore ot uma, переводъ на английскомъ языкѣ въ прозѣ. Н. Бенардаки. Лондонъ 1857 года 12 д. листа.

5) 3 и 4 акты Горе отъ ума переведены на французскій языкъ прозой Г-мъ де Сенъ-Моромъ. (St. Maur.) нап. въ журналѣ Dimanche 1858 года № 8. —

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

—

Въ этой книгѣ собрано все, что извѣстно намъ изъ литературной дѣятельности Грибоѣдова, но онъ участвовалъ еще въ драматическихъ сочиненіяхъ съ А. И. Жандромъ и П. А. Катенинымъ, съ первымъ перевелъ съ французскаго Притворную невѣрность, комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ—Барта, которая представлена была въ пользу актрисы Г-жи Семеновой на Спб. театрѣ 29 Сентября 1815 года — но не знаемъ, что именно принадлежитъ въ ней Грибоѣдову; со вторымъ онъ написалъ комедію въ прозѣ, подъ заглавіемъ «Студентъ» Въ этомъ произведеніи выведена тогдашняя борьба классицизма съ романтизмомъ; она наполнена идеями уже устарѣвшими и заключаетъ въ себѣ личности, не дозволившими представить ее на сценѣ и еще менѣе подвергнуть типографскому тисненію.

Кто знаетъ, кончилъ ли авторъ Горе отъ ума свою трагедію: «Грузинскія ночи», о которой такъ много было говорено; — носились даже слухи, будто-бы авторъ читалъ отрывки изъ нея, въ кругу друзей, но они нигдѣ не напечатаны. Если это такъ, то находка ихъ будетъ весьма пріятнымъ пріобрѣтеніемъ.

Издатель.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

О КОМЕДІИ «ГОРЕ ОТЪ УМА», ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ
СЪ 1825 ПО 1857 ГОДЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Ни одно литературное произведеніе, ни одна ученая книга не возбудили такой полемики и стольких разнообразных сужденій и толковъ, какъ комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума». Собрать всё, что было разсѣяно въ продолженіи тридцати лѣтъ по разнымъ журналамъ, т. е. со времени распространенія этой комедіи въ рукописи по наше время — дѣло не мудрое, но размѣстить эти столь несогласныя между собою сужденія, въ несбивчивомъ порядкѣ, сдѣлалось дѣломъ довольно затруднительнымъ. По этому необходимо было распредѣлить статьи по событіямъ. —Сперва мы привели сужденія объ этой комедіи по разборамъ объ отрывкѣ изъ нея, потомъ по рукописямъ, распространившимся въ безчисленномъ множествѣ списковъ, затѣмъ, по появленіи комедіи на сценѣ въ 1831 году и наконецъ, по мѣрѣ появленія ея въ печати съ 1833 года.

Первую печатную вѣсть о комедіи «Горе отъ ума» находимъ мы въ отдѣлѣ Современной Русской литературы, въ разборѣ «Русской Таліи» (*), гдѣ въ первый разъ явился уже давно

(*) Альманахъ, изданный Ѳ. В. Булгаринымъ на 1825 годъ. Въ немъ были помѣщены 7, 8, 9 и 10 явленія 1-го дѣйствія и 3-е дѣйствіе вполнѣ.

ожидаемый отрывокъ этой комедіи и вотъ чѣмъ привѣтствуетъ ее авторъ статьи «Московскаго телеграфа»: (*)

«Еще ни въ одной Русской комедіи не находимъ мы та-«кихъ острыхъ, новыхъ мыслей и такихъ живыхъ картинъ об-«щества, какія находимъ въ комедіи «Горе отъ ума.» Заго-«рецкій, Наталія Дмитріевна, Князь Тугоуховскій, Хлестова, «Скалозубъ списаны мастерскою кистью. Смѣемъ надѣяться, что «читавшіе и читавшія отрывокъ позволятъ намъ отъ лица всѣхъ «просить г. Грибоѣдова издать всю комедію; до того неможемъ «сказать ни слова о завязкѣ и развязкѣ и родѣ комедіи. Без-«пристрастно судя, можно бы пожелать больше гармоніи и чис-«тоты въ стихахъ г. Грибоѣдова. Выраженія: *глазомъ мигомъ «не прищуря — кто-жъ радуется эдакъ — черномазенькій — «домъ зеленью раскрашенъ — пъту дъла — слыли за дура-«ковъ — опротивитъ — къ прикмахеру* и т. п. дерутъ уши.»

Вслѣдъ за этимъ въ 5 № «Вѣстника Европы» того же года (стр. 111) явились замѣчанія М. А. Д., возбудившія тогда цѣлую противъ него фалангу. Журналы, давно не согласные между собою, стали въ явной распрѣ и критика, перешедъ границы приличія и благопристойности, обратилась въ печатную брань, въ которой стремилась выказать не остроуміе и колкость, а желчь. Изъ всего этого мы не извлекли основательнаго сужденія объ этомъ образцовомъ произведеніи нашей литературы и понынѣ можемъ похвалиться только одною добросовѣстною, безпристрастною оцѣнкою этого геніальнаго произведенія въ превосходномъ разборѣ Виссаріона Беллинскаго, помѣщенномъ въ № VIII. «Отечественныхъ записокъ» 1840 года, приведенномъ къ концѣ этой книги.

Предлагаемъ здѣсь, по начертанному нами порядку, критическія статьи на комедію «Горе отъ ума.»

(*) «Москов телеграфъ», 1825 г. № 1, стр. 167 и 168

«Вѣстникъ Европы» 1825 г. № 5, стр. 111.

И такъ начинаю съ той статьи «Телеграфа», гдѣ говорится о нѣкоторыхъ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ «Русской Таліи» («Телеграфъ» за 1825, книга 1, стр. 167 и 168). Сочинитель сеіі статьи, прежде нежели прочиталъ піесы, заключавшіяся въ альманахѣ, кажется имѣлъ предосторожность просмотрѣть имена авторовъ, а потомъ уже излагать свои мнѣнія, слѣдуя сему легкому и безошибочному порядку!

«Первою статьею, — говоритъ онъ — должно почесть отрывокъ изъ комедіи «Горе отъ ума», соч. Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Еще ни въ одной русской комедіи не находимъ мы такихъ острыхъ, новыхъ мыслей и такихъ живыхъ картинъ общества, какія находимъ въ «Горе отъ ума»!

«По отрывку нельзя судить о цѣлой комедіи; но о характерѣ главнаго дѣйствующаго лица можно. Г. Грибоѣдовъ хотѣлъ представить умнаго и образованнаго человѣка, который не нравится обществу людей не образованныхъ. Если бы комикъ исполнилъ сію мысль, то характеръ Чацкаго былъ бы занимателенъ, окружающія его лица смѣшны, и вся картина забавна и поучительна! Но мы видимъ въ Чацкомъ человѣка, который злословитъ и говоритъ всё, что ни придетъ въ голову; естественно, что такой человѣкъ наскучитъ во всякомъ обществѣ, и чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ скорѣе! Напримѣръ, встрѣтившись съ дѣвицей, въ которую влюбленъ и съ которой нѣсколько лѣтъ невидался, онъ не находитъ другаго разговора, кромѣ ругательствъ и насмѣшекъ надъ ея батюшкой, дядюшкой, тетушкой и знакомыми, потомъ (см. «Русская Талія», стр. 29) на вопросъ молодой графини, зачѣмъ онъ не

женился въ чужихъ краяхъ? — отвѣчаетъ грубою дерзостію! Сама Софья говоритъ о немъ: «не человѣкъ-змѣя!» И такъ мудрено-ли, что отъ такого лица разбѣгутся и примутъ его за сумасшедшаго?...»

«Впрочемъ, идея сей комедіи не новая, она взята изъ *Абдеритовъ*. Но Виландъ представилъ своего Демокрита умнымъ, любезнымъ, даже снисходительнымъ человѣкомъ, который про себя смѣется надъ глупцами, но не старается выказывать себя передъ ними, Чацкій же, напротивъ, есть ничто иное, какъ сумасбродъ, который находится въ обществѣ людей *совсѣмъ не глупыхъ, но не образованныхъ* и который умничаетъ передъ ними, потому что считаетъ себя умнѣе; слѣдственно всё смѣшное на сторонѣ Чацкаго! Онъ хочетъ отличиться то остроуміемъ, то *какимъ то бранчивымъ патріотизмомъ* передъ людьми, которыхъ презираетъ; онъ презираетъ ихъ, а между тѣмъ, *очевидно,* хотѣлъ бы, чтобъ они его уважали! Словомъ, Чацкій, который долженъ быть умнѣйшимъ лицомъ піесы, представленъ (по крайней мѣрѣ въ сценахъ, мнѣ извѣстныхъ) менѣе всѣхъ разсудительнымъ! Это Моліеровъ мизантропъ въ мелочахъ и въ каррикатурѣ. Это такая *несообразность характера* съ его назначеніемъ, которая должна отнять у дѣйствующаго лица всю его занимательность и въ которой не можетъ дать отчета ни авторъ, ни самый взыскательный критикъ! — Пріемъ Чацкаго, какъ путешественника, есть, *по моему мнѣнію, грубая ошибка противъ мѣстныхъ нравовъ*! — Абдериты, послѣ возвращенія Демокрита, запретили путешествовать; у насъ совсѣмъ другое! у насъ, всякій, возвратившійся изъ чужихъ краевъ, принимается съ восхищеніемъ!... Короче: г. Грибоѣдовъ изобразилъ очень удачно нѣкоторые портреты, но не совсѣмъ попалъ на нравы того общества, которое вздумалъ описывать и не далъ главному характеру *надлежащей съ ними противоположности*!»

«Не говорю уже о языкѣ сего отрывка, жесткомъ, неровномъ и неправильномъ! Во многихъ мѣстахъ слогъ совсѣмъ не разговорный, а книжный, такъ, между русскими стихами встрѣчаются два цѣлые стиха французскіе: тутъ къ слову histoire рифма пожаръ, словомъ (употребимъ счастливое выраженіе автора) въ сей же піесѣ:

Господствуетъ смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ!

Выпишемъ, для примѣра, хотя слѣдующіе стихи:

Кто промелькнетъ, *отворитъ дверь.*
Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа, *издалека*
Но что теперь *во мнѣ* кипитъ, волнуетъ, *бѣситъ*!
Съ сомнѣніемъ *смотрите отъ ногъ до головы*! и пр.

«Не даромъ сказалъ сочинитель статьи «Телеграфа», что въ семъ отрывкѣ есть новыя мысли. *Отворить дверь, издалека* и *проѣздомъ* есть подлинно новая мысль; *что во мнѣ бѣситъ* — есть и новое выраженіе, потому что доселѣ непозволено было по законамъ грамматики; но *смотрѣть съ ногъ до головы* можно сказать развѣ только объ Аргусѣ; по русски говорится *осматривать.*

«Что касается до острыхъ мыслей, то онѣ конечно встрѣчаются въ продолженіи отрывка, но не къ нимъ ли отнести и слѣдующіе стихи:

А чѣмъ не мужъ? ума въ немъ только мало;
Но *чтобъ имѣть дѣтей*
Кому ума не доставало!..

или

И съ помощью сестрицъ
Со всей вселенной породнятся и пр.

«Смѣемъ надѣяться (продолжаетъ критикъ), что всѣ читавшіе «отрывокъ, позволятъ намъ отъ лица всѣхъ просить г. Грибоѣ-«дова издать всю комедію.» Напротивъ, лучше попросить автора не издавать ее, пока не перемѣнитъ главнаго характера и не исправитъ слога.

«Сынъ Отечества» за 1825 годъ, часть 101, стр. 177.

Мои мысли о замѣчаніяхъ М. А. Дмитріева, на комедію «Горе отъ ума» и о характерѣ Чацкаго.

«Сколько такихъ, которые не подозрѣваютъ, что кромѣ законовъ логики и вкуса — есть въ литературѣ еще другіе законы, основанные на отношеніи къ лицамъ!—Чтобы имѣть ключь ко многимъ литературнымъ истинамъ нашего времени, надобно знать не теорію словесности, а сіи отношенія!»

М. Дмитріевъ «Вѣстн. Европы» 1825 года, № 6, стр. 110.

Привожу эти слова, вмѣсто эпиграфа, только потому, что они нѣкоторымъ образомъ бросаютъ свѣтъ на многія мѣста замѣчаній сочинителя на комедію «Горе отъ ума» и даютъ право, если не говорить положительно, то по крайней мѣрѣ, догадываться о причинахъ, по которымъ онъ находилъ посредственнымъ и даже дурнымъ то, что истинно хорошо и всѣмъ нравится. И какъ это принять иначе? Если отнести рѣзкія и безотчетныя сужденія г. Дмитріева на счетъ его вкуса, то прежнія его критики служатъ тому опроверженіемъ. Скрѣпя сердце, и съ печальнымъ предчувствіемъ, вспоминаю послѣдніе стихи одной изъ басенъ Крылова:

«Ну какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не этого прихода.»

Неужели у насъ, въ литературномъ быту, никогда не будетъ общаго, единодушнаго и единогласнаго признанія хорошаго за хорошее и дурнаго за дурное? Неужели одна половина литераторовъ всегда будетъ разцѣнивать безъ пощады хорошее, за то только, что другая, противная ей половина, нашла его хорошимъ? Что же будетъ съ тѣми изъ читателей, которые по словамъ самаго Г. Дмитріева *безусловно вѣрятъ журналисту*, прибавимъ: и всему печатному. Когда же составится общее мнѣніе, которое очищаетъ вкусъ народа и способствуетъ просвѣщенію вѣка?

Я это говорю потому, что дѣло идетъ не о какомъ нибудь эфемерномъ сочиненьицѣ, не о мелкихъ стишкахъ и мелкихъ стихотворцевъ. Комедія «*Горе отъ ума*» выходитъ изъ категоріи тѣхъ произведеній, которыя мы условно называемъ *прекраснымъ литературнымъ подаркомъ*, и безусловно вносимъ въ *образцовыя сочиненія*. Чтобы разсматривать ее съ настоящей точки зрѣнія, должно откинуть пристрастіе духа партій и литературное староверство. Сочинитель ея не шелъ, и, какъ видно, не хотѣлъ идти тою дорогою, которую углаживали, и наконецъ истоптали комическіе писатели, отъ Мольера до Пирона, и нашихъ временъ. По сему обыкновенная французская мѣрка не придется по его комедіи (*), здѣсь нѣтъ ни плута слуги, око-

(*) Думаю, что я не ошибся въ моемъ предположеніи. Французско-классическій вкусъ выкрадывается наружу сквозь всю массу ошибочныхъ мнѣній г. Дмитріева. Общія мѣста сатиры нравятся ему болѣе, нежели живая картина живаго общества. Иначе, откинувъ всѣ другія догадки, чему бы можно было приписать его благоговѣніе предъ духомъ Перболосомъ, о которомъ онъ говоритъ con amore,

ло котораго вьется вся интрига, нѣтъ ни jeune premier, ни grande coquette, ни pêre noble, ни raisonneur, словомъ, ни одного сколка съ тѣхъ лицъ, которыхъ полное число служитъ во французскихъ театрахъ уставомъ, для набора театральной челяди. Въ 1-мъ явленіи 1-го дѣйствія не выведены слуга и служанка, или два другіе изъ дѣйствующихъ лицъ, чтобъ высказывать зрителямъ или читателямъ характеры главныхъ лицъ комедіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить напередъ, въ чемъ состоитъ завязка піесы. Здѣсь характеры узнаются и завязка развертывается въ самомъ дѣйствіи; ничто не подготовлено, но все обдумано и взвѣшено съ удивительнымъ расчетомъ. —Не слѣдуя за ходомъ цѣлой комедіи до самой развязки, я долженъ ограничиться тѣмъ, надъ чѣмъ г. Дмитріевъ произнесъ строгій свой судъ, а именно отрывками, помѣщенными въ «Русской Таліи.»

Изъ этихъ отрывковъ г. Дмитріевъ выводитъ общее заключеніе о характерѣ главнаго дѣйствующаго лица—Чацкаго. Г. Грибоѣдовъ — говоритъ онъ: «хотѣлъ представить умнаго и образо«ваннаго человѣка, который не нравится обществу людей не«образованныхъ. Если бы комикъ исполнилъ сію мысль, то харак«теръ Чацкаго былъ бы занимателенъ, окружающія его лица «смѣшны, а вся картина забавна и поучительна!»— То есть: г. Грибоѣдовъ долженствовалъ бы сдѣлать изъ Чацкаго то, что французы называютъ un raisonneur, самое скучное и тяжелое лицо въ комедіи; не такъ ли г. критикъ?—Далѣе «но мы видимъ въ «Чацкомъ человѣка, который злословитъ и говоритъ все, что ни «придетъ въ голову: естественно, что такой человѣкъ наскучитъ «во всякомъ обществѣ, и *чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ «онъ наскучитъ скорѣе*! Напримѣръ, встрѣтившись съ дѣвицей, «въ которую влюбленъ, и съ которой нѣсколько лѣтъ невидался,

---

и котораго *одинъ монологъ*, по мнѣнію его, *заключаетъ въ себѣ болѣе остроумія; нежели весь длинный отрывокъ г. Грибоѣдова?.... С.*

«онъ *не находитъ другаго разговора*, кромѣ ругательствъ и на-«смѣшекъ надъ ея батюшкой, дядюшкой, тетушкой и знакомы-«ми; потомъ, на вопросъ молодой графини, зачѣмъ не женился «въ чужихъ краяхъ, отвѣчаетъ грубою дерзостію!—Сама Софья «*говоритъ о немъ; не человѣкъ, змѣя!* И такъ, мудрено-ли, что «отъ такого лица разбѣгутся, и примутъ его за сумасшедшаго?»

«Впрочемъ идея въ сей комедіи не новая, она взята изъ *Абдеритовъ* и пр. см. стр. 6. «кончается словами *подлежащей съ нимъ противоположности!*»

Выписываю подъ рядъ всѣ обвиненія, взводимыя г. критикомъ на Чацкаго, или на его автора. Я не хотѣлъ ихъ выставлять и опровергать по одиначкѣ; но, желая быть справедливымъ къ моему противоборнику, предоставляю читателямъ все, что сказано г. Дмитріевымъ на счетъ характера Чацкаго и его отношеній къ другимъ лицамъ: пусть сами читатели сначала взвѣсятъ и оцѣнятъ его сужденія. Теперь за мною очередь сообщить имъ мои мысли.

Г. Грибоѣдовъ, сколько могъ я постигнуть цѣль его, вовсе не имѣлъ намѣренія выставлять въ Чацкомъ лицо идеальное; зрѣло судя объ искусствѣ драматическомъ, онъ зналъ, что существа заоблачныя, образцы совершенства, нравятся намъ, какъ мечты воображенія, но не оставляютъ на насъ впечатлѣній долговременныхъ, и не привязываютъ насъ къ себѣ. Онъ зналъ, что слабость человѣческая любитъ находить слабости въ другихъ, и охотнѣе ихъ извиняетъ, нежели терпитъ совершенства, служащія ей какъ бы укоромъ. Для сего онъ представилъ въ лицѣ Чацкаго умнаго, пылкаго и добраго молодаго человѣка, но не вовсѣ свободнаго отъ слабостей: въ немъ ихъ двѣ, и обѣ почти не разлучны съ предполагаемымъ его возрастомъ и убѣжденіемъ въ преимуществѣ своемъ передъ другими. Эти слабобости—заносчивость и нетерпѣливость. Чацкій самъ очень хорошо понимаетъ (и въ этомъ со мною согласится всякъ, кто

внимательно читалъ комедію «*Горе отъ ума*»,) что говоря невѣждамъ о ихъ невѣжествѣ и предразсудкахъ, и порочнымъ о ихъ порокахъ, онъ только напрасно теряетъ рѣчи; но въ ту минуту, когда пороки и предразсудки трогаютъ его, такъ сказать, за живое, онъ не въ силахъ владѣть своимъ молчаніемъ: негодованіе противъ воли вырывается у него потокомъ словъ, колкихъ, но справедливыхъ. Онъ уже не думаетъ, слушаютъ и понимаютъ ли его, или нѣтъ: онъ высказалъ всё, что у него лежало на сердцѣ—и ему какъ будто бы стало легче. Таковъ вообще характеръ людей пылкихъ, и сей характеръ схваченъ г. Грибоѣдовымъ съ удивительною вѣрностію. Положеніе Чацкаго въ кругу людей, которыхъ г. критикъ, такъ снисходительно, принимаетъ за *людей совсѣмъ не глупыхъ, но необразованныхъ*, прибавимъ — набитыхъ предразсудками и закоснѣлыхъ въ своемъ невѣжествѣ, (качества, вопреки г. критику, весьма въ нихъ замѣтныя,) положеніе Чацкаго, повторяю, въ кругу ихъ тѣмъ интереснѣе, что онъ видимо страдаетъ отъ всего, что видитъ и слышитъ. Невольно чувствуешь къ нему жалость и оправдываешь его, когда онъ, какъ бы въ облегченіе самому себѣ, высказываетъ имъ обидныя свои истины. Вотъ то лицо, которое г. Дмитріеву угодно называть сумасбродомъ, по какому то благосклонному снисхожденію къ подлиннымъ сумасбродамъ и чудакамъ. Хотя въ этомъ случаѣ, я, по совѣсти, не понимаю его цѣли, но охотно предполагаю самую похвальную.

Взаимныя отношенія Чацкаго съ Софьей позволяли ему принять тонъ шутливый, даже при первомъ съ нею свиданіи. Онъ вмѣстѣ съ нею росъ, вмѣстѣ воспитанъ, и изъ рѣчей ихъ можно выразумѣть, что онъ привыкъ забавлять ее своими колкими замѣчаніями на счетъ чудаковъ, которыхъ они знали прежде; естественно, что, по старой привычкѣ, онъ и теперь дѣлаетъ ей забавные распросы о тѣхъ же чудакахъ. Самая мысль, что это прежде нравилось Софьѣ, должна была увѣрять его, что и

нынѣ это былъ вѣрный способъ ей нравиться. Онъ еще не зналъ и не угадывалъ перемѣны, происшедшей въ характерѣ Софьи. По сему то онъ и дѣлаетъ переборъ всѣмъ смѣшнымъ дядюшкамъ, тетушкамъ и знакомымъ, надъ которыми они когда то вмѣстѣ подшучивали; но я не думаю, чтобъ какая-либо, и самая строгая Софья, могла обидѣться слѣдующимъ вопросомъ о ея батюшкѣ:

«Ну что вашъ батюшка? все англинскаго клоба
Усердный, вѣрный членъ до гроба?»

Неужели такъ заразительно быть усерднымъ членомъ Московскаго Англійскаго клоба? Этимъ вопросомъ нельзя ограничиться; здѣсь необходимо слѣдуютъ другіе. Неужели непремѣннымъ условіемъ должно быть, чтобы Чацкій, при первомъ свиданіи съ Софьей, послѣ разлуки, напѣвалъ ей страстную эклогу, какъ аркадскій пастушокъ, или новый Донъ-Кихотъ, повѣствовалъ ей о своихъ похожденіяхъ и подвигахъ?—Но нельзя наполнить цѣлаго явленія одними восклицаніями: «увы! и ахъ!» или расплодить въ немъ повѣствованія, которыя, даже и въ силу француз ской драматургіи, должно сберегать къ концу піесы. Чацкій, не измѣняя своему характеру, начинаетъ съ Софьей веселый и остроумный разговоръ, и тамъ только, гдѣ душевныя чувствованія пересиливаютъ въ немъ и веселость и остроуміе ума, говоритъ ей о любви своей, о которой она, вѣроятно уже довольно наслышалась. За то онъ говоритъ ей языкомъ не книжнымъ, не элегическимъ, но языкомъ истинной страсти; въ словахъ его отсвѣчивается душа пылкая; они, такъ сказать, жгутъ своимъ жаромъ. Таковы, между прочими, слѣдующіе стихи: (Д. III, Явл. I:

«Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый;
Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?

Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ, и всѣмъ его дѣламъ
Душею вы, — къ вамъ угожденье......
Самъ это чувствую, сказать я не могу.»

Гдѣ нашелъ г. критикъ, будто бы Чацкій *злословитъ и говоритъ все, что ни придетъ въ голову*? Я совершенно согласенъ съ нимъ, что *такой человѣкъ наскучитъ во всякомъ обществѣ, и чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ скорѣе*. Этого нельзя однако же примѣнить къ Чацкому, который нигдѣ не говоритъ безъ разбору всего, что ни придетъ въ голову, и я не вижу *образованнаго общества*, коимъ Чацкій окруженъ. Но еслибъ, напримѣръ, нашелся критикъ, который бы вздумалъ *говорить, что ни придетъ въ голову*, не справляясь съ разбираемымъ сочиненіемъ, не вникнувъ, или не хотя вникнуть въ смыслъ его, что сказалъ бы о немъ г. Дмитріевъ?—Публика, читающая журналы, гораздо образованнѣе того общества, въ которое попался бѣдный Чацкій; не слишкомъ ли *отважно* (я стараюсь, по возможности, смягчать выраженія) явиться передъ нею съ такою критикою?

Чацкій отвѣчаетъ такъ названною *грубою дерзостію*, не на вопросъ зрѣло-молодой графини, зачѣмъ онъ не женился въ чужихъ краяхъ, а на колкую эпиграмму, сказанную на счетъ его. Въ доказательство приведемъ слова графини. (Дѣйствіе III, явленіе 8).

ГРАФИНЯ ВНУЧКА (направя на Чацкаго двойной лорнетъ).

М'сьё Чацкій! Вы въ Москвѣ! Какъ были, все такіе?

ЧАЦКІЙ.

На что мѣняться мнѣ?

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Вернулись холостые?

ЧАЦКІЙ.

На комъ жениться мнѣ?

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Въ чужихъ краяхъ, на комъ?
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Долгъ платежемъ красенъ. Разумѣется, что Чацкій, по пылкому своему характеру, не вытерпѣлъ этой насмѣшки отъ посѣдѣлой модницы. Вотъ его отвѣтъ:

«Несчастные! должны-ль упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ!»

Я согласенъ, что не всякой молодой человѣкъ рѣшился бы такъ отвѣчать дѣвицѣ, даже и на эпиграмму; но Чацкій, до нѣкоторой степени, сбросилъ съ себя иго свѣтскихъ приличій, и говоритъ такія истины, которыя другой, по совѣту Фонтенеля, сжалъ бы покрѣпче въ рукѣ.

Сравненіе Чацкаго съ Виландовымъ Демокритомъ кажется мнѣ лишнимъ и неудачнымъ. Лишнимъ потому, что г. Грибоѣдовъ, выводя въ Чацкомъ возвратившагося на родину путешественника, конечно не думалъ блеснуть новостью сего положенія, которое такъ просто и обыкновенно, что разыскиваніе откуда *взята идея этой комедіи* — есть напрасный трудъ. Неудачнымъ, сіе сравненіе кажется мнѣ потому, что Виландовъ Демокритъ, возвратясь изъ путешествія, приноситъ съ собою удивленіе и уваженіе къ чужимъ краямъ, и совершенное презрѣніе къ своей отчизнѣ; напротивъ того, Чацкій, и прежде и послѣ путешествія, питаетъ пламенную любовь къ родинѣ, ува-

женіе къ народу, и только сердится и негодуетъ на грубую закоснѣлость, жалкіе предразсудки и смѣшную страсть къ подражанію чужеземцамъ,—не всѣхъ вообще Русскихъ, а людей нѣкоторой касты. Демокритъ хотѣлъ бы преобразовать своихъ земляковъ по образцу чужеземному — Чацкій желаетъ, чтобы коренные нравы народа и дѣдовскіе русскіе обычаи были удержаны.... Какое же сходство между сими двумя путешественниками?—Невольно подумаешь, что г. критикъ писалъ и о характерѣ Чацкаго и о Виландовыхъ Адберитахъ—по наслышкѣ. Нужны ли еще тому доказательства? Вотъ они: Г. Дмитріевъ говоритъ, что «Виландъ представилъ своего Демокрита умнымъ, «любезнымъ, даже снисходительнымъ человѣкомъ, который «про себя смѣется надъ глупцами, но не старается выказывать «себя передъ ними.» Точно ли такъ? Сдѣлаемъ небольшую повѣрку: раскроемъ IV главу 1-го тома Адберитовъ, гдѣ Демокритъ открыто и явно смѣется, надъ своими единоземцами въ глазахъ всей Абдеры, *мистифируетъ*, своими разсказами о Эѳіопскихъ красавицахъ, и мужчинъ и женщинъ, говоритъ симъ послѣднимъ не колкости и не эпиграммы, а едвали пристойные намеки. Стоитъ только напомнить его *уподобленіе розъ*, и приглашеніе Меридѣ; сдѣланное съ *самою непринужденною учтивостію* (*).

Всего загадочнѣе для меня *бранчивый патріотизмъ Чацкаго*. Любовь къ отечеству, изливавшаяся въ жалобахъ на то, что многіе сыны его отстали отъ коренныхъ доблестей своихъ предковъ, и, не достигши до настоящей степени образованія, заняли у иностранцевъ только то, что вовсе недостойно подражанія: роскошь, моды, и полу-французскій тонъ разговора; негодованіе на то, что все чужеземное предпочитается всему отечественному—вотъ *бранчивый патріотизмъ Чацкаго*! И это-то

(*) Выраженіе Виланда.

лицо, съ чувствами благородными и душею возвышенною, сей то Чацкій, осуждающій одни старые и новые пороки и странности въ землякахъ своихъ, есть, по словамъ г. Дмитріева, *сумасбродъ* и *Мольеровъ мизантропъ въ мелочахъ и карикатуръ*! Послѣ такого нещаднаго приговора (еслибъ онъ былъ всѣми единодушно принятъ за силу закона), кто же осмѣлится казать своимъ единоземцамъ зеркало сатиры, и напоминать имъ о исправленіи недостатковъ?

У всякаго есть свое сктеклышко, сквозь которое онъ смотритъ на такъ называемый *свѣтъ*. Немудрено; что у Г. Грибоѣдова и г. М. Дмитріева, эти стеклушки разнаго цвѣта. Къ этому надобно прибавить и разность высоты *подзорнаго мѣста*, съ котораго каждый изъ нихъ смотрѣлъ въ свое стеклышко. Отъ того г. критику кажется, что г. Грибоѣдовъ изобразилъ очень удачно нѣкоторые *портреты*, но не совсѣмъ попалъ на нравы того общества, которое вздумалъ описывать, и не далъ главному характеру надлежащей съ ними противуположности. «Со всѣмъ тѣмъ, весьма многіе, даже весьма разборчивые судьи, съ полнымъ запасомъ безпристрастія, смотря на произведеніе г. Грибоѣдова, находятъ не одни портреты, но и цѣлую картину весьма вѣрною, а лица превосходно *группированными*, нравы общества схваченными съ природы, а *противуположность* между Чацкимъ и окружающими его, весьма ощутительною. Въ доказательствахъ не было бы недостатка, но они завлекли бы меня слишкомъ далеко.

Остается сказать нѣсколько словъ о языкѣ, которымъ написана сія комедія, или напечатанные отрывки изъ оной. Г. Дмитріевъ называетъ его *жесткимъ*, *неровнымъ* и *неправильнымъ*, *слогъ*, *во многихъ мѣстахъ неразговорнымъ*, *а книжнымъ*, и, приписывая въ вину сочинителя, что у него встрѣчаются слова и даже цѣлые стихи французскіе, заключаетъ: «словомъ, (употребимъ счастливое выраженіе самаго автора), въ сей то піесѣ:

«Господствуетъ смѣшенье языковъ Французскаго съ нижегородскимъ!»

Г. Грибоѣдовъ, желая соблюсти въ картинѣ своей всю вѣрность красокъ мѣстныхъ, вставилъ въ рѣчи нѣкоторыхъ чудаковъ французскія слова и фразы. Если подлинно въ нихъ видятъ смѣсь языковъ французскаго съ областнымъ русскимъ — то цѣль его достигнута.

Что же касается до стихосложенія, то оно таково, какого должно было желать въ русской комедіи, и какого мы донынѣ не имѣли. Это не тощій наборъ звонкихъ или плавныхъ словъ и отборныхъ риѳмъ, при изыскиваніи которыхъ часто жертвовали или словомъ сильнымъ, или даже самою мыслью. Г. Грибоѣдовъ очень помнилъ, что пишетъ не элегію, не оду, не посланіе, а комедію: отъ того онъ и соблюлъ въ стихахъ всю живость языка разговорнаго; самыя риѳмы нравятся у него своею новостью, и въ чтеніи заставляютъ забывать однозвучіе ямбическаго метра, и однообразіе стиховъ риѳмованныхъ. Таковы, напримѣръ:

....Теперь мнѣ до того-ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли.

ЧАЦКІЙ.

....Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались;
Слыхалъ, что вздорная....

МОЛЧАЛИНЪ.

Да это, полно, та-ли-съ!

Въ заключеніе, г. критикъ совѣтуетъ *попросить автора не издавать* своей комѐдіи, *пока не перемѣнитъ главнаго характера, и не исправитъ слога.* Это слишкомъ скромно! Не лучше ли-бъ было посовѣтовать г-ну Грибоѣдову бросить въ печь свою комедію, и попросить своего критика, чтобъ онъ начерталъ ему новый планъ, расписавъ характеры дѣйствующихъ

лицъ, сообщилъ свой лексиконъ словъ и риѳмъ, и далъ опредѣленную мѣру стиховъ и звуковъ, по которымъ бы сочинитель комедіи могъ прикраивать свое стихосложеніе?—Тогда, можетъ быть, комедія его будетъ ни хороша, ни дурна; но не выведетъ его изъ ряду строгихъ уставщиковъ посредственности, а этого *намъ* и не надобно.

О. Сомовъ

Въ томъ же № «Сына Отечества», въ 4-мъ письмѣ на Кавказъ, подписанномъ Д Р К, сказано:

Г. Грибоѣдовъ, счастливый наслѣдникъ Фонъ-Визина, подарилъ насъ переводомъ, или, лучше сказать, подражаніемъ изъ Гёте «Разговоръ директора театра съ поэтомъ и весельчакомъ», изъ введенія къ Фаусту (*). Разговорный слогъ г. Грибоѣдова (не во гнѣвъ московскому рецензенту), есть образцовый, въ полномъ смыслѣ сего слова. — Искуство необыкновенное подвести обыкновенный разговорный языкъ, со всѣми его изысканіями, подъ правила поэзіи, такимъ образомъ, что риѳма, кажется, есть натуральное окончаніе каждаго рѣченія. Ты читалъ всю комедію «*Горе отъ ума*», и такъ, намъ нечего спорить. Ты удивляешься, что нашлись люди, которые утверждаютъ, что слогъ Грибоѣдова не хорошъ и комедія написана не по правиламъ. Прочти 1-й т. записокъ г-жи Кампа'н: ты увидишь, что придворные просили Людовика XVI, чтобъ не играли въ Фонтенбло комедій Мольера, потому, что въ нихъ *нѣтъ вкуса* и истины. А на Фонъ-Визина развѣ не гнѣвались? Мы даже не хотимъ знать именъ противниковъ Мольера и Фонъ-Визина, а творенія ихъ живутъ и утѣшаютъ насъ—тоже будетъ и съ критиками Г. Грибоѣдова.

(*) Г. Грибоѣдовъ нѣкоторыя мѣста перевелъ слово въ слово, нѣкоторыя прибавилъ, а многое вовсе отбросилъ.

Нѣсколько словъ о мысляхъ одного критика и о комедіи «Горе отъ ума».

«Вѣстникъ Европы» за 1825 годъ, № 10, стр. 108—119.

«Неужели у насъ въ литературномъ быту никогда не будетъ общаго, единодушнаго и единогласнаго признанія хорошаго за хорошее, и дурнаго за дурное?»

О. Сомовъ «Сынъ Отеч». 1825. № 10, стр. 177.

Не смотря на многочисленность поэтовъ, которыхъ дарованія «Полярная Звѣзда» ежегодно обличаетъ въ своихъ *табеляхъ о рангахъ*, бѣдность нашей словесности очевидна. Стоитъ кому нибудь написать полсотни гладкихъ стиховъ, чтобы попасть въ число поэтовъ, *преобразующихъ* русскую словесность! Этого мало! Рукописная комедія «*Горе отъ ума*» произвела такой шумъ въ журналахъ, какого не производили ни «*Недоросль*», ни «*Ябеда*». Что же будетъ, если когда нибудь она появится въ печати?

Рецензентовъ можно раздѣлить на два рода. Одни, занимаясь постоянно литературою, судятъ по обще принятымъ правиламъ, выведеннымъ изъ опытности вѣковъ и произведеній умовъ великихъ.—Другіе, не производя ничего сами, временно появляются на горизонтѣ словесности, подобно кометамъ движутся произвольно по путямъ неопредѣленнымъ и вдругъ скрываются до новаго броженія.

По системѣ, принятой, къ сожалѣнію, многими рецензентами, г. Сомовъ начинаетъ упреками г. Дмитріеву, какъ бы въ личномъ злоумышленіи противъ автора рукописной комедіи. Примѣненіе стиховъ Крылова къ замѣчаніямъ М. А. Дмитріева ничего не доказываютъ; ибо г. Дмитріевъ, съ своей стороны, мо-

жетъ сказать, что г. Сомовъ хвалитъ «*Горе отъ ума*», бывши одного прихода съ авторомъ. Если бы даже мѣсто, занимаемое на нашемъ парнасѣ сочинителемъ «*Молодыхъ супруговъ*», переводчикомъ половины «*Притворной невѣрности*» и авторомъ рукописи «*Горе отъ ума*», было въ самомъ дѣлѣ завидно,—то прежніе разборы г. Дмитріева доказали, что возставая противъ незаслуженной извѣстности модныхъ риѳмачей, онъ всегда уважалъ истинныя дарованія, и потому его нельзя упрекать въ какомъ либо непозволительномъ чувствѣ. Но приступимъ къ мыслямъ г. О Сомова и посмотримъ, какими средствами старается онъ *составить общее мнѣніе*, *очистить вкусъ народа и просвѣтить вѣкъ*.

«Сочинитель ея (рукописной комедіи) не шелъ, и, какъ видно, не хотѣлъ идти тою дорогою, которую углаживали и наконецъ истоптали комическіе писатели отъ Мольера до Пирона и нашихъ временъ.»

Тѣмъ хуже для сочинителя! Не потому ли презрѣлъ онъ дорогу Мольера и даже Пирона, что трудно идти исполинскимъ путемъ перваго и слѣдовать въ слогѣ за вторымъ? — Притомъ же оставлять общій путь позволяется тому только, кто откроетъ новый лучшій; а мы увидимъ далѣе, что Г. Грибоѣдовъ не сдѣлалъ этого.—Тутъ же г. Сомовъ упрекаетъ М. А. Дмитріева въ какомъ-то французско-классическомъ вкусѣ, хотя г. Дмитріевъ, отдавая должное романтическимъ красотамъ Финка, ясно показалъ свое несогласіе съ правилами французской драматургіи. И не потому-ли г. Сомовъ возстаетъ противъ духа Церболоса, что самъ не принадлежитъ къ *приходу* сочинителя трилогіи?

«Здѣсь (въ рукописной комедіи) нѣтъ ни плута слуги, нѣтъ ни jeune premier, ни grande coquette, ни père noble, ни raisonneur »

Изъ этого еще не слѣдуетъ, что комедія не хороша. Объяснимъ

это примѣромъ: въ мысляхъ *такого-то* нѣтъ, какъ въ другихъ рецензіяхъ, ни безпристрастія, ни основательности сужденій, ни правильности доводовъ; ergo его мысли хороши. Заключеніе такого-то рода разсмѣшило бы въ рукописной комедіи, но не годилось бы въ разборѣ, требующемъ отчетности. Достойно замѣчанія, что г. Сомовъ возстаетъ особенно противъ *резонеровъ* или разсудительныхъ лицъ въ комедіяхъ, называя ихъ самыми *скучными* и *тяжелыми*. Конечно, голосъ разсудка можетъ иному наскучить.

«Здѣсь завязка развертывается въ самомъ дѣйствіи.»

Завязка комедіи есть сумма препятствій къ достиженію извѣстной цѣли, *дѣйствіемъ* же называются всѣ поступки лицъ, клонящіеся къ ослабленію или усиленію препятствій; стало быть, завязка должна предшествовать дѣйствію и не можетъ въ немъ *развертываться*. Примѣнимъ это къ «*Горе отъ ума.*» Софья любитъ Молчалина, Чацкій любитъ Софью; но никто изъ нихъ не дѣлаетъ шагу для увѣнчанія любви своей, и потому положеніе всѣхъ троихъ ни-чуть не перемѣняется, въ продолженіе длинныхъ четырехъ дѣйствій, — тоже можно сказать и о прочихъ лицахъ. — Фамусовъ оказываетъ нѣкоторое предпочтеніе Скалозубу, но не предпринимаетъ ничего въ его пользу. Хлестова, которая могла бы вредить Чацкому своими сплетнями, занята только арабками. Загорецкій, представленный плутомъ въ словахъ Платона Михайловича, вовсе ничего не дѣлаетъ и онъ болѣе легковѣрный глупецъ, нежели хитрый обманщикъ. Полномочная Наталья Дмитріевна и покорный мужъ ея не замедляютъ, не ускоряютъ хода піесы. Наконецъ многорѣчивый Репетиловъ говоритъ о вещахъ, совсѣмъ постороннимъ образомъ. Можно выкинуть каждое изъ сихъ лицъ, замѣнить другимъ, удвоить число ихъ — и ходъ піесы останется тотъ же. Ни одна сцена не истекаетъ изъ предъидущей и не связывается съ послѣдующей. Перемѣните порядокъ явленій, переставь-

те нумера ихъ, выбросьте любое, вставьте, что хотите, и комедія не перемѣнится. Во всей пьесѣ нѣтъ *необходимости,* стало нѣтъ *завязки,* а потому не можетъ быть и *дѣйствія.*

Г. Дмитріевъ ничуть не хотѣлъ видѣть въ Чацкомъ существа *заоблачнаго*; но человѣка, который, бывши умнѣе окружающихъ его, болѣе бы привлекалъ наше вниманіе. Впрочемъ, средство не новое оспаривать своего противника, придавая ему собственныя, странныя (я смягчаю по возможности выраженія) мнѣнія.

«Онъ (авторъ комедіи) зналъ, что слабость человѣческая любитъ находить слабости въ другихъ, и охотнѣе ихъ извиняетъ, нежели терпитъ совершенства, служащія ей какъ бы укоромъ.»

Поздравляю автора комедіи! По милости своего защитника, онъ можетъ похвалиться, что знаетъ то, что извѣстно послѣднему изъ дюжинныхъ французскихъ комиковъ и даже многимъ изъ нашихъ аристарховъ.

Взаимныя отношенія Чацкаго съ Софьей позволяли ему принять тонъ шутливый даже при первомъ съ нею свиданіи. Онъ вмѣстѣ съ нею росъ, вмѣстѣ воспитанъ, и изъ рѣчей ихъ «можно выразумѣть, что онъ привыкъ забавлять ее своими «колкими замѣчаніями на счетъ чудаковъ, которыхъ они прежде знали.»

Изъ рѣчей Софьи съ Чацкимъ видно только, что они привыкли бѣгать по стульямъ и столамъ, исчезать тутъ и тамъ, а пуще всего прятаться вечеромъ въ темный уголъ; но не видно, что онъ и прежде забавлялъ ее на счетъ родственниковъ. Самая снисходительная Софья не позволитъ спросить *отпрыгалъ ли ея дядюшка свой вѣкъ,* хотя бы спрятавшійся и каждый вечеръ прятался съ нею по темнымъ угламъ. «Неужели такъ заразительно» (не зазорно ли) быть усерднымъ членомъ Московскаго Англійскаго клоба (клуба),

Напротивъ, это званіе очень уважается, потому что дается

только по выбору людей почтенныхъ, но предъидущія насмѣшки Чацкаго заставляютъ въ устахъ его почтить насмѣшкою и вопросъ объ Англійскомъ клубѣ; а нѣкоторые стихи въ сценѣ Репетилова удостовѣряютъ, что и самому автору хотѣлось мимоходомъ видѣть почтенное собраніе.

«Онъ (Чацкій) говоритъ ей, Софьи, языкомъ не книжнымъ, не элегическимъ, но языкомъ истинной страсти, въ словахъ его *отсвѣчивается* душа пылкая; они, (онѣ?) такъ сказать, жгутъ своимъ жаромъ (кого или что?). Таковы, между прочими, слѣдующіе стихи:

Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый,
Но есть-ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждаго біеніе
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою вы, къ вамъ угожденье?
Самъ это чувствую, сказать я не могу.

Можно подумать, что г. Сомовъ шутитъ надъ авторомъ комедіи, называя этотъ языкъ не *книжнымъ*, и приводя стихи изъ III дѣйствія въ оправданіе *первому*, въ которомъ Чацкій пристаетъ, чтобъ Софья *посмотрѣла ему въ лицо*. Совсѣмъ нѣтъ! г. Сомовъ говоритъ это отъ чистаго сердца; замѣтимъ, что послѣдній изъ приведенныхъ стиховъ *заимствованъ* изъ *Танкреда* и испорченъ. Вотъ подлинный стихъ Н. И. Гнѣдича;

«Лишь чувствовать могу, сказать не въ силахъ я.»

И онъ гораздо лучше.

Г. Грибоѣдовъ, выводя Чацкаго, возвратившагося на родину путешественника, конечно не думалъ блеснуть новостью сего

положенія, которое такъ просто и обыкновенно, что разыскиваніе, *откуда взята идея сей комедіи* — есть напрасный трудъ.

Конечно, возвращеніе путешественника на родину вещь не новая и нельзя блеснуть тѣмъ, что найдешь въ любой мелодрамѣ. Но неужели это главная идея комедіи? Главная идея «Горе отъ ума» состоитъ въ противоположности перваго лица съ лицами окружающими; слѣдовательно, это идея Абдеритовъ Виланда и Мизантропа Мольера. Слѣдовательно сравненіе г. Дмитріева не лишнее и удачное.

«Чацкій и прежде и послѣ путешествія питаетъ пламен-«ную любовь къ родинѣ!... желаетъ, чтобы коренные нравы «народа и дѣдовскіе русскіе обычаи были удержаны.

Мудрено, чтобъ г. Сомовъ зналъ Чацкаго прежде путешествія, когда въ комедіи онъ представленъ возвратившимся. Вопреки ручательству защитника, Чацкій желаетъ только сохранить языкъ и одежду русскую и сердится за то, что мы не подражаемъ Китайцамъ.

«Демокритъ открыто и ясно смѣется надъ своими единоземцами въ глазахъ всей Абдеры, мистифируетъ своими разсказами о Еѳіопскихъ красавицахъ и мужчинъ и женщинъ.»

Если это правда, то и М. А. Дмитріевъ, сравнивая Демокрита съ Чацкимъ, который не щадитъ никого изъ соотчичей. Только напрасно г. Сомовъ говоритъ о какой то мистификаціи; у Виланда Демокритъ, говоря о красотѣ относительной, приводитъ только въ примѣръ Еѳіопскихъ женщинъ, которыя нравятся въ своей землѣ, а ничуть не называетъ ихъ подлинно красавицами. Впрочемъ, г. О. Сомову хотѣлось оспорить М. А. Д, а въ такомъ случаѣ позволяется выдумать на Виланда, который вѣрно за себя не заступится. Этого мало! прежде г. О. Сомовъ объяснялъ себѣ злыя колкости Чацкаго его заносчивостію и нетерпѣливостію, но теперь онъ уже видитъ источ-

никъ ихъ въ благородныхъ чувствахъ и душѣ возвышенной своего героя, стало быть приписываетъ ему то, чего требовалъ М. А. Д. и самъ невольно оправдываетъ своего противника.

М. А. Д. говоритъ, что слогъ жестокъ и неправиленъ, во многихъ мѣстахъ можетъ назваться книжнымъ и некстати испещренъ французскими словами и стихами (*). Изъ этого г. Сомовъ выводитъ заключеніе, что въ Нижнемъ Новгородѣ говорятъ *языкомъ книжнымъ*. «Оно (стихотвореніе) таково, «какого должно было желать въ Русской комедіи, и какого мы «до сихъ поръ не имѣли.»

Это очень похоже на неслыханный размѣръ 6—стопнаго ямба съ пиррихіемъ, который такъ удивилъ г. Полеваго своею новостію. Но по крайнѣй мѣрѣ г. Полевой ошибся безъ умысла, а здѣсь видно явное неблагорасположеніе къ лучшему нашему драматическому писателю, у котораго многія комедіи были уже написаны прелестными вольными стихами, когда *Горе отъ ума* еще таилось въ неизвѣстности.

«Онъ (г. Грибоѣдовъ) соблюлъ въ стихахъ всю живость «языка разговорнаго.

И даже всю неправильность, что̀ можно доказать многими примѣрами. Близкое подражаніе языку хорошо, но излишество вездѣ дурно; не худо бы г. автору комедіи вспомнить стихи старика Мольера:

Quand sur une personne on prétend se regler,
C'est par les beaux cotés qu' il lui faut ressembler;
Et ce n'est point du tout la prendre pour modéle,
Ma soeur, que de tousser et de cracher comme elle.

(*) Если г. Сомову угодно, то ему докажется истина сего сужденія примѣрами и выписками, изъ напечатанныхъ въ «Русской Таліи сценъ «*Горе отъ ума.*» *Примѣч. Соч.*

Самыя рифмы у него нравятся своею новостію. Таковы напримѣръ:

> Теперь мнѣ до того-ли!
> Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
> И не объѣхалъ сотой доли

Помилуйте, неужели вы не шутя называете эти рифмы новыми. Эта новость современна нашей комедіи. Рифмы — *встрѣчались* та-ли-съ, конечно новы; но кажется, не стоило труда пріискивать новую рифму на это окончаніе, ихъ и безъ того слишкомъ много и онѣ слишкомъ непріятны для слуха.

Вообще во всей статьѣ петербургскаго критика видно, что не любовь къ истинѣ водила перомъ его, а досада на смѣлость рецензента, возставшаго противъ автора одного съ нимъ *прихода*.

Что же касается до самой комедіи, то охуждая планъ, слогъ и недостатокъ цѣли, должно отдать справедливость нѣкоторымъ удачно изображеннымъ характерамъ, смѣшнымъ сценамъ, ѣдкости многихъ эпиграммъ и вообще искусству рисовать миніатюры. Толпа читателей находитъ удовольствіе при чтеніи этой комедіи отъ того, что всякую новость хочетъ примѣнять къ лицамъ ей извѣстнымъ. Иной, не умѣя самъ сказать эпиграмму, радуется найдя въ господинѣ Грибоѣдовѣ множество готовыхъ на всякій случай. *Горе отъ ума* не достойно чрезмѣрныхъ похвалъ одной половины литераторовъ и чрезмѣрныхъ нападеній другой половины. Впрочемъ, первые болѣе виноваты, излишнія похвалы ихъ заставили строже разбирать піесу; а вѣрно и самъ г. Грибоѣдовъ признается, что его комедія не выдержитъ строгаго разбора и вѣрно самъ припишетъ грозныя выходки г. О. Сомова единственно похвальному желанію вступиться за другаго.

Пиладъ Бѣлугинъ.

АНТИКРИТИКА.

Замѣчанія на сужденія М. Дмитріева о комедіи «Горе отъ ума».

«Московскій Телеграфъ» 1825 г. Книга III № X май стр. 1 — 12.

«Чтобъ имѣть ключь ко многимъ литера-
«турнымъ истинамъ нашего времени, надобно
«знать не теорію словесности, а отношенія
«къ лицамъ.» (В. Е. 1825 № 6. стр. 101.
Мих. Дмитріевъ въ Замѣч. на
сужденіе Телеграфа.

Долго, долго Вѣстникъ Европы приносилъ жертвы богинямъ и мира и молчанія, долго покоился онъ: лишь изрѣдка Юстъ Верединковъ нарушалъ безмятежность сего журнала, какъ вдругъ Г. М. Д. явился на поприщѣ критики счастливымъ подражателемъ Юстъ Вередикова! Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не замѣтить чуднаго сходства между сими двумя критиками: таже основательность въ сужденіяхъ, таже необъемлемая ученость, таже благоразумная расчетливость въ литературѣ. Но Юстъ Вередиковъ нападалъ изъ за угла и заставлялъ читателей угадывать, на кого именно нападаетъ; Г. Д. напротивъ старается именно показать, что онъ нападаетъ на сочиненіе, дѣлающее честь нашей словесности, словомъ, на комедію «Горе отъ ума» г. Грибоѣдова,

Не буду говорить о томъ, что всѣ русскіе журналы (за исключеніемъ Вѣстника Европы) наполнены похвалами сей комедіи. Это прекрасное произведеніе конечно не имѣетъ нужды

ни въ похвалахъ, ни въ защитѣ отъ нападеній г. Д., оно безъ сомнѣнія переживетъ всѣ журнальныя статейки и всѣ возможные прологи и проч. но незащищать его хочу, я желаю показать только предубѣжденіе критика.

Выставленныя мною слова вмѣсто эпиграфа суть единственная истина, сказанная г-мъ Д-мъ во всей статьѣ его. Точно! Очень можно незнать ни теоріи словесности и ничего незнать, кромѣ *отношеній*, и выдавать себя за истолкователя литературныхъ истинъ — вся статья г. Д. служитъ подтвержденіемъ этой мысли, жаль только, что г. Д. не упомянулъ отчего происходятъ эти отношенія; постараемся дополнить его сужденіе: эти отношенія раждаются: отъ ѣдкой, счастливой эпиграммы, доставляющей намъ извѣстность по неволѣ; отъ того, что другіе имѣютъ способность производить, а *иные* не имѣютъ, оттого что *иные* не произвели еще ничего замѣтнаго, а другіе своими произведеніями уже снискали себѣ прочную славу.

Постараемся потвердить наше мнѣніе доказательствами.

Начну съ того, что критика г. М. Д. не могла существовать — это *мечта*, литературная мистификація, ибо какимъ образомъ можно судить по *отрывку* о цѣлой комедіи? Вотъ вопросъ, который долженъ представиться всякому при первомъ и послѣднемъ взглядѣ на статью г. Д. Но г. Д. предусмотрѣлъ этотъ вопросъ и потому сказалъ: *по отрывку нельзя судить о цѣлой комедіи; но о характерѣ главнаго дѣйствующаго лица можно.*

Помилуйте М. Г.! главный характеръ долженъ развиваться во все продолженіе пьесы, каждое новое обстоятельство, каждое слово, должно давать ему новую оттѣнку, слѣдовательно только при обозрѣніи всѣхъ дѣйствій лица можно постигнуть его характеръ во всей полнотѣ и тогда уже судить о немъ. Правда, есть произведенія, у которыхъ можно отнять начало,

конецъ, середину и отъ того они ничего не потеряютъ, а еще выиграютъ: такъ напр. изъ вашего пролога можно выкинуть то, что на глаза попадается, и онъ отъ того ничего не потерпитъ; но не къ такого рода произведеніямъ принадлежитъ комедія Грибоѣдова, въ ней каждое обстоятельство имѣетъ свое назначеніе, каждое слово дополняетъ картину. Изъ отрывка же можно заключить только о томъ, о чемъ было сказано въ Телеграфѣ, т. е. объ острыхъ, новыхъ мысляхъ и о живой картинѣ общества. Доказательствомъ моего мнѣнія можетъ служить то, что вы, разсуждая по отрывку, жестоко ошиблись въ характерѣ главнаго дѣйствующаго лица; хотя признались, и изъ отрывка нельзя было заключить того, что вы заключили.

Вы говорите: *Г. Грибоѣдовъ хотѣлъ представить умнаго и образованнаго человѣка, который не нравится обществу людей необразованныхъ.*

Ошиблись, милостивый государь, или сказали не то, что вамъ хотѣлось сказать. Что за неопредѣленность въ вашихъ выраженіяхъ? Сколько различныхъ понятій представляютъ слова ваши; умный и образованный, необразованный. Правда комикъ изображаетъ намъ *Чацкаго* человѣка *умнаго* и *образованнаго*, но не въ томъ смыслѣ, какъ вы это понимаете; въ Чацкомъ комикъ не думалъ представить *идеала совершенства*, но человѣка молодаго, пламеннаго, въ которомъ глупости другихъ возбуждаютъ насмѣшливость, наконецъ человѣка, къ которому можно отнести стихи поэта; «Не терпитъ сердца нѣмоты».

Еслибъ мы съ сей точки зрѣнія посмотрѣли на характеръ Чацкаго, тогда бы увидѣли, что онъ составляетъ совершенную противуположность съ окружающими его лицами и что одна сторона оттѣняетъ другую; что въ одной видна сила характера, презрѣніе предразсудковъ, благородство, возвышенность мыслей, обширность взгляда; съ другой слабость духа, совершенная преданность предразсудкамъ, низость мыслей, тѣсный кругъ

сужденія. Тогда бы не показалось вамъ страннымъ, отъ чего Чацкій, воспитывавшійся вмѣстѣ съ Софьею, съ которою вмѣстѣ смѣялся надъ дядюшками и тетушками, при встрѣчѣ съ нею, шутливо о нихъ распрашиваетъ; здѣсь, милостивый государь, отъ вашего взгляда укрылась глубокая мысль комика. Чацкій необходимо долженъ былъ говорить Софьѣ, объ ихъ общихъ знакомыхъ. Вспомните, что Чацкій принятъ Софьею холодно, онъ невольно ищетъ предметовъ, которые должны напомнить ей ихъ прежнюю связь, а что болѣе укрѣпляетъ эту связь между молодыми людьми, если не то положеніе, въ которомъ они, согласные между собою въ мнѣніяхъ, какъ бы уединяются отъ свѣта, одни понимаютъ другъ друга и передаютъ взаимно замѣчанія о томъ обществѣ, отъ котораго чувствуютъ себя уединенными? Еслибы вы, говорю, съ настоящей точки зрѣнія, смотрѣли на характеръ Чацкаго, тогда не показались бы вамъ странными, отъ чего на насмѣшку графини, зачѣмъ онъ въ чужихъ краяхъ не женился на какой нибудь модисткѣ — Чацкій отвѣчатъ также насмѣшкою. Милѣе всего то, что вы, въ доказательство своего мнѣнія, преважно говорите: сама Софья говоритъ о Чацкомъ не человѣкъ, змѣя! — я незнаю стоитъ ли это отвѣта! Скажите-же мнѣ, милостивый государь, какимъ образомъ можетъ говорить Софья, когда Чацкій насмѣхается надъ Молчалинымъ, въ котораго она влюблена?

Еще милѣе слова ваши: «Еслибъ комикъ исполнилъ сію мысль, то характеръ Чацкаго былъ-бы занимателенъ, окружающія его лица смѣшны, а вся картина забавна и поучительна» т. е. еслибъ комикъ послушался вашего совѣта, то его комедія обратилась бы въ нѣчто безцвѣтное, подобное многимъ прологамъ, которые, не во гнѣвъ вамъ, все таки не смѣшны, не занимательны, незабавны, не поучительны.

«Впрочемъ, идея сей комедіи не новая; она взята изъ Абдеритовъ.» Вѣдь иной подумаетъ, что вы и правду говорите,

милостивый государь, но всего забавнѣе, что вы тотчасъ, послѣ того сами же себя опровергаете, говоря: «Но Виландъ представилъ своего Демокрита умнымъ, любезнымъ, даже снисходительнымъ человѣкомъ, который про себя смѣется надъ глупцами, но не старается выказывать себя передъ ними; Чацкій же напротивъ есть ничто иное, какъ сумазбродъ, который находится въ обществѣ людей совсѣмъ не глупыхъ, но необразованныхъ, и который умничаетъ передъ ними, потому что считаетъ себя умнѣй. «Помилуйте, какимъ же образомъ комедія можетъ быть взята изъ Абдеритовъ, когда, по собственнымъ вашимъ словамъ, главныя дѣйствующія лица, не похожи другъ на друга (о другихъ и говорить нечего). Одно обстоятельство одинаково у нихъ: Чацкій возвращается въ отечество и Демокритъ возвращается въ отечество, слѣдственно, по видимому, Чацкій и Демокритъ одно и тоже. Прекрасная логика! Послѣ этого, я имѣю полное право сказать, что критика Г. Дмитріева на Грибоѣдова есть критика г. Тредьяковскаго на Ломоносова, и можетъ быть скажу это съ бо́льшимъ основаніемъ.

Нельзя пропустить безъ замѣчанія и того, что прежде вы говорите: «Демокритъ про себя смѣется надъ глупцами, не старается выказывать себя предъ ними»; а чрезъ нѣсколько строкъ: «Абдериты, послѣ возвращенія Демокрита запретили путешествовать.» Прочтите хорошенько Виланда, и вы увидите, что причиною сего запрещенія были рѣчи Демокритовы, слѣдственно онъ не про себя смѣялся! Воля ваша, но я право не виноватъ, если въ вашей статьѣ, что шагъ, то противорѣчіе, что слово, то ошибка! Не знаю, отвѣчать ли на увѣреніе ваше, что *Чацкій* есть *Мельеровъ Мизантропъ.* Не постигаю какъ можно съ такою увѣренностію писать вещи, которыя не имѣютъ ни тѣни вѣроятности! Крутонъ ненавидитъ приличія и предразсудки, Чацкій ненавидитъ приличія и предразсудки — слѣдственно Чацкій и Крутонъ одно и тоже. Эта логика таже,

что и въ нашихъ толкахъ о Демокритѣ. Ненавидѣть приличія и предразсудки — эта мысль столь неопредѣленна, столь обширна, что безчисленное множество можетъ быть характеровъ самыхъ разнообразныхъ, изъ которыхъ ко всякому равно можетъ оно относиться; можно ли изъ того заключить, что они всѣ одинаковы? Не унижать хочу великаго Мольера, но какъ не сказать, что Крутонъ его—человѣкъ, жившій всегда въ свѣтѣ и которому вдругъ, Богъ знаетъ почему, вздумалось на свѣтъ разсердиться, когда по его характеру ему никогда не возможно и быть въ этомъ свѣтѣ. Чацкій, напротивъ, молодой человѣкъ, еще не вступившій въ свѣтъ, возвратившійся изъ чужихъ краевъ и слѣдственно имѣвшій случай сравнить съ ними окружающія его лица — вотъ причины, заставляющія его дѣйствовать. Крутонъ имѣетъ цѣлію одну нагую истину; въ Чацкомъ дѣйствуетъ патріотизмъ, доходящій до фанатизма; въ Крутонѣ — сколько ни старался Мольеръ сдѣлать его презирающимъ приличія, — все виденъ придворный (*), и здѣсь нельзя не замѣтить величайшей несообразности между характеромъ, повторяю, невозможнымъ въ большомъ свѣтѣ, съ этою легкою оттѣнкою вѣтрености: въ Чацкомъ напротивъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни двуличія. Крутонъ нѣкоторымъ образомъ человѣкъ, что говорится, благоразумный, расчетливый, онъ хочетъ отдѣлаться отъ графскаго сонета своимъ незнаніемъ: Чацкій слѣдуетъ первому впечатлѣнію, и какъ бы ищетъ противнаго, чтобы потомъ поразить оное. Гдѣ же сходство между Крутономъ и Чацкимъ, г. Д—въ!

Въ дополненіе несообразностей и противорѣчій въ статьѣ вашей, мы черезъ страницу находимъ слѣдующее: «*Въ изящныхъ искусствахъ отличія одного характера отъ другаго часто зависятъ отъ исполненія. Какъ скоро средства, упо-*

(*) Какъ напр. въ сценѣ съ Знатовымъ.

требляемыя двумя комиками различны, то изъ двухъ сходныхъ характеровъ каждый можетъ быть самъ по себѣ оригиналенъ...»—какъ соединить это съ предъидущимъ? Тутъ же вы прибавляете: «*лишь бы подобно Чацкому не противорѣчилъ своему идеалу*», но какому идеалу М. Г., право не понимаю — растолкуйте, Бога ради? Скажите, кто научилъ вась этому непонятному искусству и смѣлости соединять самыя рѣзкія противорѣчія и набирать слова не имѣющія ровно никакого значенія. «*Такая несообразность характера съ его незнаніемъ...*» Съ какимъ незнаніемъ? Которое вы для него изобрѣли. Бога ради, М., Г., избавьте насъ отъ своихъ изобрѣтеній.

«Пріемъ Чацкаго, какъ путешественника, ошибка противъ мѣстныхъ нравовъ. У насъ всякій возвратившійся изъ чужихъ краевъ принимается съ восхищеніемъ.»

Правда, М. Г., но это восхищеніе не всегда можетъ относиться къ тѣмъ, которые возвращаются съ новыми познаніями, съ новыми мыслями, съ страстію совершенствоваться. Такимъ людямъ худо жить, особливо, если они осмѣлятся шутить, писать эпиграммы на людей, играющихъ роль трутней въ подлунномъ мірѣ. Но впрочемъ это дѣло постороннее; скажите, гдѣ вы нашли въ комедіи, что Чацкаго дурно принимаютъ за то, что онъ возвратился изъ чужихъ краевъ? Эта ошибка показываетъ вниманіе, съ которымъ вы читали піесу, о которой беретесь судить и рядить.

«Короче, г. Грибоѣдовъ изобразилъ очень удачно нѣкоторые портреты, но не совсѣмъ попалъ на нравы того общества, которое вздумалъ описывать.» Воля ваша, и тутъ я недоберусь смысла. Подъ портретами, какъ вы называете, нельзя представить себѣ ничего иного, какъ списка съ нравовъ общества, но вы говорите, что г. Грибоѣдовъ не попалъ на нравы общества; по вашему комикъ изобразилъ нравы общества и не изобразилъ нравовъ общества. Поздравляю съ находкою! Таково

торжество праваго дѣла! Желая найти дурное, вы на каждомъ шагу себѣ противорѣчите; желая хулить, въ тоже время невольно хвалите. Сверхъ того, скажите: кто изъ вашихъ читателей вамъ повѣритъ, что г. Грибоѣдовъ не попалъ на нравы описанныхъ имъ обществъ?

«Не говорю уже о языкѣ сего отрывка жесткомъ, неровномъ, неправильномъ!» И хорошо, что не говорите, ибо никто бы вамъ не повѣрилъ въ этомъ, и вы не имѣли бы возможности доказать своихъ словъ. При всемъ вашемъ желаніи находить неправильности, вы отыскали только четыре стиха, изъ которыхъ первые два, какъ сей часъ увидимъ, совсѣмъ не неправильны, а послѣдніе два также могутъ быть позволены въ разговорномъ слогѣ.

Вы досадуете на телеграфъ, за чѣмъ въ немъ говорятъ о новыхъ мысляхъ въ отрывкѣ изъ «Горе отъ ума»; я хочу вступиться за васъ, и у васъ точно есть *одна новая мысль*; ибо какъ не назвать новою—мысль вашу собрать выше упомянутые четыре стиха изъ разныхъ мѣстъ комедіи и поставить ихъ вмѣстѣ, какъ будто они, въ самомъ дѣлѣ, одинъ монологъ составляютъ. Намѣреніе и новое и прекрасное! Вотъ эти стихи:

«Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изчужа, издалека...»

«Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ!»
«Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы....»

Вамъ кажется, что будто бы здѣсь сказано: отворить дверь случаемъ, издалека, проѣздомъ,—напрасно вамъ это кажется, для близорукихъ поставлена послѣ словъ дверь запятая, и глаголъ ***отворить*** ни по смыслу, ни по грамматикѣ не можетъ относиться къ слѣдующему стиху:

«Проѣздомъ, случаемъ, вчужа, издалека...»

Это пустая придирка. Нужно ли сказывать, что въ семъ стихѣ подразумѣвается глаголъ *жениться*, или какой либо другой. Такія сокращенія весьма позволены въ нашемъ языкѣ; т. напр. можно сказать: *досада за эпиграмму вводитъ васъ въ заблужденіе, отъ сей досады — пристрастіе, предубѣжденіе*. Не уже ли въ этой фразѣ къ словамъ *пристрастіе, предубѣжденіе* вы отнесете глаголъ *вводить*?

Точно также справедливо ваше заключеніе, что въ сей комедіи неразговорный слогъ. Не постигаю, какъ можно отважиться писать то, что рѣшительно противорѣчитъ истинѣ. Не знаю, кто-то въ Сынѣ Отечества сказалъ, что до Грибоѣдова мы не имѣли въ комедіи разговорнаго слога, и эта мысль совершенно справедлива: до Грибоѣдова слогъ нашихъ комедій былъ слѣпокъ слога французскихъ; натянутыя, выглаженныя фразы, заключенныя въ шестистопныхъ стихахъ, приправленныя именами Милоновъ и Миленъ, заставляли почитать даже оригинальныя комедіи переводными; непринужденность была согнана съ комической сцены; у одного г. Грибоѣдова мы находимъ непринужденный, легкій, совершенно такой языкъ, какимъ говорятъ у насъ въ обществахъ, у него одного въ слогѣ находимъ мы колоритъ русской. Въ семъ случаѣ нельзя доказывать теоретически; но вотъ практическое доказательство истины словъ моихъ: почти всѣ стихи комедіи Грибоѣдова сдѣлались пословицами, и мнѣ часто случалось слышать въ обществѣ цѣлые разговоры, которыхъ большая часть составляли стихи изъ «Горе отъ ума».

Теперь надлежало бы мнѣ отвѣчать на ваши привязки къ Телеграфу; но онѣ столь мелки, что жаль тратить для отвѣта на нихъ и бумагу и время.

У. У.

«Вѣстникъ Европы» 1825 г., №№ 23 и 24, декабрь, стр. 198, 147 и 148.

Противъ замѣчаній неизвѣстнаго У. У. на сужденіе о комедіи: *Горе отъ ума.*

> Un ouvrage satirique, qui est donné sous le manteau aux conditions d'être rendu de même, s'il est médiocre, passe pour merveilleux, l'impression est l'écueil.
>
> La Bruyère.

> C'est peu qu' en un ouvrage où les fautes fourmillent,
> Des traits d'ésprit semés de tems en temps pétillent.
> Il faut que chaque chose y soit mise en son lieu,
> Que le début, la fin, répondent au milieu.
>
> Boileau. Art Poétique.

Суевѣріе многихъ людей о словесности можно сравнить съ зрительною трубою, у которой одно стекло увеличиваетъ, а другое уменьшаетъ предметы. Появится ли произведеніе пріятеля или автора, превозносимаго въ ихъ *приходѣ*, они наводятъ на него свое увеличительное стекло, странности кажутся имъ смѣлыми новостями, незнаніе языка — силою и живостію, перемѣшанность частей — разнообразіемъ, грубыя плоскости — умомъ; они ахаютъ, удивляются, восхищаются; очередной писецъ громоздитъ статейку, изъ которой кидаетъ во всѣхъ противниковъ своего кумира загадочными фразами, похожими на знаки телеграфа. Совсѣмъ напротивъ бываетъ, когда авторъ другаго прихода осмѣлится разобрать права ихъ кліента на

славу: они оборачиваютъ свою трубу другимъ концомъ, уменьшающимъ противника, кричатъ сердятся и, не имѣя силы опровергнуть его доказательства, придираются къ прежнимъ его произведеніямъ, судятъ объ нихъ по правиламъ своего изобрѣтенія, и закидавши словами, трубятъ побѣду, увѣряютъ, что не оставили ни одного слова безъ опроверженія. А чтоже дѣлаютъ читатели? Читатели зѣваютъ, засыпаютъ и стало быть не спорятъ. Если мнѣ не вѣрятъ, то пусть просмотрятъ всѣ книжки Московскаго Телеграфа, со времени его заведенія.

Еще недавно нѣкто У. У. — тысяча первый защитникъ комедіи «*Горе отъ ума*», вооружился противъ замѣчаній М. А. Дмитріева; говорилъ много и долго, и въ концѣ своей статьи увѣрялъ читателей, что онъ совершенно оспорилъ своего противника. Незнаю, повѣрили ли читатели, но мы не вѣримъ и потому вызовемъ эту статейку изъ безднъ минувшаго, разберемъ ее со вниманіемъ, и начнемъ сначала вопреки правиламъ, проповѣдуемымъ въ Телеграфѣ.

Г. У. У. начинаетъ свою статью сравненіемъ Г. Дмитріева съ Юстомъ Вериднковымъ: средство не новое! Г. У. У. отдаетъ преимущество Юсту и вотъ его доказательства: 1) Юстъ нападалъ изъ-за угла, а г. Дмитріевъ нападаетъ прямо. 2) Юстъ заставляетъ угадывать, на кого нападаетъ, а г. Дмитріевъ назвалъ *Горе отъ ума* (замѣтьте: осмѣлился назвать Горе отъ ума?). Эта логика довольно странна; но мы не то еще увидимъ.

Черезъ нѣсколько строкъ слѣдуютъ новыя мысли; вотъ онѣ: «Одни имѣютъ способность производить, а другіе не имѣютъ; одни не произвели еще ничего замѣтнаго, а другіе своими произведеніями снискали уже прочную славу.» — Воля ваша, г. У. У. — я очень понимаю ваши слова, но не вижу, къ чему они относятся: qu'est ce que cela prouve? Если вы сознаетесь, что вы неимѣете способности производить и непроизвели ни-

чего замѣтнаго, тѣмъ хуже *для* Васъ: мы пожалѣемъ, но отдадимъ справедливость вашей откровенности. Если послѣдняя фраза относится къ автору защищаемой комедіи, то это неправда: главное произведеніе его, *Горе отъ ума*, еще въ рукописи; еще не кончились споры о его достоинствѣ, а прочія его произведенія едва могутъ доставить *извѣстность*. — Пойдемъ далѣе.

«Какимъ образомъ по отрывку судить о цѣлой комедіи? Главный характеръ долженъ развиваться во все продолженіе піэсы, каждое новое обстоятельство, каждое слово, должно давать ему новую оттѣнку; слѣдственно, только при обозрѣніи всѣхъ дѣйствій лица можно постигнуть его характеръ во всей полнотѣ и тогда уже судить о немъ.» — По отрывку судить о *цѣлой комедіи* нельзя; хотя г. Полевой и осудилъ комедію г. Загоскина: *Благородный Театръ*, по отрывку, напечатанному въ «Таліи»; но мало-ли что дѣлается въ «Телеграфѣ»? Тамъ характеръ Любскаго изъ тойже комедіи названъ сюжетомъ; гдѣ-жъ намъ тягаться съ «Телеграфомъ»? Но по отрывку можно судить о характерѣ главнаго лица; приведемъ примѣръ: въ «Ябедѣ», при первомъ появленіи Кривосудова на сцену, я вижу человѣка слабаго, бездушнаго, лѣниваго; его замѣчанія на счетъ дѣлъ, съ которыми повытчикъ присталъ къ нему, показываютъ мнѣ судью, руководимаго однимъ лихоимствомъ; эта первая сцена такъ опредѣляетъ мнѣ его характеръ, что послѣ я уже всѣ его поступки сужу по примѣненію къ этой первой сценѣ. — Чацкаго же мы видимъ во многихъ сценахъ, напечатанныхъ въ «Таліи»: стало, еще легче судить о его характерѣ. По отрывку можно судить о слогѣ цѣлой комедіи, и прочитавъ сряду тысячу дурныхъ стиховъ, можно заключить, что авторъ неможетъ писать хорошихъ.

«Есть произведенія, у которыхъ можно отнять начало, ко-

нецъ, средину и отъ того они ничего не потеряютъ, а еще выиграютъ: такъ напримѣръ изъ вашего (г. У. У. обращается къ М. А. Дмитріеву) Пролога можно выкинуть, что на глаза попадется, и онъ отъ того ничего не потерпитъ.»

Критикъ уже въ другой разъ нападаетъ на Прологъ и еще будетъ нападать; по его логикѣ мы могли бы назвать это безсильною завистью: но мы не хотимъ подражать ему, а станемъ только оспоривать его слова. — Если бы г. У. У. вникнулъ хорошенько въ составъ, цѣль и назначеніе сочиненій, называемыхъ прологами, то, можетъ быть, и догадался бы, что прологъ есть тоже на сценѣ, что торжественная ода въ лирической поэзіи: всѣ возможные прологи имѣютъ нѣсколько данныхъ, всегда одинакихъ и необходимыхъ; все прочее можетъ быть не перемѣняемо и не переставляемо по волѣ. Напротивъ, комедія требуетъ совершеннаго и непремѣннаго сцѣпленія всѣхъ частей: всѣ лица должны участвовать въ ходѣ ея; одни умышленно, другія неумышленно, должны подвигать дѣйствіе къ развязкѣ. — Примѣнивъ это правило къ *Горе отъ ума*, и мы увидимъ, что на немъ то именно сбылись слова г-на У. У. Каждая сцена можетъ быть переставлена и піэса отъ того не потерпитъ; говорящія лица (я немогу назвать ихъ дѣйствующими, потому что во все продолженіе комедіи никто рѣшительно ничего не дѣлаетъ), говорящія лица толкуютъ о томъ, о семъ, а чаще ни о чемъ — и расходятся!

Правда, кòмикъ изображаетъ намъ въ Чацкомъ человѣка умнаго и образованнаго, но не въ томъ смыслѣ, какъ вы это понимаете; въ Чацкомъ, комикъ не думалъ представить идеала совершенства, но человѣка молодаго, пламеннаго, въ которомъ глупости другихъ возбуждаютъ насмѣшливость; наконецъ человѣка, къ которому можно отнести стихъ поэта:

«Потерпитъ сердце нѣмоты!»

Les beaux ésprits se rencontrent!

Г. О. Сомовъ, которому я уже имѣлъ честь отвѣчать, также понялъ слова г. Дмитріева. — Если не хорошо повторять чужую мысль, то кажется, еще хуже присвоить себѣ чужую ошибку. Г. У. У., требуя истолкованія словъ: *умный* и *образованный*, и называя ихъ неопредѣленными, напоминаетъ извѣстнаго Метафизика, который непремѣнно хотѣлъ знать: время вещь какая. «Здѣсь отъ вашего взгляда укрылась глубокая мысль комика. Чацкій необходимо долженъ былъ говорить Софьѣ объ ихъ общихъ знакомыхъ. Вспомните, что Чацкій принятъ Софьею холодно; онъ невольно ищетъ предметовъ, которые должны напомнить ей ихъ прежнюю связь, а что̀ болѣе укрѣпляетъ эту связь между молодыми людьми, если не то положеніе, въ которомъ они передаютъ взаимно замѣчанія о томъ обществѣ, отъ котораго чувствуютъ себя отдаленными?

Сказано много, — увидимъ, правда-ли г. У. У. похожъ на тѣхъ коментаторовъ Виргилія, которые въ каждомъ словѣ видятъ особое намѣреніе.

А ларчикъ просто отпирался!

Ничего нѣтъ простѣе, какъ заставить двухъ людей, давно разлученныхъ, говорить объ общихъ знакомыхъ. — При свиданіи всегда предстоятъ три разговора: или разсказывать свои приключенія, или отдавать отчетъ въ своихъ чувствахъ, или разспрашивать о знакомыхъ лицахъ или вещахъ. Первое негодится для сцены; холодный пріемъ Софьи пресѣкъ второй разговоръ: и такъ остался одинъ третій. — Замѣтимъ однако, что послѣ холоднаго пріема Софьи, Чацкій дѣлаетъ логическую ошибку, начиная бранить ближнихъ: онъ долженъ знать, что этимъ еще болѣе раздражитъ ее. — Гдѣ же эта глубина мыслей, которая такъ удивила Г. У. У.? «На насмѣшку графини, зачѣмъ онъ въ чужихъ краяхъ не женился на какой нибудь модисткѣ, Чацкій отвѣчаетъ также насмѣшкою.»

Правда; но насмѣшка графини была вынуждена двумя грубыми отвѣтами Чацкаго, она спрашиваетъ:

Мсье Чацкій, вы въ Москвѣ! какъ были все такіе?

Одержимый духомъ самолюбія, Чацкій отвѣчаетъ:

На что мѣняться мнѣ?

Графиня видя, что онъ не понялъ ея вопроса, поясняетъ его другимъ:

Вернулись холостые?

Человѣкъ, не совершенно одичалый, если не захочетъ продолжать разговора, скажетъ просто: да или нѣтъ; самолюбивый Чацкій, обидясь, что графиня думала, будто на землѣ есть достойныя его невѣсты, отвѣчаетъ:

На комъ жениться мнѣ?

Тутъ оскорблено уже все сословіе женщинъ, и графиня совершенно права, отвѣчая ему насмѣшкою, а Чацкій неправъ, какъ невѣжа.

«Какимъ же образомъ комедія можетъ быть взята изъ Абдеритовъ, когда, по собственнымъ вашимъ словамъ, главныя дѣйствующія лица непохожи другъ на друга (о другихъ и говорить нечего)? — Одно обстоятельство одинаково у нихъ. Чацкій возвращается въ отечество и Демокритъ возвращается въ отечество; слѣдственно, по вашему, Чацкій и Демокритъ одно и тоже: прекрасная логика!»

И мы повторимъ, прекрасная логика! Г. У. У. совершенно столкнулся съ г. О. Сомовымъ: оба почитаютъ возвращеніе Чацкаго главною идеею «Горе отъ ума». Г. Дмитріевъ сказалъ только, что идея комедіи, т. е. противуположность главнаго лица съ лицами окружающими, а не сама комедія, взята изъ Абдеритовъ; оба критики перепутали слова

г. Дмитріева и жалуются на него, подобно Либрюіерову Разсѣянному, который самъ погасилъ свѣчу и жаловался, что темно.

«Незнаю, отвѣчать ли на увѣреніе ваше, что Чацкій есть Мольеровъ Мизантропъ въ каррикатурѣ. Крутонъ ненавидитъ приличія и предразсудки, Чацкій ненавидитъ приличія и предразсудки — слѣдственно Чацкій и Крутонъ одно и тоже: эта логика таже, что и въ вашихъ толкахъ о Демокритѣ. Не унижать хочу великаго Мольера, но какъ не сказать, что Крутонъ его, человѣкъ, жившій всегда въ свѣтѣ, и которому вдругъ, Богъ знаетъ почему, вздумалось на свѣтъ разсердиться, когда по его характеру ему невозможно никогда и быть въ этомъ свѣтѣ.»

«Крутонъ имѣетъ цѣлію одну нагую истину..... въ Крутонѣ, сколько ни старался Мольеръ сдѣлать его презирающимъ приличія, все виденъ придворный, и здѣсь нельзя не замѣтить величайшей несообразности между характеромъ, повторяю не возможнымъ въ большомъ свѣтѣ, съ этою легкою оттѣнкою вѣтренности... Крутонъ нѣкоторымъ образомъ человѣкъ, какъ говорится, благоразумный, расчетливый: онъ хочетъ отдѣлаться отъ графскаго сонета незнаніемъ.....»

Dixit! — Разберемъ эту длинную тираду, и мы увидимъ ту же логику, которою не разъ забавлялись. Г. Дмитріевъ сказалъ, что Чацкій есть Мольеровъ Мизантропъ въ мелочахъ и каррикатурѣ. — Посмотримъ, правда-ли это, и разсмотримъ вмѣстѣ доводы г. У. У. — Крутонъ ненавидитъ пороки и слабости людей, а не приличія; онъ упрекаетъ ихъ за злобу, коварство, корыстолюбіе, лесть, мстительность, — Чацкій ненавидитъ свѣтскія приличія и упрекаетъ за бритые подбородки и короткіе фраки. Первый нападаетъ на истинныя, вѣковыя причины людскихъ несчастій, другой теребитъ суточныя странности; одинъ великъ, другой мелоченъ; одинъ прекрасенъ,

другой каррикатуренъ. Крутонъ своимъ характеромъ теряетъ тяжбу, преданъ неправедно суду по доносу клеветника, обманутъ тою, кого любитъ, удаляется, сказавъ что идетъ — искать, гдѣ можно быть честнымъ человѣкомъ; характеръ его выдержанъ до конца этими словами, показывающими презрѣніе его къ людямъ. — Чацкій слыветъ сумасшедшимъ у людей, которыхъ мнѣніе для него ничего незначитъ; узнаетъ привязанность къ другому той дѣвушки, которая никогда не любила его, и уѣзжаетъ какъ селадонъ, искать мѣсто, гдѣ есть *уголокъ оскорбленному чувству*.

Тѣже положенія, только уменьшенныя, окаррикатуренныя.

Но откуда г. У. У. взялъ, что Крутонъ вдругъ разсердился на свѣтъ, съ которымъ будто-бы онъ и быть немогъ по своему характеру? Хорошо понялъ онъ Мольера! Крутонъ потому въ свѣтѣ, что любовь и тяжба его тамъ держатъ; онъ потому можетъ быть въ немъ, что Крутонъ непохожъ *пріемами* на Чацкаго, который какъ съ цѣпи сорвался; онъ показываетъ свою ненависть къ порокамъ только въ разговорѣ съ другими и любовницею; говоря съ другими, онъ хочетъ притвориться, но невольно измѣняетъ себѣ, и потому смѣшонъ и занимателенъ. Въ Крутонѣ ничуть не виденъ придворный; онъ самъ говоритъ, что никогда небылъ и не будетъ у Двора. Наконецъ, про Крутона то можно сказать, что его *сердце не терпитъ нѣмоты*, потому что, несмотря на всѣ усилія, онъ не можетъ удержаться. — Еслибы г. У. У. прочелъ Мизантропа, то избавилъ бы меня отъ труда толковать ему вещи самыя простыя. Онъ увидѣлъ бы, что великаго Мольера тогда унижаютъ, когда уродливые сколки съ безсмертныхъ образцовъ его стараются поставить выше этихъ образцовъ.

«Гдѣ вы нашли въ комедіи, что Чацкаго дурно принимаютъ за то, что онъ возвратился изъ чужихъ краевъ?»

А вы, г. У. У., гдѣ нашли это въ статьѣ М. А. Дми-

тріева? Хорошо ли такъ обнаруживать слабость защищаемой Вами стороны, и поминутно ошибаться, то неумышленно, то умышленно? Г. Дмитріевъ сказалъ только, что у насъ всякій пріѣзжій изъ чужихъ краевъ принимается съ восхищеніемъ — и это правда, что Чацкій дурно принятъ вопреки нашимъ правамъ — и это правда; но что̀ скажетъ г. У. У., когда я ему замѣчу, что Чацкаго принимаютъ дурно съ самого начала, когда еще никто не могъ замѣтить въ немъ новыхъ познаній?

«Подъ портретами нельзя представить себѣ ничего иного, какъ списка съ нравовъ общества; но вы говорите, что г. Грибоѣдовъ не попалъ на нравы общества; по вашему, комикъ изобразилъ нравы общества, а не изобразилъ нравовъ общества.»

Еслибы живописецъ сохранилъ потомству черты нѣкоторой особы, но, изобразивъ вѣрно портретъ, одѣлъ бы новаго Квинтиліана въ латы и Шаманскую шапку,—то сама особа эта сказала-бы: *живописецъ удачно изобразилъ портретъ*, но не попалъ на нравы общества.

Вотъ эти стихи:

«Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа издалека...»

«Вамъ кажется, что будтобы здѣсь сказано отворитъ дверь, случаемъ, издалеко, проѣздомъ; напрасно вамъ это кажется: *для* близорукахъ поставлена послѣ слова «дверь» запятая — нужно ли сказывать, что въ семъ стихѣ подразумѣвается глаголъ *явиться* или какой либо другой.»

Г. У. У. до конца вѣренъ своей логикѣ: онъ ставитъ запятыя не для зрячихъ, но для близорукихъ, и ему все равно— будутъ ли подразумѣвать глаголъ *явиться*, или *какой-либо другой*, хотя всякой другой глаголъ перемѣнитъ, или совер-

шенно уничтожитъ смыслъ фразы. Мнѣ очень грустно замѣтить, что г. У. У. не знаетъ употребленія знаковъ препинанія и берется судить о комедіяхъ и прологахъ. Если бы глаголъ *отворить* и могъ относиться къ стиху:

«Проѣздомъ, случаямъ, изъ чужа, издалека...»

то при исчисленіи многихъ признаковъ, относящихся къ одному глаголу, или существительному, каждый изъ сихъ признаковъ отдѣляется запятою.

«До Грибоѣдова слогъ нашихъ комедій былъ слѣпкомъ слога французскихъ; натянутыя, выглаженныя фразы, заключенныя въ шестистопныхъ стихахъ, приправленныя именами Милоновъ и Миленъ, заставляли почитать даже оригинальныя комедіи переводными; непринужденность была согнана съ комической сцены; у одного г. Грибоѣдова мы находимъ непринужденный, легкій, совершенно такой языкъ, какимъ говорятъ у насъ въ обществахъ; у него одного въ слогѣ находимъ мы колоритъ русской».

До чего пристрастіе доводитъ человѣка! Чтобы похвалить г. Грибоѣдова, г. У. У. рѣшается унижать предъ нимъ всѣхъ нашихъ драмматическихъ писателей, живыхъ и мертвыхъ, принося ихъ въ жертву своему комику, и каждое слово его есть неправда. 1. *Не любо не слушай, Тетушка* и *Урокъ женатымъ*, три комедіи кн. Шаховскаго, были написаны вольными стихами и приняты съ похвалою, когда публика еще и незнала о г. Грибоѣдовѣ. 2. *Липецкія воды, Пустодомы, Своя семья, Воспитаніе, Наслѣдники, Нерѣшительный* — гг. кн. Шаховскаго, Кокошкина, Загоскина и Хмельницкаго, — вотъ наши оригинальныя комедіи въ стихахъ: вопреки г. У. У., ни въ одной изъ нихъ нѣтъ ни Милоновъ, ни Миленъ; всѣ онѣ одобрены публикою за слогъ легкій, живой, правильный. Милоны и Милены встрѣчаются у Княжнина, но не въ оригинальныхъ, а въ подражательныхъ комедіяхъ. При томъ же, развѣ

Милоны и Милены не могутъ говорить чистымъ русскимъ языкомъ, а Софья Павловна Фамусова и Александръ Андреичь Чацкій — нарѣчіемъ, котораго непризнаетъ ни одна грамматика, кромѣ, можетъ быть, Лезгинской? Мы тотчасъ это увидимъ; дослушаемъ прежде г. У. У.

«Въ семъ случаѣ нельзя доказывать теоретически; но вотъ практическое доказательство истины словъ моихъ: почти всѣ стихи комедіи Грибоѣдова сдѣлались пословицами и мнѣ часто случалось слышать въ обществѣ цѣлые разговоры, которыхъ бо́льшую часть составляли стихи изъ Горя отъ ума».

Belle conclusion et digne de l'exhorte!

Когда г. У. У. обѣщаетъ практическое доказательство, то всякій здравомыслящій читатель по законамъ логики ожидаетъ, что критикъ представитъ въ примѣръ какое нибудь мѣсто изъ комедіи и разборомъ его докажетъ истину словъ своихъ. Ни чуть не бывало! Г. У. У., забывая, что публика не обязана вѣрить его божбѣ, увѣряетъ, что слыхалъ *цѣлые разговоры*, взятые изъ Горя отъ ума. На это я стану отвѣчать ему: 1) пусть представитъ онъ узаконенное число свидѣтелей; 2) цѣлые разговоры изъ какого-нибудь сочиненія могутъ брать только тѣ, которые сами не въ состояніи связать двухъ мыслей и двухъ словъ, и 3) будучи иногда по тяжебнымъ дѣламъ принужденъ бесѣдовать съ нетрезвыми дѣльцами, я слыхалъ, что они очень часто упоминаютъ въ разговорѣ стихи изъ сочиненій Нахимова: слѣдуетъ ли изъ этого, что Нахимовъ нашъ Ювеналъ и образецъ сатирическаго слога? Чтобы не сдѣлать ошибки, подобно г. У. У., представимъ истинно практическое доказательство, разберемъ начало отрывка, напечатаннаго въ «Таліи». Боясь утомить читатей выпискою всей сцены, я стану выбирать нѣкоторыя фразы, которыя имѣли бы отдѣльный, полный смыслъ.

Чуть свѣтъ, *ужъ на ногахъ*! и я у вашихъ ногъ!
Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? — говорите!
Чтожъ, ради? — нѣтъ? — *въ лицо мнѣ посмотрите.*
Удивлены? и только? — вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера *вдвоемъ*
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли.
Ни *на волосъ* любви! куда какъ хороши!
И между тѣмъ, не вспомнюсь, безъ души,
Я *сорокъ пять* часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семи сотъ пронесся, вѣтеръ, буря,
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ,
И вотъ *за подвиги* награда!

Къ чему относятся слова: на ногахъ? Если къ Софьѣ, то вѣрно Чацкій пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ застать ее *ужъ на ногахъ*, а не просто съ визитнымъ билетомъ. При томъ, кто, кромѣ лезгинца, скажетъ дѣвушкѣ: *вы ужь на ногахъ*? Какимъ образомъ Чацкій пристаетъ къ Софьѣ, чтобъ она *говорила*, когда онъ не даетъ ей рта разинуть? Это похоже на Мольерова Метафраста! Къ чему относится: *въ лицо мнѣ посмотрите?* Кажется, ни къ чему, кромѣ рифмы — *говорите. Какъ будто не прошло недѣли* — съ чего или отчего? Фраза ни чѣмъ не связана съ предыдущею и послѣдующею. *Вдвоемъ мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли* — лезгинская фраза! *Вдвоемъ* Софья и Чацкій могли надоѣсть другому, но не *другъ другу; мочи нѣтъ* требуетъ послѣ себя союза — *какъ. Ни на волосъ любви* — выраженіе неприличное. Конецъ тирады такъ перепутанъ, что трудно найти смыслъ; кажется, однакожъ, что *невспомнюсь* лучше бы сдѣлать дѣепричастіемъ; *безъ души* опять невыражаетъ этого мучительнаго ожиданія, но фраза вставлена для риѳмы. Если бы авторъ сказалъ: я въ сорокъ пять часовъ... то, не смотря на уродливое выраженіе — *глазъ мигомъ не прищуря*, котораго нѣтъ ни въ книжномъ, ни въ разговорномъ

слогѣ, не смотря на перестановку: *верстъ больше семи сотъ пронесся*, которая непозволительна въ языкѣ разговорномъ, можно бы было понять его фразу. *И вотъ за подвиги награда*! Иной подумаетъ, что Чацкій побѣдилъ полкана, или бабу-ягу; нѣтъ, всѣ его *подвиги* состоятъ въ томъ, что онъ *весь растерялся и падалъ много разъ*. Г. У. У. скажетъ, что въ разговорѣ можно дать пышный эпитетъ самымъ мелкимъ вещамъ. Такъ! да въ разговорѣ нельзя употребить слово *подвигъ* и нельзя подвигомъ назвать *страдательное положеніе* героя. — Послушаемъ, что отвѣчаетъ Софья:

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада.

Слава Богу, нашли одну правильную фразу! Но вспомнивъ слова г. У. У., что въ этой комедіи языкъ совершенно такой, какимъ *говорятъ въ обществѣ*, мы должны осудить и этотъ отвѣтъ Софьи, совершенно невинный передъ грамматикою. Въ обществахъ по фамиліи называютъ: 1-е) отсутствующихъ; 2-е) людей, которыхъ имени незнаютъ; 3-е) молодые люди (мужщины) другъ-друга, и 4-е) старшіе—младшихъ. Ни по одной изъ этихъ причинъ Софья не могла Чацкаго назвать иначе, какъ по имени, потому что она и не очень рада ему. Чацкій продолжаетъ:

Вы ради? — Въ добрый часъ!
Однакожъ, искренно, ктожъ радуется этакъ?
Мнѣ кажется такъ, напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя.

Въ добрый часъ! говорится, когда мы желаемъ кому счастливо начать дѣло; здѣсь употребленіе требовало *слава Богу*! Второй стихъ двусмысленъ: къ чему относится *искренно*? Просто-ли это значитъ: *признайтесь* искренно, или должно отнести

его къ радуется... Впрочемъ; лучше два смысла, чѣмъ никакого! *Напослѣдокъ* слово совершенно не нужное, ужасная вставка, показывающая, какъ тяжело автору доставались стихи; у него поминутно встрѣчаются или пропуски словъ, нужныхъ для смысла, или вставки нужныхъ для рифмы. Странно слышать, какъ защищаютъ это партизаны «Горя отъ ума». Въ первомъ случаѣ они говорятъ, что фразы никогда не бываютъ полными въ разговорѣ, а во второмъ утверждаютъ, что разговоръ общества всегда наполненъ лишними словами — *Я только тѣшилъ самъ себя*, опять вставлено для рифмы; иначе выдетъ самая варварская *потѣха: знобить людей и лошадей!* — Хотя Г. О. Сомовъ и говоритъ, что комедія хороша отъ того, что въ ней нѣтъ *плута слуги*; однакожъ, вопреки ему и вопреки нашимъ нравамъ, *плутовка служанка* продолжаетъ разговоръ:

Вотъ, сударь, еслибы, вы были за дверями...
Ей Богу! не прошло пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ;
Сударыня, скажите сами.

Въ первомъ стихѣ смыслъ не конченъ и выходитъ: *Еслибы вы были за дверями, не прошло пяти минутъ; тутъ* поставлено для рифмы. Софья продолжаетъ:

Всегда, не только что теперь.
Не можете мнѣ сдѣлать вы упрека.
Кто *промелькнетъ,* отворитъ дверь,

Проѣздомъ, случаемъ, изъ-чужа, издалека,
Съ вопросомъ я, *хоть будь морякъ,*
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ

Второй стихъ тяжелъ; въ разговорѣ скажутъ: *вы не можете упрекнуть меня*; кто *промелькнетъ*, того нельзя ни о чемъ

спросить — не успеешь. Воля г. У. У., а какъ ни подразумѣвай тутъ глаголъ *явиться*, или *какой либо другой*, все не будетъ смысла. Издалека — выговоръ книжный, вынужденный рифмою; говорятъ *издалека*. *Хоть буть морякъ* — опять мозаическое выраженіе. Послѣдній стихъ дуренъ по ужасной перестановкѣ словъ и потому, что въ Россіи нѣтъ *почтовыхъ каретъ*, а въ чужихъ краяхъ онѣ называются дилижансами.

Если разбирать такимъ образомъ всю комедію, то не достанетъ бумаги и терпѣнія. Замѣчу въ этой же сценѣ еще нѣсколько выраженій, которыя ревностные *прихожане* стараются выдать за образецъ слога разговорнаго, непринужденнаго:

Блаженъ, кто вѣруетъ! тепло ему на свѣтѣ!
Вздрогнемъ, *что* (когда?) скрипнетъ столикъ, дверь.
Вы разцвѣли прелестно,
Неподражаемо.
Безъ *думы* полноте *смущаться.*
А тотъ *далъ промахъ.*
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.
Французъ, *подбитый* вѣтеркомъ.
На съѣздахъ *на* большихъ.
Ещели *не сломилъ безмолвія печати.*
Звонками только что *гремя*
И день и ночь по *снѣговой пустынѣ.*
И какъ васъ нахожу? Въ какомъ-то *строгомъ чинѣ.*
Да, хорошо, (если?) сгорите, еслижъ нѣтъ?

Замѣтимъ, что кромѣ послѣдняго стиха, всѣ этѣ легкія и пріятныя фразы отпускаетъ главное, умнѣйшее и просвѣщеннѣйшее лицо въ комедіи.

Г. У. У. не хочетъ отвѣчать на мѣлочныя придирки г. Дмитріева къ Телеграфу. Г. Дмитріевъ замѣтилъ, что издатель журнала называетъ игранными пьесы, небывшія на сценѣ, и

даже разсказываетъ о впечатлѣніи, которое онѣ произвели надъ зрителями; *что тотъ же* самый издатель почитаетъ неслыханною новостью размѣръ $6^1/_2$ стопнаго ямба съ пиррихіемъ—подлинно придирки очень мѣлочныя! Развѣ г. Дмитріевъ не знаетъ, что издатель журнала не обязанъ говорить правду и не обязанъ знать Русской просодіи, о грамматикѣ и говорить нечего!

Г-ну У. У. кажется страннымъ, что г. Дмитріевъ оспориваетъ мнѣніе г. Полеваго, и между тѣмъ нежелаетъ входить съ *нимъ* въ состязаніе. А мнѣ кажется, это очень просто: мнѣніе г. Полеваго можетъ быть принято и другими: стало быть г. Дмитріевъ желаетъ оспорить только *мнѣніе*, не желая лично состязаться съ г. Полевымъ. Какъ критикъ, г. Дмитріевъ обязанъ былъ отдать и отдалъ отчетъ, почему онъ противорѣчитъ мнѣнію г. Полеваго; но никто не можетъ обязать критика обьяснить причины, по которымъ онъ не желаетъ имѣть состязаніе съ самимъ г. Полевымъ.

Симъ оканчиваю слишкомъ длинный отвѣтъ мой г. У. У. Да позволитъ онъ мнѣ, въ заключеніе, предложить ему нѣсколько вопросовъ:

1. Московскій Телеграфъ воюетъ со всѣми нашими журналами; кто виноватъ — одинъ или многіе?

2. Журналъ, отличающійся отъ других дурнымъ слогомъ, можетъ ли судить о слогѣ?

3. Можетъ ли судить о стихахъ человѣкъ, не знающій первыхъ правилъ просодіи?

4. Повѣсть о Попѣ Иванѣ не лучше ли всѣхъ прочихъ статей, помѣщенныхъ до сихъ поръ въ Телеграфѣ?

5. Почему г. Полевому ненравятся технологическія сравненія г. Д. Р. К.?

Пиладъ Бѣлугинъ.

Московскій Телеграфъ 1825 г. Книга IV № XIII.
Іюль стр. 21 и 22.

Приводя мои замѣтки на отрывокъ изъ комедіи *«Горе отъ ума»* Г. Ж. К. *пропускаетъ все, что я сказалъ въ похвалу сей превосходной комедіи*, и выписываетъ только тѣ слова, гдѣ я говорю, что надобно бы пожелать больше гармоніи и чистоты въ стихахъ Г. Грибоѣдова, что доказывалъ я, приводя нѣсколько словъ непріятныхъ или неправильныхъ. Я думаю, что такой пропускъ сдѣланъ г-мъ Ж. К. съ намѣреніемъ, чтобы какъ набудь, только обвинить меня! Послѣ выписки г. Ж. К. сердится зачѣмъ *я искажаю слова г. Грибоѣдова*. Къ сожалѣнію въ Телеграфѣ прокралась тутъ типографическая ошибка, вмѣсто — *глазъ мигомъ не прищуря*, напечатано — *глазомъ мигомъ не прищуря* — и это у безпристрастнаго г. Ж. К. значитъ *искажать чужія слова*! Далѣе г. Ж. К. защищаетъ всѣ выписанныя мною выраженія и снова выискиваетъ случай кольнуть меня: «У насъ не всѣ еще, *какъ видно*, понимаютъ свободу слога поэтическаго и въ комедіяхъ требуютъ размѣренныхъ стиховъ, шестистопныхъ сентенцій — гладкихъ фразъ». Если г. Ж. К. къ этимъ *не всѣмъ* причисляетъ и меня, то спрашиваю, гдѣ я всего этого требовалъ? Похваливъ, какъ должно было комедію *«Горе отъ ума»* я мимоходомъ замѣтилъ, что въ ней есть слова и выраженія грубыя и неправильныя — это скажу и теперь: не много, но есть, и слогъ вообще небреженъ, хотя слишкомъ выкупается другими достоинствами. Притомъ надобно замѣтить, развѣ могутъ быть стихи не размѣренные? развѣ въ вольныхъ стихахъ не заключается сентенціи? развѣ негладкія фразы могутъ быть пріятны? Ахъ, почтенный г. Ж. К. Votre arme à feu a pris rat!

Московскій Телеграфъ 1830 года № 12 и 13.

Московскій балъ, третье дѣйствіе изъ комедіи: Горе отъ ума (бенефисъ Г-жи Н. Рѣпиной).

Комедія: Горе отъ ума!.. Кто изъ грамотныхъ Россіянъ не знаетъ ее наизустъ, не смотря на то, что она до сихъ поръ не напечатана и на сценѣ не была выставлена вполнѣ: и кто не сознается въ томъ, что эта извѣстность есть самое убѣдительное доказательство высокаго достоинства сей пьесы и совершенно уничтожаетъ всѣ шипѣнія Вѣстника Европы, который во дни оны, общими силами своихъ клевретовъ, острилъ жало на безсмертное твореніе Грибоѣдова? Литтературные подъячіе никакими крючками не могутъ опровергнуть суда цѣлой націи, потому что тысячи читателей не сговариваются и не хвалятъ въ угодность пріятеля. Что всѣмъ нравится, то безспорно заслуживаетъ названіе истинно хорошаго! Такимъ-то образомъ наши современники оцѣнили комедію: Горе отъ ума. Но въ чемъ-же состоятъ всѣ достоинства сего произведенія? какъ оцѣнить оныя опредѣлительно? На эти вопросы могутъ отвѣчать книгопродавецъ и критикъ. Первый скажетъ: пьеса всѣмъ нравится и этого достаточно; второй можетъ утвердительно сказать: эта комедія вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ своего вѣка, и это рѣшеніе также поясняетъ все дѣло. Но будетъ-ли она въ равной мѣрѣ восхищать нашихъ потомковъ, спроситъ привязчивый литтературный судья? *Должна-ли* комедія Грибоѣдова нравиться будущему поколѣнію? Одно долголѣтіе опредѣляетъ настоящее достоинство сочиненія. На это мы отвѣчаемъ: что правда, то правда! Одно потомство можетъ судить безпристрастно, потому что все плѣняющее насъ и пригодное для насъ, не будетъ уже годиться по истеченіи столѣтія и не можетъ плѣнять нашихъ праправнуковъ.

Въ этомъ случаѣ потомство, для хвалимаго и всѣми любимаго сочиненія, есть тоже самое, что пятидесяти-лѣтній возрастъ для красавицы. Она уже не можетъ нравиться въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ, но она не теряетъ уваженія новѣйшаго поколѣнія, которое по преданіямъ и по портретамъ имѣетъ понятіе о ея минувшей красотѣ, а что всего важнѣе — оно плѣняется внучками бывшей красавицы, нѣсколько похожими на бабушку. Такова-же бываетъ участь отличнаго литтературнаго произведенія. Если оное восхищало своихъ современниковъ, то безпристрастное потомство не откажетъ ему въ должной справедливости и въ заслуженномъ уваженіи. Комедія, основанная на вѣрномъ изображеніи нравовъ и обычаевъ своего вѣка, не можетъ имѣть для позднѣйшаго поколѣнія той привлекательности, которую она имѣла во время своего появленія. Тѣмъ не менѣе такая комедія и послѣ тысячи лѣтъ не потеряетъ своей цѣны. Умъ человѣческій питается не будущимъ, а давнопрошедшимъ. Дѣла минувшія для него готовы, а то что будетъ твориться въ послѣдстіи, основывается только на мечтахъ и предположеніяхъ, которыя никогда не сбываются. Разсматривая остатки старины и изучая то, что достигло своей цѣли во дни оны, мы находимъ истинное наслажденіе для нашего любопытства, этого, смѣю сказать, умственнаго аппетита. Мы охотно разбираемъ то, что нравилось нашимъ предшественникамъ; мы съ удовольствіемъ угадываемъ настоящую цѣну обветшалаго изящнаго, и послѣ сихъ изысканій мы сознаемся въ важной истинѣ, что всякій производитель долженъ угодить своему вѣку, ни мало не заботясь о вѣкахъ предстоящихъ, которые будутъ имѣть своихъ угодниковъ. Все это длинное вступленіе, или, лучше сказать, отступленіе отъ нашего предмета, необходимо было для поясненія читателямъ причины странныхъ, противорѣчащихъ и даже нелѣпыхъ толковъ о рѣдкихъ, изящныхъ явленіяхъ на горизонтѣ нашей

Словесности. Какъ часто бываютъ приводимы въ недоумѣніе читатели нашихъ критикъ и рецензій! Одно и то же твореніе превозносится до небесъ въ одномъ журналѣ; въ другомъ осуждаютъ оное, ссылаясь на древнихъ и указывая на потомство. Мы осмѣлимся подробно разсмотрѣть, въ чемъ состоитъ обязанность критика современнаго ему сочиненія?

Будущее намъ неизвѣстно и о сужденіи потомства мы не должны заботиться. Древніе не могутъ удовлетворить потребностямъ нашего вѣка, потому что они отжили свой вѣкъ. Въ ихъ твореніяхъ можемъ мы отыскивать первоначальные образцы, которые въ подробностяхъ своихъ не годятся для настоящаго времени; словомъ: оные уподобляются стариннымъ сосудамъ, которые оцѣниваются по количеству и качеству метала, но по отдѣлкѣ своей уже неудобны къ употребленію, и посему не рѣдко переплавливаются, для того чтобы принять новый видъ, приличный современнымъ обычаямъ. Другое дѣло съ новѣйшими произведеніями. Мы въ оныхъ цѣнимъ не столько матеріялъ, сколько искуство дѣлателя. Въ такомъ случаѣ мы разсматриваемъ, сообразно-ли сочиненіе съ духомъ нашего времени? Вѣрно-ли изображаетъ оно то, что мы сами видимъ? Нѣтъ-ли въ ономъ натяжекъ и неправдоподобій? Есть-ли истина и приличная выразительность? Такимъ образомъ мы прежде всего оцѣняемъ *отдѣлку*, и такъ должно быть! Это неизбѣжныя требованія каждаго вѣка. Тщательное разсмотрѣніе, въ какой мѣрѣ оныя удовлетворены — составляетъ главнѣйшую обязанность современнаго критика. Въ исполненіе оной, прежде всего мы постараемся угадать цѣль автора комедіи: Горе отъ ума.

Театральныя представленія сего рода могутъ быть основаны на трехъ забавныхъ чертахъ нравственнаго міра: на неожиданной и непредвидѣнной запутанности происшествій, или какъ говорится на *интригѣ*; на смѣшной сторонѣ какого нибудь порока; и наконецъ на самыхъ странностяхъ современнаго намъ

общества. Въ послѣднемъ случаѣ представляется обширное поле для сатиры, и тутъ-то могутъ свободно дѣйствовать всѣ ея колкости! Этотъ предметъ былъ цѣлью Грибоѣдова. Онъ захотѣлъ изобразить своихъ современниковъ съ ихъ причудами, съ ихъ смѣшными приличіями, съ ихъ недостатками, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что мы всѣ видимъ, всѣ осуждаемъ и тѣмъ не менѣе всѣ соблюдаемъ и всѣ извиняемъ, въ самихъ себѣ и въ нашихъ ближнихъ. Я полагаю, что это самое лучшее поприще для таланта комическаго писателя! Онъ самъ живетъ въ такомъ мірѣ, онъ самъ наблюдаетъ всѣ его странности, онъ самъ, безъ помощи преданій, безъ ученыхъ изысканій, безъ посильныхъ догадокъ, усматриваетъ и узнаетъ тѣ мѣста, которыя онъ смѣло можетъ поражать стрѣлами своего остроумія. Сатира не убиваетъ; она укалываетъ слегка и заставляетъ уязвленнаго дѣлать движенія, которыя въ постороннихъ лицахъ возбуждаютъ смѣхъ, а не состраданіе. Это исправительное средство есть неоспоримо самое милостивое въ законахъ нравственнаго міра. — Намъ очень извѣстно, что первая мысль о сочиненіи комедіи: Горе отъ ума, породилось въ Грибоѣдовѣ во время пребыванія его въ Грузіи, въ странѣ, климатомъ и обычаями ея обитателей совершенно различной отъ Москвы, родины автора. Въ семъ цвѣтущемъ краю воспламенилось воображеніе поэта-живописца. Воспоминая о томъ, что онъ видѣлъ до тѣхъ поръ, сравнивая образъ жизни восточныхъ народовъ съ условными обыкновеніями жителей столицы просвѣщеннаго государства, сличая то и другое, Грибоѣдовъ отыскалъ смѣшную сторону Московскаго общества, въ средѣ коего онъ взросъ, котораго приличія имъ самимъ чтились такъ-же свято, какъ и членами онаго. Въ Грузіи, Грибоѣдовъ какъ будто очнулся. Тамъ стоялъ онъ на отдаленной точкѣ, съ которой могъ видѣть всѣ движенія, всѣ дѣйствія другаго міра, не участвуя самъ въ оныхъ, слѣдовательно могъ и судить объ нихъ по произволу и

по справедливости, снявши съ себя иго условныхъ законовъ. Грибоѣдовъ уже отшелъ къ жизни вѣчной. Если-бы оттуда онъ могъ гласить намъ, смертнымъ, то вѣроятно описалъ-бы всѣ наши земные суеты, всѣ наши жалкія заботы, въ видѣ самомъ смѣшномъ. Мы устыдились-бы, внимая симъ насмѣшкамъ сопричастника вѣчнаго блаженства, чуждаго нашихъ мѣлочныхъ занятій, и однакоже мы огорчились-бы его доказательствами, извлекающими насъ изъ сферы бытія суетливаго, ничтожнаго, но тѣмъ не менѣе счастливаго, удовлетворяющаго всѣмъ нашимъ желаніямъ и помышленіямъ. Такую-то связь устроилъ Грибоѣдовъ между нами, свидѣтелями, очевидцами всѣхъ недостатковъ и странностей современнаго намъ общества, и своимъ идеальнымъ Чацкимъ, существомъ, которое духомъ возвысилось въ лучшій міръ и между тѣмъ подвержено всѣмъ слабостямъ бреннаго бытія, само ознаменовано недостатками, и по неизбѣжному влеченію страстей привязано къ земному! Этотъ пламенный добрый, умный, благородный Чацкій, этотъ отважный врагъ всего того, что противно чести и понятію о истинно хорошемъ, этотъ Чацкій, влюбленъ и по страсти своей обязанъ быть въ обществѣ, которое совершенно для него неприлично. Въ добавокъ къ тому, по молодости, по пылкости своей, онъ сдѣлался нетерпѣливымъ, заносчивымъ; онъ не можетъ скрыть того, что лежитъ у него на душѣ; у него вырываются не нравоученія, и не брань, а какія-то колкія выходки, какъ будто невольно раждающіяся отъ его превосходства надъ всѣми окружающими его. Ознакомившись съ Чацкимъ, нельзя его не полюбить, но узнавши его характеръ, должно признаться, что нѣтъ средства ужиться съ такимъ человѣкомъ! И отъ чего-же это произошло? Давно-ли замѣчена его запальчивость? Разрѣшеніе сихъ вопросовъ покажетъ все искуство автора. Изъ самаго характера дѣйствующаго лица, не только замѣтно но даже очевидно, что въ юныхъ лѣтахъ Чацкій оказы-

валъ необыкновенный умъ, склонность къ насмѣшкѣ и со всѣмъ тѣмъ имѣлъ душу, которая хотѣла любить и любить. Любовь была ея пища, ея жизнь. Но между тѣмъ *умъ алчущій познаній* также требовалъ пищи. Для удовлетворенія сей потребности, Чацкій, страстно любящій Софью, рѣшился оставить и предметъ своего обожанія и родину, которая всегда бываетъ мила благородному сердцу. Чацкій сдѣлался на время *космополитомъ.* По словамъ Фамусова, онъ *рыскалъ по свѣту, билъ баклуши,* что дѣйствительно справедливо, потому что его путешествіе не имѣло никакой опредѣленной цѣли. Чацкій, по примѣру Байрона, хотѣлъ осмотрѣть всѣ страницы великой книги, называемой міромъ, и хотя въ немъ еще не замѣтно той мизантропіи и даже того эгоизма, которые оказываются въ знаменитомъ Шотландскомъ поэтѣ, но едва-ли, послѣ всѣхъ странствованій, Чацкій не былъ одинаковаго мнѣнія съ Чайльдъ-Гарольдомъ. Онъ искалъ пищи для души, онъ жаждалъ совершенства, и гдѣ, въ какой странѣ онъ ихъ нашелъ? Узнавши по опыту, что люди вездѣ одинаковы, что всѣ они имѣютъ тѣ-же страсти, тѣ-же недостатки, тѣ же причуды, разочарованный мечтатель возвратился на родину, которая привлекала его по неугаснувшему въ немъ пламени патріотизма. Сверхъ того, тамъ надѣялся онъ обрѣсти другое блаженство: тамъ ожидало его прелестное существо, его идеалъ, его земной ангелъ, его Софія, уже вполнѣ разцвѣтшая физически и нравственно. И страстный Чацкій увидѣлъ эту Софію!... И подлинно, нашелъ ее въ полномъ блескѣ созрѣвшей красоты! Но что-же?... Тутъ оказывается, какъ хорошо зналъ Грибоѣдовъ сердце человѣческое!

Прекрасная по наружности, умная, образованная Софья, во время отсутствія друга своихъ дѣтскихъ лѣтъ, любимаго ею Чацкаго, достигла того возраста, когда потребность любви оказывается въ полномъ смыслѣ, когда уже не дружба, а необхо-

димость быть любимою и привязаться къ своему обожателю, тревожитъ сердце молодой дѣвушки. Софья, лишившаяся матери еще въ младенческихъ лѣтахъ, единственная дочь человѣка, который дышитъ одними честолюбивыми разсчетами, Софья, безпомощная, относительно къ своей нравственности, не имѣющая наставниковъ и благоразумнаго надзора за собою, неприметнымъ образомъ прилѣпляется къ человѣку, который во всѣхъ поступкахъ отзывается низкимъ своимъ происхожденіемъ. Это Молчалинъ, чиновникъ, живущій въ домѣ Фамусова, своего благодѣтеля, но неспособный чувствовать цѣны благодѣянія. Этотъ презрѣнный Алексѣй Степановичъ, который по отцовскому завѣщанію, обязанъ *угождать всѣмъ людямъ безъ изъятія*, и даже *собакѣ дворника, чтобъ ласкова была*, это лицо столь естественное, такъ часто въ нашемъ быту встрѣчаемое и такъ хорошо знаменующее даръ наблюденія безсмертнаго Грибоѣдова — совершенно оправдываетъ несчастную Софью въ той безумной любви, которую она къ нему возымѣла. Чацкій могъ нравиться и быть любимымъ дитятемъ, четырнадцатилѣтнею дѣвочкою, которую онъ тѣшилъ своимъ остроуміемъ и ласками. Семнадцатилѣтняя Софья невольно увлеклась хитростями покорнаго прислужника ея родителя, готоваго представить себя влюбленнымъ и даже страстнымъ какъ Вертеръ, для того чтобы удержаться на своемъ выгодномъ мѣстѣ у значущаго чиновника. Бѣдная дѣвушка позабыла странствующаго друга своей юности, и полюбила негодяя Молчалина, который отвѣчаетъ ея склонности умильными словами, и между тѣмъ волочится за ея служанкою! Вотъ вѣрное изображеніе того, что нерѣдко дѣлается въ большомъ свѣтѣ! Вотъ совершенное знаніе страстей и наклонностей человѣческихъ! Это такая искусная черта, что самыя отвратительныя литтературныя піявицы, самые закоснѣлые, желчные подъячіе нашей Словесности не осмѣлятся къ ней привязываться. При подобныхъ сему изобрѣ-

теніяхъ, и зависть вынуждена бываетъ признать оныя истинно хорошими. — Угадывай причину странныхъ поступковъ существъ, называемыхъ разумными, умѣй представить ихъ въ самомъ правдоподобномъ видѣ — вотъ лучшее наставленіе всѣмъ подвизающимся на поприщѣ драматической Словесности... Но что-же дѣлаетъ тѣмъ временемъ Чацкій, этотъ искатель совершенства, этотъ нравственный Донъ Кихотъ, долженствующій, какъ и Рыцарь плачевнаго образа, обмануться во всѣхъ своихъ надеждахъ? Утомленный тщетнымъ преслѣдованіемъ мечтательнаго совершенства, свергнувшій съ себя иго приличій, онъ пріѣхалъ на родину съ возобновившеюся любовью къ Софьѣ и съ увѣренностію, что онъ ее обрадуетъ своимъ возвращеніемъ, что для нея также оживятся всѣ пріятности прежней любви, и... увы!... бѣдный Чацкій долженъ со вздохомъ сознаться въ томъ, что:

..... Тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

Софья принимаетъ его съ холодностью, не тѣшится болѣе его сатирическими выходками, не открываетъ ему тайны своего сердца, и мучитъ его недоумѣніемъ. Горестная встрѣча на этой родинѣ, гдѣ безпокойный Чацкій надѣялся обрѣсти по крайней мѣрѣ блаженство семейственной жизни, и гдѣ кромѣ Софьи нѣтъ и не можетъ быть ничего привлекательнаго для милаго мечтателя! Въ бывшемъ своемъ опекунѣ Фамусовѣ онъ находитъ того-же человѣка, закоснѣвшаго въ предразсудкахъ, того-же самаго идолопоклонника богатствъ и почестей, врага всего, что по мнѣнію его носитъ отпечатокъ вредныхъ и опасныхъ нововведеній, человѣка, душею принадлежащаго къ тому времени, когда вельможѣ безъ достоинствъ и безъ заслугъ покланялись какъ кумиру, въ чаяніи отъ него богатыхъ и высокихъ милостей. Чацкій не можетъ уважать Фамусова, и съ невоздержностью, свойственною молодому человѣку, опровер-

гаетъ всѣ сужденія старика умными, но тѣмъ не менѣе дерзкими выходками. Въ этомъ случаѣ ясно видно, что Чацкій томимъ желаніемъ лучшаго, что онъ страдаетъ глядя на несовершенства, на предразсудки своихъ современниковъ, что онъ облегчаетъ душу свою высказываніемъ горькихъ истинъ, и нельзя не согласиться, что въ этомъ-же случаѣ всякій человѣкъ, поступающій по примѣру Чацкаго, необходимо долженъ казаться страннымъ и даже безумнымъ при всемъ его умѣ! Такъ и представлено въ комедіи Грибоѣдова. Но теперь мы посмотримъ съ какимъ необычайнымъ искусствомъ (NB. при соблюденіи трехъ единствъ!) далъ авторъ правдоподобіе этому приключенію.

Въ домѣ зажиточнаго Московскаго хлѣбосола Фамусова дается нѣчто въ родѣ бала, въ тотъ самый день, когда пріѣхалъ Чацкій, и хотя Софья, хозяйка дома, не приглашала на этотъ вечеръ новопріѣзжаго друга своей молодости, но нетерпѣливый Чацкій является самъ и прежде всѣхъ. Мучимый недоразумѣніемъ и подозрѣніями, колеблемый въ своихъ догадкахъ на счетъ глупаго Молчалина и слишкомъ ласкаемаго Фамусовымъ Скалозуба — герой пьесы пользуется прежнею привиллегіею, и свойственными влюбленному, распросами надоѣдаетъ Софьѣ и даже мѣшаетъ ей переодѣться. Это очень не учтиво, и между тѣмъ какъ это натурально! Влюбленный Чацкій забылъ о протекшихъ трехъ годахъ, и о томъ, что Софья уже не дитя, что молодой мужчина не долженъ обходиться съ нею такъ фамильярно, какъ прежде. Вотъ страсть, заглушающая разсудокъ и въ самомъ естественномъ видѣ представленная авторомъ. Оскорбленная этою вольностію Чацкаго, и еще болѣе его колкими насмѣшками надъ ея любовникомъ, Софья пожимаетъ плечами и уходитъ въ свою комнату. Это злѣе самыхъ гнѣвныхъ отвѣтовъ! Это, явное доказательство совершенной холодности и даже презрѣнія! Это не только задѣло честолюбіе Чацкаго,

но даже растревожило его желчь, возжгло въ немъ какую то злость, каторая оказывается въ немъ при встрѣчѣ со многими знакомыми ему лицами, пріѣхавшими на вечеръ. Онъ почти всѣхъ ихъ угощаетъ сарказмами, очень остроумными, но не приличными въ обществѣ. Отъ Софьи Чацкій не отстаетъ, и увлекаясь своею досадою, бѣситъ ее вторичною злою эпиграммою на счетъ любимаго ею Молчалина. У разсерженной Софьи вырывается самое обыкновенное выраженіе: онъ не въ своемъ умѣ! Это слово подхвачено однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя живутъ пустословіемъ, не находя въ своихъ головахъ двухъ порядочныхъ и связныхъ мыслей. «Ужели съ ума сошелъ?» спрашиваетъ Софью пустомѣля. У раздосадованной дѣвушки сей часъ породилась идея жестокой мистификаціи. Она подтвердила вопрошаемое, и въ пять минутъ вѣсть о сумасшествіи Чацкаго, *по секрету*, разнеслась во всемъ собраніи. Эти сцены написаны съ неподражаемымъ мастерствомъ; миніатюрный и очень вѣрный портретъ стогласной молвы, дающей правдоподобіе самымъ нелѣпымъ и вздорнымъ слухамъ. Тутъ, по видимому, авторъ держался во зло употребляемой пословицы: гласъ народа, гласъ Божій (*), и для довершенія своей прелестной картины, олицетворилъ другую поговорку: дошли вѣсти до глухаго! — Сцена *недослышавшей* графини Хрюминой съ совершенно оглохшимъ княземъ Тугоуховскимъ, можетъ назваться не только истинно-комическою, но даже образцовою. Какъ забавны недоразумѣнія глухой старухи, и ея толки о *бусурманствѣ* Чацкяго! Какъ смѣшны отвѣты князя, который

(*) Vox populi, vox Dei Это выраженіе у Древнихъ оцѣняло достоинство всякаго правленія, ссылаясь или на благодарность или на ропотъ цѣлой націи. Въ Русскомъ переводѣ оное употребляется для удобнѣйшаго распространенія самыхъ глупыхъ толковъ, клеветы, гнусныхъ догадокъ на счетъ ближняго, и тому подобныхъ занятій праздныхъ людей. Времена перемѣнчивы.

ничего не можетъ сказать кромѣ Ахмъ, и Эхмъ!.. Вся компанія собирается на сцену, всѣ дѣйствующіе толкуютъ о мнимомъ сумасшествіи Чацкаго, судятъ по своему — и вотъ изъ другой комнаты выходитъ герой пьесы, раздраженный пустословіемъ какого-то француза, и по своей запальчивости воспламенившійся патріотизмомъ. Весьма не кстати, однако самымъ естественнымъ образомъ, заносчивый Чацкій начинаетъ многоглагольствовать о любви къ отечеству, о вредномъ вліяніи иностранныхъ обычаевъ, и проповѣдь свою, по привычкѣ, приправляетъ сарказмами. Такой языкъ не можетъ быть понятенъ для праздныхъ жителей столицы, собравшихся повеселиться на балѣ. Все это для нихъ, какъ говорится, сущая тарабарская грамота. Они пожимаютъ плечами, отходятъ въ сторону, и болѣе убѣждаются въ мнимомъ безуміи бѣднаго Чацкаго. Но этого еще мало: Чацкій обязанъ самъ узнать о сей нелѣпой вѣсти. Въ послѣднемъ дѣйствіи онъ самъ слышитъ, какъ шесть княженъ увѣряютъ добраго враля Репетилова о достовѣрности помѣшательства Чацкаго. Мастерская черта! Но за оною слѣдуетъ и другая. Чацкій, нечаяннымъ образомъ дѣлается свидѣтелемъ низости Молчалина и негодованія обманутой Софьи. Измѣнница наказана, но счастливѣе-ли отъ того Чацкій? Онъ принужденъ вырвать изъ сердца ту любовь, которая его утѣшала, которая питала его надеждою блаженства! Какое глубокое знаніе страстей человѣческихъ является въ семъ случаѣ! Если-бы авторъ комедіи былъ живъ, то мы посовѣтовали-бы ему избрать къ оной слѣдующій эпиграфъ: «Если хочешь имѣть враговъ и отравить жизнь свою огорченіями, то будь умнѣе другихъ и люби правду!» Такова была судьба героя пьесы. Кажется, въ нашъ вѣкъ нѣтъ недостатка въ подобныхъ случаяхъ!

Теперь обратимся къ вышесказаннымъ условіямъ современной критики и разсмотримъ: соображенъ-ли подробно описанный

нами характеръ Чацкаго съ духомъ нашего времени? Встрѣчаемъ-ли мы оный въ нашемъ быту? Въ изображеніи онаго найдемъ-ли мы истину и приличную выразительность? Прибавимъ къ сему еще одно требованіе: не заимствованъ-ли откуда нибудь этотъ характеръ, эта душа цѣлой пьесы? Будемъ отвѣчать на послѣднее. Чацкій есть не иное что, какъ Мольеровъ Альцестъ, возродившійся по истеченіи полутораста лѣтъ, въ другомъ краѣ, въ другомъ обществѣ и съ другими причудами мизантропіи или, лучше сказать, излишней филантропіи, потому что ни Альцеста, ни Чацкаго нельзя упрекнуть въ ненависти къ людямъ. Напротивъ: желаніе лучшаго для рода человѣческаго было единственною причиною ихъ крутаго нрава, ихъ негодованія на злоупотребленія, ихъ жестокихъ выходокъ противъ современныхъ обычаевъ, словомъ, неумѣстнаго и безпрерывнаго раздраженія ихъ желчи. Да! Чацкій есть не иное что, какъ правнукъ Альцеста. Но какъ воспользовался Грибоѣдовъ симъ заимствованіемъ? Мизантропъ Мольера до сихъ поръ является на сценѣ, почти на всѣхъ Европейскихъ театрахъ. Будетъ-ли имѣть одинаковую участь Чацкій? Отвѣчаемъ: нѣтъ! Чацкій можетъ нравиться на сценѣ только въ наше время, и для потомства онъ сдѣлается привлекательнымъ предметомъ изученія нравовъ и обычаевъ прошедшаго; Чацкій исключительно принадлежитъ той эпохѣ, въ которую создалъ его Грибоѣдовъ. И это требуетъ подробнаго разсмотрѣнія. — Обратимъ наше вниманіе на тѣхъ молодыхъ людей, которые были во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, назадъ тому лѣтъ сорокъ или болѣе. Многіе изъ нихъ еще существуютъ до сихъ поръ. Какой былъ въ то время ихъ образъ мыслей? Къ чему они стремились? Что было главнѣйшею цѣлью ихъ жизни? Все это для насъ не тайна, и самъ Грибоѣдовъ показываетъ намъ истину въ разсказахъ Фамусова. Тогда молодые дворяне, получившіе хорошее воспитаніе мѣтили въ знать; отечеству служили они для

пріобрѣтенія чиновъ; женились по разсчетамъ, и кромѣ знатности и богатства, ничего не имѣли въ виду. Таковъ былъ духъ того времени. Но вмѣстѣ съ симъ нельзя не сознаться что въ тѣ годы скромность, приличная незрѣлому возрасту, и неподдѣльное, не ложное уваженіе къ старости были почти всеобщимъ свойствомъ молодыхъ людей. Они гордились и превозносились только успѣхами по службѣ и чаемымъ наслѣдствомъ отъ родственниковъ. Вотъ что возвышало ихъ предъ другими. Теперь все это измѣнилось. Нынѣ, молодежь возчувствовала необходимость въ ученіи, страстно прилѣпляется къ узнанію всѣхъ произведеній разума человѣческаго, взираетъ на своихъ предшественниковъ не слишкомъ благопріятнымъ окомъ, и естественнымъ образомъ пріобрѣтаетъ какую-то дерзость въ отношеніи къ людямъ, вышедшимъ изъ круга современныхъ понятій. Ни прежнихъ, ни новѣйшихъ нельзя строго судить въ семъ случаѣ. Тѣ были хороши для своего времени, наши—пригодны для настоящаго, и образомъ своихъ мыслей, обѣщаютъ что-то лучшее для потомковъ, которыхъ мы не дождемся. Къ сей послѣдней средѣ неоспоримо принадлежитъ Чацкій. Онъ является между нами, какъ судья двухъ поколѣній. Указывая на недостатки прошедшаго, онъ въ самомъ себѣ не утаиваетъ всѣхъ недостатковъ настоящаго. Чацкій можетъ назваться представителемъ нашихъ мнѣній о минувшемъ, и нашихъ надеждъ на будущее, лучшее, совершеннѣйшее. Чацкій дразнитъ своихъ современниковъ, и посему долженъ вытерпѣть горе, происходящее отъ ума. Такъ уже водится! Еще вопросъ: общество, въ коемъ дѣйствуетъ Чацкій, всѣ окружающіе его, всѣ убѣжденные въ его безуміи, точно-ли принадлежатъ нашему времени? Носятъ-ли они на себѣ отпечатки нашихъ обычаевъ? Не въ идеальный-ли какой нибудь міръ вмѣстилъ авторъ главное лицо комедіи? Нѣтъ! Грибоѣдовъ приводитъ зрителя именно въ Москву и съ вѣрностью показываетъ

ему духъ общества сей столицы, не ранѣе какъ въ *двадцатыхъ годахъ* текущаго столѣтія. Всѣ дѣйствующія лица пьесы кажутся намъ какъ будто знакомыми. Это галлерея вымышленныхъ портретовъ, въ коихъ мы видимъ такую выразительность, что каждый изъ насъ, глядя на оные, старается угадать, съ кѣмъ они схожи. Это доказывается тѣмъ, что многіе до сихъ поръ пріискиваютъ подлинниковъ для сихъ чадъ фантазіи Грибоѣдова. Нельзя не сознаться въ томъ, что подобная мистификація цѣлой публики есть ясное доказательство высочайшей степени искуства. — Комедія: Горе отъ ума, принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ явленій, которыя составляютъ важную эпоху въ Исторіи Словесности и могутъ назваться знаменіями своего вѣка. Это вѣнецъ безсмертія Грибоѣдова. Въ прошедшемъ году я встрѣтился въ театрѣ съ однимъ изъ первоклассныхъ нашихъ поэтовъ и узналъ изъ его разговоровъ, что онъ намѣренъ отправиться въ Грузію. «О Боже мой», сказалъ я горестно, «не говорите мнѣ о поѣздкѣ въ Грузію. Этотъ край можетъ назваться врагомъ нашей Литературы. Онъ лишилъ насъ Грибоѣдова!» — Такъ что-же, отвѣчалъ поэтъ, — вѣдь Грибоѣдовъ сдѣлалъ свое. Онъ уже написалъ Горе отъ ума. — Въ семъ изрѣченіи отличнаго писателя заключается краткая, но вѣрная оцѣнка разбираемаго нами творенія.

Послѣ сего длиннаго и тѣмъ не менѣе очень сокращеннаго исчисленія достоинствъ пьесы, надобно дать отчетъ о томъ, какъ было представлено 3-е дѣйствіе этой Комедіи, дѣйствіе самое живое, самое натуральное, которое можетъ назваться картиною современнаго Московскаго общества. Иногородные читатели вѣроятно полагаютъ, что актеры Московскаго театра, которымъ совершенно извѣстны всѣ обыкновенія жителей древней столицы, на сей разъ были въ настоящей своей сферѣ, и что Москва въ миніатюрѣ, съ удивительною вѣрностью изображенная, явилась на сценѣ большаго театра. Этого и мы ожидали,

прежде представленія. Но... увы! Горе, горе! только не отъ ума, а отъ дурной обстановки пьесы! Представленіе, такъ названнаго Московскаго бала, уподоблялось разыгрыванію творенія Моцарта, или Вебера, оркестромъ не стройнымъ, не слаженнымъ, гдѣ ни одинъ музыкантъ не согласовался съ гармоніею цѣлаго. Исчисленіе всего того, что искажало это представленіе, заняло-бы болѣе страницъ, нежели сколько мы ихъ употребили на разсмотрѣніе безсмертной комедіи. А посему мы умолчимъ о семъ прегрѣшеніи нашей труппы. Только одно изъ дѣйствующихъ лицъ удовлетворило ожиданіямъ публики. Это князь Тугоуховскій, который не говоритъ ни одного слова. Но молодой артистъ Г. П. Степановъ, такъ мастерски умѣлъ преобразиться въ дряхлаго московскаго барина, такъ искусно поддѣлалъ свою походку и физіономію, что мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность отдать ему должную справедливость. Этихъ-то правдоподобныхъ, разительныхъ поддѣлокъ, этихъ-то очаровательныхъ ухищреній сценическаго искуства, и недостаетъ у нашихъ актеровъ, а безъ нихъ—картина цѣлаго общества будетъ не представлена на театрѣ, но только *прочитана*. Комедію можно прочитать и дома.... Но это еще не одно оскорбленіе превосходному творенію Грибоѣдова. На аффишѣ, во французскомъ переводѣ этотъ московскій балъ названъ: le bal de Moscou, т. е. балъ Москвы (!), а Горе отъ ума переведено: Malheur à force d'esprit (!!!!). Повторимъ еще разъ со вздохомъ: горе, горе!.., только не отъ ума, а отъ безграмотныхъ переводовъ.

В. У.

Театральный альманахъ на 1830 г.

Обзоръ репертуара Русскаго театра стран. 3.

Наконецъ послѣ Фонъ-Визина, Грибоѣдовъ первый написалъ Русскую комедію и вѣрно изобразилъ наше общество, характеры, предразсудки и разговоръ. Нельзя, кажется, проговорить четверти часа, о чемъ бы то ни было, чтобъ не пришлось сказать какого нибудь стиха изъ *Горе отъ ума*; стихи эти, поневолѣ врѣзавшись въ памяти, невольно вырываются въ разговоръ. Къ несчастію это геніальное произведеніе не можетъ быть представлено на сценѣ, по крайней мѣрѣ, не въ томъ видѣ, въ какомъ сочинено, (даже оно не напечатано) — слѣдственно едва ли можетъ считаться собственностію Русской Таліи.

Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. С. Грибоѣдова, представлена въ первый разъ вполнѣ, на Большомъ театрѣ, въ бенефисъ г. Брянскаго, 26 января.

(Сѣверная Пчела за 1831 г. № 31 и 32).

Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, проѣхавъ Россію нѣсколько разъ вдоль и поперегъ, съ тѣхъ поръ, какъ сія комедія пошла по рукамъ, въ рукописи, увѣрялъ насъ, что въ Россіи находится болѣе сорока тысячъ списковъ сего единственнаго произведенія.—Каждый, кто только читаетъ у насъ (разумѣется по-Русски), кто только заглядывалъ въ книгу, знаетъ *Горе отъ ума*, и нѣтъ русскаго грамотнаго дома, отъ дворянина до посадскаго, гдѣ бы не было списка сей комедіи. Весьма многіе знаютъ ее наизустъ, отъ доски до доски. Отъ чего же этотъ быстрый успѣхъ? Отъ того, что это вещь народная, рус-

ская, что каждый можетъ повѣрить въ разныхъ концахъ Россіи оригиналы, которые авторомъ собраны въ одно мѣсто, въ Москву. При томъ языкъ истинно разговорный, непринужденный; стихосложеніе не натянутое, и — главное: чувство пламенной любви къ отечеству, на которомъ основана комедія. Вотъ причины ея успѣха!

Комедія: *Горе отъ ума* не можетъ нравиться на сценѣ, такъ, какъ ее даютъ нынѣ, сколько нравится въ чтеніи. Мы объяснимъ одну изъ главныхъ причинъ этого различія. При представленіи каждаго новаго драматическаго произведенія, въ которомъ характеры созданы авторомъ, а нескопированы съ другихъ характеровъ, изъ старыхъ сочиненій, не передѣланы на новый ладъ, и когда характеры сіи, почерпнутые изъ свѣтской жизни, появляются въ первый разъ на сценѣ, должно непремѣнно, чтобъ великіе артисты создавали также свои роли. Каждый вѣкъ, каждая эпоха порождаетъ новыя странности, новые характеры, сообразно гражданскому и политическому состоянію общества, и генія.—Авторъ, равно какъ геній-артистъ пользуется этимъ, чтобъ создавать, творить, вѣрно изображая натуру. Грибоѣдовъ исполнилъ свое дѣло, но господа артисты непостигли его и въ половину. Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ сей комедіи, одна только А. М. Каратыгина совершенно поняла автора, и представила на сценѣ именно ту женщину, какая изображена въ комедіи. Всѣ прочіе господа артисты, (между которыми есть впрочемъ весьма искусные) болѣе или менѣе отступаютъ отъ подлиннаго смысла ролей, и тѣмъ чрезвычайно вредятъ пьесѣ.

Г. Рязанцевъ (отличнѣйшій актеръ) представляя Фамусова, изображалъ его какимъ-то *мѣщаниномъ во дворянствѣ* или копіей *Богатонова*. Фамусовъ смѣшонъ своими предразсудками, своими понятіями о людяхъ, о дѣлахъ, а не суетливостію, не простотою! Это московскій баринъ, *фигура важная*, кото-

рый хотя и забывается на время съ прекрасною горничною, но все таки онъ человѣкъ хорошаго тона, старый дворянинъ, въ родствѣ съ князьями и графами, притомъ даетъ балы! Въ игрѣ г. Рязанцева нѣтъ никакой важности, нѣтъ того, что называется aplomb, которымъ отличаются люди, живущіе въ высшемъ кругу. Г. Рязанцевъ подражаетъ въ этой роли игрѣ покойнаго Боброва, въ простодушныхъ старикахъ. Это совсѣмъ не то!

Софью Павловну играетъ г-жа Семенова во сто кратъ не удачнѣе. Авторъ изобразилъ дѣвицу высшаго круга, которой всѣ недостатки происходятъ отъ того, что она воспитана дурно, наемницею француженкою, и имѣла передъ глазами дурные примѣры въ лицѣ своихъ родителей. Она начиталась французскихъ романовъ, создала себѣ, въ воображеніи, идеалъ любовника и вѣритъ, что бездушный Молчалинъ есть подлинникъ этого идеала. Должно замѣтить притомъ, что лишившись матери въ дѣтствѣ, и будучи хозяйкой въ домѣ, она вольна въ обхожденіи, имѣетъ нѣсколько рѣзкій тонъ и насмѣшлива, mordante.— Что же мы видѣли въ г-жѣ Семеновой? Она играла роль Софьи Павловны, какъ обыкновенно должно играть *амплуа первыхъ влюбленныхъ въ комедіяхъ*, говорила, ходила, прочла всѣ стихи наизустъ—и только! Свѣтскости нѣтъ и тѣни! Она даже явилась на балъ въ беретѣ! Дѣвица на балѣ въ беретѣ!—Непростительно! Уважая дарованіе г-жи Семеновой, мы бы совѣтовали ей перемѣнить своего учителя декламаціи; а не то, съ ея талантомъ будетъ тоже, что сталось съ талантомъ покойной Дюровой (въ замужествѣ Каратыгиной меньшой). Надежды было много, а вышла едва стерпимая посредственность. Первыя впечатлѣнія изглаживаются съ трудомъ. Для пользы искусства мы просили бы нашу несравненную комическую актрису, г-жу Каратыгину, поучить г-жу Семенову. Она, право, стоитъ попеченій. Г-жа Марсъ образовала не одну хорошую актрису!— Чацкаго играетъ г. Каратыгинъ б. Намъ досадно, что мы дол-

жны сказать, г. Каратыгину б, что онъ неудовлетворяетъ насъ въ этой роли! Впрочемъ, можно-ли быть вмѣстѣ и хорошимъ трагикомъ и комикомъ? Едва-ли! По крайней мѣрѣ, примѣры рѣдки. Мы видѣли Тальму два раза въ комедіи, въ роляхъ нѣсколько похожихъ на характеръ Чацкаго — и великій Тальма неудовлетворилъ ни насъ, ни знатоковъ. Онъ все сбивался на героя! Чацкій, молодой, образованный человѣкъ, благородный душею, видитъ странности и пороки, которые хотятъ представить предъ нимъ добродѣтелями, по силѣ господствующихъ предразсудковъ, и просто насмѣхается надъ людьми, которые незаслуживаютъ уваженія, хотя чванятся заслугами. Досада пробивается иногда сквозь насмѣшку. Но тонъ его долженъ быть насмѣшливый съ нѣкоторою благородною гордостью, а не трагическій! Г. Каратыгинъ, напротивъ того, является какимъ-то Агамемнономъ, смотритъ на всѣхъ съ высоты Олимпа, грозно и величаво, и читаетъ тирады (сатирическія выходки на наши нравы), какъ приговоры судебъ; трагическимъ тономъ произноситъ стихи легкіе, комическіе, какъ стихи Грузинцова въ Эдипѣ царѣ! Нето, совсѣмъ нето! Даже и тираду, начинающуюся стихами:

Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?

и другую тираду:

Ахъ! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у Китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ....

должно читать не трагически, не съ порывами, а просто, точно такъ, какъ бы каждый изъ насъ сказалъ это въ обществѣ, и какъ многіе изъ насъ повторяютъ это въ дружескомъ кругу, только въ прозѣ и другими словами. Намъ кажется, что лучше начать съ полухохотомъ тираду: «Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,» и продолжать, хотя нѣсколько по серьознѣе, но

все таки не трагически. Г. Каратыгинъ взялъ за образецъ *Мизантропа*, такъ какъ г. Рязанцевъ *Мѣщанина во дворянствѣ*! Оба испортили дѣло.

Репетиловъ, единственное созданіе, Репетиловъ также не тотъ человѣкъ въ лицѣ Сосницкаго. Репетиловъ просто лжецъ, болтунъ и негодяй. Онъ говоритъ встрѣчному и поперечному вздоръ, что придетъ въ голову; ему никто не вѣритъ; каждый гонитъ его прочь, съ насмѣшкою.

«Ты Репетиловъ-ли?» говоритъ ему Чацкій, въ отвѣтъ на его разсказы. Вотъ разгадка характера Репетилова! — Чацкій улыбается, слушая его, или прерываетъ, чтобъ оказать свое презрѣніе. Г. Сосницкій представляетъ полупьянаго мота (о чемъ нѣтъ и помину въ комедіи), который сознается въ своихъ поступкахъ, раскаивается! Нето, совсѣмъ нето! Репетиловъ есть лжецъ, который, чтобъ только занять человѣка, выдумываетъ небылицы на себя и на другихъ. Должно, чтобъ зрители замѣтили, что онъ лжетъ.

Загорѣцкій плутъ хорошаго тона, имѣющій, какъ говорится, *манеры*, всѣ пріемы большаго свѣта, принимаемый въ лучшемъ кругу. Г. Каратыгинъ м. бѣгаетъ, согнувшись, по театру, подслушиваетъ чужія рѣчи, представляетъ какого-то лазутчика. Какъ мила сцена, въ которой Горичь рекомендуетъ его Чацкому, какъ плута, а Загорѣцкій отвѣчаетъ:

Оригиналъ, брюзгливъ — а безъ малѣйшей злобы! Это надлежало произнесть съ улыбкою, съ нѣжностью, какъ комплиментъ; а г. Каратыгинъ бросился въ сторону, какъ заяцъ отъ охотника, и сказалъ это на лету, про себя! — За чѣмъ это горбленье, за чѣмъ высунутая впередъ шея, за чѣмъ подслушиванье? Этакъ не ведутъ себя въ обществахъ — даже и отъявленные плуты.—Загорецкій похожъ на маркиза!—Жаль! вовсе испорченъ характеръ.

Что сказать о г. Брянскомъ? Мнѣ станутъ отвѣчать: его

роль такъ мала, что таланту негдѣ было развернуться. Но онъ изобразилъ прекрасно такого мужа, какого хотѣлъ представить авторъ. Въ томъ-то и сила, М. м. Г. г., чтобъ нѣсколькими стихами очертить характеръ, и произнеся едва нѣсколько словъ, передать этотъ характеръ въ томъ видѣ, какъ желалъ авторъ!

Молчалинъ, безсловесный прислужникъ своего начальника, притворяется влюбленнымъ въ дочь его, для того только, что такъ хочетъ дочь, а ему отецъ завѣщалъ угождать всѣмъ, даже

«Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была!» Молчалинъ—удивительное созданіе комика! Молчалинъ, который въ службѣ неимѣетъ другой цѣли, кромѣ:

«Чтобъ награжденья брать и весело пожить!» который играетъ въ бостонъ со старухами, и гладетъ ихъ собачекъ; который увѣренъ, что человѣкъ не долженъ имѣть своего мнѣнія! Боже мой! Есть люди, которые оспариваютъ талантъ у Грибоѣдова, а еслибъ онъ не создалъ ничего, кромѣ характера Молчалина, то Мольеръ увѣнчалъ бы его собственнымъ вѣнцомъ! Г. Дюръ игралъ не дурно, хотя также не понялъ многихъ стиховъ, и неумѣлъ оттѣнить ихъ, какъ должно. Впрочемъ, мы надѣемся, что со временемъ, онъ будетъ играть эту роль въ совершенствѣ — разумѣется, если захочетъ въ нее вникнуть,

Роль Скалозуба такъ мала на сценѣ, что объ ней сказать нечего. Князя Тугоуховскаго—тоже.

Г-жа Ежова б. играетъ не дурно въ нѣкоторыхъ роляхъ, сочиненныхъ нарочно для нее. Она съ особеннымъ искусствомъ представляетъ бранчивыхъ, крикливыхъ старухъ, деревенскихъ провинціальныхъ барынь того же характера. Но въ роли графини Хлестовой она была совершенно не на мѣстѣ, и не произнесла ни одного, рѣшительно ни одного стиха, такъ какъ должно. Она неимѣетъ понятія, что такое *интонація* въ чтеніи! Мы ненамѣрены давать ей совѣтовъ и уроковъ, но жела-

ли бы видѣть кого нибудь другаго въ этой роли. — Въ ея роли находятся прелестные стихи:

Полечатъ, вылечатъ авось,
А ты неисцѣлимъ—хоть брось!

Лизу играла слишкомъ холодно, г-жа Азаревичева и неумѣла высказать блестокъ остроумія въ стихахъ автора. Она читала стихи Грибоѣдова, какъ читаютъ повѣсть о Францилѣ Венеціянѣ! — Всѣ прочія дамы наши, приглашенныя на балъ (исключая г-жу Каратыгину), не поняли своихъ ролей не поняли стиховъ Грибоѣдова, читали—только что не по складамъ, безъ интонацій, т. е. безъ измѣненія голоса, сообразно предмету и притомъ такъ тихо и невнятно, что все это потеряно было для публики.

Вообще цѣлая комедія представлена не въ надлежащемъ видѣ. Кромѣ г-жи Каратыгиной б. и г. Брянскаго, никто непостигъ характеровъ, никто непонялъ стиховъ Грибоѣдова. Горькая истина — а должно высказать! Почти каждый стихъ Грибоѣдова есть эпиграмма, каждая фраза или картина или очеркъ характера. Сколько надобно образованности, сколько начитанности, сколько познанія свѣта и нашихъ обычаевъ, чтобъ постигать сіи красоты, и вдвое надобно искуства, чтобы передать мысли и чувства автора въ чтеніи, въ декламаціи! Ничего этого мы невидали на нашей сценѣ! Публика всегда толпится и будетъ толпиться въ представленія *Горе отъ ума*, потому что едва ли не половина зрителей знаетъ наизустъ комедію, по крайней мѣрѣ знаетъ, какой стихъ, какое мѣсто слѣдуетъ одно за другимъ. *Горе отъ ума* — есть народная собственность, и какъ бы ее ни играли, она всегда будетъ привлекать зрителей. Ученики Лагарпа говорятъ, что въ ней мало интриги. Это отчасти справедливо. Но авторъ желалъ только представить картину нравовъ—и выполнилъ это въ совершенствѣ. Впрочемъ, при нашихъ нравахъ, при нашей *регулярной*

жизни, невозможно написать комедію съ такой завязкой, какъ французскія комедіи. Тогда бы это не былъ отпечатокъ нашихъ нравовъ и обычаевъ; а что же есть комедія, если невѣрный сколокъ современнаго житья-бытья? — Въ этомъ отношеніи комедія *Горе отъ ума* неподвержена критикѣ, ибо она есть вѣрное изображеніе того, что мы видимъ ежедневно и тамъ и сямъ, и въ чемъ намъ должно исправиться.

Ѳ. Булгаринъ.

Послѣ перваго представленія «*Комедіи Горе отъ ума*» на Московскомъ театрѣ, въ среду. 25 февраля 1831 года.
(Московскій телеграфъ за 1831 г. Мартъ, № 5).

Комедія Горе отъ ума вполнѣ оправдываетъ свое названіе. Еще нѣтъ и 10 лѣтъ, какъ она написана и уже изъ исторіи сего литературнаго произведенія можно извлечь много доказательствъ, что умъ, подлинно въ нѣкоторомъ случаѣ, горе. Умъ дѣйствуетъ самобытно, ему нѣтъ дѣла до того, что его не поймутъ или станутъ преслѣдовать. Онъ предоставляетъ степенному благоразумію смѣтливыя предосторожности; ибо увѣренъ, что время оправдаетъ его дѣйствія. Но, въ минуту восторга, когда человѣкъ дѣлается поэтомъ и творитъ, такъ сказать, безотчетно, не въ минуту приступа къ исполненію потребна необыкновенная сила умственная, чтобы сбросить съ себя предубѣжденія и предразсудки, удерживающіе многихъ, слишкомъ осторожныхъ людей отъ необыкновенныхъ подвиговъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько великихъ или полезныхъ предпріятій осталось при одной мысли, при одномъ намѣреніи, единственно отъ того, что недоставало смѣлости привести ихъ въ исполненіе. Начиная отъ Колумбовой первой поѣздки въ Америку и до Наполеонова перехода черезъ Сенъ-Бернаръ сколько разъ называли безумцами двигателей подобныхъ предпріятій! Сколько разъ предсказывали неудачу поэтамъ и литераторамъ, начиная отъ Вольтерова бѣшенства и зловѣщаній противъ Шекспира, до Горе отъ ума? Отъ чегоже это? Отъ преданій, отъ правилъ сильныхъ своею давностію. Люди вообще, такъ лѣнивы, такъ неохотно двигаются впередъ, что всякое нововведеніе литературное, всякій новый взглядъ и новый шагъ устрашаютъ его или сердятъ. Самые умные люди не свободны отъ этого. Мы упоминали о бѣшенствѣ Вольтера противъ Шекспира. Вильмѣнъ справедливо говоритъ, что онъ незнаетъ ничего

смѣшнѣе гнѣва, выраженнаго Вольтеромъ въ письмѣ изъ Фернея, въ то время когда Лётурнёръ издавалъ свои посредственный переводъ Шекспира и побранивалъ французскихъ трагиковъ, а публика втайнѣ съ нимъ соглашалась.

«Читали-ли вы его гнусную чепуху (пишетъ Вольтеръ о «Лётурнёръ), которой будетъ еще пять томовъ? Можете-ли вы «достойнымъ образомъ ненавидѣть этого безстыднаго дурака? «Неужели вы потерпите такое оскорбленіе Франціи? для по«добнаго мерзавца во Франціи нѣтъ довольнаго числа браней, «дурацкихъ шапокъ и позорныхъ столбовъ. Кровь кипитъ въ «моихъ старыхъ жилахъ, когда я говорю о немъ! Если онъ не «бѣситъ васъ, то вы человѣкъ безстрастный. Всего ужаснѣе, «что чудовище имѣетъ партію во Франціи, но къ довершенію «безстыдства и срама, прежде всѣхъ началъ говорить о Шек«спирѣ я! Первый я показалъ Французамъ кой какія жемчу«жины, найденныя мною въ его навозной кучѣ. Никакъ не «ожидалъ я, что дамъ поводъ со временемъ попирать вѣнцы «Расина и Корнеля и украшать ими чело варварскаго гаера. «Сдѣлайте милость постарайтесь сердиться на него такъ же «какъ я, а безъ этого я готовъ сдѣлать какую нибудь глупость.— «Паяцы и пьерроты ярморочные, за 50 лѣтъ были Цинны и «Поливкты въ сравненіи съ дѣйствующими лицами, этого пья«ницы Шекспира, котораго Лётурнёръ называетъ Богомъ «театра.»

Вотъ до чего доводитъ несчастная закоснѣлость въ старыхъ понятіяхъ! Конечно никто не станетъ сомнѣваться въ умѣ и необыкновенной смѣтливости фернейскаго старика, но до какой степени сдѣлался онъ смѣшенъ своими неумѣстными ожесточеніями противъ нововведеній, втѣснившихся во Францію на зло авторитету его и всей французской академіи! Удивляться ли послѣ сего, что у насъ такъ громко и горячо вступаются за мнимый классицизмъ, будто бы существовавшій когда то

въ русскихъ книгахъ? Нѣтъ это въ порядкѣ вещей. Мнимый классицизмъ почитали живительной силой.... но, что я говорю! Пожалуй это самое слово почтутъ романтизмомъ! Наши ученые жестоко возстаютъ противъ всего новаго, даже противъ новыхъ понятій, для коихъ необходимы новыя слова. Усердіе ихъ простирается до того, что нынѣ они стараются осмѣять даже *высшіе взгляды*, ибо горько разставаться имъ съ своими *неизмѣнными взглядами*. Самою лучшею сатирою на русскую ученость было бы то сочиненіе, въ которомъ кто нибудь собралъ бы все, что осмѣивали и преслѣдовали наши ученые, отъ времени Тредьяковскаго до нашихъ. Тредьяковскій язвилъ Ломоносова, Ломоносовъ мѣшалъ Миллеру, Сумароковъ перечилъ Ломоносову, а тамъ, а тамъ, можно досчитаться и до нашихъ дней. И всё за новые взгляды, за новое ученіе за новыя слова, за новыя новости. Тредьяковскій думалъ, что Ломоносовъ роняетъ россійскую ученость. Ломоносовъ говорилъ, что Миллеръ оскорбляетъ Русскихъ, выводя ихъ отъ Шведовъ, а Суморокову не нравилось все, что было не его, или не Г. Расина и не Г. Вольтера. Въ наше время почти никто непонимаетъ что за звѣрь классицизмъ, и что за уродъ романтизмъ, а гонятъ и преслѣдуютъ одни то, другіе другое! Отъ того, что это раздѣленіе (опять свое)!» не старовѣрское. Умѣренные говорятъ опять свое.» Я рѣшился для себя, говорилъ покойный Василій Львовичь Пушкинъ, что нѣтъ ни классицизма, ни романтизма, есть одно, хорошее. Вотъ понятіе! Скажи, что это солнце, которое 365 или 366 разъ въ годъ доказываетъ свое существованіе, хорошо или дурно, или скажи, что его вовсе нѣтъ! Доказательство, что нѣтъ никакого постояннаго, опредѣленнаго понятія о предметѣ спора. А между тѣмъ вѣчный законъ, по которому ни одинъ старикъ не хочетъ умирать, существуетъ. Эти старики являются и въ понятіяхъ. Новый примѣръ передъ нами. *Горе отъ ума* встрѣтили ожесточенные

противники и многіе не перестаютъ до нынѣ преслѣдовать это изящное произведеніе. Отъ чего? отъ того, что оно было неслыханною новостію по своему объему, ходу, картинамъ, характерамъ. Тутъ дѣйствовалъ въ критикахъ не какой нибудь вѣрный отчетъ, а отвращеніе отъ новости; взбаламутились старики! Но когда общее одобреніе, изъявленное цѣлою Россіею, показало что крики и увѣренія порицателей не убѣждаютъ никого изъ людей не ослѣпленныхъ, тогда критики поуспокоились какъ будто сдѣлавши свое дѣло. «Комедія стала народною въ рукописи,—говорили они—а посмотрите, какъ она хлопнется въ представленіе.» Но, мм гг, этого быть не можетъ—отвѣчали имъ, потому что Грибоѣдовъ взялъ свои картины съ природы, хотя и испорченной: Фамусовъ не Phantasienkraz Гёттева Фауста, а Софья не Елена: ихъ пойметъ сама публика.— «А вотъ посмотрите, попомните наше слово! Тутъ нѣтъ жизни комической: это Мизантропъ на изворотъ, а Мизантропъ и у Мольера скученъ.» Да потому то Чацкій и не будетъ скученъ на нашей сценѣ, что это Мизантропъ нашего времени, то есть существо самое естественное въ наше время и Мизантропъ почти на изнанку, въ сравненіи съ Мольеровымъ, тотъ весь наружѣ, а этотъ весь въ глубинѣ души. Ну, нѣмецкая философія! Охъ, вы! съ вашими высокими взглядами! Надо знать существенное, знать сцену. Мы, сударь, старожилы въ театрѣ, знаемъ, что говоримъ!»

Такимъ разговорамъ не было конца, потому именно, что они не вели ни къ чему. Можно ли убѣдить старовѣра, что онъ ошибается, если этотъ старовѣръ затыкаетъ себѣ уши? Отъ того то мы съ большими ожиданьями и нетерпѣніемъ пришли въ театръ, на масляницѣ, въ среду, 25 февраля, посмотрѣть на торжество или неожиданное паденіе *Горе отъ ума.*

Надобно признаться, что пьеса была обставлена очень дурно. Почти ни одинъ актеръ не былъ въ своей ролѣ. Г. Мочаловъ, казалось рожденный для роли Чацкаго, выполнилъ ее

очень неудовлетворительно. Онъ представлялъ не современнаго человѣка, отличнаго отъ другихъ только своимъ взглядомъ на предметъ, а чудака, мизантропа, который даже говоритъ иначе нежели другіе, и прямо идетъ на ссору съ первымъ стрѣчнымъ, тогда какъ у Грибоѣдова онъ невольно ссорится со всѣми, ибо не можетъ удержать кипенія души пылкой, благородной и не гармонирующей съ встрѣченными душами. Г. Сабуровъ, въ ролѣ Репетилова, казался умышленнымъ шутомъ, а не дуракомъ, увѣреннымъ въ своихъ превосходныхъ свойствахъ и по своему понимающимъ доброе и злое. Софья была неестественно молода, это дѣвочка, отъ которой даже смѣшно было слышать то, что она говорила. Не понимаемъ для чего эту роль не играла г-жа Рѣпина, она выполнила бы ее прекрасно. Объ остальныхъ роляхъ говорить нечего, онѣ были играны болѣе дурно нежели хорошо. Замѣтимъ однакожъ Хлестову и гг. Степанова и Орлова, изъ коихъ первый игралъ князя Тугоуховскаго, а второй Скалозуба, Князю не пришлось сказать ни одного слова, но его видъ, входъ съ дочерьми и прогулка по залѣ, были такъ хороши, что невольно заставляли хохотать. Г. Орловъ явился настоящимъ Скалозубомъ. Особенно, когда во время бала онъ вальсировалъ и во время разъѣзда говорилъ Репетилову, что въ Вольтеры дастъ фельдфебеля, мы видѣли живой экземпляръ одного изъ тѣхъ людей, на которыхъ мѣтилъ авторъ. Прочія роли не могли замѣнить нестройности цѣлаго, даже по своей незначительности. Пьеса такъ хороша, естественна и современна, что многочисленная публика безпрестанно выражала свое удовольствіе. Ни одно мѣсто замѣчательное (исключая съѣденныхъ дѣйствовавшими) не ускользнуло отъ вниманія и одобренія. Вотъ урокъ гг. старикамъ, жильцамъ былаго времени! Вотъ преданія современности! Незнаемъ, что заговорятъ они теперь.

Любопытно рѣшить вопросъ отчего гг. актеры немогли вой-

ти въ свою роль? Не будемъ говорить о тѣхъ, которые были не на своихъ мѣстахъ, а посудимъ отчего столь несовершенно играли ихъ товарищи, занимавшіе свои, такъ сказать, законные амплуа?

Привыкши представлять роли всегда одинаковыя, всегда отлитыя въ одну форму, они страшились отступить отъ принятыхъ правилъ, не могли осмѣлиться играть новыя лица. Г. Щепкинъ, играя Фамусова, никакъ не умѣлъ забыть Транжирина, г. Мочаловъ Крутона и т. д. Напр. актеръ, представлявшій Платона Михайловича думалъ, что это лицо есть обыкновенный мужъ подъ властію жены, между тѣмъ, какъ Пл. Мих. совсѣмъ другое. Это добрый, умный и даже лихой рубака нашего времени, попавшій въ атмосферу гостиныхъ, спаленъ и дѣтскихъ и облѣнившійся тамъ, бодрость духа въ немъ прежняя, но обстоятельства окружающія его перемѣнились. Онъ не въ повелѣніи у жены своей, а просто онъ облѣнился и снисходитъ во всемъ доброй своей половинѣ, какъ снисходятъ любимому ребенку. Также оригинальны и всѣ лица въ комедіи Грибоѣдова. Это не сколки съ французскихъ, съ Мольеровыхъ и Реньяровыхъ, не за сто лѣтъ жившіе и поддерживавшіеся на театрахъ нашихъ, какъ огонь Весты въ Римѣ. для нихъ въ строгомъ смыслѣ, даже нѣтъ амплуа, потому, что для каждой роли Горе отъ ума надобно имѣть новое. Въ этомъ отношеніи комедія Грибоѣдова имѣетъ большое сходство съ Недорослемъ, гдѣ кромѣ Правдина, Милона, Стародума и Софьи всѣ лица современно оригинальны, и отъ того почти никогда небываютъ играны даже сносно. Для такихъ ролей нѣтъ образцовъ, нѣтъ примѣровъ, словомъ, нѣтъ преданій французскихъ, а для русскаго человѣка это бѣда!

Другая причина неудачной игры нашихъ актеровъ дѣлаетъ имъ честь, хотя для зрителей отъ этого не легче. Гг. актеры знали славу комедіи Грибоѣдова и съ робостію вступали на

сцену, можетъ быть даже, излишняя старательность ихъ вредила имъ болѣе, нежели они думаютъ. Горе отъ ума особенно требуетъ игры естественной, развязной, а они были связаны. Сверхъ того, каждый, думая о своей роли, забывалъ объ общности и отъ того во многихъ мѣстахъ небыло никакой общности. Впрочемъ, это всегдашній недостатокъ русскихъ представленій, но въ Горе отъ ума оно было замѣтнѣе, нежели гдѣ нибудь.

О представлении комедии Горе отъ ума.

Письмо къ Ѳ. В. Булгарину изъ Москвы.

(Сѣверная Пчела за 1831 года Апрѣля №№ 77 и 80).

Ты ожидаешь отъ меня извѣстій о томъ, что дѣлается въ воскресшей древней столицѣ? Съ большимъ удовольствіемъ сообщилъ бы тебѣ длиннѣйшее описаніе всего, видѣннаго мною по прекращеніи нашего заточенія. Описалъ бы тебѣ..... многое! Но право, мнѣ недосугъ, и тебѣ еще менѣе досужно читать мои широковѣщательныя посланія, которыя мучатъ публику, по увѣренію одного изъ Московскихъ журналовъ. Скажу тебѣ только то, что мы, Москвичи, по минованіи опасности, принялись за прежнія житейскія суеты и развлеченія, которыхъ были лишены около полугода; за разъѣзды по извилистымъ улицамъ престарѣлой столицы, и за балы, за театры, словомъ, за все прежнее, кромѣ политики, которая, по свойству своему, всегда и вездѣ наводитъ не только скуку, но даже смертельную тоску. Это умственная холера! — И хорошо дѣлаютъ мои сограждане, что мало ею занимаются; да и съ

тобою не намѣренъ я толковать о нравственномъ недугѣ просвѣщенной Европы. Лучше побесѣдуемъ о томъ, что доставляло намъ столько удовольствія *во дни оны*, когда, въ твоемъ кабинетѣ, толковали мы о нашей смиренной литературѣ, о надеждахъ на возвышеніе оной, и о причинахъ медленнаго ея хода. Мы, то радовались, то сердились, и нерѣдко такъ кричали, что Чацкій имѣлъ бы полное право спросить: «Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?» Помнишь-ли ты, какъ нерѣдко, вмѣстѣ съ незабвеннымъ авторомъ комедіи *Горе отъ ума*, мы разсуждали о безсмертномъ его произведеніи, какъ располагали мы обстановку этой превосходной пьесы, и на перебивку читали лучшіе монологи? Грибоѣдовъ недожилъ до представленія своей комедіи; по крайней мѣрѣ, намъ довелось видѣть на сценѣ это изящное твореніе. Не маловажное событіе въ нашемъ литературномъ быту! Это эпоха и для театра и для словесности, и объ этомъ я намѣренъ съ тобой потолковать. *Горе отъ ума*, хорошо или худо понятое актерами и зрителями, можетъ уподобиться пониженію или возвышенію ртути въ барометрѣ нашей образованности. А это не бездѣлица, и должно быть разсмотрѣно съ величайшимъ вниманіемъ.

Не слишкомъ выгодно для петербургскихъ артистовъ отзывался ты о представленіи сей піэсы на нашемъ театрѣ, неоспоримо, лучшемъ въ цѣлой Россіи, и даже неуступающемъ нѣкоторымъ знаменитымъ иностраннымъ. Каратыгинъ, Сосницкій, Брянскій, Рязанцевъ.... для Русскаго эти имена тоже значать, что для Француза прозванія Моле, Конта, Флери и Превиль!... И эти отличные актеры неумѣли разыграть комедіи Горе отъ ума! Удивительно, скажетъ равнодушный посѣтитель театра — а я отвѣчаю: отнюдь не удивительно! Горе отъ ума есть пробный камень для талантовъ нашихъ драматическихъ артистовъ. Это не отродье старинныхъ произведеній, изъ коихъ извлечены тысячи условныхъ правилъ и сценическихъ за-

коновъ, это новое созданіе, новое зеркало, въ коемъ отражается новый, доселѣ несуществовавшій міръ. Тутъ нѣтъ ни Альцестовъ, ни Валеровъ, ни Криспиновъ, ни одного изъ тѣхъ лицъ, коихъ характеры могутъ быть изучаемы по преданіямъ съ такою же удобностію, съ какою ученикъ Геометрической школы научается разрѣшать Пиѳагорову теорему. Нѣтъ! Фамусовъ, Чацкій, Молчалинъ и другія лица, суть новыя, важныя задачи, которыя геній Грибоѣдова предоставилъ на разрѣшеніе опытнымъ и искуснымъ актерамъ, и этого то ожидала отъ нихъ просвѣщенная публика, расчитывая, что можетъ быть, гораздо легче создать: *Горе отъ ума*, нежели вникнутъ во всѣ красоты сего творенія, и выразить оныя удовлетворительно, или лучше сказать, искуснымъ выраженіемъ придать имъ новый блескъ, независѣвшій отъ автора. Будемъ справедливы въ самыхъ привязчивыхъ требованіяхъ и разберемъ по совѣсти, могли-ли лучшіе петербургскіе актеры изуэить харахтеръ ролей, совершенно для нихъ новыхъ и даже чуждыхъ.

Ваша труппа возлелѣяна знаменитыми французскими труппами, бывшими въ Петербургѣ съ 1746 до 1812 года. Слѣдовательно, почти семьдесятъ лѣтъ являлись на сценѣ одинаковые образцы, одни и тѣже наставники, руководители русскихъ талантовъ. Офренъ, Флоридоръ, Гюси, Ларошъ, Дюкруаси, Вальвиль — были прототипами, по коимъ вылились Яковлевы, Каратыгины, Семеновы, Валберховы и множество другихъ. Послѣ этого можно-ли дивиться тому, что Русскій, москвичь XIX столѣтія, непостижимый для иностранцевъ, Чацкій, былъ равномѣрно непостижимымъ для г. Каратыгина, актера, пользующагося заслуженною имъ славою? Гдѣ видѣлъ г. Каратыгинъ нашихъ Чацкихъ? Въ какомъ обществѣ прислушивался онъ къ этимъ страннымъ и неприличнымъ, но тѣмъ не менѣе умнымъ и пламеннымъ выходкамъ, противъ дряхлеющихъ остатковъ старинныхъ правилъ? Гдѣ у васъ въ Пе-

тербургѣ, эти Фамусовы, которые намъ такъ часто встрѣчаются въ древней столицѣ? И гдѣ у васъ, въ пышной резиденціи, образцы той буйной молодежи, *въ науки вперяющій умъ алчущій познаній,* для того, чтобъ этотъ самый умъ, по пословицѣ, завести *за разумъ,* и такимъ образомъ, при всѣхъ отличныхъ душевныхъ качествахъ, сдѣлаться не *умницами,* а закоснѣлыми *умниками,* равно несносными и для образованныхъ людей и для полу-невѣждъ?.. Васъ Богъ избавилъ отъ этой напасти. У насъ въ Москвѣ, все это водится. Въ доказательство, прошу тебя приглядѣться къ нашимъ Огорѣловымъ, Завираевымъ, паяцамъ-недоумкамъ, душегрѣечнымъ идеалистамъ и множеству другихъ рыцарей альманачныхъ и журнальныхъ ругательствъ, внушаемыхъ завистью и безсильною злобою. Это также Чацкіе въ своемъ родѣ, разумѣется, далеко отставшіе отъ героя комедіи Грибоѣдова. Найдется ли у васъ въ Петербургѣ такая умственная кунсткамера? Это наше достояніе. Мы, только мы можемъ показывать такихъ умниковъ, которые, за недостаткомъ основательныхъ познаній, желаютъ прославиться обильнымъ изліяніемъ желчи и досады на успѣхи другихъ, менѣе заносчивыхъ и болѣе трудолюбивыхъ. Не таковъ-ли характеръ Чацкаго, конечно умнаго, образованнаго, пламенно любящаго добро, но черезъ чуръ мечтательнаго, нетерпѣливаго, съ излишнимъ презрѣніемъ взирающаго на общество, коего недостатки являются предъ нимъ въ исполинскомъ видѣ, и которое имѣетъ полное право за презрѣніе платить ему презрѣніемъ? Для разбора характера Чацкаго и его исключительной принадлежности Москвѣ, надлежало бы написать тетрадь вдвое толще имѣющейся у меня въ рукописи комедіи Горе отъ ума. — Многіе хотятъ найти сходство, или даже тожество, между Чацкимъ и Альцестомъ. Въ этомъ случаѣ забываютъ полтораста лѣтъ разницы во времени и въ обычаяхъ. Чацкій также Мизантропъ или, повторяю еще разъ,

Филантропъ-фанатикъ какъ и Альцестъ! Но о послѣднемъ мы не можемъ иначе говорить, какъ съ уваженіемъ, и осуждая тотъ кругъ людей, который неумѣлъ цѣнить его изъ геройскаго прямодушія и, такъ сказать, неправдою вытѣснилъ его изъ среды живущихъ. Герой русской пьэсы возбуждаетъ въ насъ сожалѣніе, и каждый изъ зрителей повторяетъ сказанное Фамусовъ: *нельзя непожалѣть, что съ этакимъ умомъ!*.... Дерзкій, заносчивый, пылкій Чацкій и мрачный, угрюмый, прямодушный Альцестъ—суть два характера отнюдь несходные между собою, какъ двѣ физіономіи, обѣ выразительныя и красивыя, но имѣющія каждая свое особенное, совершенно противоположное при сравненіи. Если бы ты сказалъ, что г. Каратыгинъ отлично сыгралъ роль Чацкаго, то я не повѣрилъ бы тебѣ на слово. У этого знаменитаго артиста никто неотнимаетъ заслуженнаго имъ названія искуснаго трагическаго актера, превосходнаго декламатора, настоящаго героя древности на сценѣ, но—воля твоя! г. Каратыгинъ также можетъ быть похожъ на Чацкаго, какъ придворная дама на жрицу Терпсихоры. И у той, и другой, есть грація, только совершенно различная. Роль Чацкаго рѣшительно написана для Мочалова, котораго мы *надѣемся* видѣть торжествующимъ въ представленіи сего труднаго лица.

Равномѣрно изумился бы я, если бы ты сообщилъ читателямъ извѣстіе о неподражаемомъ искусствѣ, съ коимъ несравненный Сосницкій игралъ роль Репетилова. Одно изъ труднѣйшихъ, такъ сказать, изъ *ученнѣйшихъ* созданій Грибоѣдова. Если бы я задумалъ оспоривать у Сосницкаго способность изучить и мастерски выразить характеръ, выведенный комикомъ на сцену, то конечно оказался бы виновнымъ предъ артистомъ, который можетъ назваться украшеніемъ русскаго театра. Но если я скажу, что Сосницкому трудно имѣть надлежащее понятіе о Репетиловѣ, то право несолгу. Сосницкому неможетъ

бѣть коротко знакомъ тотъ міръ, къ которому принадлежитъ неутомимый враль Репетиловъ, а выразить на сценѣ лице мало знакомое, такъ же трудно, какъ перевести на иностранный языкъ произведеніе совершенно національное. Въ этихъ случаяхъ и умъ, и познанія, и величайшій талантъ приходятъ въ затрудненіе. Тутъ надобно годы изученія и наблюденія *на мѣстѣ*. Ты, можетъ быть, разсмѣешься и скажешь, что изъ выполненія роли комическаго лица я дѣлаю подвигъ, ужасающій своею трудностію. Любезный другъ! Если мы все, относящееся къ изящному, будемъ почитать легкимъ и удобоисполнимымъ, то никогда недостигнемъ той цѣли, къ коей стремимся общими силами: имѣть что нибудь изящное!—Повѣрь мнѣ, что трудъ Грибоѣдова перевѣшиваетъ всѣ мелодрамы, интермедіи, полу-комедіи и водевили, которые, по собственному приказанію сочинителей, были плодами тягостной работы, ночей, проведенныхъ беза сна и т. п. Горе отъ ума есть наше литературное сокровище, и съ нимъ должно обходиться, какъ съ сокровищемъ.... Но кто же таковъ этотъ Репетиловъ, столь мудрый для петербургскихъ артистовъ? Онъ самъ себя описываетъ во всѣхъ подробностяхъ, въ полночь, въ сѣняхъ богатаго дома при разъѣздѣ гостей. Репетиловъ остается на сценѣ не больше четверти часа, и въ быстромъ, комическомъ, не разсказѣ, а разговорѣ, сообщаетъ зрителю точныя свѣдѣнія о своемъ образѣ жизни, о характерѣ, о занятіяхъ, о связяхъ, даже прочитываетъ свой формулярный списокъ. Этого краткаго проявленія достаточно на то, чтобъ зритель узнавалъ его какъ нельзя лучше, а московскій житель сознается въ томъ, что онъ часто и очень часто встрѣчалъ Репетилова въ древней столицѣ. Тебѣ кажется, что онъ лжетъ, разсказывая о своихъ проказахъ? Нѣтъ, не лжетъ, а преувеличиваетъ то, что было въ самомъ дѣлѣ. Человѣкъ, воспитанный по модѣ, безъ основательныхъ познаній, безъ способностей, входящій въ большой свѣтъ, ку-

да богатое достояніе открыло ему свободный путь, безпорядочный въ образѣ жизни, безпечный, въ полномъ смыслѣ пустой человѣкъ - вотъ Репетиловъ. Долги, опека, лѣта и наконецъ связь съ такъ называемыми умными головами, заставили его, повидимому, образумиться. Но въ чемъ же состоитъ это обращеніе на путь истины? Въ томъ, что Репетиловъ, неперемѣняя прежняго образа жизни, приноситъ встрѣчному и поперечному покаяніе въ прежнихъ своихъ шалостяхъ, и съ какимъ-то особеннымъ торжествомъ провозглашаетъ себя неучемъ, глупцомъ и дуракомъ! Ему кажется, что это уничиженіе сравниваетъ его или, такъ сказать, возвышаетъ до тѣхъ великихъ людей, которые сами провозгласили себя геніями, философами, глубокими мыслителями, словомъ, представителями новѣйшаго поколѣнія, предъ которымъ все прежнее изчезаетъ въ прахѣ. — Все это такъ естественно, такъ правдоподобно, такъ вѣрно, что едва постигаешь, какъ могъ Грибоѣдовъ, въ полутораста стихахъ, столь рѣзкими чертами изобразить *безхарактерный характеръ*, надъ которымъ призадумался бы самъ Лабрюйеръ. Повторяю Сосницкій немогъ у васъ видѣть Репетиловыхъ на дѣлѣ.

Хотѣлъ было я также подробно разобрать и другіе характеры пьэсы, но мое письмо и безъ того слишкомъ длинно. Извини любезный другъ! Ты самъ знаешь, что о *Горе отъ ума* нельзя досыта наговориться. На сей разъ я довольствуюсь тѣмъ, что, по мнѣнію моему, оправдалъ въ глазахъ твоихъ двухъ фениксовъ вашей труппы, для таланта коихъ комедія Грибоѣдова была камнемъ преткновенія. Мы ожидаемъ представленія сей пьэсы на здѣшнемъ театрѣ. Увидимъ, что-то будетъ, а что до сихъ поръ видѣли, то было хуже нежели съ грѣхомъ пополамъ! Третье и четвертое дѣйствія, данныя въ первый разъ на масляницѣ, были выставлены въ такомъ безобразномъ видѣ (во всѣхъ отношеніяхъ), что грустно было смотрѣть! Тѣмъ не менѣе вся Москва пришла въ восторгъ отъ четвертаго, и отъ

искусства, съ коимъ г.г. Орловъ (Скалозубъ) и П. Степановъ (князь Тугоуховскій) представили два лица, повидимому незначительныя, но тѣмъ неменѣе весьма трудныя для артистовъ, въ произведеніи надлежащаго сценическаго эффекта. Первые же наши актеры были такъ превосходны, что даже незнали ролей, и коверкали стихи. Пламенный Мочаловъ, противъ обыкновенія, былъ холоднѣе въ роли Чацкаго, нежели въ какой нибудь другой, требующей гораздо менѣе жара Видя Сабурова въ роли Репетилова, зрители невольно раздѣляли удивленіе Чацкаго. «Ты Репетиловъ-ли?» говорили они вмѣстѣ съ актеромъ, вставляя въ этотъ вопросъ другое собственное имя. Даже первый нашъ комикъ, несравненный нашъ Щепкинъ, для котораго, кажется, нарочно написана роль Фамусова — явился на сценѣ, одѣтый à la Транжиринъ: въ исподнемъ платьѣ, вѣроятно доставшемся ему отъ Іорика, въ бѣлыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками, и этотъ костюмъ онъ сохранилъ до произнесенія послѣднихъ стиховъ комедіи, и за тѣмъ чинно раскланивался публикѣ, въ ожиданіи спущенія занавѣса. Впрочемъ эту ошибку великаго артиста можно простить на первый разъ. Пьэса была играна не вполнѣ, и въ добавокъ къ тому безъ репетиціи. Щепкинъ отправляется къ вамъ, въ Петербургъ, и намѣренъ сыграть у васъ роль Фамусова. Ручаюсь, что вамъ понравиться! Глядите и судите... Прощай!

В. Ушаковъ.

Выписка изъ журнала Европеецъ (*). 1832 г. № 1 стр. 135.

Горе отъ ума—на Московскомъ театрѣ.

Въ концѣ прошедшаго года поставлена на Московскій театръ, извѣстная комедія покойнаго А. С. Грибоѣдова: Горе отъ ума, а не смотря на то, что актеры играли дурно и ни одинъ изъ нихъ, не исключая даже г. Щепкина, не понялъ своей роли; не смотря на то, что комедія уже давно знакома большей части зрителей, ибо нѣтъ уѣзда въ Европейской Россіи, нѣтъ армейскаго полка, гдѣ бы ее не знали наизусть; не смотря на то, что она не имѣетъ собственно драматическихъ и театральныхъ достоинствъ и лучше въ простомъ чтеніи чѣмъ на сценѣ; не смотря на то наконецъ, что московская публика видѣла въ ней собственную свою каррикатуру, — театръ былъ почти полонъ въ продолженіи трехъ или четырехъ разъ ея представленія. Доказываетъ ли это безпристрастіе московской публики?—Или, наша насмѣшливость сильнѣе нашего самолюбія? Или можетъ быть, мы смотрѣли на сцену съ такимъ же добрымъ простодушіемъ, съ какимъ извѣстная обезьяна, глядясь въ зеркало, говорила медвѣдю:

Смотри Мишенька, что это тамъ за рожа?

Правда, оригиналы тѣхъ портретовъ, которые начерталъ Грибоѣдовъ, уже давно не составляютъ большинства московскаго общества, и хотя они созданы и воспитаны Москвою, но уже сама Москва смотритъ на нихъ, какъ на рѣдкость, какъ на любопытныя развалины другаго міра. Но главный характеръ московскаго общества вообще—не перемѣнился. Философія Фамусова и теперь еще кружитъ намъ головы, *пофилософствуй, умъ вскружится: Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!*

(*) **И единственный.**

мы и теперь также, какъ въ его время, хлопочемъ и суетимся изъ ничего; кланяемся и унижаемся безкорыстно и только изъ удовольствія кланяться; ведёмъ жизнь безъ цѣли, безъ смысла. сходимся съ людьми безъ участія, расходимся безъ сожалѣнія; ищемъ наслажденій минутныхъ, и не умѣемъ наслаждаться. И теперь также какъ при Фамусовѣ, домы наши равно открыты для всѣхъ: для званыхъ и незваныхъ, для честныхъ и для подлецовъ. Связи наши составляются не сходствомъ мнѣній, не сообразностью характеровъ, не одинакою цѣлію въ жизни, и даже не сходствомъ нравственныхъ правилъ; ко всему этому мы совершенно равнодушны. Случай насъ сводитъ, случай разводитъ, и снова сближаетъ, безъ всякихъ послѣдствій, безъ всякаго значенія.

Эта пустота жизни, это равнодушіе ко всему нравственному, это отсутствіе всякаго мнѣнія и вмѣстѣ боязнь пересудовъ, эти ничтожныя отношенія, которыя истощаютъ человѣка по мелочамъ и дѣлаютъ его неспособнымъ ко всему стройно дѣльному, ко всему возвышенному и достойному труда: *жить*, — все это даетъ московскому обществу совершенно особенный характеръ, составляющій середину между уѣзднымъ кумовствомъ и безвкусіемъ и столичною искательностью и роскошью. Конечно есть исключенія, и можетъ быть ихъ больше, чѣмъ сколько могутъ замѣтить проходящіе: есть общества счастливо отборныя, заботливо охраняющія себя отъ ихъ окружающей смѣшенности и душнаго ничтожества; есть люди, которые въ кругу тихихъ семейныхъ отношеній, посреди безкорыстныхъ гражданскихъ обязанностей, развиваютъ чувства возвышенныя вмѣстѣ съ правилами твердыми и благородными; есть люди, постигшіе возможность цѣли высокой посреди всеобщей пустоты и плоскости; люди умѣющіе создавать себѣ наслажденія просвѣщенныя, и роскошествовать съ утонченностью и вкусомъ; — но эти люди, эти общества далеко не составляютъ боль-

шинства; а еслибы они захотѣли принять на себя безполезную и молодо-странную откровенность *Чацкаго*, то также, какъ онъ, явились бы пугалищемъ собраній, существомъ несноснымъ, неприличнымъ и сумасшедшимъ.

Однако и самыя исключенія, находящіяся въ безпрестанной борьбѣ съ большинствомъ, не могутъ совершенно охраниться отъ его заразительности и невольно болѣе, или менѣе раздѣляютъ его недостатки. Такъ почти нѣтъ дома въ Москвѣ, который бы чѣмъ нибудь не обнаружилъ просвѣщенному иностранцу нашей недообразованности, и если не въ гостиной, не въ кабинетѣ, то хотя въ прихожей найдетъ онъ какое нибудь разногласіе съ европейскимъ бытомъ и согласіе съ бытомъ московскимъ.

Естественно, что это имѣетъ вліяніе и на самаго хозяина, и потому совершенно справедливо, что:

На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ главная мысль комедіи Грибоѣдова, мысль, выраженная сильно, живо и съ прелестью поразительной истины. Кажется слово остается въ памяти неизгладимо; каждый портретъ приростаетъ къ лицу оригинала неотъемлемо; каждый стихъ носитъ клеймо правды и кипитъ огнемъ негодованія, знакомаго одному таланту.

Но есть въ той же комедіи другая мысль, которая по моему мнѣнію, если не противорѣчитъ господствующей, то по крайней мѣрѣ доказываетъ, что авторъ судилъ о Москвѣ болѣе какъ *свидѣтель*, страстно взволнованный, нежели какъ *судья*, равнодушно мыслящій, и умѣющій, даже осуждая, отличать хорошее отъ дурнаго. Можетъ быть это не вредитъ произведенію искуства, не вредитъ истинѣ художественной, но вредитъ истинѣ практической и нравственной. Мысль, о которой я говорю, заключается въ негодованіи автора на нашу любовь къ иностранному. Правда, это любовь часто доходитъ до

смѣшнаго и безсмысленнаго; дурно направленная, она часто мѣшаетъ нашему собственному развитію; но злоупотребленія вещи не уничтожаютъ ея достоинства. Правда, мы смѣшны подражая иностранцамъ, но только потому, что подражаемъ неловко и не вполнѣ; что изъ подъ европейскаго фрака выглядываетъ остатокъ русскаго кафтана. и что обривши бороду, мы еще не умыли лица. Но странность нашей подражательности пройдетъ при большемъ распространеніи просвѣщенія, а просвѣщеніе у насъ распространиться не можетъ иначе, какъ вмѣстѣ съ распространеніемъ иностраннаго образа жизни, иностраннаго платья, иностранныхъ обычаевъ, которые сближаютъ насъ съ Европою *физически*, и слѣдовательно способствуетъ и къ нашему нравственному и просвѣщенному сближенію. Ибо, кто не знаетъ, какое вліяніе имѣетъ наружное устройство жизни на характеръ образованности вообще? Намъ нечего бояться утратить своей національности: наша религія, наши историческія воспоминанія, наше географическое положеніе, вся совокупность нашего быта столь отличны отъ остальной Европы, что намъ физически не возможно сдѣлаться ни Французами, ни Англичанами, ни Нѣмцами. Но до сихъ поръ національность наша была необразованная, грубая, китайски — неподвижная. Просвѣтить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развитія, — можетъ только вліяніе чужеземное; и какъ до сихъ поръ все просвѣщеніе наше заимствовано извнѣ такъ только извнѣ можемъ мы заимствовать его и теперь, и до тѣхъ поръ, покуда поравняемся съ остальною Европою. Тамъ, гдѣ *обще-Европейское* совпадается съ нашею *особенностью*, тамъ родится просвѣщеніе истинно русское, образованно-національное, твердое, живое, глубокое, и богатое благодѣтельными послѣдствіями. Вотъ отчего наша любовь къ иностранному можетъ иногда казаться смѣшною, но никогда недолжна возбуждать негодованія; ибо, болѣе или менѣе, посредственно или непо-

средственно, она всегда ведетъ за собой просвѣщеніе и успѣхъ, и въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ не столько вредна, сколько полезна.

Но любовь къ иностранному не должно смѣшивать съ пристрастіемъ къ иностранцамъ; если первая полезна, какъ дорога къ просвѣщенію, то послѣднее безъ всякаго сомнѣнія и вредно, и смѣшно, и достойно не шуточнаго противодѣйствія. Ибо, — не говорю ужъ объ томъ, что изъ десяти иноземцевъ, промѣнявшихъ свое отечество на Россію, рѣдко найдется одинъ просвѣщенный, — большая часть такъ называемыхъ иностранцевъ не рознится съ нами даже и мѣстомъ своего рожденія: они родились въ Россіи, воспитаны въ полурусскихъ обычаяхъ, образованы также поверхностно, и отличаются отъ коренныхъ жителей своимъ *незнаніемъ русскаго языка* и иностраннымъ окончаніемъ фамиліи. Это незнаніе языка естественно дѣлаетъ ихъ чужими посреди Русскихъ, и образуетъ между ними и коренными жителями совершенно особенныя отношенія. Отношенія сіи, всѣмъ имъ болѣе или менѣе общія, рождаютъ между ними общіе интерессы, и потому, заставляютъ ихъ сходиться между собою, помогать другъ другу и, не условливаясь, дѣйствовать за одно. Такъ самое *незнаніе языка* служитъ для нихъ *паролемъ*, по которому они узнаютъ другъ друга, а недостатокъ просвѣщенія нашего заставляетъ насъ смѣшивать иностранное съ иностранцами, какъ ребенокъ смѣшиваетъ учителя съ наукою, и въ умѣ своемъ не умѣетъ отдѣлить понятія объ учености, отъ круглыхъ очковъ и неловкихъ движеній.

Отрывокъ изъ письма въ Дерптъ.

(Сѣверная Пчела 1832 года № 123)

Роль Репетилова есть также необыкновенное созданіе, и едва-ли нетруднѣе роли Фигаро. Явиться на сцену въ концѣ пьэсы, и, не сходя съ мѣста, болѣе четверти часа занимать публику.... чѣмъ? Пустословіемъ, враньемъ, безъ характера, безъ дѣйствія! Это почти тоже, что пленять слухъ одними руладами, безъ мотива, безъ пѣнья, и безъ акомпанимента! Каково должно быть искуство? Тебѣ извѣстно, что Грибоѣдовъ писалъ эту роль не для актера, а для пьэсы, хотя онъ и желалъ видѣть въ оной Сосницкаго. Но легко ли выполнить написанное, прелестное, очаровательное при чтеніи, до такой степени, что всѣ знаютъ наизусть пустословіе Репетилова? Какимъ воображаемъ мы себѣ это лице? Разберемъ. Репетиловъ пріѣзжаетъ на вечеръ въ то время, когда всѣ разъѣзжаются; онъ вбѣжалъ опрометью въ сѣни, и упалъ у дверей; онъ видитъ давно знакомаго Чацкаго, и начинаетъ дѣлать ему объясненія въ самой пламенной дружбѣ, сопровождаемыя торжественными клятвами, такъ что Чацкій при первой встрѣчѣ убѣждаетъ его кончить этотъ вздоръ. Вдругъ Репетиловъ начинаетъ себя унижать и называть неучемъ, дуракомъ!... Потомъ спрашиваетъ: который часъ? Тамъ толкуетъ о суетности свѣтской жизни и баловъ. Послѣ высказываетъ полное признаніе въ своей безпутной жизни, справедливое или вымышленное, не извѣстно! За симъ объявляетъ о своихъ связяхъ съ умнѣйшими людьми, и описываетъ ихъ въ каррикатурномъ видѣ, тамъ то, тамъ другое, третье и... послѣ всѣхъ разговоровъ, въ памяти его осталось только то, что онъ зоветъ *дѣльный разговоръ про водевиль*, о чемъ едва-ли было сказано пять словъ! что же это за человѣкъ? Крикунъ, болтунъ. кото-

рый торопится жить и говорить, какъ будто на курьерскихъ, погоняя свое время скорѣе, скорѣе.... въ могилу!.... Актеръ неможетъ имѣть другаго понятія о безхарактерномъ характерѣ этого лица, и Сосницкій это понялъ, но онъ неимѣлъ физическихъ средствъ разыграть эту роль такимъ образомъ. Въ этомъ затрудненіи онъ прибѣгнулъ къ искуству, такъ сказать, ловко вывернулся, Сосницкій далъ средства Репетилову, за нѣсколько дней до пріѣзда къ Фамусову, уплатить въ Англійскомъ клубѣ пятидесяти рублевый долгъ по счету эконома. Въ ожиданіи надлежащаго времени для поѣздки на балъ, Сосницкій заставилъ Репетилова воспользоваться возобновленнымъ кредитомъ и выпить съ другимъ пустомелею бутылку шампанскаго. Достойный товарищъ отплатилъ за угощеніе, и нѣсколько охмѣлѣвшій Репетиловъ летитъ къ Фамусову, вѣроятно для разогнанія тумановъ винныхъ паровъ. Языкъ Репетилова уже не такъ поворотливъ, онъ выказываетъ всю свою дурь не только протяжно и запинаясь. И все это было превосходно исполнено несравненнымъ Сосницкимъ! Хвала и честь искусству отличнаго актера! Но, отдавая справедливость его уму, его изобрѣтательности, ловкости его увертокъ въ затруднительныхъ случаяхъ—я объявляю по совѣсти, что Репетиловъ-Сосницкій былъ Репетиловъ искусственный, а не настоящій, и не можетъ служить образцомъ своимъ послѣдователямъ...-

В. Ушаковъ.

Москва.
1832 г.

Горе отъ ума, комедія въ 4 дѣйствіяхъ, соч. А. С. Грибоѣдова. Москва, 1833 г. въ тип. Авг. Семена, въ 8 долю листа, 167 стр.

Сѣверная Пчела, 1833 г. 16 Декабря, № 289.

Горе отъ ума доказало силу и торжество ума, надъ всѣми мелочными расчетами общежительности и авторскаго самолюбія. Переписанная однажды въ подлинникѣ комедія сія, подобно вихрю, обтекла всѣ концы Россіи, и, какъ теплота солнечная, проникла во всѣ углы, обитаемые людьми грамотными. Искаженная переписчиками, изъязвленная завистливыми критиками комедія *Горе отъ ума* безпрестанно болѣе и болѣе распространялась въ народѣ и утверждалась въ памяти. Изданіе ея въ свѣтъ было необходимостію, и она, наконецъ, появилась печатная въ Москвѣ, въ такомъ видѣ, какъ представляютъ ее на Императорскихъ театрахъ.

Читатели Сѣверной Пчелы и Сына Отечества, уже знаютъ мнѣніе наше на счетъ *Горе отъ ума*; а потому излишнимъ почитаемъ повторять похвалы сему единственному сочиненію. Нѣкоторые изъ образованныхъ любителей словесности не согласны съ нами въ мнѣніи о сей комедіи, утверждая, что *Горе отъ ума* имѣетъ болѣе достоинства сатирическаго, нежели классическаго и драматическаго. Не станемъ спорить. Однакожъ, смотря на *Горе отъ ума* и съ сей точки зрѣнія, нельзя не согласиться, что сіе твореніе есть самая удачная, или лучше сказать, *первая* сатира на Русскомъ языкѣ. Лучшей оригинальной комедіи Русской мы незнаемъ, а потому и не можемъ сравнивать *Горе отъ ума* съ другими произведеніями въ отношеніи драматическомъ.

Москов. Телескопъ, 1834 г., часть 24, Приложеніе къ № 20.

Въ отдѣлѣ *Молва* въ статьѣ: Литературныя мечтанія, стр. 417.

Теперь остается сказать объ одномъ поэтѣ, оригинальномъ и самобытномъ, непризнавшемъ надъ собою вліянія *Пушкина*, и едва ли неравнымъ ему: говорю о *Грибоѣдовѣ*. Этотъ человѣкъ слишкомъ много надеждъ унесъ съ собою во гробъ. Онъ былъ назначенъ быть творцемъ Русской комедіи, творцемъ Русскаго театра.

Грибоѣдова комедія или драма (я не совсѣмъ хорошо понимаю различіе между этими двумя словами; значеніе же слова *трагедія* совсѣмъ непонимаю) давно ходила въ рукописи. О Грибоѣдовѣ, какъ и о всѣхъ примѣчательныхъ людяхъ, было много толковъ и споровъ, ему завидовали нѣкоторые наши геніи, въ то же время удивлявшіеся — *Ябедѣ* — Капниста: ему не хотѣли отдавать справедливости тѣ люди, кои удивлялись гг, А, В., С. Д., Е Г, и др. Но публика разсудила иначе; еще до печати и представленія рукописная комедія Грибоѣдова разнеслась по Россіи бурнымъ потокомъ.

Грибоѣдова комедія, по моему мнѣнію, есть также драма, какъ и то, что обыкновенно называется *трагедіею*, ея предметъ есть представленіе жизни въ противорѣчіи съ идеею жизни, ея элементы есть не то невинное остроуміе, которое добродушно издѣвается надъ всѣмъ изъ одного желанія позубоскалить, нѣтъ: ея элементъ есть этотъ желчный *гуморъ*, это грозное негодованіе, которое неулыбается шутливо, а хохочетъ яростно, которое преслѣдуетъ ничтожество и эгоизмъ не эпиграммами, а сарказмами. Комедія Грибоѣдова есть истинная divina comedia! Это совсѣмъ не смѣшной анекдотецъ, переложенный на разговоры, не такая комедія, гдѣ дѣйствующія лица называются *Добря-*

ковыми, *Плутоватиными*, *Обираловыми* и пр.. ся персонажи давно были вамъ извѣстны въ натурѣ, вы видѣли, знали ихъ еще до прочтенія *Горе отъ ума*, и однакожъ вы удивляетесь имъ, какъ явленіямъ, совершенно новымъ *для* васъ; вотъ высочайшая истина поэтическаго вымысла! Лица, созданныя Грибоѣдовымъ не выдуманы, а сняты съ натуры во весь ростъ, почерпнуты со дна дѣйствительной жизни, у нихъ не написано на лбахъ ихъ добродѣтелей и пороковъ; но они заклеймены печатію своего ничтожества, заклеймены мстительною рукою палача–художника. Каждый стихъ Грибоѣдова есть сарказмъ, вырвавшійся изъ души художника въ пылу негодованія, его слогъ есть par éxcellence разговорный. Недавно одинъ изъ нашихъ примѣчательнѣйшихъ писателей, слишкомъ хорошо знающій общество, замѣтилъ, что только одинъ Грибоѣдовъ умѣлъ переложить на стихи разговоръ нашего общества: безъ всякаго сомнѣнія, это не стоило ему ни малѣйшаго труда; но тѣмъ неменѣе, это все-таки великая заслуга съ его стороны, ибо разговорный языкъ нашихъ комиковъ.... Но я уже обѣщался не говорить о нашихъ комикахъ.... Конечно, это произведеніе не безъ недостатковъ въ отношеніи къ своей цѣлости, но оно было первымъ опытомъ таланта Грибоѣдова, первою русскою комедіею; да и сверхъ того, каковы бы ни были эти недостатки, они непомѣшаютъ ему быть образцовымъ, геніальнымъ произведеніемъ и не въ Русской литературѣ, которая въ Грибоѣдовѣ лишилась *Шекспира* комедіи....

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ ГОРЕ ОТЪ УМА.

(Московскій Телеграфъ 1833 г. № 18).

Первое изданіе явилось въ свѣтъ въ 1833 году, напечатано въ Москвѣ, въ типографіи Августа Семена, въ 8 долю листа, 167 стр. и было привѣтствуемо слѣдующимъ отзывомъ въ Московскомъ Телегрефѣ 1833 года № 18:

Наконецъ вотъ она, эта знаменитая Русская комедія! Наконецъ она не скользитъ среди публики какъ тать, какъ запрещенный товаръ безъ клейма, какъ умный мѣщанинъ среди надутыхъ аристократовъ, какъ тетрадь между книгами! Она сама книга, предназначенная пережить много книгъ. При вступленіи ея въ право печатнаго гражданства, взглянемъ не судьбу, какой подвергалась она до сихъ поръ.

Лѣтъ десятъ тому какъ начали говорить въ обществахъ о комедіи Грибоѣдова. Восторгъ, съ которымъ отзывались о ней тѣ, кому удалось слышать или читать ее, подстрекнуло любопытство многихъ. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что вѣстовщики называли по именамъ людей, которыхъ будто бы изобразилъ Грибоѣдовъ: мнѣніе неосновательное, ибо никогда поэтъ не списываетъ рабски ничего, онъ сбираетъ разсѣянныя въ умахъ черты своей идеи, даетъ имъ жизнь и увѣковѣчиваетъ ихъ въ изящныхъ формахъ. Мы увѣрены, что Грибоѣдовъ не списалъ вѣрно ни одного лица, но онъ такъ вѣрно изобразилъ характеры своего времени, что многіе узнавали въ нихъ совсѣмъ невиноватыхъ. Какъ бы то ни было, только это обстоятельство и нѣкоторыя вольности, дотолѣ невѣдомыя нашей комедіи, много способствовали успѣху Горе отъ ума. И надобно сказать, что успѣхъ былъ неслыханный. Много ли отыщите примѣровъ, чтобы сочиненіе листовъ въ 12 печатныхъ, было переписываемо тысячу разъ, ибо гдѣ и у кого нѣтъ рукописнаго *Горе отъ ума*? Бывалъ ли

у нас примѣръ, еще болѣе разительный, чтобы рукописное сочиненіе сдѣлалось достояніемъ словесности, чтобы о немъ судили какъ о сочиненіи извѣстномъ всякому, знали его наизустъ, приводили въ примѣръ, ссылались на него, и только въ отношеніи къ нему не имѣли надобности въ изобрѣтеніи Гуттенберговомъ? Этотъ случай, почти единственный у насъ, есть одна изъ самыхъ краснорѣчивыхъ похвалъ *Горе отъ ума*. Впрочемъ, если публика восхищалась имъ и судьи справедливые видѣли въ немъ красоты перваго достоинства, красоты оригинальныя, дѣвственныя въ искусствѣ, то нашлись и такіе люди, которые безпощадно порицали дивное произведеніе Грибоѣдова. Они находили въ немъ какую то передѣлку изъ *Мизантропа*, какія-то несообразности, нелѣпости и въ вымыслѣ и въ языкѣ. Другіе утверждали, что *Горе отъ ума* славится, пока оно не на сценѣ и не въ печати. Теперь можемъ судить обо всемъ, ибо комедія Горе отъ ума и на сценѣ и въ печати.

Надобно признаться, что на сценѣ она не имѣетъ и не имѣла такого успѣха, какого должно было ожидать. Главною причиною этого — неискусство актеровъ, или, если позволятъ такъ сказать, *обыкновенность* нашихъ актеровъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, Въ Горе отъ ума всѣ характеры самобытны, а выразить самобытность, создать роль, не умѣетъ ни одинъ Русскій актеръ. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ у насъ не было этому примѣра. Прибавьте, что въ наше время театръ вообще не имѣетъ назначенія: въ него ходятъ не наслаждаться искусствомъ, а провести время, развлечься, показать себя и посмотрѣть другихъ. Это модное препровожденіе времени, болѣе ничего. Такимъ образомъ и актеры и публика равно виноваты въ неполномъ успѣхѣ Горе отъ ума. Время возстановитъ прекрасное драматическое искусство, но еще долго театръ останется у насъ должностнымъ занятіемъ, и ни пуб-

лика, ни актеры не будутъ способствовать усовершенствованію сего искусства

Смѣшно было бы думать, что напечатаніе откроетъ истинную цѣну Горе отъ ума! Печатное сочиненіе важно тѣмъ, что оно доступно всякому, но *Горе отъ ума* не нуждается въ извѣстности: оно у всѣхъ, оно извѣстно всякому. Иное дѣло, еслибы комедія Грибоѣдова таилась у немногихъ, тогда открытый доступъ къ ней показалъ бы ея цѣну, какъ видѣли тому примѣръ надъ *Борисомъ Годуновымъ* Пушкина. Но комедія Грибоѣдова уже давно собственность публики. Дайте какому нибудь писарю 20 р. и онъ принесетъ вамъ чисто переписанный экземпляръ *Горе отъ ума*, который можетъ быть вы не промѣняете на печатный.

Такимъ образомъ появленіе *Горе отъ ума* въ печати не прибавитъ и не убавитъ достоинства сей комедіи. Выгода въ томъ, что теперь можно судить о ней, какъ о книгѣ, которая одинакова для всѣхъ, въ рукописи могли быть извлеченія, болѣе или менѣе важныя, въ каждомъ экземплярѣ.

Наше мнѣніе о ней должно быть давно извѣстно читателямъ. Мы много разъ имѣли случай говорить о *Горе отъ ума* и пространно и кратко. Слѣдующія строки будутъ перечнемъ сказаннаго прежде въ разныхъ мѣстахъ.

Горе отъ ума есть произведеніе, въ своемъ родѣ единственное на Русскомъ языкѣ и замѣчательное для всѣхъ словесностей. Высокое вдохновеніе отразилось во всѣхъ частяхъ его. Но кажется никто не замѣтилъ до сихъ поръ главнаго, что составляетъ высшее его достоинство, даетъ ему народность и дѣлаетъ его произведеніемъ своего вѣка и народа. Это самобытность, первообразность характеровъ. Мы сказали и повторяемъ, что Грибоѣдовъ не описалъ, а создалъ ихъ. Онъ схватилъ множество разсѣянныхъ, въ разныхъ лицахъ чертъ характера московскаго барина, облекъ ихъ истинными формами,

далъ имъ жизнь и наименовалъ ихъ *Фамусовъ*. Такъ и останется это лицо жить въ потомствѣ. Фамусовъ является вамъ въ обществѣ подъ тысячью различныхъ обликовъ, и потому-то многіе находятъ въ немъ сходство съ тѣмъ и съ другимъ. Они и правы и неправы. Черты Фамусова находятся во многихъ, но собственно это лицо есть созданіе поэта, поэтъ собралъ самыя осязаемыя изъ сихъ чертъ и воплотилъ ихъ въ лицѣ Фамусова, который потому то и вѣренъ своему идеалу до такой изумительной степени, что въ немъ соединены самыя главныя, отличительныя, основныя примѣты московскаго барина. Это лицо такъ же истинно, какъ лицо Фигаро, Фальстафа, Гарпагона, Жилблаза, *прототиповъ* своего рода, и въ созданіи характера Фамусова, Грибоѣдовъ едва-ли не сталъ рядомъ съ Бомарше, Шекспиромъ, Мольеромъ и Лёсажемъ. Другія лица неменѣе отличны истиною. Такъ въ Чацкомъ соединено множество чертъ нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ молодыхъ людей. Чацкій одушевленъ страстями огненными, онъ пылокъ, гордъ, страстенъ ко всему прекрасному, высокому и родному. Но по самому основанію своего характера, онъ не можетъ быть такъ разителенъ какъ Фамусовъ, ибо стремленіе безсильное не носитъ на себѣ характера самобытности и не имѣетъ имени. Чацкій хочетъ всего хорошаго, но не достигаетъ ни къ чему: это человѣкъ, стоящій не много выше толпы. За то противуположный ему характеръ Молчалина, созданіе превосходное! Не смотря на незначительность этого лица въ пьесѣ, оно также отличено самобытностію, какъ и лицо Фамусова. Низкій ползунъ! весь заключенный въ ничтожныя формы, льстецъ подлый и предатель коварный, этотъ Молчалинъ носитъ несомнѣнный признакъ тѣхъ людей, которые по словамъ Чацкаго, блаженствуютъ на свѣтѣ. Всякій вѣкъ имѣетъ своихъ Молчалиныхъ, но въ наше время они точно таковы, какъ Молчалинъ *Горе отъ ума*, художникъ въ искусствѣ поднять платокъ,

погладить шпица, втереть карточку, смолчать, когда его бранятъ, онъ за это получаетъ три награжденія, чинъ Ассессора, и въ ладу и въ дружбѣ со всѣми. Осмотритесь, вы окружены Молчалиными. Созданіе этого характера есть порывъ души благородной, желающей обличить порокъ и невѣжество. Софья... но о женщинахъ не смѣемъ разсуждать вслухъ. Желаемъ только, чтобы и характеръ Софьи не былъ первообразомъ нынѣшнихъ свѣтскихъ дѣвушекъ. Наконецъ забудемъ ли милаго Скалозуба, встрѣчнаго на всякомъ шагу; Репетилова, мастера услужить; Загорѣцкаго, княгиню и князя Тугоуховскихъ, Хлестову, графиню бабушку и внучку, шестерыхъ княженъ? Нѣтъ, они не даютъ забыть о себѣ, они всѣ вокругъ насъ, впереди насъ, за нами и передъ нами. Это члены свѣтскаго общества, Поэтъ не могъ представить всѣхъ ихъ въ полномъ развитіи; но немногія означенныя на нихъ черты заставляютъ указывать пальцами на многихъ, можетъ быть невинныхъ, ибо нельзя довольно твердить о томъ, что это не личности, а характеры нашего времени, принадлежащіе главной части общества, но не списанные ни съ кого прямо, ибо тогда не были бы они такъ рѣзки и сильны. Не говоримъ ничего о лицѣ служанки Лизы. Это лицо страдательное, и хотя вѣрно списанное съ идеала нынѣшнихъ служанокъ, но по ничтожности своей въ обществѣ, и слѣдовательно въ комедіи, которая есть вѣрный снимокъ съ него, не отличающееся первообразностію. Въ иной комедіи и это лицо составило бы славу автора, но въ *Горѣ отъ ума*, гдѣ авторъ поражаетъ главные, самые разрушительные пороки общества, оно не производитъ большаго впечатлѣнія. Его слишкомъ заслоняютъ другія, болѣе значительныя лица. Платонъ Михайловичъ и Наталья Дмитревна могутъ служить доказательствомъ искусства Грибоѣдова; мимоходомъ, почти безъ вниманія, онъ обнажилъ въ нихъ смѣшную сторону нѣжныхъ и уступчивыхъ супруговъ. Таковы характеры *Горя*

отъ ума. Не менѣе оригинальна и превосходна вся связь пьесы. Я незнаю можно ли, въ драматическомъ объемѣ, сильнѣе, лучше выразить характеръ нѣкоторыхъ обществъ свѣтскихъ? Бездушные, ничтожные невѣжды, погруженные въ тину своихъ пороковъ, глупостей и подлостей, окружающіе Чацкаго—изумляются его появленію. Разберите побудительныя причины дѣйствій каждаго. Фамусовъ думаетъ только о наружномъ исполненіи своихъ обязанностей: для воспитанія дочери онъ беретъ *мадаму*, которая

За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей,
Сманить себя другими допустила.

Желаетъ выдать свою Софью за Скалозуба, потому только, что онъ *не нынче, завтра генералъ.* О должности своей онъ говоритъ:

Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой.

Тысячи подобныхъ чертъ показываютъ вамъ, что Фамусовъ глупый, бездушный невѣжда, думающій только объ удобствѣ животной жизни. Молчалинъ не разбираетъ средствъ, и хочетъ только *возвышаться, унижаясь.* Загорѣцкій — *переносить горазд*ъ и *въ карты не садись: продастъ.* Скалозубъ, дуракъ, не имѣющій ни доброты, ни чувства; это Скотининъ нашего времени. Репетиловъ, болтунъ, сатира на образованность, затерянный среди глупцовъ, подобныхъ ему и не различающій злодѣя отъ добраго человѣка. Всѣ другія лица дѣйствуютъ по такимъ-же благороднымъ правиламъ и побужденіямъ, Но здѣсь поэтъ-живописецъ умѣлъ бросить еще одну тѣнь, показывающую въ немъ наблюдателя глубокомысленнаго. Посреди невѣждъ и мерзавцевъ, Софья, рожденная для чувствъ сильныхъ и можетъ быть высокихъ, дѣлается подобною всѣмъ другимъ, и въ три года отсутствія Чацкаго, доходитъ до послѣдней низости порока. Платонъ Михайловичъ, славный малый,

въ годъ московской жизни становится лѣнтяемъ, пустымъ, никуда не годнымъ посѣтителемъ гостиныхъ. Таковъ заразительный воздухъ нѣкоторыхъ обществъ!.... И посреди такого-то общества является Чацкій, какъ будто выходецъ съ другаго свѣта. Его пламенная, чистая, благородная душа, его умъ, просвѣщенный и современный, не понимаютъ этого общества. Онъ при встрѣчѣ со всѣми ссорится, говоря имъ по уму и чувству. Они начинаютъ ненавидѣть его, и разглашаютъ нелѣпую молву, что Чацкій сошелъ съ ума. Къ этому пристаютъ даже люди добрые, какова Наталья Дмитревна, и ихъ пересуды, ихъ сожалѣнія, убійственные больше ихъ ненависти, гремятъ какъ торжественная пѣснь. Вообще явленія, гдѣ Чацкаго оглашаютъ сумасшедшимъ и разсуждаютъ объ этомъ—вѣнецъ всей драмы. Только истинный поэтъ могъ создать эту сцену. Обличеніе Софьи не производитъ въ Фамусовѣ никакого чувства, кромѣ досады, что о стыдѣ его узнаютъ другіе. Этою рѣзкою чертою заключается драма Грибоѣдова.

Предоставляемъ другимъ хвалить или порицать *Горе отъ ума*, безотчетно. Мы сочли обязанностію подтвердить мнѣніе наше доводами, и если показали, хоть одному читателю красоты, не замѣченныя имъ прежде, то статья наша не даромъ написана. «Неужели въ комедіи Грибоѣдова нѣтъ недостатковъ? спросятъ насъ. Есть, какъ во всякомъ произведеніи человѣческомъ. Такъ, напримѣръ, переходы у него вообще слишкомъ рѣзки, языкъ часто неправиленъ. Но кто станетъ замѣчать эти пылинки на блистающемъ золотѣ? Кто не назоветъ чистымъ свѣтлаго ручья, хотя по немъ иногда плывутъ сучья и листики съ окрестныхъ береговъ? Грибоѣдовъ, по стихосложенію принадлежалъ еще къ тому времени, когда въ языкѣ нашемъ отзывались воспоминанія о Княжнинѣ и подобныхъ комикахъ осьмнадцатаго столѣтія Россіи. Но за то у него все выкупаетъ естественность, живость, истина разговорнаго

языка. Въ этомъ онъ не имѣетъ ни предшественниковъ, ни послѣдователей.

Биб. для Чтенія, 1834 года. № 1.

Наконецъ «Горе отъ ума» вышло изъ печати!... Здѣсь не мѣсто разбирать это прекрасное твореніе: сверхъ того, разбирая его. пришлось бы разбирать не сочиненіе умнаго и несчастнаго Грибоѣдова, но пристрастіе девяти десятыхъ частей Россіи къ этому сочиненію, и отвращеніе, обнаруживаемое одною десятою частію, «Горе отъ ума» имѣетъ повсюду столь же пламенныхъ обожателей, какъ враговъ. И самое то обстоятельство, что оно заслужило себѣ пламенныхъ противниковъ, уже неоспоримо доказываетъ высокое его достоинство: въ словесности не всякой, кто хочетъ, имѣетъ жестокихъ враговъ. Есть поэты и прозаики, которые мечутся, какъ угорѣлые, прибѣгаютъ къ наглости и оскорбительнымъ обвиненіямъ, стараются даже обидѣть, чтобъ только похвастать враждою нѣкоторыхъ своихъ собратій, и вмѣсто вражды получаютъ отъ нихъ одинъ смѣхъ. Это ужъ вѣрный признакъ посредственности ихъ произведеній! Но когда книга удостоивается сильной вражды, будьте увѣрены, что она наобыкновенна во всѣхъ отношеніяхъ.

Комедія Грибоѣдова безъ сомнѣнія не чужда недостатковъ по части искусства, но общее восхищеніе, съ какимъ Россія ее приняла, загладило ея грѣхи и сдѣлало ея красоты народною собственностію. Теперь о красотахъ ея должно говорить такъ, какъ англичанинъ и испанецъ говорятъ о красотахъ Шекспира и Кальдерона; о недостаткахъ, съ тѣмъ же уваженіемъ, съ

какимъ они разсуждаютъ о погрѣшностяхъ, примѣчаемыхъ въ твореніяхъ этихъ двухъ писателей. Кто безусловно поноситъ «Горе отъ ума», тотъ оскорбляетъ вкусъ всего народа и судъ, произнесенный всею Россіею. Это народная книга: нѣтъ Русскаго, который бы не зналъ наизусть покрайней мѣрѣ десяти стиховъ изъ этой комедіи.

«Горе отъ ума» было сравниваемо почти со всѣми лучшими произведеніями этого рода въ Европейской словесности, исключая съ тѣмъ, съ которымъ, геній самаго автора хотѣлъ поставить его на ряду, и дѣйствительно поставилъ. «Горе отъ ума» занимаетъ въ нашей словесности, по своему роду и духу, именно то мѣсто, которымъ «Свадьба Фигаро», извѣстная комедія Бомарше, овладѣла во французской. Подобно «Свадьбѣ Фигаро», эта комедія политическая: Бомарше и Грибоѣдовъ съ одинакими дарованіями и равною колкостію сатиры, вывели на сцену политическія понятія и привычки обществъ, въ которыхъ они жили, мѣряя гордымъ взглядомъ народную нравственность своихъ отечествъ. Если «Горе отъ ума» уступаетъ творенію французскаго комика въ искусственности интриги, съ другой стороны, оно возстановляетъ равновѣсіе свое съ нимъ въ отношеніи къ внутреннему достоинству поэтическою частью и неподражаемою прелестью разсказа.

Въ этомъ изученіи примѣчаются нѣкоторые маловажные пропуски противъ рукописныхъ экземпляровъ, которыми наводнена Россія: память нынѣшнихъ читателей легко пополнитъ подобныя мѣста при чтеніи, а будущее поколѣніе читаталей отнюдь ничего непотеряетъ: эти пропуски нимало неуменьшаютъ достоинства книги, и слава сочинителя незатмится, пожертвовавъ въ пользу роднаго общества нѣсколькими лишними колкостями, излитыми его перомъ въ минуту разсѣянности или сплиня.

»Какъ посмотрѣть да посравнить,
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Грибоѣдовъ »Горе отъ ума«.

Отечественныя Записки 1840 г. Т. 8.

......Съ 1832 года начала ходить по рукамъ публики рукописная комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума». Она надѣлала ужаснаго шума, всѣхъ удивила, возбудила негодованіе и ненависть во всѣхъ, занимавшихся литературою ex-officio, и во всемъ старомъ поколѣніи; только немногіе изъ молодаго поколѣнія и непринадлежавшіе къ записнымъ литераторамъ и ни къ какой литературной партіи, были восхищены ею. Десять лѣтъ ходила она по рукамъ, разпавшись на тысячу списковъ; публика выучила ее наизустъ, враги ея уже потеряли голосъ и значеніе уничтоженные потокомъ новыхъ мнѣній, и она явилась въ печати тогда уже, когда у ней не осталось ни одного врага, когда не восхищаться ею, не превозносить ее до небесъ, непризнавать геніальнымъ произведеніемъ, считалось образцовымъ безвкусіемъ. И вдругъ, въ одномъ петербургскомъ журналѣ, въ 1835 году, какой-то (говорилъ и печаталъ тогда, будто московскій) критикъ объявилъ, что «Горе отъ ума» такое слабое произведеніе, что хуже даже. «Недовольныхъ».... Разумѣется, публика приняла это за одну изъ тѣхъ милыхъ шуточекъ, до которыхъ, такъ страстны иные журналы. Но вотъ недавно, по случаю выхода въ свѣтъ втораго изданія «Горе отъ ума», въ другомъ петербургскомъ журналѣ объявлено, что »Горе отъ ума» должно стоять подлѣ комедій Фонъ-Визина, и что тѣ, которые подобно издателю комедіи Грибоѣдова (К. Полевому), видятъ въ ея авторѣ,

человѣка съ большимъ дарованіемъ» только прячутся за его имя.

Такова судьба комедіи Грибоѣдова. Но все это доказываетъ только, что «Горе отъ ума» есть явленіе необыкновенное, произведеніе таланта сильнаго, могучаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что для нее настало уже время оцѣнки критической, основанной не на знакомствѣ съ ея авторомъ и даже въ незнаніи обстоятельствъ его жизни, а на законахъ изящнаго, всегда единыхъ и неизмѣняемыхъ.

«Горе отъ ума» принято было съ враждою и ожесточеніемъ и литераторами и публикою. Иначе не могло и быть: литературныя знаменитости тогдашняго времени состояли изъ людей прошлаго вѣка. Незабудьте, что въ то время самъ Мерзляковъ, человѣкъ съ большимъ талантомъ и поэтическою душою, разбиралъ съ кафедры неподражаемыя красоты трагедій Сумарокова и подсмѣивался надъ Шекспиромъ, Шиллеромъ и Гёте, какъ надъ представителями эстетическаго безвкусія, а въ Обществѣ любителей Россійской словесности читалъ свои трактаты о трагедіи, производя ее отъ козла. Великими писателями считались тогда люди, которые теперь неизвѣстны даже по именамъ. Пушкинъ еще только удивлялъ однихъ и бѣсилъ другихъ. Словомъ, это было послѣднее время французскаго классицизма въ нашей литературѣ. Представьте же себѣ, что комедія Грибоѣдова, во первыхъ, была написана не шестиногими ямбами съ піитическими вольностями, а вольными стихами, какъ до того писались однѣ басни; во-вторыхъ, она была написана не книжнымъ языкомъ, которымъ никто неговорилъ, котораго незналъ ни одинъ народъ въ мірѣ, а Русскіе особенно слыхомъ не слыхали, ни видомъ не видали, но живымъ, легкимъ, разговорнымъ русскимъ языкомъ; въ-третьихъ, каждое слово комедіи Грибоѣдова дышало комическою жизнію, поражало быстротою ума. оригинальностію оборотовъ, поэзіею образовъ, такъ что почти каждый стихъ въ ней

обратился въ пословицу или поговорку и годится для примѣненія то къ тому, то къ другому обстоятельству жизни,—а по мнѣнію русскихъ классиковъ, именно тѣмъ и отличившихся отъ французскихъ, языкъ комедіи, если она хочетъ прослыть *образцовою*, непремѣнно долженъ былъ щеголять тяжеловатостію, неповоротливостію, тупостію, изысканностію остротъ, прозаизмомъ выраженій и тяжелою скукою впечатлѣнія; въ-четвертыхъ, комедія Грибоѣдова отвергла искусственную любовь, резонёровъ, разлучниковъ, и весь пошлый, истертый механизмъ старинной драмы; а главное и самое непростительное въ ней было—талантъ яркій, живой, свѣжій, сильный, могучій.... Да, литераторамъ немогла понравиться комедія Грибоѣдова; они должны были ожесточиться противъ ига!... За что же общество такъ сильно осердилось на нее? За то, что она была самою злою сатирою на это общество. Она заклеймила остатки восьмнадцатаго вѣка,—духъ котораго бродилъ еще, какъ заколдованная тѣнь, ожидая себѣ *осиноваго кола*, которымъ и было «Горе отъ ума». Новое поколѣніе вскорѣ незамѣдлило объявить себя *на блестящее произведеніе* Грибоѣдова, потому что вмѣстѣ съ нимъ, оно смѣялось надъ старымъ поколѣніемъ, видя въ «Горе отъ ума» злую сатиру на него и неподозрѣвая въ немъ еще злѣйшей, хотя и безъ вымышленной сатиры на самолюбіе въ лицѣ полоумнаго Чацкаго.

За что же теперь такъ жестоко, такъ произвольно, и, надо сказать, такъ дерзко и неуважительно начинаютъ нападать на такое прекрасное, дѣлающее истинную честь отечественной литературѣ произведеніе?... Тутъ двѣ причины. Во-первыхъ, *кто* нападаетъ? Люди-ли, которые мѣряютъ изящныя произведенія своею неизящною стряпнею, и, на смѣхъ всему міру, таращатся видѣть въ Грибоѣдовѣ соперника себѣ, они, которые, какъ ни высоко загибаютъ голову, чтобы достать до его лица, но обиваютъ себѣ кулаки только о его колѣни, выше которыхъ, даже и на цыпочкахъ, немогутъ достать?..- Во вто-

рыхъ, въ дерзости этихъ людей, кромѣ оскорбленнаго, микроскопическаго самолюбія, выражается еще и требованіе времени опредѣлить достоинство «Горе отъ ума» не на основаніи личныхъ мнѣній, но на основаніи законовъ изящнаго, и не при посредствѣ личнаго пристрастія, а при посредствѣ разумной мысли, холодной и мертвой для всякихъ личныхъ отношеній, но пламенной и живой для ищущихъ истины.

Теперь у насъ въ литературѣ господствуютъ и борятся два рода критики— *французская* и *нѣмецкая*. Первая смотритъ на произведеніе съ исторической точки зрѣнія, т. е, объясняетъ его и произноситъ ему оцѣнку въ слѣдствіе разбора его отношеній къ современному обществу и къ частной жизни самаго автора. Извѣстно, что французы увлекаются дневными интересами (les intérès du jour), и каждое литературное и поэтическое произведеніе у нихъ есть рѣшеніе дневнаго вопроса (la qnéstion du jour), т, е. того о чемъ говорятъ нынче. Нѣмецкая критика смотритъ на художественное произведеніе какъ на нѣчто безусловное, въ самомъ себѣ носящее свою причину, свое оправданіе и свою оцѣнку, по мѣрѣ того, какъ оно выражаетъ собою общіе законы духа, явленія разума, и мѣряютъ его масштабомъ разумной мысли. Извѣстно, что Нѣмцы мало занимаются эфемерными интересами текущаго дня, но сосредоточиваютъ все свое вниманіе на интересахъ общихъ, міровыхъ, непроходящихъ. Всякому свое! Но и французская критика имѣетъ свое значеніе при разсматриваніи такихъ произведеній литературы, которыя, имѣя большое вліяніе на общество, непринадлежатъ къ искусству, каковы, напримѣръ, повѣсти Карамзина, комедіи Фонъ-Визина, и т. п. Однакоже рѣшеніе вопроса: художественно или не художественно то или другое произведеніе литературы — подлежитъ со всѣмъ не французской, а нѣмецкой критикѣ, потому-что рѣшеніе такого вопроса относится совсѣмъ не къ исторіи, а къ наукѣ изящ-

наго, имѣющей своимъ основаніемъ — законы изящнаго, выводимыя изъ разумной мысли. Мы уже мимоходомъ взглянули на «Горе отъ ума» съ исторической точки зрѣнія: взглянемъ теперь на него со стороны искусства, чтобы опредѣлить—художественное-ли оно произведеніе.

Всякое художественное произведеніе рождается изъ единой общей идеи, которой оно обязано и художественностію своей формы, и своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ единствомъ, черезъ которое оно есть особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ. Какая основная идея «Горе отъ ума»? — Это можно узнать только изъ самой комедіи; почему и взглянемъ на ея содержаніе.

Дочь барина — чиновника, въ минуту боренія утренняго свѣта съ темнотою ночи, въ своей спальнѣ, *занимается музыкою* съ молодымъ человѣкомъ, чиновникомъ своего отца. Горничная, передъ спальнею, стоитъ на часахъ, и, чтобы кто не узналъ о ихъ несвоевременномъ занятіи музыкою и неперетолковалъ въ дурную сторону такой безкорыстной любви къ искусству, напоминаетъ имъ, что уже свѣтаетъ, и, чтобы вывести ихъ изъ меломаническаго самозабвенія, переводитъ часовую стрѣлку. Вдругъ входитъ самъ баринъ и отецъ, Фамусовъ, и начинаетъ волочиться за горничною своей дочери, которая въ то время доигрывала послѣдній дуэтъ, Фамусовъ уходитъ; являются Софья и Молчалинъ: Лиза упрекаетъ ихъ за долговременное пребываніе въ гармоніи, разсказываетъ о приходѣ барина, и о томъ, какъ она струсила. Входитъ опять Фамусовъ и застаетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Слѣдуютъ допросы, упреки и нападки на *Кузнецкій мостъ*. Софья разсказываетъ свой сонъ, желая намекнуть имъ на свою любовь къ какому-то робкому молодому человѣку; отецъ прерываетъ ее:

Ахъ, матушка, недовершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара!

Въ заключеніе совѣтуетъ ей соснуть и идетъ съ Молчалинымъ подписывать бумаги. Софья наединѣ съ Лизою. Изъ ихъ разговора мы узнаемъ, что она безъ памяти отъ «скромнаго» Малчалина и неочень дорожитъ своимъ добрымъ именемъ и общественнымъ мнѣніемъ. Лиза возстаетъ противъ ея любви, которая добромъ не кончится, и напоминаетъ ей о Чацкомъ, который нѣжно любилъ ее съ дѣтства и котораго она любила; но Софья отзывается о Чацкомъ съ враждебностію, находя въ немъ только злословіе и больше ничего.. Вообще служанка обращается съ своею барышнею за-просто потому-что, какъ помощница въ ея низкой связи, держитъ въ рукахъ своихъ ея участь. Вообще всѣ эти сцены написаны мастерски и служатъ превосходною интродукціею въ комедію: характеры и ихъ взаимныя отношенія обрисованы искусно и рѣзко. Вдругъ лакей докладываетъ о пріѣздѣ Чацкаго, который тотчасъ и является.

Чацкій воспитывался въ домѣ Фамусова и любилъ его дочь съ дѣтства. Три года путешествовалъ онъ и невидалъ ее, теперь спѣшитъ увидѣться. Чацкій человѣкъ *свѣтскій* и человѣкъ *глубокій*; отсюда должны выходить приличія и поэзія его свиданія съ Софьею. Какъ *свѣтскій* человѣкъ, онъ не долженъ разсыпаться въ нѣжныхъ и страстныхъ монологахъ; скорѣе долженъ онъ начать шутить и говорить о незначащихъ предметахъ, обо всемъ, кромѣ любви своей, но, какъ у *глубокаго* человѣка, въ его шуткахъ должно, какъ бы противъ его воли, проискриваться его чувство, и, какъ arriére pensée, оно же должно незримо присутствовать въ его болтовнѣ о разныхъ пустякахъ. Но что же? Во первыхъ, онъ заѣзжаетъ въ домъ ея отца и требуетъ свиданья съ ней, прямо съ дороги, незаѣхавъ домой, чтобы обриться и переодѣться, — и заѣзжаетъ когда же? — въ *шесть часовъ утра*! — Воля ваша — не по-*свѣтски*, не умно и не эстетически!... Первое, что онъ начинаетъ говорить съ нею, — это о томъ, что она холодно

принимаетъ его, тогда какъ онъ скакалъ сломя голову, сорокъ пять часовъ, не прищуря глазомъ, терпѣлъ отъ бури, разтерялся, падалъ, нѣсколько разъ!... Софья холодно надъ нимъ издѣвается, — и онъ начинаетъ разспрашивать у ней о знакомыхъ и дѣлать противъ нихъ сатирическія выходки. Истиннаго и глубокаго чувства любви не видно ни въ одномъ его словѣ. Входитъ Фамусовъ. Софья пользуется случаемъ ускользнуть. Чацкій разсѣянно отвѣчаетъ на пошлости Фамусова и безпрестанно заводитъ съ нимъ рѣчь о Софьѣ, наконецъ спохватывается, что ему пора домой и уходитъ, Фамусовъ силится объяснить сонъ дочери и на кого изъ двухъ она мѣтитъ — на Молчалина или на Чацкаго; одинъ нищій — другой франтъ, мотъ и сорванецъ, и заключаетъ свою думу, а вмѣстѣ съ нею и первый актъ комедіи, комическимъ восклицаніемъ:

Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!

Фамусовъ приказываетъ Петрушкѣ читать календарь и отмѣчать, куда и когда баринъ отозванъ обѣдать. Превосходный монологъ! Тутъ Фамусовъ весь высказывается. Приходитъ Чацкій, и его безпрестанныя обращенія къ Софьѣ Павловнѣ заставляютъ Фамусова спросить его — не хочетъ-ли онъ на ней жениться,—и замѣтить, что для того ему надо хорошенько управлять имѣніемъ, а главное *послужить*.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно?—отвѣчаетъ ему Чацкій. Фамусовъ говоритъ, что «всѣ вы гордецы», что «спросили бы какъ дѣлали отцы, учились бы на старшихъ глядя.« Чацкій радъ вызову и разливается потокомъ энергическихъ выходокъ противъ стараго времени, въ которыхъ Фамусовъ непонимаетъ ни пол-слова. Эта сцена была бы въ высшей степени комическою, еслибъ изображена была объективно, какъ столкновеніе двухъ чудаковъ; но какъ этого нѣтъ, какъ автъор

не думалъ нисколько, что его Чацкій — полоумный, то она смѣшна, но не въ пользу автора. Слуга докладываетъ о Скалозубѣ и Фамусовъ проситъ Чацкаго, ради чужаго человѣка, незаноситься завиральными идеями, и спѣшитъ на встрѣчу къ Скалозубу. Чацкій изъ его поспѣшности подозрѣваетъ, ужъ не прочитъ-ли онъ этого гостя въ женихи своей дочери. Слѣдуетъ превосходная сцена Фамусова съ Скалозубомъ, гдѣ эти два ничтожные характера развиваются творчески.

А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва!

восклицаетъ, въ лирическомъ одушевленіи пошлости, Фамусовъ.

Дистанція огромнаго размѣра!

Отвѣчаетъ ему *лаконическій* Скалозубъ. До сихъ поръ сцена шла превосходно, развита была творчески; но вотъ Фамусовъ распространяется о Москвѣ монологомъ въ 54 стиха, гдѣ, мѣстами очень оригинально высказываетъ самаго себя, мѣстами дѣлаетъ за Чацкаго, выходки противъ общества, какія могли бы прійти въ голову только Чацкому, Чацкій радехонекъ, вмѣшивается въ разговоръ и начинаетъ читать проповѣди и ругать Фамусова. Сцена удивительно-смѣшная, но только не въ похвалу комедіи... Ни съ того, ни съ сего, Фамусовъ говоритъ Скалозубу, что будетъ ждать его въ кабинетѣ, и оставляетъ ихъ. Скалозубъ, сказавъ Чацкому монологъ, въ которомъ онъ чудесно высказывается, тоже уходитъ. Тутъ слѣдуетъ паденіе Молчалина съ лошади, обморокъ Софьи и подозрѣнія Чацкаго. Кажется, чего бы еще подозрѣвать? Софья ведетъ себя такъ неосторожно въ отношеніи къ Молчалину и такъ нагло-враждебна въ отношеніи къ Чацкому, что кажется, совсѣмъ бы нечего подозрѣвать. Дѣло очень ясно: при бѣдѣ одного она падаетъ въ обморокъ, а другаго, забывъ всякое приличіе, ругаетъ. Чацкій уходитъ, Софья

приглашаетъ Скалозуба на вечеръ, гдѣ будутъ всѣ домашніе друзья и танцы подъ фортепьяно и тотъ уходитъ. Софья изъявляетъ свой страхъ за Молчалина, Лиза упрекаетъ ее въ неосторожности и Молчалинъ беретъ ея сторону противъ Софьи. Оставшись наединѣ съ Лизою, Молчалинъ волочится за нею, говоря, что онъ любитъ барышню «по должности». Молчалинъ уходитъ, а Софья опять является, говоря Лизѣ, что она не выйдетъ къ столу и приказываетъ ей послать къ себѣ Молчалина.

Вотъ и конецъ втораго акта, что въ немъ существеннаго, относящагося къ дѣлу? Обморокъ Софьи и, въ слѣдствіе его, ревность Чацкаго; все остальное существуетъ само-по-себѣ, безъ всякаго отношенія къ цѣлому комедіи. Всѣ говорятъ, и никто ничего не дѣлаетъ. Конечно, въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ высказываются ихъ характеры, но это *высказываніе*, въ художественномъ произведеніи, должно происходить изъ его идеи и совершаться въ дѣйствіи. И въ «Ревизорѣ» каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя каждымъ своимъ словомъ, но совсѣмъ не съ цѣлію высказываться, а принимая необходимое участіе въ ходѣ піэсы. Каждое слово, сказанное каждымъ лицомъ, тамъ относится или къ ожиданію ревизора, или къ его присутствію въ городѣ. Лицо ревизора есть источникъ, изъ котораго все выходитъ и въ который все возвращается. И потому — что тамъ каждое слово необходимо и не можетъ быть ни измѣнено, ни замѣнено другимъ. Отъ того-то и комедія Гоголя представляетъ собою цѣлое художественное произведеніе, особенный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ, и можетъ подлежать только разсмотрѣнію нѣмецкой умозрительной критики, а отнюдь не французской исторической. Лица поэта нѣтъ въ этомъ созданіи, и потому, чтобы понять «Ревизора», намъ совсѣмъ не нужно знать ни образа мыслей, ни обстоятельствъ жизни его творца.

Чацкій рѣшается допытаться отъ Софьи, кого она любитъ

Молчалина, или Скалозуба. Странное рѣшеніе — къ чему оно! Другое-бы еще дѣло: допытаться, любитъ ли она его? Что ему за радость узнать отъ нея, что она любитъ не Молчалина, а Скалозуба, или что она любитъ не Скалозуба, а Молчалина? Не все ли это равно для него? Да и стоитъ ли какого нибудь вниманія, какихъ нибудь хлопотъ дѣвушка, которая могла полюбить Скалозуба или Молчалина? Гдѣжъ у Чацкаго уваженіе къ святому чувству любви, уваженіе къ самому-себѣ? Какое-же послѣ этого можетъ имѣть значеніе его восклицаніе въ концѣ четвертаго акта:

... Пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ?

Какое же это чувство, какая любовь, какая ревность? буря въ стаканѣ воды!.. И на чемъ основана его любовь къ Софьѣ? Любовь есть взаимное, гармоническое разумѣніе двухъ родственныхъ душъ, въ сферахъ общей жизни, въ сферахъ истиннаго, благаго, прекраснаго. На чемъ же могли они сойтись и понять другъ друга? Но мы и невидимъ этого требованія, или этой духовной потребности, составляющей сущность глубокаго человѣка, ни въ одномъ словѣ Чацкаго. Всѣ слова, выражающія его чувство къ Софьѣ, такъ обыкновенны, чтобы не сказать пошлы! И что онъ нашелъ въ Софьѣ? Мѣркою достоинства женщины можетъ быть мужчина, котораго она любитъ, а Софья любитъ ограниченнаго человѣка безъ души, безъ сердца, безъ всякихъ человѣческихъ потребностей, мерзавца, низкопоклонника, ползающую тварь, однимъ словомъ — Молчалина. Онъ ссылается на воспоминанія дѣтства, на дѣтскія игры; но ктоже въ дѣтствѣ не влюблялся и не называлъ своей невѣстой дѣвочки, съ которою вмѣстѣ учился и рѣзвился, и ужели дѣтская привязанность къ дѣвочкѣ должна непремѣнно быть чувствомъ возмужалаго человѣка? Буря въ стаканѣ воды —

больше ничего!.. И вотъ онъ приступаетъ къ объясненію. Вы думаете, что онъ сдѣлаетъ это какъ *свѣтскій* и какъ *глубокій* человѣкъ, какъ нибудь намеками, со всевозможнымъ уваженіемъ и къ своему чувству и къ личности той, которую какова-бы она ни была, онъ любитъ? Ничего не бывало! Онъ прямо спрашиваетъ ее:

Дознаться мнѣ нельзя ли,
Хоть и некстати, нужды нѣтъ, (*)
Кого вы любите?

И этотъ человѣкъ волнуется любовію и ревностью! И это разговоръ, который долженъ рѣшить участь его жизни! Наконецъ онъ прямо заводитъ рѣчь о Молчалинѣ!!!... Да намекнуть дѣвушкѣ не любитъ ли она Молчалина, все равно, что намекнуть ей не любитъ ли она лакея, или кучера своего отца... Софья расхваливаетъ Молчалина, а Чацкій убѣждается изъ этаго, что она его не любитъ и неуважаетъ... Догадливъ!.. Гдѣжъ ясновидѣніе внутренняго чувства?.. Лиза подходитъ къ барышнѣ и шепчетъ ей на ухо, что ее ждетъ Молчалинъ, и та хочетъ уйти. Чацкій проситъ у ней позволенія побыть минуту въ ея комнатѣ, но она пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается, оставляя его съ носомъ. Чацкій, оставшись одинъ, опять ни съ того, ни съ сего увѣряется, что Софья любитъ Молчалина и вымещаетъ свою досаду остротами. Потомъ онъ заводитъ разговоръ съ Молчалинымъ, и тутъ слѣдуетъ превосходнѣйшая сцена, гдѣ Молчалинъ вполнѣ высказывается. Но вотъ собираются гости и слѣдуетъ рядъ картинъ тогдашняго и, можетъ быть, отчасти и нынѣшняго московскаго общества, картинъ написанныхъ мастерскою кистію. Наталья Дмитріевна съ своимъ мужемъ Платономъ Михайловичемъ Горичемъ, этимъ «высокимъ идеаломъ московскихъ всѣхъ мужей», ихъ взаимныя отношенія; князь Тугоуховскій и княгиня съ

(*) Въ подлинной рукописи сказано: Хоть и намеками, мнѣ нужды нѣтъ,

шестью дочерьми; графини Хрюмины, бабушка и внучка; Загорѣцкій, Хлестова—все это типы, созданные рукою истиннаго художника; а ихъ рѣчи, слова, обращеніе, манеры, образъ мыслей, пробивающійся изъ подъ нихъ, геніальная живопись, поражающая вѣрностью, истиною и творческою объективностію; но все это какъ-то несвязно съ цѣлымъ комедіи, выставляется само-собою особно и отдѣльно. Молчалинъ услуживаетъ, составляетъ партію въ вистъ, подличаетъ. Чацкій язвительно колетъ имъ Софью, у которой вдругъ блеснула мысль отмстить ему, ославивъ его сумасшедшимъ. Вѣсть эта съ быстротою молніи переходитъ отъ одного къ другому и тотчасъ превращается въ доказательную очевидность, потому что всѣ принимаютъ ее на вѣру съ свѣтскою основательностію и свѣтскимъ доброжелательствомъ къ ближнему. У графини-бабушки происходятъ пресмѣшныя сцены по поводу шума о сумасшествіи Чацкаго, съ Натальею Дмитріевною, Загорѣцкимъ и княземъ Тугоуховскимъ, а у Фамусова съ Хлестовой. Входитъ Чацкій, и всѣ отшатываются отъ него, какъ отъ сумасшедшаго; Фамусовъ совѣтуетъ ему ѣхать домой, говоря что онъ нездоровъ и Чацкій отвѣчаетъ ему:

Да, мочи нѣтъ! мильонъ терзаній,
Груди, отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній;
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
(подходитъ къ Софьѣ).
Душа здѣсь у меня какимъ то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ несвой.
Нѣтъ, недоволенъ я Моской!

Скажите послѣ этой, положимъ, что поэтической, но уже совершенно-неумѣстной выходки Чацкаго, не вправѣ-ли было все общество окончательно и положительно удостовѣриться въ его сумасшествіи? Кто, кромѣ помѣшаннаго, предается такому откровенному и задушевному изліянію своихъ чувствъ на балѣ, среди людей, чуждыхъ ему? Да если бы это были и не Фа-

мусовы, не Загорѣцкіе, не Хлестовы, а люди отлично-умные и глубокіе, и тѣ приняли бы его за помѣшаннаго! Но Чацкій этимъ недовольствуется—онъ идетъ далѣе. Софья лукаво дѣлаетъ ему вопросъ, на что онъ такъ сердитъ? и Чацкій начинаетъ свирѣпствовать противъ общества, во всемъ значеніи этого слова. Безъ дальнихъ околичностей начинаетъ онъ разсказывать, что вонъ въ той комнатѣ встрѣтилъ онъ французика изъ Бордо, который «надсаживая грудь, собралъ вокругъ себя родъ вѣча» и разсказывалъ какъ онъ снаряжался въ путь, въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами; и встрѣтилъ ласки и привѣтъ, неслышитъ, русскаго слова, не видитъ русскаго лица, а все французскія, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ своего отечества, Франціи. Въ слѣдствіе этого, Чацкій начинаетъ неистово свирѣпствовать противъ рабскаго подражанія Русскихъ иноземщинѣ, совѣтуетъ учиться у Китайцевъ «премудрому незнанью иноземцевъ», нападаетъ на сертуки и фраки, замѣнившіе величавую одежду нашихъ предковъ, на «смѣшные бритые, сѣдые подбородки», замѣнившіе окладистые бороды, которые упали по манію Петра, чтобы уступить мѣсто просвѣщенію и образованности; словомъ, несетъ такую дичь, что всѣ уходятъ, а онъ остается одинъ, незамѣчая того, — чѣмъ и оканчивается третій актъ.

Вообще, еслибы выкинуть Чацкаго, этотъ актъ, самъ по себѣ, какъ дивно-созданная картина общества и характеровъ, былъ бы превосходнымъ созданіемъ искусства.

Картина разъѣзда съ бала, въ четвертомъ актѣ, есть также, сама по себѣ, какъ нѣчто отдѣльное, дивное произведеніе искусства. Одинъ Репетиловъ чего стоитъ! Это лицо типическое, созданное великимъ творцомъ!.. Чацкому не найдутъ его кучера; онъ задержанъ въ сѣняхъ и поневолѣ подслушиваетъ толки о своемъ сумасшествіи. Это его изумляетъ: онъ далекъ отъ мысли, что онъ сумасшедшій. Вдругъ онъ слышитъ голосъ

Софьи, которая, надъ лѣстницею, во второмъ этажѣ, со свѣчею въ рукахъ, въ пол-голоса зоветъ Молчалина. Лакей приходитъ и докладываетъ о каретѣ, но Чацкій прогоняетъ его и прячется за колонну. Лиза стучится въ дверь къ Молчалину и вызываетъ его; Молчалинъ выходитъ и по своему любезничаетъ съ Лизою, неподозрѣвая, что Софья все видитъ и слышитъ. Онъ говоритъ открыто, что любитъ Софью «по должности» и заключаетъ обращеніе къ горничной:

Пойдемъ дѣлить любовь печальной нашей крали!
Дай обниму тебя отъ сердца полноты!..
(Лиза недается).
Зачѣмъ она — не ты?

Софья является, подлецъ падаетъ ей въ ноги и валяется у ней въ ногахъ. Софья приказываетъ ему встать, и чтобы заря незастала его въ домѣ, иначе она все разскажетъ отцу. Она заключаетъ изъявленіемъ радости, что сама все узнала и что не было тутъ свидѣтелей, подобно тому какъ былъ Чацкій во время ея обморока.

Онъ здѣсь, притворщица!

Кричитъ Чацкій, бросаясь къ ней изъ за колонны.

Скажите, Бога ради, какой бы порядочный, по крайней мѣрѣ, не сумасшедшій человѣкъ, на мѣстѣ Чацкаго, неудалился тихонько, узнавъ горькую истину?.. Но ему надо было произвести трагическій эффектъ, а вышла преуморительная комическая сцена, гдѣ самое смѣшное лицо г. Чацкій... Нѣтъ, нето, ему надо было еще прочесть нѣсколько проповѣдей... Безъ этого, комедія по крайней мѣрѣ, кончилась бы на мѣстѣ, а тутъ она еще тянется, Богъ знаетъ для чего. Окончаніе извѣстно и мы не будемъ о немъ говорить.

И такъ, въ комедіи нѣтъ цѣлаго, потому что нѣтъ идеи. Намъ скажутъ, что идея, напротивъ, есть, и что она противорѣчіе умнаго и глубокаго человѣка съ обществомъ, среди котораго

онъ живетъ. Позвольте: что это за новый Анахарсисъ, побывавшій въ Аѳинахъ и возвратившійся къ Скиѳамъ?.. Неужели представители Русскаго общества все — Фамусовы, Молчалины, Софьи, Загорѣцкіе, Хлестовы, Тугоуховскіе, и имъ подобные? Если такъ, они правы, изгнавши изъ своей среды Чацкаго, съ которымъ у нихъ нѣтъ ничего общаго, равно какъ и у него съ ними. Общество всегда правѣе и выше частнаго человѣка, и частная индивидуальность только до той степени и дѣйствительность, а не призракъ, до какой она выражаетъ собою общество. Нѣтъ, эти люди не были представителями русскаго общества, а только представителями одной стороны его, слѣдственно были другіе круги общества болѣе близкіе и родственные Чацкому. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ лезъ къ нимъ и не искалъ круга болѣе по себѣ? Слѣдовательно, противорѣчіе съ кружкомъ общества. Гдѣжъ тутъ идея? основною идеею художественнаго произведенія можетъ быть только такъ называемая на философскомъ языкѣ «конкретная идея» т. е. такая идея, которая въ самой себѣ заключаетъ и свое оправданіе, и которая только одна можетъ стать разумнымъ явленіемъ, паралельнымъ своему діалектическому развитію. Очевидно, что идея Грибоѣдова была сбивчива и неясна самому ему, а потому и осуществовалась? какимъ-то недоноскомъ. И потомъ: что за глубокій человѣкъ этотъ Чацкій? Это просто крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говоритъ. Неужели войдти въ общество и начать всѣхъ ругать дураками и скотами, значитъ быть глубокимъ человѣкомъ? Чтобы вы сказали о человѣкѣ, который, войдя въ кабакъ, сталъ бы съ одушевленіемъ и жаромъ доказывать пьянымъ мужикамъ, что есть наслажденіе выше вина — есть слава, любовь, наука, поэзія, Шиллеръ и Жанъ-Поль Рихтеръ?.. Это новый Донъ-Кихотъ, мальчикъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади...

Глубоко вѣрно оцѣнилъ эту комедію кто-то, сказавшій что это горе,—только не отъ *ума*, а отъ *умничанья*. Искусство можетъ избрать своимъ предметомъ и такого человѣка, какъ Чацкій, но тогда изображеніе долженствовало-бъ быть объективнымъ, а Чацкій лицомъ комическимъ; но мы ясно видимъ, что поэтъ не шутя хотѣлъ изобразить идеалъ глубокаго человѣка въ противорѣчіи съ обществомъ и вышло Богъ-знаетъ-что.

Когда въ произведеніи искусства нѣтъ основной идеи — то характеры дѣйствующихъ лицъ не могутъ быть вѣрны, по крайней-мѣрѣ, всѣ. Что такое Софья? Свѣтская дѣвушка, унизившаяся до связи почти съ лакеемъ. Это можно объяснить воспитаніемъ — дуракомъ-отцомъ, какою нибудь *мадамою*, допустившею себя переманить за лишнихъ 500 рублей. Но въ этой Софьѣ есть какая-то энергія характера: она отдала себя мужчинѣ, необольстясь ни богатствомъ, ни знатностью его, словомъ, не по расчету, а напротивъ уже слишкомъ, по не расчету, она педорожитъ, ни чьимъ мнѣніемъ, и когда узнала, что такое Молчалинъ, съ презрѣніемъ отвергаетъ его, велитъ завтра же оставить домъ, грозя, въ противномъ случаѣ, все открыть отцу. Но какъ она прежде не видѣла, что такое Молчалинъ? Тутъ противорѣчіе, котораго нельзя объяснить изъ ея лица, а всѣ другія объясненія не могутъ, какъ внѣшнія и произвольныя, имѣть мѣста при разсматриваніи созданнаго поэтомъ характера. И потому Софья не дѣйствитѣтельное лицо, а призракъ. Кромѣ Чацкаго, ни начто непохожаго, всѣ прочія лица живы и дѣйствительны; но и они частенько измѣняютъ себѣ, говоря противъ себя эпиграммы на общество.

Фамусовъ лицо типическое, художественно-созданное. Онъ весь высказывается въ каждомъ своемъ словѣ. Это гоголевскій городничій этого круга общества. Его философія та же. Знатность, въ слѣдствіе чиновъ и денегъ—вотъ его идеалъ жизни.

Чтобы не накопилось у него много дѣлъ, у него обычай: «подписано, такъ съ плечъ долой». Онъ очень уважаетъ родство—

...Я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ будешь представлять къ крестишку иль мѣстечку,
Ну какъ непородѣть родному человѣчку?

Но нигдѣ невысказывается онъ такъ рѣзко и такъ полно, какъ въ концѣ комедіи: онъ узнаетъ что дочь его въ связи съ молодымъ человѣкомъ, что ея, слѣдовательно и его доброе имя опозорено, неговоря уже о тяжелой жгучей душу мысли быть отцомъ такой дочери—и чтожъ? ничего этого и въ голову неприходитъ ему, потому что ни въ чемъ этомъ онъ невидитъ существеннаго, онъ весь жилъ и живетъ внѣ себя: его Богъ, его совѣсть, его религія—мнѣніе свѣта, и онъ восклицаетъ въ отчаяніи:

Моя судьба еще-ли неплачевна:
Ахъ! Боже мой! Что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!..

Но этотъ Фамусовъ столь вѣрный самому себѣ въ каждомъ своемъ словѣ, измѣняетъ иногда себѣ цѣлыми рѣчами:

Беремъ же побродягъ и въ домъ и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить — всему
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ и вздохамъ,
Какъ—будто въ жены ихъ готовимъ, скоморохамъ.

Это говоритъ не Фамусовъ, а Чацкій устами Фамусова, и это не монологъ, а эпиграмма на общество.

. . . .
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,

Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
. . . .
А наши старички, какъ *ихъ возметъ задоръ,*
Засудятъ о дѣлахъ, что слово—приговоръ!
Вѣдь столбовые все, въ усъ никому недуютъ,
И *о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,*
Что еслибъ кто подслушалъ—ихъ бѣда!
Не то, чтобъ, новизны вводили—никогда!
Спаси ихъ Боже! нѣтъ а *придерутся*
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ... и разойдутся.
. . . .
А дочки? . . . . .

Французскія романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что патріотки!

Нужно-ли доказывать, что Фамусовъ слишкомъ глупъ для такихъ язвительныхъ эпиграммъ, и такъ добродушно преданъ пошлой сторонѣ своего общества, что считаетъ за грѣхъ отъ другаго услышать противъ него выходку; что, наконецъ все это Фамусовъ говоритъ не отъ себя, а по приказу автора?.. Мало этого: самъ Скалозубъ остритъ, да еще какъ!—Точь-въ-точь, какъ Чацкій. Невѣрите?—Такъ прочтите:

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть;
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница—вдова, но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ—
На дняхъ расшиблась въ пухъ:
Лакей не поддержалъ—считалъ онъ видно мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа;
Теперь ребра недостаетъ.
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Каковъ Скалозубъ! чѣмъ хуже Чацкаго?.. Впрочемъ, Лиза

не безъ основанія *такъ остроумно, такою эпиграммою*, замѣтила о немъ:

> Шутить и онъ гораздъ—вѣдь нынче кто не шутитъ!

Но нигдѣ субъективность автора не проявилась такъ рѣзко, такъ странно и такъ во вредъ комедіи, какъ въ очеркѣ характера Молчалина, который онъ заставляетъ дѣлать самого же Молчалина:

> Мнѣ завѣщалъ отецъ,
> Во первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья;
> Швейцару, дворнику—для избѣжанья зла,
> Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была!

А Лиза отвѣчаетъ ему на эту оригинальную выходку эпиграммою, которая сдѣлала бы честь остроумію самаго Чацкаго.

> Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Скажите, Бога ради, станетъ-ли какой нибудь подлецъ называть себя при другихъ подлецомъ? Вѣдь Молчалинъ глупъ, когда дѣло идетъ о чести, благородствѣ, наукѣ, поэзіи и подобныхъ высокихъ предметахъ; но онъ уменъ, какъ дьяволъ, когда дѣло идетъ о его личныхъ выгодахъ. Онъ живетъ въ домѣ знатнаго барина, допущенъ въ его свѣткій кругъ, и совсѣмъ не болтливъ, но очень молчаливъ: такъ кстати-ли ему подавать на себя оружіе горничной, такъ простодушно хвастаясь своею подлостію?..

Но если вычеркнуть мѣста изъ монологовъ, гдѣ дѣйствующія лица проговариваются, изъ угожденія автору, противъ себя — это будутъ, за исключеніемъ Софьи, лица типическія, характеры художественно-созданные, хотя и несоставляющіе комедіи своими взаимными отношеніями; — не говоримъ уже о Репетиловѣ, этомъ вѣчномъ прототипѣ, котораго собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ, и который обличаетъ въ авторѣ исполинскую силу таланта. Вообще, «Горе отъ ума» не комедія, въ смыслѣ и значеніи художественнаго произведенія.

цѣлаго, единаго, особнаго, и замкнутаго въ себѣ міра, въ которомъ все выходитъ изъ одного источника — основной идеи, и все туда же возвращается, въ которомъ, поэтому, каждое слово необходимо, неизмѣнимо и незамѣнимо; въ которомъ все превосходно и ничего нѣтъ слабаго, лишняго, не нужнаго, словомъ — въ которомъ нѣтъ достоинствъ и недостатковъ, но одни достоинства. Художественное произведеніе есть само себѣ цѣль и внѣ себя не имѣетъ цѣли, а авторъ «Горе отъ ума» ясно имѣлъ внѣшнюю цѣль — осмѣять современное общество въ злой сатирѣ, и комедію избралъ для этого средствомъ. Отъ того-то и на дѣйствующія лица такъ ясно и такъ часто проговариваются противъ себя, говоря языкомъ автора, а не своимъ собственнымъ, отъ того-то и любовь Чацкаго такъ пошла, ибо она нужна не для себя, а для завязки комедіи, какъ нѣчто внѣшнее для нея; отъ того-то и самъ Чацкій какой-то образъ безъ лица, призракъ, фантомъ, что-то небывалое и неестественное. Но какъ нехудожественно созданное лицо комедіи, а выраженіе мыслей и чувствъ своего автора, хотя и некстати, странно и дико вмѣшавшееся въ комедію, самъ Чацкій представляется уже съ другой точки зрѣнія. У него много и смѣшныхъ и ложныхъ понятій, но всѣ онѣ выходятъ изъ благороднаго начала, изъ бьющаго горючимъ ключемъ источника жизни. Его остроуміе вытекаетъ изъ благороднаго энергическаго негодованія противъ того, что онъ, справедливо или ошибочно, почитаетъ дурнымъ и унижающимъ человѣческое достоинство, и потому его остроуміе такъ колко и выражается не въ каламбурахъ а въ сарказмахъ. И вотъ почему всѣ бранятъ Чацкаго, понимая ложность его, какъ поэтическаго созданія, какъ лица комедіи, — и всѣ наизустъ знаютъ его монологи, его рѣчи, обратившіяся въ пословицы, поговорки, примѣненія, эпиграфы, въ афоризмы житейской мудрости. Есть люди, которыхъ разстроенныя или отъ природы слабыя головы не въ

силахъ переварить этого противорѣчія, — и которыя, по этому, или до небесъ превозносятъ комедію Грибоѣдова, или считаютъ ее годною только для защиты какихъ-то рожъ, подверженныхъ оплеухамъ.

Выведемъ окончательный результатъ изъ всего сказаннаго нами о «Горе отъ ума», какъ оцѣнку этого произведенія. «Горе отъ ума» не есть комедія, по отсутствію, или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное созданіе, по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно и объективности, составляющей необходимое условіе творчества. «Горе отъ ума» — сатира, а не комедія; сатира же неможетъ быть *художественнымъ* произведеніемъ, и въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума» находится на неизмѣримомъ, безконечномъ разстояніи ниже «Ревизора», какѣ вполнѣ — художественнаго созданія, вполнѣ удовлетворяющаго высшимъ требованіямъ искуства и основнымъ философскимъ законамъ творчества. Но «Горе отъ ума» есть въ высшей степени *поэтическое* созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношенія къ цѣлому, художественно-нарисованныхъ кистію широкою, мастерскою, рукою твердою, которая, если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладѣть. Въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума», въ его цѣломъ, есть какое то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ напр.. сарай, но зданіе, построенное изъ драгоцѣннаго паросскаго мрамора, съ золотыми украшеніями, дивною рѣзбою, изящными колоннами.... И въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума» стоитъ на такомъ же неизмѣримомъ и безконечномъ пространствѣ выше комедіи Фонъ-Физина, какъ и ниже «Ревизора».

Грибоѣдовъ принадлежитъ къ самымъ могучимъ проявленіямъ русскаго духа. Въ «Горе отъ ума» онъ является еще

пылкимъ юношею, но обѣщающимъ сильное и глубокое мужество, — младенцемъ, но младенцемъ, задушающимъ еще въ колыбели, огромныхъ змѣй, младенцемъ, изъ котораго долженъ явиться дивный Иракль. Разумный опытъ жизни и благодѣтельная сила лѣтъ уравновѣсила бы волнованіе кипучей натуры, погасъ бы ея огонь и исчезло бы его пламя, а осталась бы теплота и свѣтъ, взоръ прояснился бы и возвысился до спокойнаго и объективнаго созерцанія жизни, въ которой все необходимо и все радушно,—и тогда *поэтъ* явился бы *художникомъ*, и завѣщалъ потомству не лирическіе порывы своей субъективности, а стройныя созданія, объективныя возпроизведенія явлений жизни.... Почему Грибоѣдовъ не написалъ ничего послѣ «Горе отъ ума», хотя публика уже и въ правѣ была ожидать отъ него созданій зрѣлыхъ и художественныхъ?— это такой вопросъ, рѣшеніе котораго стало бы на огромную статью, и который все бы не рѣшился. Можетъ быть, служба которой онъ былъ преданъ не какъ нибудь, не мимоходомъ, а *дѣйствительно*, вступила въ соперничество съ поэтическимъ призваніемъ; а можетъ быть и то, что въ душѣ Грибоѣдова уже зрѣли гигантскіе зародыши новыхъ зданій, которыхъ осуществить недопустила его ранняя смерть. Кто въ немъ одержалъ бы побѣду — дипломатъ, или художникъ — это могла рѣшить только жизнь Грибоѣдова, но не могутъ рѣшить никакія умозрѣнія, и потому предоставляемъ рѣшеніе этого вопроса мастерамъ и охотникамъ выдавать пустыя гаданья фантазіи за дѣйствительные выводы ума; сами повторимъ только, что «Горе отъ ума» есть произведеніе таланта могучаго, драгоцѣнный перлъ русской литературы, хотя и непредставляющее комедію, въ художественномъ значеніи этого слова, — произведеніе, слабое въ цѣломъ, но великое своими частностями.

Критика. Обзоръ Русской Литературы въ 1841 году.

Отеч. Записки на 1842 г. т. 20.

....Грибоѣдовъ — самъ по себѣ; онъ самъ цѣлая школа. Написавъ нѣсколько посредственныхъ опытовъ въ драматическомъ родѣ по французской мѣркѣ, онъ вдругъ является съ комедіею, для которой едва ли гдѣ могъ быть образецъ, неговоря уже о русской литературѣ. Языкъ, стихъ, слогъ — все оригинально въ «Горе отъ ума». Содержаніе этой комедіи взято изъ Русской жизни; паѳосъ ея — негодованіе на дѣйствительность, запечатлѣнную печатію старины. Вѣрность характеровъ въ ней часто побѣждается сатирическимъ элементомъ. Полнотѣ ея художественности помѣшала неопредѣленность идеи, еще невполнѣ–созрѣвшей въ сознаніи автора: справедливо вооружась противъ безсмысленнаго обезьянства въ подражаніи всему иностранному, онъ зоветъ общество къ другой крайности — къ «китайскому незнанію иноземцевъ». Непонявъ, что пустота и ничтожество изображеннаго имъ общества происходятъ отъ отсутствія въ немъ всякихъ убѣжденій, всякаго разумнаго содержанія, онъ слагаетъ всю вину на смѣшные бритые подбородки, на фраки съ хвостомъ назади, съ выемкою впереди, и съ восторгомъ говоритъ о величавой одеждѣ долгополой старины.... Но это показываетъ только незрѣлость, молодость таланта Грибоѣдова: «Горе отъ ума», не смотря на всѣ свои недостатки, кипитъ геніальными силами вдохновенія и творчества. Грибоѣдовъ еще не былъ въ состояніи спокойно владѣть такими исполинскими силами. Если бы онъ успѣлъ написать другую комедію, она далеко оставила бы за собою «Горе отъ ума». Это видно изъ самаго «Горе отъ ума»: въ

немъ такъ много ручательствъ за огромное поэтическое развитіе.,., Какая убійственная сила сарказма, какая ѣдкость ироніи, какой паѳосъ въ лирическихъ изліяніяхъ раздраженнаго чувства; сколько сторонъ такъ тонко подмѣченныхъ въ обществѣ: какіе типическіе характеры, какой языкъ, какой стихъ—энергическій, сжатый, молніеносный, чисто-русскій? Удивительно-ли, что стихи Грибоѣдова обратились въ поговорки и пословицы, и разнеслись между образованными людьми, по всѣмъ концамъ земли русской! Удивительно-ли, что «Горе отъ ума» еще въ рукописи было выучено наизустъ цѣлою Россіею!... Грибоѣдовъ наводитъ на душу грустную мысль о трагической судьбѣ русскихъ поэтовъ.... Батюшковъ въ цвѣтѣ лѣтъ и полнотѣ поэтической дѣятельности.... хуже, чѣмъ умеръ; Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, погибли безвременно....

. .....иль вся наша
И жизнь не что, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?...

Горе отъ ума ком. въ 4 дѣйс. въ стих. А. С. Грибоѣдова четыре новыхъ изданія въ С. П. въ 1854 году. Современникъ 1834 года № 4:

Лѣтъ около тридцати тому назадъ по всей Россіи ходили въ рукописяхъ сочиненія извѣстныхъ поэтовъ. Даже печатныя произведенія ихъ переписывались и продавались досужными писцами, извлекавшими изъ этого порядочные барыши, пользуясь тогдашнею дороговизною печатныхъ книгъ. Въ то время одна глава «Онѣгина» или «Чернецъ» Козлова стоили пять и

шесть руб, асс. и цѣна эта еше болѣе повышалась, по мѣрѣ того, какъ раскупались экземпляры. Нѣтъ сомнѣнія, что авторамъ и издателямъ расходъ такихъ рукописей былъ очень невыгоденъ. Но публика хотѣла читать новое, а это новое было для многихъ кармановъ недоступно; понизить же цѣну его возможно было только смѣлому и ловкому издателю, который также находился съ трудомъ; всякій зналъ, что его ждетъ опасное совмѣстничество переписчиковъ въ такое время, когда ремесло ихъ уже пошло въ обычай. Только около 1830 года, Смирдинъ успѣлъ приняться за дѣло такъ, что и читатели остались довольными и собственный его интересъ не только не подвергался опасности, но щедро былъ вознагражденъ.

Въ числѣ упомянутыхъ нами рукописей появилось съ 1823 года «Горе отъ ума» тогда еще ненапечатанное и неигранное на сценѣ. Только отрывки изъ 1-го дѣйствія и 3-е дѣйствіе его появились въ альманахѣ. «Русская Талія» изданномъ въ 1825 г. Ѳ. В. Булгаринымъ. Всякому извѣстенъ огромный рукописный успѣхъ этой геніальной сатиры. Россія знала давно наизустъ произведеніе Грибоѣдова, когда оно, сначала отрывками, потомъ вполнѣ, появилось на сценѣ обѣихъ столицъ. Если не ошибаемся это было въ Петербургѣ въ 1830 году, а въ Москвѣ въ 1831 году.

Только въ 1833 г. было напечатано въ Москвѣ первое изданіе этой комедіи и разумѣется скоро было раскуплено, такъ что черезъ пять лѣтъ, невозможно было достать ни одного экземпляра, Тогда явилось новое миніатюрное изданіе его, въ 32 долю листа, изящно напечатанное въ С. Петербургѣ, въ Военной типографіи: оно было полнѣе перваго и еще замѣчательно по длинной и дѣльной статьѣ г. К. А. Полеваго: «О жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова» помѣщенной въ началѣ 1839 г. теперь, подобно первому, давно не существуетъ въ книжной продажѣ.

Января 30 (1854 г.) исполнилось двадцать пять лѣтъ со-времени трагической смерти незабвеннаго поэта. Слѣдовательно отнынѣ твореніе его, на основаніи существующихъ узаконеній сдѣлалось собственностію общественною, и всякой имѣетъ право его перепечатывать. И вотъ уже появилось въ Петербургѣ четыре изданія комедіи Грибоѣдова. Два изъ нихъ напечатаны въ маленькомъ форматѣ въ 32 д. л., одно книгопродавцемъ Терскимъ, другое г. Черноглазовымъ. Но они не равнаго достоинства. Изданіе Терскаго напечатано на сѣроватой бумагѣ, избитымъ шрифтомъ, портретъ къ нему приложенъ лубочный и стоитъ 1 р. 50 коп. сер.; цѣна огромная для такого изданія: у г. Черноглазова — бумага и шрифтъ хороши, портретъ тоже; кромѣ того приложены къ комедіи статья Ѳ. В. Булгарина: «О жизни и сочиненіяхъ А.С. Грибоѣдова,»—кажется уже напечатанной прежде и снимокъ съ почерка руки покойнаго поэта.

Два другія изданія напечатаны въ 16 д. л. Одно сдѣлано тѣмъ же г. Черноглазовымъ и снабжено тѣми же приложеніями, которыя находятся и въ миніатюрномъ его изданіи. Другое напечатанное Смирдинымъ съ приложеніемъ портрета, продается по 30 к. Въ отношеніи текста самой комедіи оно ничѣмъ не отличается отъ изданій, напечатанныхъ нынѣ въ 32 д. л.

Книгопродавецъ Смирдинъ напечаталъ въ 1854-мъ году въ дополненіе къ Горю отъ ума и прочія сочиненія Грибоѣдова.

Христоматія Галахова. Москва 1850 г. изданіе 3-е Часть III примѣчанія стр. 107—111.

Судьба комедіи: «Горе отъ ума» между прочимъ замѣчательна и тѣмъ, что за десять лѣтъ до напечатанія (съ 1823 г.) она въ безчисленныхъ спискахъ распространена была по всей Россіи. Мнѣнія о ней раздѣлились: одни были въ восторгѣ отъ новаго произведенія и ставили его на ряду съ величайшими образцами комедіи; другіе, напротивъ, встрѣтили его съ враж-

дою и ожесточеніемъ: они находили въ немъ какую-то дикость, странность, и не могли понять его совершенно оригинальныхъ красотъ. Причина дурнаго пріема справедливо объяснена авторомъ статьи: «О жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова». Время появленія комедіи было временемъ (хотя и послѣднимъ) французскаго классицизма въ нашей словесности. Всѣ образованные люди усвоили французскую литературу. Законы ея, преданія, достоинства и недостатки переходили къ намъ во всей цѣлости, упрочивались въ умахъ поколѣній, и въ началѣ 19-го вѣка были достояніемъ общимъ. Писатели вѣка Людовика XIV и послѣдователи ихъ, даже второстепенные стихотворцы, были изучаемы и обращались въ примѣры для подражанія. Нужно ли было писать поэму? въ образецъ брали Генріаду. Для трагедій служили руководствомъ Корнель, Расинъ и Вольтеръ, а для комедіи Мольеръ и нѣсколько второкласныхъ авторовъ. Въ теоріи поэтическаго искуства господствовалъ Буало: стихами изъ его L'art poétique доказывали справедливость утвержденныхъ временемъ понятій. Комедіи писались у насъ также какъ у Французовъ, и всего чаще русскія піесы были переводы французскихъ, хотя о томъ не упоминали переводчики; такъ казалось естественно жить подражаніемъ французской литературѣ. Въ двадцатыхъ годахъ началась борьба новыхъ литературныхъ понятій (получившихъ имя романтизма) съ понятіями старыми (классическими) или, вѣрнѣе, псевдо-классическими. Тогда-то явилось «Горе отъ ума». Авторъ ея, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего поколѣнія, не только сбросилъ оковы чуждаго классицизма, но и придалъ своему произведенію все достоинство труда оригинальнаго. Такого труда не могло понять большинство читателей, которые давно уже запаслись утвержденными, совершенно противоположными понятіями. «Горе отъ ума» было рѣшительнымъ ударомъ для всѣхъ старыхъ комедій, списанныхъ съ французскихъ образцовъ. Оно отлича-

лось отъ нихъ и по составу, и по завязкѣ, и по выраженію. Авторъ употребилъ въ немъ не шестистопный ямбъ, а вольные стихи; вмѣсто искуственнаго, книжнаго языка, ввелъ живой, легкій, разговорный, повидимому, самый небрежный и часто погрѣшающій, противъ грамматики языкъ; уничтожилъ общепринятую завязку драмъ, резонеровъ, наперсниковъ или наперсницъ, и весь механизмъ старинныхъ комедій; каждый стихъ его произведенія кипѣлъ искреннимъ негодованіемъ, дышалъ комическою жизнью, поражалъ неожиданнымъ оборотомъ или неожиданнымъ поэтическимъ образомъ... однимъ словомъ: все въ его комедіи, и внѣшняя и внутренняя сторона ея, отличались оригинальностью, которую можетъ производить необыкновенный талантъ, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ становилась въ противорѣчіе съ существовавшими образцами и понятіями и потому казалась незаконнымъ созданіемъ творчества для тѣхъ, кто видѣлъ законное только въ этихъ образцахъ и понятіяхъ, заимствованныхъ у французовъ. Но сила истиннаго таланта взяла свое; справедливое дѣло было выиграно: имя Грибоѣдова стало извѣстно повсюду; публика не только читала, но и твердила наизусть его комедію, и когда она явилась въ печати, то уже считалось крайнимъ безвкусіемъ не признавать ее геніальнымъ произведеніемъ.

Разсмотримъ идею, характеры и художественное значеніе комедіи.

Въ основаніи комедіи лежатъ двѣ мысли: первая — противорѣчіе между новымъ поколѣніемъ (въ лицѣ Чацкаго) и поколѣніемъ старымъ (въ лицѣ Фамусова и другихъ лицъ). Авторъ изобразилъ недостатки московскаго общества въ первую четверть текущаго столѣтія. Въ образцовой сатирической картинѣ представилъ онъ пустоту жизни, сотканной изъ ничтожныхъ отношеній, равнодушной и неспособной къ трудамъ, возвышеннымъ и дѣльнымъ. Негодующія, проникнутыя благороднымъ

чувствомъ и сильной ироніей, рѣчи Чацкаго поражаютъ злоупотребленія людей, ихъ уклоненія отъ нравственнаго достоинства человѣка. Въ комедіи «Горе отъ ума» — по словамъ Гоголя — не легкія насмѣшки надъ смѣшными сторонами общества, а болѣзни его, энергически выставленныя. Потому-то кн. Вяземскій назвалъ ее и комедію Недоросль двумя современными трагедіями.

Вторая мысль — дурно-понятое образованіе, которое поставлялось въ одномъ заимствованіи европейскихъ обычаевъ, блеска чужеземной жизни. Авторъ изобразилъ смѣшное и вмѣстѣ вредное пристрастіе къ иностранному; онъ возсталъ противъ отсутствія самобытности въ его соотечественникахъ, и рѣчи его то вооружены язвительной насмѣшкой, то проникнуты огнемъ высокаго, патріотическаго чувства. Вотъ что говоритъ вышесказанная статья объ этой сторонѣ комедіи: «Грибоѣдовъ видѣлъ недостаточность своего образованія, блестящаго, многосторонняго, но больше свѣтскаго, нежели ученаго. Какъ человѣкъ съ сильною волею, онъ рѣшился преобразовать себя. Для того вырвался онъ изъ вихря свѣта, покинулъ всѣ обольщенія столицы, удалился отъ всѣхъ развлеченій. Въ глуши Азіи, въ уединеніи, углубился онъ въ изученіе любимыхъ предметовъ и всего больше въ мысль о Россіи. Справедливо говорятъ, что предметы становятся явственнѣе и понятнѣе въ нѣкоторомъ отдаленіи. Въ Таврисѣ и въ Грузіи — Грибоѣдовъ понялъ свое отечество, увидѣлъ прекрасныя его стороны, почувствовалъ и нѣкоторые недостатки русскаго общества, — лучше, нежели иной могъ бы узнать и почувствовать въ самомъ средоточіи русской жизни. Главный недостатокъ нашъ: слабое сознаніе въ своихъ силахъ, и отъ того привязанность къ иностранному. За чѣмъ до такой рабской подражательности перенимаемъ мы ихъ внѣшнюю жизнь? это не признакъ истиннаго просвѣщенія, но игра, противная и просвѣщенію и патріотическому чувству.

Грибоѣдовъ вполнѣ понималъ слѣдствія чужеземнаго воспитанія, и видѣлъ вредъ французской мишуры, которая во многихъ семействахъ составляетъ весь ихъ европеизмъ, мѣшая образованію ума и нравственности. Мысль, сильно почувствованная, всегда опережаетъ обыкновенныя понятія современниковъ, и вотъ отъ чего Грибоѣдовъ, прежде реформы въ нашей эстетикѣ, сбросилъ съ себя всѣ оковы французскаго классицизма. Въ 1823 году было написано «Горе отъ ума», а у насъ еще господствовали на сценѣ французскія комедіи и трагедіи, въ книгахъ французскія теоріи, а въ журналахъ только начинались сомнѣнія въ непогрѣшительности Горація и Боало. Не думая быть преобразователемъ, Грибоѣдовъ сдѣлался имъ, и далъ оригинальную комедію. Онъ не могъ слѣдовать условнымъ размѣрамъ и приличіямъ французской драмы». — Въ отношеніи ко второй мысли, Горе отъ ума представляетъ большое сходство съ Бригадиромъ (Фонъ-Визина). Въ той и другой поражается безсмысленная переимчивость, усвоеніе внѣшняго европеизма и отчужденіе отъ истиннаго образованія. Фонъ-Визинъ. въ лицѣ Иванушки, бригадирнаго сына, и совѣтницы, вывелъ на сцену тѣхъ людей послѣдней половины 18-го вѣка, которые полагали просвѣщеніе въ знаніи французскаго языка и къ усвоеніи парижскихъ модъ. Грибоѣдовъ вывелъ на сцену Иванушекъ и Совѣтницъ двадцатыхъ годовъ 19-го столѣтія, изобразилъ—какъ выражается Гоголь—принятіе глупыхъ свѣтскихъ обычаевъ на мѣсто главнаго, несвязавшуюся смѣсь обычаевъ, сдѣлавшую Русскихъ не Русскими, или—какъ говоритъ самъ авторъ—смѣсь французскаго съ нижегородскимъ.

Главное дѣйствующее лице—Чацкій. Въ немъ представлено все, чего желалъ авторъ отъ молодаго поколѣнія. Онъ негодуетъ на нѣкоторую часть общества съ одной стороны за его невѣжество, съ другой за его поверхностное образованіе или полупросвѣщеніе и вообще за пустоту жизни, лишенной нрав-

ственнаго смысла, общеполезнаго значенія. Просвѣщенный, умный, напитанный благородными правилами, но брошенный въ кругъ людей, совершенно на него не похожихъ, онъ вооружается противъ нихъ справедливымъ негодованіемъ. Откровенная сатира его, почерпающая свою силу въ святости нравственныхъ законовъ, пренебрегаетъ приличіями, и всѣ смотрятъ на него, какъ на человѣка несноснаго, безнравственнаго, сумасшедшаго, находя въ немъ совершенное противорѣчіе съ своимъ образомъ мыслей и поступковъ. Какъ лицо драмы, онъ не выполняетъ требованій искуства. Авторъ вывелъ его для того только, чтобы устами его высказать свои собственныя чувства. Самыя чувства благородны и возвышенны, но созданное лицо грѣшитъ противъ эстетики. Кн. Вяземскій справедливо судитъ за это автора, говоря: »Герой комедіи, молодой Чацкій, похожъ на Стародума. Благородство правилъ его почтенно; но способность, съ которою онъ ex—abrupto проповѣдуетъ на каждый попавшій ему текстъ, не рѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: горе отъ ума. Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцовъ разнаго свойства, вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго. Мольеровъ Альцестъ въ сравненіи съ Чацкимъ настоящій Филинтъ, образецъ терпимости. Пушкинъ прекрасно характеризовалъ сіе твореніе, сказавъ: «Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень умёнъ». (Хрест. ч. I, стр. 515).—Но какъ не художественно-созданное лице комедіи, и выраженіе мыслей и чувствъ автора, Чацкій представляется съ другой точки зрѣнія. Не всѣ его понятія справедливы, но всѣ они выходятъ изъ благороднаго начала. Его сарказмы—плодъ энергическаго негодованія противъ того, что унижаетъ человѣческое достоинство. И потому всѣ почти образованные наизустъ знаютъ его моно-

логи, его рѣчи, обратившіяся въ пословицы, поговорки, примѣненія, эпиграфы, афоризмы житейской мудрости.

Второе лице — Фамусовъ соединяетъ въ себѣ суетность, тщеславіе и совершенную пустоту души съ лицемѣрною наклонностью къ морали, съ соблюденіемъ внѣшнихъ приличій свѣта. Для него важна только формальная сторона его общественнаго положенія, и онъ нисколько не думаетъ объ истинныхъ, внутреннихъ обязанностяхъ. Въ существѣ своемъ, говоритъ Гоголь, это — одно изъ тѣхъ лицъ, въ которыхъ, при всемъ ихъ свѣтскомъ comme il faut, не осталось ровно ничего. Обязанности отца ограничиваетъ онъ принятіемъ въ домъ мадамы; какъ чиновникъ, боится только того, чтобы не накопилось много бумагъ; въ позорѣ дочери тревожитъ и сокрушаетъ его не угрызеніе совѣсти за дурное воспитаніе, не скорбь родителя, а боязнь общественныхъ пересудовъ и дурной славы. Комическое Фамусова заключается въ томъ, что воспитанный и постарѣвшій во лжи своего общественнаго положенія, онъ дѣйствуетъ добродушно, отъ чистаго сердца, убѣжденный въ превосходствѣ своей философіи, и не понимаетъ вреда, который творитъ вокругъ себя такимъ образомъ дѣйствій. Въ этой наивности вреднаго человѣка кн. Вяземскій видитъ преимущественно злую сатиру автора: «Замѣчательно (слова кн. Вяземскаго), что сатирическое искуство автора отзывается не столько въ колкихъ и рѣзкихъ эпиграммахъ Чацкаго, сколько въ добродушныхъ рѣчахъ Фамусова. Продолжительная иронія утомительна; порицаніе подъ видомъ похвалы скоро становится приторно, но здѣсь авторъ такъ искусно, такъ глубоко вошелъ въ характеръ Фамусова, что никакъ не различишь насмѣшливости комика отъ замоскво-рѣцкаго патріотизма комическаго лица».

Лице Софьи, въ которой подъ нѣжными формами и романическою чувствительностью, скрывается будущая Хлестова или Хрюмина, коварная, злорѣчивая и безчувственная, заставило

кн. Вяземскаго произвести строгое сужденіе о Горѣ отъ ума: «Комедія Грибоѣдова не комедія нравовъ, а развѣ обычаевъ. Если искать вывѣски современныхъ нравовъ въ Софіи, единственномъ характорѣ комедіи, коей всѣ прочія лица портреты въ профиль, въ бюстъ, или во весь ростъ, то должно сказать, что это поклепъ на нравы, или исключеніе; неумѣстное на сценѣ»-

Другія лица комедіи начертаны мастерски, хотя и не въ равной степени превосходства съ Фамусовымъ: Скалозубъ, понявшій службу, какъ выразился Гоголь, единственно въ умѣньѣ различать форменныя отлички и въ добродушныхъ рѣчахъ котораго (по словамъ кн. Вяземскаго) высказывается также сатирическое искуство автора, какъ и въ рѣчахъ Фамусова; Молчалинъ — безмолвный — (почему и получилъ свое названіе), низкій, въ тихомолку пробирающійся въ люди; Загорѣцкій — лгунъ и плутъ, вездѣ ругаемый и всюду принимаемый; Репетиловъ — всесвѣтный другъ, рыцарь пустоты во всѣхъ ея отношеніѣхъ (*).

Замѣтимъ, что типическія лица, изображенныя Грибоѣдовымъ, сошли уже со сцены: они существовали въ извѣстную эпоху, которую такъ живо избразилъ авторъ, но не существуютъ въ обществѣ, намъ современномъ.

Относительно художественнаго значенія, комедія Грибоѣдова представляетъ и достоинства и недостатки.

Первое и главное достоинство, въ этомъ отпошеніи, заключается въ самобытности творенія. Геніальный умъ автора понялъ ничтожность искуственной и уже наскучившей всѣмъ интриги, выбросилъ, какъ мы уже замѣтили, наперсниковъ и резонеровъ и весь пошлый механизмъ французскихъ комедій. Развязка комедіи оригинальна: не прибѣгая ни къ какимъ сто-

(*) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Н. Гоголя, стр. 149—256.

роннимъ средствамъ, авторъ, помощію одной искусно устроенной сцены, ставитъ главныя дѣйствующія лица въ такое положеніе, что они сами не могутъ не чувствовать позорныхъ слѣдствій своего ложнаго поведенія. Явленіе разъѣзда въ сѣняхъ (говоритъ кн. Вяземскій), сіе послѣднее дѣйствіе свѣтскаго дня, издержаннаго на пустяки, хорошо и смѣло новизною своею. На театрѣ оно живописно и производитъ сильное дѣйствіе. — Второе достоинство относится къ характерамъ комедіи, представленнымъ истинно, въ ихъ естественныхъ размѣрахъ, а не въ преувеличенномъ видѣ. Какъ бы ни было поразительно сходство лицъ, выведенныхъ Грибоѣдовымъ, съ ихъ оригиналами въ самомъ обществѣ, но эти лица не рабскіе списки съ подлинниковъ, а живыя поэтическія созданія. Нѣтъ нужды знать подлинники: всякій вѣритъ ихъ существованію — такъ естественны и полны жизни его изображенія или характеры. Третье достоинство — образцовый, неподражаемый языкъ комедіи, совершенство въ своемъ родѣ. Авторъ усвоилъ своему стиху всю гибкость, простоту, легкость, наивную безъискуственность языка разговорнаго, стихъ, въ которомъ онъ умѣлъ схватить выраженіе изустное и придать ему силу и живость языка поэтическаго. Читая Горе отъ ума, трудно замѣтить размѣръ стихотворной рѣчи: такъ авторъ искусно владѣлъ ею и такъ она вѣрна у него свойствамъ рѣчи разговорной. Самобытность языка показалась многимъ, при появленіи комедіи, небрежностью, неправильностью: заблужденіе очень естественное и почти необходимое въ то время, когда отъ всѣхъ произведеній словесности требоволи книжнаго языка, отличающагося мертвою искуственностью.

Недостатки «Горя отъ ума» заключаются къ недостаткѣ общаго дѣйствія и завязки. Въ ней нѣтъ того, что называется полнотою содержанія, необходимостью каждаго лица и явленія для развитія дѣйствія, почему она и не можетъ быть названа

художественнымъ созданіемъ. Выписываемъ слова кн. Вяземскаго; »Дѣйствія въ драмѣ (Горе отъ ума), какъ и въ твореніяхъ Фонъ-Визина, нѣтъ или еще и менѣе. Здѣсь почти всѣ лица эпизодическія, всѣ явленія выдвижныя: ихъ можно выдвинуть, перемѣстить, пополнить, и нигдѣ не замѣтишь ни трещины, ни придѣлки.» Авторъ имѣлъ цѣлью — написать сатиру на современное общество, и выбралъ для этого средствомъ комедію. Слѣдовательно Горе отъ ума есть не комедія собственно, а сатира въ формѣ комедіи. Князь Вяземскій называетъ ее «сатирой, обдуманной лучше и жарче всѣхъ нашихъ сатиръ». Вотъ почему главное дѣйствующее лице ея (Чацкій) говоритъ языкомъ автора, а не своимъ собственнымъ. Огонь сатиры и сила комизма не страдаютъ отъ того нисколько, но комедія не выполняетъ своихъ условій, какъ художественное произведеніе.

Князь Вяземскій и Гоголь дали справедливое мнѣніе какъ о геніальной самобытности комедіи Грибоѣдова, такъ и объ ея недостаткахъ въ художественномъ значеніи. Вотъ что говоритъ первый касательно самобытности: «Если Горе отъ ума твореніе и не совершенно зрѣлое, во многихъ частяхъ не избѣгающее строжайшей критики, то не менѣе оно явленіе весьма замѣчательное въ драматической словесности нашей. По немъ должны мы жалѣть о ранней утратѣ писателя, который подавалъ большія надежды, имѣлъ многія весьма разнообразныя познанія, былъ одаренъ умомъ пылкимъ и острымъ, и тою гордою независимостію въ искуствѣ, которая, пренебрегая тропами избитыми, порывается сама проложить слѣды свои по неиспытанной дорогѣ. Въ подобныхъ покушеніяхъ успѣхъ не всегда вѣренъ или полонъ, но и самыя покушенія сіи остаются въ памяти народной: признаки движенія, они прорѣзываются неизгладимыми чертами на поприщѣ умственной дѣятельности, тогда какъ и самые успѣхи посредственности, протоптанные

по указнымъ слѣдамъ и затоптанные въ свою очередь другими, не отдѣляются отъ грунта и другъ друга поглощаютъ. Вотъ почему комедія Грибоѣдова въ цѣломъ худо обдуманная, въ частяхъ часто худо исполненная, останется всегда на виду; а многія другія комедіи театра нашего, осмотрительнѣе соображенныя и правильнѣе написанныя, пропадаютъ безъ вѣсти, не возбудивъ къ себѣ никакого сочувствія общества. Живой живое и думаетъ: живой живое и любитъ. Въ твореніи Грибоѣдова нѣтъ правильности, но есть жизнь: оно дышитъ, движется. Въ другихъ комедіяхъ правильности болѣе, но онѣ автоматы.» — Гоголь такъ отзывается о художественномъ значеніи комедіи: «Обѣ комедіи (Недоросль и Горе отъ ума) исполняютъ плохо сценическія условія; въ семъ отношеніи ничтожная французская піеса ихъ лучше. Содержаніе, взятое въ интригу, ни завязано плотно, ни мастерски развязано. Кажется, сами комики о немъ не много заботились, видя сквозь него другое, высшее содержаніе и соображая съ нимъ выходы и уходы лицъ своихъ. Степень потребности побочныхъ характеровъ и ролей измѣрена также не въ отношеніи къ герою піесы, но въ отношеніи къ тому, сколько они могли пополнить и пояснить мысль самого автора присутствіемъ своимъ на сценѣ, сколько могли собою дорисовать общность всей сатиры. Въ противномъ же случаѣ, то есть, если бы они выполнили и эти необходимыя условія всякаго драматическаго творенія и заставили каждое изъ лицъ, такъ мѣтко схваченныхъ и постигнутыхъ, изворотиться передъ зрителемъ въ живомъ дѣйствіи, а не въ разговорѣ — это были бы два высокія произведенія нашего генія«.

Заключаемъ; піеса Грибоѣдова, не выполняя условій художественной комедіи, по важности идеи, близкой къ интересамъ общества, по разительному изображенію нравовъ извѣстнаго круга, по мастерскому представленію типическихъ характеровъ,

по язвительной и остроумной сатирѣ, наконецъ по благородной, патріотической цѣли принадлежитъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ поэзіи. Это — историческая, истинно — общественная комедія, изобразившая общество въ извѣстную эпоху.

»Горе отъ ума« изданіе книгопродавца Смирдина.

С. Петербургскія Вѣдомости 1857 г. № 117

Еще новое изданіе «Горе отъ ума», напечатанное, какъ сказано на заглавномъ листкѣ, «по рукописи, употребляемой при представленіи этой комедіи на Императорскихъ театрахъ».

Если принять во вниманіе ту огромную популярность, которую утвердила за собою геніальная комедія Грибоѣдова между всѣми грамотными людьми Россіи, то, конечно, можетъ показаться страннымъ, что въ теченіе слишкомъ четверти вѣка (съ тѣхъ поръ какъ «Горе отъ ума» поставлено на сцену) она пережила такъ мало изданій. Дѣло объясняется самымъ простымъ фактомъ, всякому извѣстнымъ: многія тысячи рукописныхъ экземпляровъ «Горе отъ ума» распространены на всемъ протяженіи нашего отечества, отъ Нѣмана до Камчатки, отъ Архангельска до Эривани. Еще до появленія комедіи Грибоѣдова въ печати, насчитывали приблизительно до сорока тысячъ рукописныхъ ея экземпляровъ, и въ тридцатыхъ годахъ намъ самимъ случалось видѣть рукописное «Горе отъ ума« въ такихъ захолустьяхъ Россіи, гдѣ, кромѣ календаря, да «Московскихъ Вѣдомостей«, не было ничего печатнаго. Теперь едва-ли не сотни тысячъ манускриптовъ неподражаемой комедіи разсѣяны по всему Рускому Царству.

Тридцать лѣтъ минуло со времени плачевной смерти геніальнаго Грибоѣдова; всѣ мы знаемъ его истинно образцовое

твореніе наизусть; но кто изъ насъ не перечитывалъ «Горе отъ ума» всегда съ новымъ, неизмѣннымъ наслажденіемъ, кто не сочувствовалъ высоко-патріотической мысли автора, кто не углублялся въ размышленія надъ тѣмъ или другимъ характеромъ, надъ тѣмъ или другимъ стихомъ, часто въ двухъ, трехъ словахъ выражающимъ глубокую идею! И до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать грамотность, «Горе отъ ума» останется несокрушимымъ памятникомъ свѣтлаго русскаго ума, пламенной, но сознательно разумной любви къ отечеству, нелицемѣрнаго желанія ему достойныхъ его судебъ, и образцомъ мощнаго, обильнаго, благозвучнаго, роднаго языка, проникнутаго насквозь живымъ національнымъ духомъ. Таковъ удѣлъ всѣхъ геніальныхъ твореній, въ основу которыхъ положена *истина*.

«Горе отъ ума,» при первомъ своемъ появленіи, поставило тогдашнюю младенческую нашу критику въ такой тупикъ, что литературные «строгіе цѣнители и судьи» напали именно на тѣ качества, которыя служили порукою за геніальность этого созданія. И позже были попытки ослабить значеніе комедіи Грибоѣдова, въ особенности послѣ того, какъ «Ревизоръ» Гоголя приковалъ къ себѣ общественное вниманіе. Попытки эти должны были рушиться сами собою; общественное мнѣніе, по врожденной ему прозорливости, скоро убѣдилось, что сравненіе между обѣими комедіями повело-бы только къ ложнымъ выводамъ объ ихъ относительныхъ достоинствахъ, что «Горе отъ ума» и «Ревизоръ» пополняютъ другъ друга, представляя русское общество съ разныхъ сторонъ, и каждое изъ этихъ двухъ произведеній ума самобытнаго занимаетъ въ нашей литературѣ одинаково почетное мѣсто.

Истина, положенная въ основу «Горя отъ ума», доказывается лучше всего тѣмъ, что типическія лица, созданныя Грибоѣдовымъ за сорокъ лѣтъ, и до сихъ поръ суть живые образы, съ которыми мы встрѣчаемся ежедневно. Фамусовы, Молчалины,

Скалозубы, Загорѣцкіе, Репетиловы, Горичи развѣ они умерли? Оглянитесь, сдѣлайте одолженіе, всмотритесь попристальнѣе, и предъ вами замелькаютъ, такъ что зарябитъ въ глазахъ, прямые наслѣдники Грибоѣдовскихъ гороевъ и героинь.

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья:
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье;
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

(*Дѣйствіе IV. явленіе 12*).

Прочитавъ эту характеристику Молчалина, вы сей часъ воскликнете: — А, знаю! Случалось встрѣчаться съ такими молодцами; правда, сто кратъ правда, что любой Молчалинъ...

«... дойдетъ до степеней извѣстныхъ». —

Не покажется вамъ также ненормальнымъ, когда, разговаривая съ Скалозубомъ прошедшаго времени о современномъ просвѣщеніи, слышали вы отъ него отвѣтъ, произнесенный *басомъ:*

.... Ученостью меня не обморочишь;
. . . .
. . . . Я вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикнете—такъ мигомъ успокоитъ.

(*Дѣйствіе IV, явленіе 5*).

Чаще всего упрекали Грибоѣдова за идеальность Чацкаго, утверждая, что въ немъ сосредочены такія достоинства, какихъ нельзя найти въ одномъ лицѣ. Допустимъ справедливость такого упрека, однако не вѣрнѣе-ли предположить, что Чацкій, кажется идеальнымъ только въ отношеніи людей, его окружаю-

щихъ, и что если рѣдко встрѣчаются подобные типы, то причиною тому не невозможность такого нравственнаго явленія. Къ чести человѣческой природы, мы хотимъ думать, что молодые люди, съ понятіями и убѣжденіями Чацкаго, существуютъ. Создавая Чацкаго, Грибоѣдовъ хотѣлъ осязательно показать истину, что въ жизни нерѣдко приходится терпѣть много горя отъ ума, и что люди, подобные Чацкому, должны неизбѣжно прослыть не только смѣшными, но и сумасшедшими, если судьба столкнетъ ихъ съ Фамусовыми. Безъ Чацкаго не было бы и «Горя отъ ума».

Исправило-ли кого-нибудь геніальное твореніе Грибоѣдова? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, значило бы подписать смертный приговоръ, вліянію литературы на общество, чего до сихъ поръ не оспоривалъ и самый отъявленный пессимистъ.

Тѣ комедіи, которыя основаны не на скоропреходящихъ, а на капитальныхъ недостаткахъ и порокахъ общества, живутъ долѣе, вѣрнѣе достигаютъ своей цѣли, и тотъ писатель, который смѣло выступаетъ противъ господствующаго зла, не страшась воплей недовольныхъ, доказываетъ, что понимаетъ свое высокое назначеніе. Такъ дѣйствовали у насъ Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ и Гоголь, и, въ сознаніи той же мысли, г. Островскій написалъ комедію «Доходное мѣсто», помѣщенную въ первой книжкѣ «*Русской Бесѣды*» на 1857 годъ.

ОТЗЫВЪ О КОМЕДІИ «ГОРЕ ОТЪ УМА» ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

А. Милюкова.

Почти въ одно время съ Пушкинымъ явился человѣкъ, который блеснулъ и исчезъ, какъ яркій метеоръ, на горизонтѣ нашей литературы. Черезъ три года послѣ выхода въ свѣтъ Руслана и Людмилы показалась комедія Грибоѣдова *»Горе отъ ума»*, и произвела явленіе, до тѣхъ поръ невиданное. Несмотря на то, что она явилась въ рукописи, что авторъ ея былъ почти неизвѣстенъ, сочиненіе во множествѣ списковъ пронеслось по Россіи, находя восторженный пріемъ и въ аристократическихъ гостиныхъ, и въ скромныхъ семействахъ средняго круга. Имя Грибоѣдова сдѣлалось народнымъ, цѣлыя сцены его комедіи заучены были всѣми образованными людьми, стихи ея обратились въ пословицы. Что же было причиною этого необыкновеннаго явленія?

Горе отъ ума нельзя назвать комедіею: въ этой піесѣ нѣтъ ни завязки, ни сценическаго дѣйствія; вся интрига ея основана на любви Софьи къ негодяю Молчалину и привязанности Чацкаго къ подругѣ дѣтства, — и кромѣ этихъ трехъ лицъ, другія въ ней не участвуютъ. — Но если эта піеса не выполняетъ нисколько условій комедіи, то она представляетъ самую яркую, поразительную и художественную картину русскаго общества начала XIX вѣка, самую остроумную и горькую сатиру на положеніе молодаго поколѣнія, пылкаго, образованнаго, благороднаго, дерзкаго, насмѣшливаго, — посреди стараго московскаго общества, фанатическаго и безнравственнаго, низко-

поклоннаго и враждебнаго образованію, напитаннаго барствомъ и формализмомъ, и усвоившаго одни наружные пріемы европейской цивилизаціи. Мысль поставить молодое поколѣніе въ противорѣчіе съ старымъ — дала возможность автору написать обширную и мастерскую картину, обставленную множествомъ типическихъ лицъ, списанной съ дагеротипной вѣрностью и созданныхъ съ величайшимъ искусствомъ. Такимъ образомъ; Горе отъ Ума, не удовлетворяя требованіямъ комедіи,—по ничтожности интриги и недостатку дѣйствій — была только геніальной картиною нравовъ общества, проникнутою свѣтлой современной идеею,—и вотъ тайна того восторга, съ которымъ эта піеса была встрѣчена во всей Россіи.

Но идея Горе отъ Ума, несмотря на всю ея многозначительность и современность высказана неполно и односторонне. Представляя положеніе молодого поколѣнія въ массѣ стараго, враждебнаго истинному образованію общества, Грибоѣдовъ прекрасно характеризуетъ послѣднее и неотчетливо понимаетъ первое. Ясно, что молодой человѣкъ, съ свѣтлыми идеями и благороднымъ образомъ мыслей, долженъ былъ возненавидѣть толпу, которая презирала и гнала образованіе, считая ученье чумою и сожалѣя о томъ, что для *пресѣченья зла* нельзя *собрать и сжечь всѣ книги*; и въ свою очередь самъ этотъ молодой человѣкъ, *врагъ исканій, не ищущій ни чиновъ, ни мѣстъ,* и *жаждущій однихъ познаній,* долженъ былъ показаться сумасшедшимъ этимъ исчадіямъ порока и невѣжества. Но какъ же поэтъ понялъ это молодое поколѣніе, которое онъ поставилъ въ противоположность старому? Можно ли назвать умнымъ Чацкаго? можно ли не видать мелочи, незрѣлости и заносчивости этого ума.

Что геній для иныхъ, а для другихъ чума;
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ на повалъ?

Софья права, опредѣливъ такимъ образомъ Чацкаго: это не умный человѣкъ, но безпокойный и заносчивый остроумецъ. Ожесточенный противъ общества за его невѣжество и безотчетное усвоенiе отъ иностранцевъ одного наружнаго лоска свѣтской жизни, онъ бросается въ другую крайность, и отъ слѣпаго подражанiя иноземцамъ хочетъ перейти къ китайскому застою, вооружается на бритье бородъ и на фраки, и не только не думаетъ о благодѣтельномъ влiянiи европейскаго образованiя, но говоритъ что родной край для него хуже.

Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ —

Вотъ идея комедiи Грибоѣдова. Съ перваго взгляда видно, что она касается одного изъ самыхъ животрепещущихъ общественныхъ вопросовъ, но выражена неполно и ведетъ къ односторонности и ложнымъ выводамъ. Здѣсь нельзя не замѣтить большаго сходства между сочиненiемъ Грибоѣдова и комедiями Фонъ-Визина. Въ Бригадирѣ и Горе отъ Ума видна одна и та же сатира на безотчетное обезьянство, которое состояло въ усвоенiи пороковъ и наружнаго европейскаго лоска, и въ отчужденiи отъ истиннаго образованiя и цивилизацiи просвященной Европы. Въ той и другой комедiи однѣ и тѣ же лица—остатки азiатскаго общества, вольные или невольные враги истиннаго просвѣщенiя и развитiя. Въ Бригадирѣ выведено на сцену молодое поколѣнiе послѣдней половины XVIII вѣка, которое стремилось къ сближенiю съ европейскими обычаями, но понимало его въ одномъ только усвоенiи французскаго языка и парижскихъ модъ, и которое было еще немногочисленно посреди массы стараго поколѣнiя, вовсе чуждавшагося образованiя и воспитаннаго на капустѣ и рѣдькѣ. Въ Горѣ отъ Ума это молодое поколѣнiе является уже массою, поколѣнiемъ старымъ, представляя во всѣхъ лицахъ, за исключенiемъ Чац-

каго, тѣхъ же Иванушекъ и Совѣтницъ, только устарѣвшихъ и переживших три десятилѣтія. Новое же молодое поколѣніе начала XIX вѣка видимъ въ лицѣ Чацкаго, — и оно, является болѣе образованнымъ и нравственнымъ, сознаетъ всѣ заблужденія стараго общества, но по излишней пылкости, недостатку убѣжденій и незрѣлости идей, вдается въ новую крайность, и вмѣсто слѣпаго подражанія европейскимъ обычаямъ, проповѣдуетъ совершенное отъ нихъ отчужденіе. Разумѣется, эти люди такъ же устарѣли для насъ, какъ Иванушка для Чацкаго, и кажутся теперь такъ же смѣшными и жалкими. Намъ представляется равно нелѣпымъ и обезьянски, — необдуманное передразниванье чужихъ обычаевъ, и китайское отчужденіе отъ цивилизаціи просвященной Европы, — равно кажутся анахронизмами Иванушки, гоняющіеся за одними иностранными модами, и Чацкіе, проповѣдающіе возвращеніе къ бородамъ и славянщинѣ, хотя тѣ и другіе не совсѣмъ еще перевелись въ массѣ нашего стараго поколѣнія.

Такимъ образомъ, какъ картина нравовъ и сатира на общество, Горе отъ Ума есть произведеніе весьма важное въ нашей поэзіи, но какъ художественная комедія, не выдерживаетъ самой слабой критики. Недостатокъ завязки и дѣйствія, неестественность отношенія Чацкаго къ Софьѣ, блѣдность ея характера и странная любовь къ Молчалину, —все противорѣчитъ требованіямъ комедіи. Съ другой стороны, близкое отношеніе идеи піесы къ интерессамъ общества, художественная картина нравовъ московскаго аристократическаго круга, мастерское искусство въ изображеніи характеровъ самыхъ типическихъ— ставятъ сочиненіе Грибоѣдова на-ряду съ важнѣйшими произведеніями нашей поэзіи и лучшими созданіями самаго Пушкина. Если мы вспомнимъ, что авторъ Онѣгина цѣлыя шестнадцать лѣтъ былъ постояннымъ дѣятелемъ въ нашей литературѣ, а Грибоѣдовъ, явясь съ своей комедіей, и то рукопис-

ною, въ 1823 году, мало писалъ послѣ нея, а черезъ два года, въ то время когда Пушкинъ перешолъ къ чисто-художнической дѣятельности, не издавалъ уже вовсе ничего, то нельзя не согласиться, что піеса Грибоѣдова, по глубокому впечатлѣнію на общество и сочувствію, встрѣченному ею въ публикѣ, превосходитъ по значенію всѣ произведенія Пушкуна. Если бы смерть не застигла такъ рано Грибоѣдова, еслибы онъ, продолжая развиваться, въ то же время не уклонялся отъ своего направленія и сочувствія къ общественнымъ интересамъ, то, можетъ-быть, значеніе его въ нашей литературѣ было бы выше значенія самого Пушкина. Но судьба судила иначе: она отняла у насъ неожиданно того и другаго, давъ одному совершить ибширный и поучительный кругъ дѣятельности и позволивъ другому сдѣлать только шагъ на поэтической аренѣ, но такой шагъ, который поставилъ его на-ряду съ первыми нашими поэтами.

Обзоръ ролей комедіи Горе отъ ума. и замѣчанія на игру актеровъ ихъ исполнявшихъ въ разное время.

Замѣтки П. Н. Арапова.

Болѣе тридцати лѣтъ играется на сценѣ Русскаго театра комедія Горе отъ ума, появившаяся начально въ рукописяхъ, въ восьми сотъ двадцатыхъ годахъ, которыя облетѣли всю Россію и много въ свое время было писано и говорено о достоинствѣ этого превосходнаго дагеротипа; снятаго съ московскаго высшаго общества, много возникло различныхъ толковъ объ этой замѣчательной комедіи въ лучшихъ петербургскихъ и московскихъ гостиныхъ, иные цѣнители и судьи, признавали «Горе отъ ума» за сатиру, лишенную всякаго дѣйствія, другіе за колкую комедію, журналисты спорили между собою, критики излили на нее всю свою желчь и изчерпали всѣ остроты,

чтобы уронить пiесу (*), въ настоящее же время, когда образовалась у насъ натуральная школа, вѣрные ея сотрудники, пытались затмить славу Горе отъ ума эфектными комедiями, выставляя воровъ, лихоимцевъ и чиновниковъ–тружениковъ на сцену, и восклицая при этомъ «такая то новая пiеса много выше Горе отъ ума!.... но тщетны будутъ усилiя зависти и недоброжелательства сломить печать ея генiальности — эта комедiя, останется на всегда драгоцѣнною жемчужиною въ репертуарѣ Русскаго театра. «Недоросль» Фонъ-Визина имѣлъ долговременный успѣхъ и сошелъ только тогда со сцены, когда лучь просвѣщенiя истребилъ закоснѣлое невѣжество и зловредныя дѣйствiя деревенскихъ помѣщиковъ, когда вывелись въ нашемъ отечествѣ Скотинины, Простаковы и Митрофанушки, чему конечно не мало способствовала означенная комедiя, но Горе отъ ума имѣетъ то преимущество предъ Недорослемъ, что очерченные въ немъ нравы, гораздо современнѣе, они не односторонни и неподлежатъ измѣненiю, говоря языкомъ Чацкаго;» неистребятъ ни годы ихъ, ни моды. ни пожары! Потомъ Горе отъ ума имѣетъ и то преимущество, что оно написано такими стихами, что всякой почти стихъ просится подъ перо, потому что обратился въ сарказмъ или пословицу.

Весьма ошибаются тѣ, которые полагаютъ что Грибоѣдовъ задумавъ планъ своей комедiи, несписалъ вѣрно съ натуры ни одного лица, но потрафлялъ сходство неумышленно, на противъ, онъ зналъ хорошо московское общество, цѣль его

(*) Одна изъ замысловатыхъ эпиграммъ, была эпиграмма Пушкина по этому случаю:

Сошлися школьники — и вскорѣ
Одинъ изъ сихъ господъ рецензiю скропалъ,
Въ которой ясно доказалъ:
Что Горе отъ ума, не школьника есть горе?

была сблизить съ истинною всѣ выводимые имъ типы, и потому большая часть лицъ комедіи Горе отъ ума, вышли дагеротипные портреты москвичей, извѣстныхъ тому, кто жилъ въ Москвѣ въ эту эпоху; начиная съ Фамусова, тщеславнаго и безпечнаго барина и до княженъ, говорящихъ нѣсколько словъ на балѣ, этихъ княженъ было шесть, имѣли онѣ, обыкновеніе сидѣть у окошка въ большомъ. длинномъ домѣ и слыли въ Москвѣ: «что окошко то лепешка». Нескромно было бы обнаруживать личность Фамусова и его дочери Софьи Павловны, давно разгаданныя старожилами Москвы, но скажемъ о прочихъ лицахъ: Хлестова была представительница тогдашняго общества, крутая и бранчивая, барыня, которую всѣ боялись, она умѣла держать молодежъ въ границахъ, но въ тоже время внушала и уваженіе къ своимъ знакомымъ; называли также и Молчалина, лицо по положенію страдательное, но мастерски созданный характеръ, и въ тоже время самая неблагодарная роль въ піесѣ, низкій ползунъ и прислужникъ, подобные люди часто встрѣчаются въ свѣтѣ, число Молчалиныхъ чрезвычайно нынѣ размножилось. Неперевелись у насъ также и Загорѣцкіе, личность которую Платонъ Михайловичъ рекомендуетъ Чацкому:

Извѣстный плутъ
Антонъ Антонычь Загорѣцкій,
При немъ остерегись, переноситъ гораздъ;
И въ карты несадись, продастъ.

А. Хлестова дополняетъ къ его рекомендаціи: за подарки, которые Загорѣцкій ей сдѣлалъ:

Лгунишка онъ, картежникъ, воръ!

Пріѣзжалъ въ Москву послѣ кампаніи и подобный полковникъ какъ Скалозубъ, повѣствовавшій басомъ о своихъ подвигахъ и формахъ въ гостиныхъ, который слылъ всеобщимъ женихомъ,

выдѣлывалъ злодѣйскія фигуры въ мазуркѣ и предусмотрительныя матушки носили его на рукахъ.

Репетиловъ одинъ изъ пустѣйшихъ людей, посѣтитель ревностный англинскаго клуба, сочленъ разгульной бесѣды и литературныхъ преній, которыя дѣйствительно происходили тогда въ кругу его пріятелей, человѣкъ безпечный, тяготящійся своимъ положеніемъ.

Что касается до Чацкаго, энергичнаго, возвышеннаго чувствами но желчнаго человѣка, по всѣмъ догадкамъ и выводамъ, это долженъ быть самъ авторъ комедіи: при первомъ свиданіи съ Софьей, Чацкій распрашиваетъ ее съ насмѣшливымъ участіемъ, о всѣхъ своихъ московскихъ знакомыхъ:

А наше солнышко? нашъ кладъ?
На лбу написано театръ и маскарадъ,

Въ Москвѣ, на Никитской, на углу Леонтьевскаго переулка, находился барскій домъ П. А. П., гдѣ былъ постоянный театръ и залъ съ боскетомъ (*), въ 1814 году, продолжалъ еще хозяинъ П. жить затѣйливымъ образомъ, на театрѣ играла у него собственная трупа актеровъ и преимущественно давались оперы. Въ одно прекрасное утро, узнаетъ онъ что гдѣ то, за Москвой рѣкой, въ гостинницѣ появился кучеръ, который съ помощію свистка производитъ соловьиныя трели. П. посылаетъ немедленно гонцовъ за этимъ художникомъ, обѣщаетъ большія деньги, словомъ, что недать, лишь бы достать диковиннаго свистуна, и такимъ образомъ былъ посаженъ въ боскетъ, пѣвецъ зимой погоды лѣтней, котораго трели на праздникахъ П—ва слушала вся Москва.

Въ превосходномъ монологѣ Чацкаго,

(*) Домъ этотъ впослѣдствіи купилъ князь Ник. Бор. Юсуповъ и театръ въ немъ оставался долго.

Гдѣ укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
. : . . . .
Не тотъ ли вонъ еще, который для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ, отторженныхъ дѣтей
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ!
Но кредиторовъ онъ несогласилъ къ отсрочкѣ
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ.

Какая неотрицаемая истина? Въ первыхъ двадцатыхъ годахъ, жилъ въ Москвѣ Рязанской помѣщикъ Р.-й—страстный любитель хореграфическаго искуства, который подъ старость, ѣздилъ нарочно въ Парижъ, чтобъ выучиться танцовать по правиламъ, у лучшихъ тамошнихъ балетмейстеровъ, дабы быть въ возможности давать уроки танцованья своимъ дворовымъ дѣвицамъ въ заведенной имъ школѣ: независимо отъ этого, нанятъ былъ и танцмейстеръ, который помогалъ ему въ балетныхъ лекціяхъ; помѣщикъ-хореграфъ раззорился впослѣдствіи отъ затѣй, вошелъ въ неоплатные долги и долженъ былъ распустить своихъ Терпсихоръ; — самыя талантливыя изъ нихъ въ 1825 году поступили на сцену московскаго театра, это были солистки: Ситникова, Харламова, Карасева и двѣ Михайловы, онѣ доучивались у извѣстной танцовщицы того времени Гюлленъ, Харламова особенно удивляла своею силою, имѣла необыкновенный aplomb.

Въ повѣствовательной сценѣ своей Репетиловъ говоритъ о дюжинѣ горячихъ головъ, которыя кричатъ какъ сотни голосовъ:

Шумимъ, братецъ, шумимъ!
. . . .
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту.
Не надо называть, узнаешъ по портрету:

Ночной разбойникъ, дуэли,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ!
Да умный человѣкъ, не можетъ быть не плутомъ.
Когда о честности высокой говоритъ
Какимъ то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, — лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!

Очень вѣрное изображеніе, отъ природы умнаго, но предавшагося порочнымъ заблужденіямъ человѣка, который испыталъ сильные перевороты въ жизни; въ обществахъ онъ читалъ высокую мораль какъ поучительная книга, говорилъ очень складно и краснорѣчиво, и имѣлъ даръ ловко объигрывать въ карты своихъ пріятелей; дико-бронзовое его лицо, съ большими выразительными глазами, волосы на головѣ какъ смоль черные съ просѣдью, высказывали его характеръ неслишкомъ покойный; молва ходила о немъ въ Москвѣ, что во время его путешествія вокругъ свѣта, по случаю произшедшей между имъ и капитаномъ корабля жестокой ссоры, онъ былъ высаженъ на какомъ то дикомъ островѣ и вывезъ знаки своего тамъ пребыванія, все его тѣло было изукрашено узорами, почему и прозванъ онъ былъ американцемъ. Какъ подумаешъ, то и правъ Грибоѣдовъ:

Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!

Всѣ эти выводы свидѣтельствуютъ, что Грибоѣдовъ писалъ свое Горе отъ ума не спроста, а съ натуры. Много разсыпано въ этой піесѣ, другихъ характерическихъ чертъ и красотъ, которыя совсѣмъ желаніемъ ихъ объяснить, неуловимы, и намъ остается повторить здѣсь экспромтъ, обращенный къ творцу безсмертной комедіи, сказанный Б. М. Федоровымъ на обѣдѣ у П. В. Свиньина.

Ты свѣтскую списалъ природу,
А шутки рѣзвую свободу

Внушила Талія сама:
Фонъ-Визинъ ожилъ? всѣ здѣсь въ спорѣ,
Всѣ хвалятъ Горе отъ Ума,
Такъ видно — отъ Ума не горе!

Теперь, мы будемъ говорить о исполненіи этой комедіи столичными артистами. Въ первый разъ она была представлена вполнѣ въ Петербургѣ, на большомъ театрѣ, въ бенефисъ г. Брянскаго (въ 1831 году 26 января). Нѣсколько разъ видѣли мы нашего незабвеннаго В. А. Каратыгина въ ролѣ Чацкаго, и должны сознательно сказать, при всемъ нашемъ уваженіи къ его таланту, что дивный нашъ трагикъ неудовлетворялъ нашимъ требованіямъ, его голосъ, дикція и представительность были слишкомъ рѣзки для Чацкаго и колосальный его ростъ, не подходилъ на сценѣ, подъ вседневное одѣяніе, т. е. фракъ или сюртукъ.

Фамусова игралъ замѣчательный актеръ Рязанцевъ, но въ этой роли онъ уступалъ московскому артисту Щепкину, который изображаетъ Фамусова московскаго барина, со всею его важностію, превосходно, онъ какъ извѣстно пользовался объясненіемъ самаго автора, какъ бы предъугадывавшаго, что рано или поздно Горе отъ ума будетъ играно на театрѣ.

Кстати здѣсь вспомнить и о собственно московскомъ Чацкомъ-Мочаловѣ, актерѣ который игралъ эту роль по импровизаціи, иногда весьма отчетливо; игрою его въ этой роли, восхищался когда то многотребовательный кн. Шаховской, который предъ представленіемъ Горе отъ ума давалъ наставленія Мочалову: *Дусенька, Павелъ Степановичь, позалоста говали плосто, безъ афектаціи, не возвысай голоса, помни сто ты нетлягедію иглаесъ, ляди Бога непелехитли, какъ мозно будь плостње, безъ клика, помни сто вcѣ люди смильные, съ которыми ты говолисъ*! «Роль Чацкаго нерѣдко удавалась Мочалеву.

Г. Максимовъ артистъ любимый публикой съ большимъ раченіемъ исполняетъ роль Чацкаго и оттѣняются у него мѣста очень удачныя, но г. Самаринъ въ Москвѣ, едвали нелучшій Чацкій настоящаго времени, въ его игрѣ много благородства и правды, безъ увлеченія.

Роль Чацкаго есть чрезвычайно трудная выходка въ піесѣ. Актеръ ея исполняющій долженъ непремѣнно соблюдать середину и не вдаваться въ преувеличеніе (excé) и помнить, что какъ бы тревожно и возмутительно ни было положеніе Чацкаго, но взволнованный человѣкъ въ частномъ обществѣ не есть трагическій герой.

Одинъ провинціальный актеръ давалъ великую свободу своему могучему голосу въ роли Чацкаго, заставлялъ даже содрогаться зрителей въ нѣкоторыхъ монологахъ. Это ему замѣтили. Что же случилось? играя потомъ Гамлета онъ понизилъ тонъ и слишкомъ перехитрилъ свою роль; это дало поводъ, вотъ къ какому отзыву:

Къ созданію ролей постигнутъ имъ секретъ,
Онъ въ роли Чацкаго—принцъ Датскій,
Со всей эфектностью, неистовый Гамлетъ.
Въ Гамлетѣ же всегда, безъ укоризны—Чацкій!

Софья Павловна, есть въ піесѣ личность весьма замѣчательная, и нелегко исполнимая, это молодая свѣтская избалованная дѣвица, съ романическими идеями, оставленная можно сказать на произволъ судьбы и исполняющая свою волю. Вначалѣ, на Петербургскомъ театрѣ играла эту роль г-жа Семенова и довольно неудачно, играла потомъ г-жа Кальбрехтъ и впослѣдствіи уже долго оставалась эта роль за г—жей Самойловой (В. В), которая въ роли Софьи Павловны была всегда отчетливо хороша, но по временамъ въ самой естественности своей изъискана, послѣ нее наслѣдовала этой ролью г—жа Владимірова, молодая актриса по призванію, красивой наружности; приличіе

высшаго общества, ловкость и благородный тонъ главныя ея свойства, онѣ ставятъ г-жу Владимірову на ряду замѣчательныхъ актрисъ и видимо она дѣлается достойною преемницею г-жи Самойловой въ роли дочери Фамусова.

Въ прежнее время мужа Горичева игралъ г. Брянскій, его жену А. М. Каратыгина—ученица знаменитой Марсъ, оба они были превосходны въ этихъ небольшихъ, но характерныхъ роляхъ, г-жа Каратыгина была настоящая свѣтская дама, нынѣ Наталью Дмитріевну исполняетъ очень хорошо г-жа Орлова, актриса опытная и умная, а Платона Михайловича, ея мужа, г. Яблочкинъ, актеръ весьма старательный, умѣющій обсудить всякую роль.

Репетилова издавна играетъ И. И. Сосницкій, онъ можно сказать создалъ этотъ характеръ пустомѣли, по знаменитому образцу, о коемъ было говорено выше. Г. Сосницкій былъ близко знакомъ съ своимъ оригиналомъ Репетиловымъ, и потому принялъ настоящую его складку, этотъ даровитый актеръ потому рѣзко отдѣляется отъ другихъ, что онъ совершенствовалъ свой талантъ въ обществѣ, былъ принятъ въ лучшихъ гостиныхъ, игралъ превосходно молодыхъ свѣтскихъ людей и танцовалъ прекрасно.

Роль Загорѣцкаго остается издавна за г. Каратыгинымъ П. А. по нашему понятію, въ этой небольшой роли онъ весьма замѣчателенъ.

Лучшій Молчалинъ у насъ до сихъ поръ былъ г. Дюръ, но и теперь очень недурно играетъ эту роль г. Шемаевъ въ Петербургѣ и г. Ленскій на Московской сценѣ.

Скалозуба роль очень мала, но изъ второстепенныхъ она довольно рельефна, игралъ ее съ большимъ правдоподобіемъ г. Григорьевъ, пока непопалъ въ Фамусовы, и особенно типиченъ былъ въ роли Скалозуба, бывшій актеръ Московскаго театра г. Орловъ.

Старуху Хлестову играетъ хорошо г-жа Громова и каррикатурную роль Тугоуховскаго г. Алексѣевъ, въ этой роли безъ рѣчей, чрезвычайно эфектенъ на Московскомъ театрѣ актеръ П. Степановъ, онъ гримируется мастерски.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о ролѣ Лизы, горничной Софьи Павловны; это непростая служанка, но скорѣй умная и хитрая Мольеровская субретка, наперстница своей барышни, принимающая участіе во всѣхъ ея любовныхъ продѣлкахъ. Первое время играла Лизу г-жа Азаревичева и г-жа Монготье, потомъ г-жа Гринева; всѣ онѣ удовлетворительно исполняли свое призваніе, нынѣ же перешла роль Лизы къ двумъ актрисамъ г-мъ Михайловой и Стрѣльской; послѣдняя изъ нихъ, очень бойкая, умная и съ замѣчательнымъ талантомъ актриса, ея талантъ видимо совершенствуется. Сколько ловкости, веселости и живости выражается въ игрѣ, даже въ самой мимикѣ г-жи Стрѣльской (*) по всему замѣтно, что положеніе ея на сценѣ незаученое, и что она сама его обдумываетъ; напримѣръ какъ мастерски ведетъ она сцену въ первомъ актѣ съ барышней, какъ наивно и между тѣмъ какъ лукаво Лиза (г-жа. Стрѣльская) говоритъ Софьѣ Павловнѣ:

Вотъ то тосъ, моего Вы глупаго сужденья
Нежалуете никогда:
Анъ вотъ бѣда!

На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
Ни во вѣки вѣковъ.

Какъ всѣ Московскіе, вашъ батюшка таковъ!
Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами, да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами;

(*) По нашимъ наблюденіямъ, г-жа Стрѣльская съ успѣхомъ могла бы играть роли переодѣванiй.

Ну, разумѣется къ томубъ
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы,
Такъ, на примѣръ, Полковникъ Скалозубъ:
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ Генералы.

Очень мила г-жа Стрѣльская также въ заключительной сценѣ 2 акта, послѣ свиданія съ Молчалинымъ, плутовски подумавъ, она говоритъ:

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ!
А я... одна лишь я, любви до смерти трушу...
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу!

Мы можемъ поздравить нашу комедію съ прекрасной служанкой; юная актриса воскресила намъ ловкихъ Лизеттъ и Финеттъ Мольерова времени:

Ея игра и рѣчь имѣютъ интересъ,
И взоры быстрыхъ глазъ, какъ стрѣлы Стрѣльской мѣтки,
Конечнобъ самъ Мольеръ, для всѣхъ своихъ піэсъ,
Не могъ бы пожелать прелѣстнѣе субретки!

Смотря съѣздъ къ балу дамъ и княженъ въ Горе отъ ума, приходитъ намъ всякой разъ на мысль: неужели наша сцена неможетъ дойти до той постановки, чтобъ выходящіе гости находились въ положеніи естественномъ, нестановились бы фронтомъ, или непрятались одинъ за другаго. Почему бы кажется непозволить имъ себѣ свободу, не принять въ залѣ положеніе болѣе натуральное, могли бы сидѣть нѣкоторые, разговаривать кавалеры съ дамами отдѣльно, и выходить на авансцену въ предъ рѣчьѣ (предъ репликомъ), когда потребуется ихъ участіе въ настоящемъ сценическомъ разговорѣ. Дождемся ли мы когда нибудь отчетливой постановки, что французы называютъ Mise en scéne.?

